

COMPARATIVE POLITICS RUSSIA

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

2021 Т. 12 № 3

НОВАЯ МИРОВАЯ АРХИТЕКТОНИКА
И ЗНАЧЕНИЕ КИТАЙСКОГО ОПЫТА
THE NEW WORLD ARCHITECTONICS
AND THE SIGNIFICANCE OF CHINESE EXPERIENCE

COMPARATIVEPOLITICS.ORG

ВЫСШАЯ
АТТЕСТАЦИОННАЯ КОМИССИЯ (ВАК)
при Министерстве образования и науки

В соответствии с решением **Высшей аттестационной комиссии** Министерства образования и науки Российской Федерации журнал включен в перечень **ведущих рецензируемых научных журналов** и изданий, в которых должны быть опубликованы научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по отраслям 23.00.00 – Политология и 07.00.00 – Исторические науки и археология.

**Журнал включен в следующие
международные библиографические базы данных:**

WEB OF SCIENCE™ CORE COLLECTION
– **EMERGING SOURCES
CITATION INDEX**

РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС
НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ
Science Index

**ULRICH'S
PERIODICALS DIRECTORY™**

BASE

Интелпрос
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ РОССИЯ

OCLC
WorldCat®

Crossref

DOAJ DIRECTORY OF
OPEN ACCESS
JOURNALS

CYBERLENINKA

Google™
Scholar

J-Gate
INDEXED

OPEN ARCHIVES

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА COMPARATIVE POLITICS RUSSIA

2021 ● Т.12 № 3

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-28335 от 8 декабря 2009 г.
и Эл №ФС77-63932 от 09.12.15 (онлайн)

Издано при поддержке
фонда развития МГИМО

Международный редакционный совет

Главный редактор

А.Д. Воскресенский,
д.полит.н., д.философии
(Манчестерский у-тет), профессор

Заместитель главного редактора

Е.В. Колдунова, к.полит.н., доц.

Ответственный секретарь

Д.А. Кузнецов, к.полит.н.

Редакционная коллегия выпуска

Е.В. Колдунова

А.В. Ломанов

В.Г. Ледяев

А.П. Бореев

Д.А. Кузнецов

Ответственный секретарь онлайн версии

И.Ю. Окунев, к.полит.н., доц.

Т.А. Алексеева, д.ф.н., проф., МГИМО МИД РФ,
Москва, Россия

В.Я. Белокреницкий, д.и.н., проф., Институт
востоковедения РАН, Москва, Россия

А.Д. Богатуров, д.полит.н., проф., Москва, Россия
Элизабет Вилинг, проф., Гос. у-тет Монклер; с.н.с.,
Колумбийский у-тет, США

Айше Дитрих, проф., Ближневосточный технический
у-тет, Анкара, Турция

Александр Жебит, проф., Федеральный у-тет Рио-де-
Жанейро, Бразилия

В.И. Журавлева, д.и.н., проф., РГТУ, Москва, Россия

Клаус Зеберс, проф., Свободный у-тет Берлина, Германия

Чарльз Зиглер, проф., У-тет Луисвилла, Луисвилл, США

О.В. Зиневич, д.ф.н., проф., НГТУ, Новосибирск, Россия

Акиhiro Ивасита, проф., У-тет Хоккайдо, Саппоро,
Япония

М.В. Ильин, д.полит.н., проф., НИУ ВШЭ, Москва, Россия

Гэй Кристофферсен, проф., У-тет Джона Хопкинса,
Нинкинский Центр, США-Китай

Айгуль Кульназарова, Ph.D., проф. международных

отношений и международного права, У-тет Тама, Япония

В.Л. Ларин, д.и.н., проф., акад. РАН, ДВО РАН,

Владивосток, Россия

В.Г. Ледяев, д.ф.н., д. философии (Манчестерский у-тет),
проф., НИУ ВШЭ, Москва, Россия

М.М. Лебедева, д.полит.н., проф., МГИМО МИД РФ,
Москва, Россия

Чинтамани Махатапра, проф., ректор, У-тет им. Джавахар-
лала Неру, Индия

В.П. Макаренко, д.полит.н., д.ф.н., проф. ЮФУ, Ростов-на-
Дону, Россия

В.В. Михеев, д.э.н., проф., акад. РАН, ИМЭМО РАН,
Москва, Россия

Е.И. Пивовар, д.и.н., проф., член-корр. РАН, РГТУ, Москва,
Россия

Е.В. Попов, LL.M.(У-тет Эссекса), к.ю.н., доц., МГИМО
МИД РФ, Москва, Россия

Ли Син, проф., Пекинский педагогический у-тет, Пекин,
Китай (КНР)

В.Д. Соловей, д.и.н., писатель, Москва, Россия

Л.В. Сморгунев, д.полит.н., проф., СПбГУ, Санкт-
Петербург, Россия

М.В. Стрежнева, д.полит.н., д. философии
(Манчестерский у-тет), проф., ИМЭМО РАН, Москва,
Россия

Д.В. Стрельцов, д.и.н., проф., МГИМО МИД РФ, Москва,
Россия

И.Н. Тимофеев, к.полит.н., доц., РСМД, Москва, Россия

Анн де Тинги, проф., Сьянс По, Париж, Франция

Алишер Файзуллаев, проф., У-тет мировой экономики и
дипломатии Узбекистана, Ташкент, Узбекистан

Ши Чиюй, заслуж. проф. политических наук Тайваньского
Национального у-тета и у-тета Сунь Ятсена,
заслуженный национальный проф.

Чжао Хуацзэн, проф., Фуданьский у-тет, Шанхай, Китай (КНР)

Т.А. Шаплеина, д.полит.н., проф., МГИМО МИД РФ,
Москва, Россия

Л.И. Шерстова, д.и.н., проф., ТГУ, Томск, Россия

Дэвин Уилсон, заслуж. проф., Уитон Колледж;

ассоциированный исследователь,

Гарвардский у-тет, США

У Юйшань, проф., Академия Синика, Тайбэй,
Китай, Тайвань

Макет и оформление *А.В. Талааевского*

Журнал основан в 2009 г.
С начала издания – №41

Центр подписки:

+7(495) 617-18-88 (многоканальный)
Адрес редакции:
115035, Москва, Космодамианская наб.,
д. 26/55, стр. 7
Тел.: +7(495) 953-91-08
E-mail: avtor@lawinfo.ru;
http: www.lawinfo.ru

Печать офсетная

Усл. печ. л. 25,0
Общий тираж 3000 экз.
Цена свободная
Подписано в печать 20.08.2021
Выход из печати: 25.08.2021
ISSN – 2221-3279
ISSN (online) – 2412-4990

Точка зрения авторов может не
совпадать с точкой зрения редакции

© Воскресенский А.Д., эмблема, 2021
© Воскресенский А.Д., 2021
© Сравнительная политика, 2021
© Издательская группа «Юрист», 2021

COMPARATIVE POLITICS RUSSIA СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

2021 ● Vol. 12 № 3

Mass Media Registration Certificates: PI №FS77-28335 of Dec.8, 2009 &
EL №FS77-63932 of Dec.9, 2015(online)

Published with support
of MGIMO Endowment Foundation

International Editorial Board

Editor-in-Chief / Founder

Alexei D. Voskressenski, Dr. of Political Science,
PhD (University of Manchester), PhD (Institute of Far Eastern
Studies), Professor

Deputy Editor-in-Chief

Ekaterina V. Koldunova, Cand. of Political
Science, Associate Professor

Executive Secretary Denis A. Kuznetsov, Cand. of Political
Science

Tatiana A. Alekseeva, Dr. of Philosophy, Professor, MGIMO
University, Moscow, Russia

Viacheslav Ya. Belokrenitsky, Dr. of History, Professor,

Institute for Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia

Alexei D. Bogaturov, Dr. of Political Science, Professor,
Moscow, Russia

Ayse Dietrich, Professor, Middle East Technical University,
Ankara, Turkey

Alisher Faizullaev, Professor, University of World Economics

and Diplomacy of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan

Gaye Christoffersen, Professor, Johns Hopkins University,
Nanjing Center, Nanjing, USA-China

Zhao Huasheng, Professor, Fudan University, Shanghai,
P.R. China

Mikhail V. Ilyin, Dr. of Political Science, Professor, Higher
School of Economics, Moscow, Russia

Akihiro Iwashita, Professor, University of Hokkaido, Sapporo,
Japan

Aigul Kulnazarova, Ph.D. Professor of International Rela-
tions and International Law School of Global Studies, Tama
University, Japan

Viktor L. Larin, Dr. of History, Professor, Academician, RAS

Marina M. Lebedeva, Dr. of Political Science, Professor,
MGIMO University, Moscow, Russia

Chintamani Mahapatra, Professor at School of International
Studies and Rector, Jawaharlal Nehru University, India

Victor P. Makarenko, Dr. of Political Science, Dr. of Philosophy,
Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Vasily V. Mikheev, Dr. of Economics, Academician, RAS, Institute
of World Economy and International Relations, Moscow, Russia

Efim I. Pivovarov, Dr. of History, Professor, Corresponding Member
RAS, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Evgeny V. Popov, Cand. of Law, LL.M (University of Essex),
Associate Professor, MGIMO University, Moscow, Russia

Editorial Board of the Issue

Ekaterina V. Koldunova

Aleksandr V. Lomanov

Valery G. Ledyayev

Arseny P. Boreev

Denis A. Kuznetsov

Executive Secretary (online version)

Igor Yu. Okunev, Cand. of Political
Science, Associate Professor

Klaus Segbers, Professor, Free University of Berlin, Germany

Tatiana A. Shakleina, Dr. of Political Science, Professor,
MGIMO University, Moscow, Russia

Chih-yu Shih, Professor (Political Science), National
Taiwan and National Sun Yat-sen University, National
Chair Professor Life-time

Valery D. Solovej, Dr. of History, Writer, Moscow, Russia

Lyudmila I. Sherstova, Dr. of History, Professor, Tomsk
State University, Tomsk, Russia

Leonid V. Smorgunov, Dr. of Political Science, Professor,

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Marina V. Strezhneva, Dr. of Political Science, PhD

(University of Manchester), Professor, Institute of World
Economy and International Relations, RAS, Moscow, Russia

Dmitry V. Strel'tsov, Dr. of History, Professor, MGIMO

University, Moscow, Russia

Ivan N. Timofeev, Cand. of Political Science, Associate
Professor, Russian International Affairs Council, Moscow,
Russia

Anne de Tinguy, Professor, Sciences Po, Paris, France

Jeanne L. Wilson, Emeritus Professor, Wheaton College;

Research Associate, Harvard University, USA

Elizabeth Wishnick, Professor, Montclair State University;
Senior Research Scholar, Columbia University, USA

Yu-Shan Wu, Professor, Institute of Political Science,
Academia Sinica, Taipei City, Taiwan, China

Li Xing, Professor, Beijing Normal University, Beijing, P.R. China

Alexander Zhebit, Professor, Federal University of Rio de

Janeiro, Rio de Janeiro, Brazil

Viktoria I. Zhuravleva, Dr. of History, Professor, Russian

State University for the Humanities, Moscow, Russia

Charles E. Ziegler, Professor, University of Louisville, USA

Olga V. Zinevich, Dr. of Philosophy, Professor, Novosibirsk
State Technical University, Novosibirsk, Russia

Typesetting – Alexey Talalaevsky

Established in 2009
No. 41 since 2010

Subscription Centre:
+7(495)617-18-88 (multichannel)
Editorial Office Address:
Bldg. 7, 26/55 Kosmodamianskaya
Emb., Moscow, 115035
Phone: +7(495)953-91-08
E-mail: avtor@lawinfo.ru
www.lawinfo.ru

Offset printing
Conventional printing sheet – 25,0
Circulation: 3000 copies
Free-market-price
Passed for printing 20 August 2021
Printed: 25 August 2021
ISSN – 2221-3279
ISSN (online) – 2412-4990

*Authors' point of view may not
coincide with that of the Editorial
staff*

© Voskressenski A.D., logo, 2021
© Voskressenski A.D., 2021
© Comparative Politics, 2021 ©
Publishing Group “Yurist”, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ПРЕДИСЛОВИЕ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА К НОМЕРУ

А.Д. Воскресенский. Новая мировая архитектоника, макрорегиональные трансформации потенциально глобального характера и значение китайского опыта

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ И ИНСТИТУТОВ

Б.И. Неведов. Понятие «мирового порядка»: теории и реальность

Ю.Г. Акимов. Международная деятельность субнациональных акторов и внешняя политика государства: варианты взаимодействия и интерпретации

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ГЕОПОЛИТИКА

М.В. Карпов. «Новая нормальность» как «искусство возможного»: чередование экономических стратегий при Си Цзиньпине

А.В. Лукин. Политическая система современного Китая и типология коммунистических режимов

В.Б. Кашин. Военно-промышленное и военно-экономическое измерения американо-китайского соперничества

С.Б. Макеева. Трансформация региональной политики России и Китая в условиях неравномерности развития регионов (1980-2020 гг.): сравнительно-историческое исследование

А.А. Каширкина, А.Н. Морозов, В.В. Севальнев. Евразийская политика России и Китая: правовые и политические аспекты в рамках двустороннего взаимодействия и многосторонних форматов

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ДИСКУССИИ

Feng Yujun. The “Post-Pandemic Era” World Order and Russia’s Strategic Choice

FOREWORD TO THE ISSUE BY THE EDITOR-IN-CHIEF

5 Alexei D. Voskressenski. The New World Architectonics, Macroregional Transformations of Potentially Global Character and the Significance of Chinese Experience

COMPARATIVE ANALYSIS OF CONCEPTS AND INSTITUTIONS

21 Boris I. Nefedov. The Concept of “World Order”: Theories and Reality

33 Yuri G. Akimov. International Activities of Subnational Actors and Foreign Policy of the Nation State: Models of Interaction and Interpretations

COMPARATIVE POLITICS AND GEOPOLITICS

42 Mikhail V. Karpov. “The New Normalcy” as the Art of the Possible: Alternating Economic Strategies under Xi Jinping

63 Alexander V. Lukin. The Political System of Modern China and the Typology of Communist Regimes

85 Vasily B. Kashin. Military-Industrial and Military-Economic Dimensions of Sino-US Rivalry

98 Svetlana B. Makeeva. Transformation of the Regional Policy of Russia and China under the Conditions of Unequal Development of Regions (1980-2020): a Comparative Historical Study

112 Anna A. Kashirкина, Andrey N. Morozov, Vyacheslav V. Sevalnev. Eurasian Policy of Russia and China: Legal and Political Aspects in the Framework of Bilateral Interaction and Multilateral Formats

DISCUSSION

123 Feng Yujun. The “Post-Pandemic Era” World Order and Russia’s Strategic Choice

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛОКАЛЬНОГО ОПЫТА

Е.И. Зеленов, М.А. Солощева. Военная стратегия и военное присутствие КНР в Африке: сравнительно-исторический ракурс

В.В. Кузнецова, О.А. Машкина. Трудоустройство выпускников вузов в современном Китае: ожидания и реальность

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ЗАМЕТКИ

А.М. Галимуллин. Эволюция внешнеполитической линии КНР в Совете безопасности ООН

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Круглый стол на Конвенте-2021 Ассоциации международных исследований с участием МГИМО

Международный круглый стол по проблемам исследования и преподавания международных отношений

Круглый стол «Китайский транзит: экономическое, военное и политическое измерения»

Круглый стол «События в Мьянме в контексте взаимоотношений крупных держав в регионе»

Конференция «Мегатренды в Азии»

Международная конференция «Китай и сопредельный мир: пост-ковидная эпоха и логика новой мироустроительной архитектоники»

НА КНИЖНОЙ ПОЛКЕ

Фундаментальные исследования Центра комплексного китайоведения и региональных проектов МГИМО Университета

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

COMPARATIVE ANALYSIS OF LOCAL CASES

142 Evgeny I. Zelenev, Maria A. Soloshcheva. Military Strategy and Military Presence of the PRC in Africa: a Comparative Historical Analysis

165 Valentina V. Kuznetsova, Olga A. Mashkina. Employment of University Graduates in Modern China: Expectations and Reality

RESEARCHERS' NOTES

186 Arthur M. Galimullin. The PRC's UNSC Policy Evolution

ACADEME

192 ISA-2021: Roundtable Discussion "Reconsidering "Westernness" in International Relations: Balancing Diversity"

192 International Roundtable on the Problems of Research and Teaching of International Relations

192 Roundtable "Chinese Transit: Economic, Military and Political Dimensions"

193 Round table "Events in Myanmar in the Context of Relations between Major Powers in the Region"

194 Conference "Megatrends in Asia"

195 International Conference "China and the Adjacent World: Post-COVID Era and the Logic of the New World Order Architectonics"

ON THE BOOKSHELF

196 Fundamental Research of the Center for Comprehensive Chinese Studies and Regional Projects of MGIMO University

198 GUIDE FOR AUTHORS

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10024

**НОВАЯ МИРОВАЯ АРХИТЕКТОНИКА,
МАКРОРЕГИОНАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ
ПОТЕНЦИАЛЬНО ГЛОБАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА
И ЗНАЧЕНИЕ КИТАЙСКОГО ОПЫТА**

Предисловие главного редактора к номеру

Алексей Дмитриевич Воскресенский

*Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России,
Москва, Россия*

Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 20 мая 2021 <i>Принята к печати:</i> 7 июня 2021	Аннотация: Мир становится полицентричным, но теоретические основы этого состояния остаются пока не прописанными. Поставлены задача создания «национально-ориентированной» теории международных отношений, вопрос о возможности «стягивания» макрорегионов «Большой Восточной Азии» и «Большой Евразии», превращения Китая как минимум в фактор влияния на макрорегиональном уровне. Специфика мирового тренда макрорегиональных трансформаций потенциально глобального характера в значительной степени связана с выходом Китая на глобальный уровень, возможностями, рисками и последствиями этого. Поскольку у Китая сохраняются внешние и внутренние вызовы, дальнейшее развитие будет определяться в зависимости от степени его вписанности в мировые процессы, в том числе с точки зрения желания, перспектив и последствий вовлечения государств в орбиту совместных политико-экономических интересов, гуманистической сущности этих процессов, а также реакции на это всего мира.
Об авторе: д.полит.н., PhD (Манчестерский университет), профессор, Директор Центра комплексного Китаеведения и региональных проектов МГИМО МИД России, профессор кафедры востоковедения, Факультет международных отношений, МГИМО МИД России e-mail: sravnitpolit@mail.ru	
Ключевые слова: мировая архитектура; региональные трансформации; Китай; теория международных отношений; наука о международных отношениях; комплексное регионоведение; мировое комплексное регионоведение	

Эволюция современных исследований мировой архитектоники¹

В последние десятилетия китаеведы и международники постулируют «подъем» Китая и Востока, «повороты на восток»². Поставлен вопрос о «новом востоковедении» как возможном инструменте этого поворота³ в связи и на основе подъема Китая в макрорегионе и мире⁴. Дискуссия приобрела между-

народный характер в том числе и не без активного участия российского политического и научно-аналитического сообщества⁵. Однако теоретические основы «плюралистической однополярности» (термин А.Д. Богатурова), переходящей в полицентричность, трактуемые сегодня многими как угасание США и Запада в целом, так и остаются пока не прописанными, а существующая теория международных отношений (ТМО) остается западочентричной хотя бы только по количеству исследовательских случаев (кейс-стади)⁶, на основе которых она выписана.

Делается попытка компенсировать эту содержательную «недоисследованность» мирополитической проблематики вариативным анализом мегатрендов мирового развития⁷, постулируется необходимость даль-

¹ Определение понятия мировой архитектоники дано в книге: Логика новой мироустроительной архитектоники и стратегии держав / Под редакцией проф. А.Д. Воскресенского [Науч. ред. Д.А. Кузнецов]. М.: Стратегические изыскания, 2021. С. 14-15. [Logika Novoi Miroustroitel'noi Arkhitektoniki I Strategii (The Logic of the New World Architectonics and the Strategies of States). Moscow: Strategic Research, 2021. Pp. 14-15.]

² Ориентализм vs ориенталистика. Отв. ред. В.О. Бобровников, С. Дж. Мири. М.: Сафра, 2016. [Orientalism versus Orientalistika (Orientalism versus Orientalistics). Ed. by V.O. Bobrovnikov, S. Dzh. Miri. Moscow: Sadra, 2016.]

³ Мировое комплексное регионоведение как исследовательский подход и научная школа. Интервью с Алексеем Дмитриевичем Воскресенским, профессором МГИМО МИД России // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2020. № 2. [Mirovoye kompleksnoye regionovedeniye kak issledovatel'skiy podkhod i nauchnaya shkola. Interv'yu s Alekseyem Dmitriyevichem Voskresenskim, professorom MGIMO MID Rossii (World Regional Studies as a Research Approach and a Scientific School. Interview with Alexei Dmitriyevich Voskresensky, Professor at MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia) / Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 2020, No. 2.]

⁴ См. первое совместное российско-китайско-американское исследование на русском языке: Китай в мировой политике. Отв. ред.-сост. А.Д. Воскресенский; вступ. ст. А.В. Торкунова; МГИМО (У) МИД России. М.: РОССПЭН, 2001. [Kitai v mirovoi politike (China in World Politics) / Ed. by A.V. Torkunov, A.Iu. Mel'vil', M.M. Narinskii; compiling editor A.D. Voskressenski. Moscow: ROSSPEN, 2001]. До этого первым и единственным совместным международным российско-китайско-американо-индийским исследованием по данной проблематике была книга: Russia-China-USA: Redefining the Triangle. Ed. by Alexei D. Voskressenski. New York: Nova Science Publishers, 1996. См. также: Voskressenski, Alexei D. The Rise of China and Russo-Chinese

Relations in the New Global Politics of Eastern Asia // *Eager Eyes fixed on Eurasia*. Vol. 1-2. Vol. 2.; Russia and its Eastern Edge. Ed. by Iwashita Akihiro. Sapporo: Hokkaido University, Slavic Research Center, 2007. Pp. 3-46.

⁵ Voskressenski, Alexei D.; Karpov, Mikhail; Kashin, Vasily. China's Infinite Transition and its Limits: Economic, Military, and Political Dimensions. Ed. by Alexei D. Voskressenski. Springer Global (Singapore): Palgrave Macmillan, 2020; Voskressenski, Alexei D. Non-Western Theories of International Relations. Springer Global: Palgrave-Macmillan, 2017. 270 p.; Is Non-Western Democracy Possible? A Russian Perspective. Ed. by Alexei D. Voskressenski. Singapore: World Scientific Publishers, 2017; Voskressenski, Alexei D. The Rise of China and Russo-Chinese Relations in the New Global Politics of Eastern Asia // *Eager Eyes fixed on Eurasia*. Vol. 1-2. Vol. 2.; Russia and its Eastern Edge. Ed. by Iwashita Akihiro. Sapporo: Hokkaido University, Slavic Research Center, 2007. Pp. 3-46; Voskressenski, Alexei D. The Rise of China and its Meaning for the Structure of Global Leadership in the 21st century. A Russian perspective / A.D. Voskressenski // *Readings in European Security*. Center for European Security Studies, Brussels – International Institute of Security Studies, London, 2005. Pp. 107-121.

⁶ Vüllers, Johannes. Geographical Patterns of Analysis in IR Research: Representative Cross-regional Comparison as a Way Forward // *GIGA Working Papers*, 2014, No. 256.

⁷ Шаклеина Т.А., Байков А.А. (ред). Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке. Учебник. Москва, Аспект Пресс, 2013. 448 с. [Shakleina, T.A.; Baikov, A.A.

нейшего превращения существующей ТМО в глобальную на основе западной теории и слияния с ней в равноположенном представительстве всех стран, не взирая на их международный вес, реальные достижения и значимость. Параллельно поставлен вопрос о необходимости включения как минимум анализа «незападных» элементов в теорию международных отношений (ТМО)⁸. Наблюдаются попытки интерпретационного анализа проблематики западных теорий развития⁹. Научно-обоснованной реакцией конструктивного типа и внятным практи-

ческим ответом на этот вызов теории мейн-стрима, упрёки и обвинения (в зависимости от радикализма авторов) «недоисследованности» или предвзятости «постколониальной» проблематики, остается пока достаточно узкий круг исследований комплексного плана¹⁰, который нуждается в расширении, а национальные версии – в выходе на международный уровень.

Появилась также научная литература о государстве-цивилизации¹¹, «китайской»¹² и «китаезированной» ТМО. Сделан следующий шаг – постулирована необходимость создания «национально-ориентированной» ТМО¹³. Важной частью новых мировых трендов становятся процессы в Азиатско-

(eds.) *Megatrendy: Osnovnye tracktorii evolyutsii mirovogo poriyadka v XXI veke. Uchebnik (Megatrends: Basic Trajectories of Evolution of the World Order in the XXI Century. Textbook)*. Moscow, Aspekt Press, 2013]; *Мегатренды мировой политики и их развитие в XXI веке: Учеб. пособие для студентов вузов / Под ред. М.М. Лебедевой. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2019. [Megatrendy mirovoy politiki i ikh razvitiye v XXI veke: Ucheb. posobiye dlya studentov vuzov (Megatrends of World Politics and Their Development in the XXI Century). Ed. by M.M. Lebedeva. Moscow: Izdatel'stvo «Aspekt Press», 2019.]*

⁸ Лощкарев И.Д. *Международно-политическая мысль: от истоков к современности / Под ред. Т.А. Алексеевой. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2021. [Loshkarev, I.D. Mezhdunarodno-politicheskaya mysl': ot istokov k sovremennosti (International Political Thought: from Origins to Modernity) / Ed. by T.A. Alekseyeva. Moscow: Izdatel'stvo «Aspekt Press», 2021.]; Voskressenski, Alexei D. Non-Western Theories of International Relations. Springer Global: Palgrave-Macmillan, 2017.*

⁹ Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. *Политическая теория деколонизации: императивы современного прочтения // Полис. Политические исследования. 2020. № 6. С. 26-40. [Fituni, L.L.; Abramova, I.O. Politicheskaya teoriya dekolonizatsii: imperativy sovremennogo prochteniya (Political Theory of Decolonization: Essentials of Modern Reading) // Polis. Political Studies, 2020, No. 6, pp. 26-40.]; Дегтерев Д.А. *Незападные теории развития в эпоху глобального капитализма // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Том 65. № 4. С. 114-123 [Degtarev, Denis A. Nezapadnyye teorii razvitiya v epokhu global'nogo kapitalizma (Non-Western Theories of Development in the Global Capitalism Era) // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya, 2021, Vol. 65, No. 4, pp. 114-123.]**

¹⁰ Buzan, Barry; Lawson, George. *The Global Transformation. History, Modernity and the Making of International Relations*. Cambridge; Cambridge University Press, 2016; Neack, Laura (ed.). *The New Foreign Policy. Complex Interactions, Competing Interests*. 3d edition. Lanham, Boulder, New York, Toronto, Plymouth, UK: Rowman & Littlefield / New Millennium Books in International Studies, 2014; *О национально ориентированной теории международных отношений. Под ред. Л.Э. Слуцкого, А.Ю. Шутова. М.: Издательство московского университета, 2021. [O natsional'no oriyentirovannoy teorii mezhdunarodnykh otnosheniy (On the Nationally Oriented Theory of International Relations). Ed. by L.E. Slutsky, A.Yu. Shutov. Moscow: Moscow University Press, 2021.]*

¹¹ Cooker, Christopher. *The Rise of the Civilizational State*. Cambridge, UK and Medford, MA: Polity, 2019.

¹² Грачиков Е.Н. *Китайская школа международных отношений: на пути к большим теориям. М.: Аспект Пресс, 2021. [Grachikov, Ye.N. Kitayskaya shkola mezhdunarodnykh otnosheniy: na puti k bol'shim teoriyam (The Chinese School of International Relations: Towards Big Theories). Moscow: Aspekt Press, 2021.]; Voskressenski, Alexei D. Non-Western Theories of International Relations. Springer Global: Palgrave-Macmillan, 2017.*

¹³ *О национально ориентированной теории международных отношений. Под ред. Л.Э. Слуцкого, А.Ю. Шутова. М.: Издательство московского университета, 2021. [O natsional'no oriyentirovannoy teorii mezhdunarodnykh otnosheniy (On the Nationally Oriented Theory of International Relations). Ed. by L.E. Slutsky, A.Yu. Shutov. Moscow: Moscow University Press, 2021.]*

Тихоокеанском регионе (АТР)¹⁴ и той его части, которая стала «стягиваться» в макрорегиональное образование, получившее название «Большая Восточная Азия»¹⁵. Поставлен вопрос о «Большой Евразии»¹⁶ «от Лиссабона до Владивостока» и далее в условиях трансформации Китая¹⁷ превращения его как минимум в фактор влияния на макрорегиональном уровне, имеющим уже несомненные мировые и даже глобальные последствия. Можно, по-видимому, согласиться с промежуточным выводом, что «Пекин в большей степени стоит перед выбором между сохранением приверженности существующим институтам и искушением использовать возросшие материальные возможности для попыток трансформировать систему мирорегулирования в своих интересах»¹⁸. Несмотря на повышение

градуса международной напряженности в последние годы, можно вполне обоснованно предположить, что все же не «холодная» война, или ее «прохладный» вариант¹⁹, а конкурентное сосуществование (*competitive coexistence*) должно стать в перспективе основной структурной характеристикой современной системы международных отношений в многомерном полипартиципатном мире²⁰. Роль Китая в этом процессе трудно переоценить. Специфика мирового тренда макрорегиональных трансформаций с возможными последствиями глобального характера в период следующих 10-15 лет будет связана в значительной степени с выходом Китая на глобальный уровень в зависимости от степени его вписанности в мировые процессы, в том числе с точки зрения прогнозирования желания, перспектив и последствий вовлечения государств в орбиту совместных политико-экономических интересов и реакции мира на это. Соответственно, возможно рассматривать эти процессы как «китайский мегатренд».

В этой связи важным становится вопрос мирорегулирования, как и на каких основаниях Китай вписывается в мировую систему, какие принципы он может предложить

¹⁴ Восточная Азия: между регионализмом и глобализмом / Отв. ред. Г.И. Чуфрин. М.: Наука, 2004. [Vostochnaya Aziya: mezhdunarodnyy regionalizm i globalizm (East Asia: between Regionalism and Globalism) / Ed. by G.I. Chufirin. Moscow: Nauka, 2004.]

¹⁵ «Большая Восточная Азия»: мировая политика и региональные трансформации. Под ред. А.Д. Воскресенского; МГИМО (У) МИД России. М.: МГИМО-Университет, 2010. [“Bol'shaya Vostochnaya Aziya”: mirovaya politika i regional'nye transformatsii (“The Greater East Asia”: World Politics and Regional Transformations). Ed. by A.D. Voskressenski. Moscow: MGIMO University, 2010.]

¹⁶ Дмитрий Тренин: Контурная карта российской геополитики: возможная стратегия Москвы в Большой Евразии (Dmitry Trenin. The Outline Map of Russian Geopolitics: Moscow's Possible Strategy in Greater Eurasia). Режим доступа: <http://svop.ru/main/28637/>

¹⁷ Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы / под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Стратегические изыскания, 2019. 736 с. [Model' razvitiya sovremennogo Kitaya: otsenki, diskussii, prognozy (The Development Model of Modern China: Estimates, Discussions, Forecasts). Ed. by A.D. Voskressenski. Moscow: Strategicheskiye izyskaniya, 2019. 736 p.]; Voskressenski, Alexei D.; Karpov, Mikhail; Kashin, Vasily. China's Infinite Transition and its Limits. Economic, Military and Political Dimensions. Ed. by Alexei D. Voskressenski. Springer Global (Singapore): Palgrave MacMillan, 2019.

¹⁸ Истомин И. Институциональный ревизионизм в международной политике: продукт подъема, дитя упадка или что-то иное? До-

клад Международного дискуссионного клуба «Валдай» (Istomin, I. Institutional Revisionism in International Politics: a Product of Upsurge, a Child of Decline, or Something Else?). Режим доступа: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/revizionizm-konservativizm-rossia/>

¹⁹ Худoley К. Россия и Запад: вторая «холодная» или первая «прохладная»? // Россия в глобальной политике, 2020, № 6. [Khudoley, K. Rossiya i Zapad: vtoraya «kholodnaya» ili pervaya «prokhladnaya»? (Russia and the West: the Second «Cold» or the First «Cool»?) // Rossiya v global'noy politike, 2020, No. 6.]

²⁰ Blackwill, Robert D.; Harris, Jennifer M. War by Other Means. Geoeconomics and Statecraft. Cambridge, MA & London: Belnap Press of Harvard University Press, 2016; Логика новой мироустроительной архитектуры и стратегии держав / Под редакцией проф. А.Д. Воскресенского [Науч. ред. Д.А. Кузнецов]. М.: Стратегические изыскания, 2021. [Logika Novoi Miroustroitel'noi Arkhitektoniki i Strategii (The Logic of the New World Architectonics and the Strategies of States). Moscow: Strategic Research, 2021.]

мировому сообществу, и как это повлияет на мировую архитектуру? Китайский лидер Си Цзиньпин говорит о «необходимости всех политических партий работать вместе, создавая международную сеть сотрудничества и обмена в различных формах и на множественных уровнях»²¹. Политическое и научно-аналитическое сообщества США предлагают объяснения, основанные на исторических аналогиях – авторитарный Китай при поддержке России, недовольный существующим либеральным международным порядком, бросает вызов международному статус-кво, на которое опирается лидерство США. Правомерна ли такая постановка вопроса, ведь она оспаривается в том числе и в самих США?²²

В международном аналитическом сообществе существуют также и другие объяснения, связанные с анализом трансформаций в системе международных отношений, которые способны скорректировать анализ²³. В 2007 г. практически одновременно были опубликованы два важнейших фундаментальных исследования, посвященные анализу энергетических измерений международных отношений и безопасности в Восточной

Азии. Они фактически открыли это направление исследований, определившее на достаточно длительную перспективу стратегическое измерение энергетической конкуренции как важной практической части международной проблематики. Оба исследования концентрировались на Азиатско-Тихоокеанском регионе, рассматриваемом в то время в качестве основного полигона для обеспечения дальнейшего роста мировой экономики. В одном исследовании концептуализировалось международное восприятие происходящих процессов: обосновывалось понятие «энергетического национализма», необходимость диверсификации энергетических ресурсов, актуализировалась опасность случайных и структурных рисков как неотъемлемой составной части увеличения значения энергетической проблематики для потенциально важного энергетического рынка АТР²⁴. В другом определялась необходимость анализа энергетических измерений международных отношений и безопасности в Восточной Азии как составной части нового направления анализа мировых процессов²⁵. Это фундаментальное исследование показывало важность энергетических аспектов международной проблематики в целом. Оно поднимало целый ряд других важнейших проблем: раскрывало взаимосвязь энергетических составляющих международных отношений и проблематики формирования регионального комплекса «Большая Восточная Азия»²⁶, вскрывало роль

²¹ Галенович Ю.М. Коммунистическая партия Китая после своего XIX съезда. Китай и остальное человечество / Новая эпоха: Китай после XIX съезда КПК. М.: ИДВ РАН, 2018. С. 61. [Galenovich, Yu.M. Kommunisticheskaya partiya Kitaya posle svoyego XIX syezda. Kitay i ostal'noye chelovechestvo (The Chinese Communist Party after its 19th Congress. China and the Rest of Humanity) // Novaya epokha: Kitay posle XIX syezda KPK (New Era: China after the 19th CPC). Moscow: IDV RAN, 2018. P. 61.]

²² Goldstein, Lyle J. The Dark Side of America's 'Iron-Clad' Alliance with Japan. The Orange County Register. Published: April 24, 2021. Mode of access: <https://www.ocregister.com/2021/04/24/the-dark-side-of-americas-iron-clad-alliance-with-japan/>; American Committee for US -Russia Accord. ACURA Viewpoint: Parsing Putin's Red Lines: Guest Post by Lyle J. Goldstein. April 28, 2021. Mode of access: <https://usrussiaaccord.com/acura-viewpoint-parsing-putins-red-lines-guest-post-by-lyle-j-goldstein-of-the-naval-war-college/>

²³ Buzan, Barry; Lawson, George. The Global Transformation. History, Modernity and the Making of International Relations. Cambridge; Cambridge University Press, 2016.

²⁴ Energy Security in Asia. Ed. by Michael Wesley. London & New York: Routledge, 2007. 251 p.

²⁵ Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии / общ. ред., рук. и предисл. А.В. Торкунова; науч. ред.-сост. А.Д. Воскресенский; МГИМО (У) МИД России. М.: МГИМО-Университет, 2007. [Energeticheskie izmereniia mezhdunarodnykh otnoshenii i bezopasnosti v Vostochnoi Azii (Energy Dimension of International Relations and Security in East Asia) / General ed. by A.V. Torkunov; compiling academic editor A.D. Voskressenski. Moscow: MGIMO University, 2007.]

²⁶ См. также более раннее монографическое исследование: Воскресенский А.Д. «Большая Восточная Азия – мировая политика и энергетическая безопасность. М.: Ленанд, 2006, которое стало концептуальной основой проекта «Энергетические измерения международ-

регионально-географического фактора в глобализации на примере макрорегиона, особое значение которого отдельно обосновывалось. Также дополнительно осмысливался дальнейший подъем Китая и его последствия. Было сформулировано важное для России понятие «энергетической дипломатии» и сделан главный вывод – о вычленении в региональной проблематике Северо-Восточной и Восточной Азии глобальных аспектов. Отмечалась практическая составляющая этой политики – необходимость расширения концептуального видения нового миропорядка, российскому энергетическому сектору рекомендовалось диверсифицировать рынки и ориентироваться на китайский и азиатские энергетические рынки в дополнение к европейскому. На этой основе постулировалось возвращение России в «большую политику» как ядерно-углеродной державы, а сама Россия рассматривалась как способная на равных с США, ЕС и Китаем конструктивно участвовать в повестке решения важнейших вопросов современности²⁷.

Роль технологических инноваций в международных отношениях

После концептуализации глобальной, международной и региональной проблематики на этом этапе развития прошло более 10 лет. Очевидно, что положения тогдашнего

ных отношений и безопасности в Восточной Азии».

²⁷ Воскресенский А.Д. «Большая Восточная Азия»: энергетические аспекты международных отношений и безопасности / Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии / общ. ред., рук. и предисл. А.В. Торкунова; науч. ред.-сост. А.Д. Воскресенский; МГИМО (У) МИД России. М.: МГИМО-Университет, 2007. С. 25-45. [Voskressenski, A.D. «Bol'shaya Vostochnaya Aziya»: energeticheskiye aspekty mezhhdunarodnykh otnosheniy i bezopasnosti / Energeticheskiye izmereniya mezhhdunarodnykh otnosheniy i bezopasnosti v Vostochnoy Azii («Greater East Asia»: Energy Aspects of International Relations and Security / Energy Dimensions of International Relations and Security in East Asia). Ed. by A.V. Torkunov; A.D. Voskressenski; MGIMO (U) MID Rossii. Moscow. MGIMO-Universitet, 2007. Pp. 25-45.]

консенсуса международных политических элит и соответствующих им внешнеполитических установок стали меняться. Мир снова стоит на пороге изменений, связанных с технологическими инновациями и дальнейшими трансформациями глобального и регионального характера. Фактически речь идет о процессах, связанных теперь не с «великим расхождением», приведшим к разным траекториям развития Запада (Европы и США), Китая и России²⁸, а с противоположным процессом «схождения» в условиях поливариантности при одновременном сужении выбора успешности развития в условиях новых мегатрендов: усложнения процессов на уровнях стадий производства и занятости, усиливающейся конкуренцией между процессами денационализации сравнительных преимуществ и политико-экономическим национализмом, изменения роли дистанцирования в процессах разного уровня в связи с введением в действие новых технологий виртуальной реальности, уменьшением коммуникационных затрат и изменением вследствие этого характера процессов производства²⁹. Это «схождение» связано с подъемом Востока и Незапада в целом, освоением ими базовых и продвинутых технологий и систем управления, обеспечивающих относительно устойчивое поступательное развитие обществ разных типов³⁰, увеличени-

²⁸ Померанц К. Великое расхождение. Китай, Европа и создание современной мировой экономики. М.: Издательский дом ДЕЛО, 2017. [Pomerants, K. Velikoye raskhozhdeniye. Kitay, Yevropa i sozdaniye sovremennoy mirovoy ekonomiki (Great Discrepancy. China, Europe and the Creation of a Modern World Economy). Moscow: Izdatel'skiy dom DELO, 2017.]; Buzan, Barry; Lawson, George. The Global Transformation. History, Modernity and the Making of International Relations. Cambridge; Cambridge University Press, 2016.

²⁹ Baldwin, R. The Great Convergence. Information, Technology and The New Globalization. Cambridge: MA & London: The Belknap Press of Harvard University Press, 2016; Mahbubani, Kishori. The Great Convergence / Asia, The West and The Logic of One World. N.Y.: Public Affairs, 2013.

³⁰ Стоппер Майкл. Ключи от города. Как устроено развитие? М.: Стелка Пресс, 2018. [Storper, Maykl. Klyuchi ot goroda. Kak ustroyeno razvitiye? (Keys to the City. How Does Development Work?). Moscow: Strelka Press, 2018.]

ем роли Незапада в мировых процессах, необходимостью теоретического освоения в том числе и незападного видения международной реальности и вариантов демократического правления³¹. Формы, последствия и временной интервал нового этапа трансформаций находятся в стадии становления в то время, как существенные характеристики уже частично обозначены.

Добыча углеводородов из нефтеносных сланцев позволила США превратить эту технологическую инновацию в плацдарм развития новой энергетической отрасли, функционирующей на основе специфических особенностей³². Внедрение этой инновации имело далеко идущие последствия, выходящие за технологические и экономические рамки³³, поскольку привело в конечном счете к расхождению интересов крупных американских энергетических корпораций и государства. Результатом этого расхождения стали проигрыш Х. Клинтон и избрание президентом Д. Трампа, что повлекло за собой переформатирование основных параметров внутренней и внешней политики США³⁴. Соответственно, вопрос, который связан сегодня с трансформацией старого и формированием нового мирового порядка заключается в том, какую форму и структуру этот порядок будет приобретать в условиях экономического и технологического «схождения» с одной стороны, геоэкономической «отвязки» США от рынков производства углеводородов и трансформации Китая

с другой, и как эти процессы повлияют на эволюцию мирового порядка и системы мирорегулирования.

Необходимо также отметить, что начальный этап сланцевой технологической революции, долгосрочные и широкомасштабные последствия которой тогда не были полностью ясны, проходил на фоне очередного этапа расширения дискуссии о последствиях подъема Китая. Во время своего визита в Китай президент США Б. Обама предложил китайскому руководству политический вариант так называемой «Большой двойки», микширующий нарождающиеся разногласия между двумя державами и нацеленный на выработку новой модели совместного глобального управления. Американское предложение не было принято тогда Китаем из-за опасности возможного повторения сценария распада СССР, поскольку основной причиной этого считалась политика Запада и США.

События эти происходили в преддверии и на фоне разворачивающегося, а потом и углубляющегося мирового финансового кризиса, из которого китайское государство выходило относительно безболезненно путем массированного инвестирования в социальные и инфраструктурные проекты. Ослабление доллара и нарастающая экономическая мощь Китая привели в конце концов к пересмотру политики Дэн Сяопина «не высовываться». Возникла потребность внешнеполитической активизации, соответствующей новому экономическому статусу КНР. В ходе этой внешнеполитической активизации Китая возникла напряженность с государствами Юго-Восточной Азии по поводу ситуации в Южно-Китайском море, потом напряглась Европа, увидев близь своего средиземноморского подбрюшья не только Россию в Сирии, но и китайскую военную базу в Джибути, далее возникли проблемы у государств, которые попали в долгосрочную долговую зависимость в ходе реализации проектов «Пояса и пути», а потом на Западе заговорили даже о китайской «дипломатии волков-воинов» (*wolf-warriors diplomacy*).

Еще в конце эпохи правления Ху Цзиньтао возникли признаки «новой нормальности» — прихода эпохи замедле-

³¹ Buzan, Barry; Lawson, George. *The Global Transformation. History, Modernity and the Making of International Relations*. Cambridge; Cambridge University Press, 2016. Pp. 17-23.

³² Zeuhan. P. *The Absent Superpower. The Shale Revolution and the World Without America*. USA: Zeihan on Geopolitics. 2016.; Blackwill, Robert D.; Harris, Jennifer M. *War by Other Means. Geoeconomics and Statecraft*. Cambridge, MA & London: Belknap Press of Harvard University Press, 2016.

³³ Harris, Jennifer M. *War by Other Means. Geoeconomics and Statecraft*. Cambridge, MA & London: Belknap Press of Harvard University Press, 2016. Pp. 214-219.

³⁴ Zeuhan, P. *The Absent Superpower. The Shale Revolution and the World Without America*. USA: Zeihan on Geopolitics. 2016. P. 93.

ния экономического роста, когда старые политико-экономические модели, ядром развития которых был экономический рост, стали непригодны для дальнейшего использования. Это привело к политическим кризисам во многих странах, нарастанию популистской политической линии с обещаниями сиюминутного ускорения роста и апеллирования к необходимости централизации, введения прямой демократии³⁵, которые, как считалось, автоматически решат все проблемы смены модели развития³⁶. В Китае это вызвало политический кризис особого рода, а затем усиление централизации и реидеологизацию, направленную на консолидацию власти.

Возникновение новой ситуации слабоцентрированной глобальности³⁷ привело к ослаблению упорядочивания (*order*) старого типа, усилению неопределенности в условиях формирования в США нового тренда отхода от вовлеченности в мировые дела, перегруппировки сил и изменения стратегических направлений внешней политики. В этих новых условиях Китай стал успешно постулировать идею китайского лидерства на основе идеи «общности судьбы человечества», «большой семьи» народов, конфуцианского почитания старшинства, размеров своей экономики, наличия трансрегионального проекта Пояса и пути совместной выгоды и других, продвигая китайское видение эволюционирующего мирового порядка: без глобального лидерства, с неустойчивым глобальным порядком, отсутствием общих ценностей, наличием стратегического авторите-

та³⁸, но основанного при этом на «общности судьбы человечества», а также акцентируя внимание на китайской модели³⁹.

Таким образом приход президента Д. Трампа был не случайным поворотом в американской политике, а закономерностью, связанной с возможностью проведения «анти-политики», которая в свою очередь позволила пересмотреть ранее существовавший консенсус о необходимости активной международной вовлеченности США⁴⁰. Таким образом, и «новый изоляционизм» Д. Трампа представляется не просто очередным циклом американского внутриполитического развития, а определенным социально-политическим трендом, подкрепленным технологической инновацией, которая повлияла на внутри- и внешнеполитические процессы. Пандемия же становится своеобразным механизмом выработки нового консенсуса и возможной корректировки «геополитических кодов».

Роль географических факторов и демографического перехода

Дальнейший анализ на основе географических факторов и других тенденций, прежде всего долгосрочных демографических⁴¹, позволяет заключить, что человечество вступило в период демографического перехода, а мир в период серьезных рисков, связанных с демографическими дисбалансами, которые не были преодолены в ходе политики послед-

³⁵ Бло Иван. Прямая демократия: единственный шанс для человечества. М.: Книжный мир, 2015. [Blo, Ivan. Pryamaya demokratiya: yedinstvennyy shans dlya chelovechestva (Direct Democracy: The Only Chance for Humanity). Moscow: Knizhnyy mir, 2015.]

³⁶ Kis, Norbert. Anti-Politics, Populism and Political Psychology // Comparative Politics Russia, 2018, No. 2, pp. 83-92.

³⁷ Существует также и термин «децентрированный глобализм» (*decentered globalism*) См.: Buzan, Barry; Lawson, George. The Global Transformation. History, Modernity and the Making of International Relations. Cambridge; Cambridge University Press, 2016. P. 274.

³⁸ Yan Xuetong. Leadership and the Rise of the Great Powers. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2019. Pp. 197-206.

³⁹ Han Qingxiang, Huang Xianghuai et al. What Can China's Road Contribute to the World. Beijing: Zhongguo renmin chubanshe. 2017. Pp. 1-4.

⁴⁰ На примере Италии, рассмотрено в статье: Varricchio, Giovanbattista. The Italian Geopolitical Code // Comparative Politics Russia, 2018, No. 2, pp. 133-139.

⁴¹ См., к примеру: Капица С.П. Глобальная демографическая революция // Международная жизнь. 2005. № 11. С. 91-105. [Kapitsa, S.P. Global'naya demograficheskaya revolyutsiya (Global Demographic Revolution) // Mezhdunarodnaya zhizn', 2005, No. 11, pp. 91-105.]; Laurent, Clint. Tomorrow's World. A Look at the Demographic and Socio-Economic Structure of the World in 2032. Singapore: Wiley, 2013.

них лет массовой миграции и мультикультурализма⁴². Средний европеец стареет, зона демографических рисков к 2030 г. может охватить практически всю Европу, в то время как к 2040 г. средний по возрасту американец будет моложе среднего по возрасту бразильца, а к 2050 г. и среднего мексиканца⁴³. Скорость старения китайского населения и стоимость рабочей силы в Китае увеличиваются⁴⁴. Одновременно, демографические прогнозы показывают, что распределение мирового населения по регионам остается неравномерным с преобладающей долей азиатского и африканского демографического компонента вплоть до 2050 г.⁴⁵ Следовательно, мир вступил в полосу рисков перехода от плюралистической однополярности к трансформирующейся слабоцентрированной глобальности в условиях демографического перехода. Этот процесс сопровождается усилением полицентризма, поливариантностью, перегруппировкой сил. Успех развития союзников и соперников США продолжает зависеть от существования Бреттон-Вудской системы, созданной США, необходимость которой относительно уменьшилась для самих США. Политика Д. Трампа была направлена на переформатирование вовлеченности США в мировую политику в привязке к конкретным

параметрам глобального и регионального измерения. Эти соображения определили изменение политики США в отношении своих союзников и возможных соперников, а также произошедшие региональные изменения, подобные Брекситу. Опасность «Большой войны» в условиях реальной перспективы полного и всеобщего ядерного армагеддона, энергетическая и геоэкономическая самодостаточность США привели к тому, что мировой порядок децентрируется. Роль в его поддержании других стран, и прежде всего Китая, де-факто увеличивается, как и их затраты. На фоне латентных изменений в Западном полушарии, в Восточном полушарии наблюдаются конфликты и региональные трансформации, усиливающаяся роль Китая и одновременно опасения по поводу авторитарных форм развития этих процессов, прежде всего из-за усиления влияния Китая. Региональные трансформации ближайшего десятилетия определяют конфигурацию макрорегиональных и региональных порядков в мировой системе, которая может быть разделена на зоны конфликтности изменяющихся иерархий, согласований и пересмотров правил функционирования, перегруппировки сил и последующего сопряжения посредством функционального трансрегионализма и взаимосвязанности в изменяющейся глобальной равновесности.

Таким образом, в то время, как Китай принял решение интегрироваться в существующую мировую систему, США перестраивают систему мирорегулирования, отказываясь от правил периода «холодной» войны, созданных для вовлечения своих союзников в Бреттон-Вудскую систему. Поддерживать эту систему в новых условиях уменьшения опасности «Большой войны» должны уже они сами, в то время как США ограничиваются избирательной формой отношений, решая свои внутривнутриполитические и внутриэкономические проблемы⁴⁶. Это открывает значительные перспективы для макрорегиональных трансформаций и в том

⁴² Демографическая статистика и таблицы: Zeuhan, P. The Absent Superpower. The Shale Revolution and the World Without America. USA: Zeihan on Geopolitics. 2016. Pp. 111, 114.

⁴³ Ibid.

⁴⁴ Сунь Цзюаньцзюань, Ду Пэн. Доклад о старении населения и профессиональном развитии пожилых людей в Китае. М.: Международная издательская компания «Шанс», 2015. [Sun' Tszyuan'tszyuan', Du Pen. Doklad o starenii naseleniya i professional'nom razvitii pozhihlykh lyudey v Kitaye (Report on Population Aging and Occupational Development of Older Persons in China). Moscow: Mezhdunarodnaya izdatel'skaya kompaniya «Shans», 2015.] Подробнее об общемировых тенденциях см. также: Laurent, Clint. Tomorrow's World. A Look at the Demographic and Socio-Economic Structure of the World in 2032. Singapore: Wiley, 2013. Pp. 181-195.

⁴⁵ Buzan, Barry; Lawson, George. The Global Transformation. History, Modernity and the Making of International Relations. Cambridge; Cambridge University Press, 2016. P. 228.

⁴⁶ Kotkin, Joel. The Next Hundred Million. America in 2050. How the Addition of One Hundred Million Americans by Midcentury Will Transform the Way We Live, Work, and Prosper. N.Y.: Penguin Books, 2010.

числе для продвижения европейского мультелатерализма⁴⁷.

Китайский опыт и роль региональных трансформаций потенциально глобального характера

Международная дискуссия вокруг Китая затронула практически всех. Китайская экономическая система стала основываться на усиливающейся роли экономических факторов⁴⁸. Постепенное системное открытие стало происходить сначала на Тайване, особенно быстро с осени 1987 г. после отмены чрезвычайного положения. В КНР стали происходить изменения, начиная с 1982 г., когда была принята новая конституция, восстановившая порушенное в годы «культурной революции». С 1988 г. было внесено много поправок в Конституцию КНР, которые отражали происходящие важные изменения: легализацию частных хозяйств путем введения аренды земли, отмену плановой системы, де-факто опору на частный сектор как на важнейшую составляющую экономики, управление страной в соответствии с законом. Начиная с 2004 г., вводятся новые важные положения: КПК теперь представляет весь народ, в Конституции отмечены объективные потребности в развитии производительных сил, добавлено упоминание о едином фронте строителей социализма, в состав которого вошли в том числе и предпринимательские слои, сформулирована Статья 33 Конституции, о том, что китайское государство должно защищать права

человека⁴⁹. Хотя предпосылки для политического плюрализма пока не сформированы, плюрализм развивается в форме разных, в том числе, соперничающих, концепций в культуре, науке, литературе, искусстве и т.д.

Далее на первое место вышла административная реформа, предполагающая формирование государства в его современной форме⁵⁰. Была создана регулярная государственная служба, введена в действие концепция особых административных районов, которые законодательным образом закрепляли разные системы управления, в нормативную базу Гонконга стали вноситься изменения, направленные на ускорение все же постепенного «сопряжения» с материковым Китаем, поскольку законодательная система Гонконга основана на прецедентном праве. При Ху Цзиньтао началось развитие низовой демократии⁵¹, постулирована особая экономическая модель, постепенные политические трансформации, создание многоукладной экономики, опора на научное развитие, переход к косвенным методам управления для гармонизации роли Китая в гармоничном мире⁵².

Однако далее Китай столкнулся с проблемой большого экономического расслоения населения, по мнению некоторых исследователей в ходе этих трансформаций также усилилась роль внутрисистемных полити-

⁴⁷ Entre Chine and Amérique. Quel Role pour les Européens? Preface de Jean-Pierre Raffarin. Paris: Ginkgo Editeur, 2017.

⁴⁸ Cheng Li. Chinese Politics in the Xi Jinping Era. Reassessing Collective Leadership. Washington, DC: Brookings Institution Press, 2016. 494 p.; White, Hugh. The China Choice. Why We Should Share Power. Oxford: Oxford University Press, 2012; Holstag, Jonathan. China's Coming War with Asia. Cambridge, UK & Malden, MA: Polity, 2015; Shambaugh, David. China's Future. Cambridge, UK & Malden, MA: Polity, 2016; The China Reader. Rising Power. Ed. by David Shambaugh. Oxford: Oxford University Press, 2016.; Navarro, Peter. Crouching the Tiger. What China's Militarism Means for the World. N.Y.: Prometheus Books, 2015.

⁴⁹ Жозе Стелле. Конституционная реформа в Китае: вклад в дискуссию. М.: Издательство «Весь Мир», 2016. [Zhoe Stelle. Konstitutsionnaya reforma v Kitaye: vklad v diskussiyu (Constitutional Reform in China: Contribution to the Debate). Moscow: Izdatel'stvo «Ves' Mir», 2016.]

⁵⁰ При написании статьи использованы тезисы доклада автора на круглом столе «Китайский транзит: экономическое, политическое и военное измерение», организованный совместно Центром комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО МИД России и научно-образовательной секцией исследований Китая Школы востоковедения факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ 2 апреля 2021 г.

⁵¹ Fang Ning. China's Experience on Democracy. 民主的中国经验. Beijing: Zhongguo Shehui Kexuechubanshe, 2014.

⁵² Yan Jirong. China's Governance. Road of Rejuvenation of the Eastern Power. Beijing: China Renmin University Press, 2017.

ческих группировок со своими лидерами⁵³. Появились существенные региональные экономические и демографические диспропорции, возникли дискуссии о том, как придать дополнительный стимул развитию экономики, призывы к большему открытию Китая, расширению свобод. Мир по многим причинам перестал восприниматься как гармоничный, а позже стало явным нежелание американской политической элиты способствовать политически и экономически укреплению и продвижению существующей модели китайского развития.

В ответ на эти вызовы Си Цзиньпин при поддержке КПК сконцентрировал стратегическое руководство страной в своих руках, обновил Политбюро, отменил сменяемость председателя КНР, оперативное экономическое руководство возложил на государственный аппарат, усилил политическое руководство партии на основе личного руководства и совершенствования управления⁵⁴. Стали проводиться дальнейшие реформы, из которых наиболее важными стали изменения в управлении вооруженными силами, совершенствование системы подчиненности. Появились де-факто экспедиционные силы, новации институционального порядка, позволяющие председателю КНР быть над существующей системой военного управления⁵⁵. В конфигурации власти укреплено руководящее положение КПК. Подчеркивается, что народ – хозяин страны, что в стране осуществляется верховенство закона, модернизируются вооруженные силы, идет реформирование партийных и государственных механизмов. С учетом всех обстоятельств была озвучена официальная версия объяснения произведенных изменений. Поскольку у Китая сохраняются внутренние⁵⁶

и внешние вызовы, усилился акцент на совершенствовании управления. Однако успех предпринятых мер дал разные результаты. Скопировать «китайскую модель» другим странам практически невозможно из-за специфичности условий ее функционирования. Соответственно была произведена подготовка к разным вариантам развития событий⁵⁷, окончательный выбор не predetermined.

В настоящее время можно констатировать возрастание значения нового мирового тренда – макрорегиональных трансформаций потенциально глобального характера. Подход к такой постановке вопроса уже намечен в разной форме: дальнейшая интеграция НАФТА под эгидой США, многоформатная многоскоростная интеграция в ЕС, трансрегиональные проекты по типу Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства, Транстихоокеанское партнерство, торгово-инвестиционное партнерство ЕС-Китай, Индо-Пасифика, Большая Восточная Азия, Большая Евразия, Всеобъемлющее региональное экономическое пространство, китайский проект «Пояса и пути», проекты «Северного морского пути» и экономического пространства арктических государств и др.⁵⁸ Все это примеры потенци-

вы Китаю в начале XXI века // Сравнительная политика. 2017. № 3. С. 131-145. [Vinogradov, Andrei V. Vnutripoliticheskie vyzovy Kitaiu v nachale 21 veka. (Political Challenges for China at the Beginning of the 21st Century) // *Comparative Politics Russia*, 2017, No. 3, pp. 131-145.]

⁵⁷ Voskressenski, Alexei D.; Karpov, Mikhail; Kashin, Vasily. China's Infinite Transition and its Limits: Economic, Military, and Political Dimensions. Ed. by Alexei D. Voskressenski. Springer Global (Singapore): PalgraveMacmillan, 2020.; Buzan, Barry; Lawson, George. The Global Transformation. History, Modernity and the Making of International Relations. Cambridge; Cambridge University Press, 2016. Pp. 283-284.

⁵⁸ См., к примеру: Глобальные геопроекты и Россия / под общ. ред. Я.А. Пляйса. М.: Международные отношения. 2019. [Global'nyye geoproekty i Rossiya (Global Geoprojects and Russia) / Ed. by Ya.A. Plyays. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya. 2019.] См. также: Blackwill, Robert D.; Harris, Jennifer M. War by Other Means. Geoeconomics and Statecraft. Cambridge, MA & London: Belknap Press of

⁵³ Вавилов Н.Н. Китайская власть. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2021. [Vavilov N.N. Kitayskaya vlast' (Chinese Government). Moscow: Tovarichestvo nauchnykh izdaniy KMK, 2021.]

⁵⁴ 习近平 Xi Jinping. 谈治国理政 (On Governance). 北京: 外文出版社, 2014.

⁵⁵ Voskressenski, Alexei D.; Karpov, Mikhail; Kashin, Vasily. China's Infinite Transition and its Limits: Economic, Military, and Political Dimensions. Ed. by Alexei D. Voskressenski. Springer Global (Singapore): PalgraveMacmillan, 2020.

⁵⁶ Виноградов А.В. Внутриполитические вызо-

ально существующих или осуществляемых макрорегиональных трансформаций, которые усиливают геоэкономическую взаимосвязанность и в силу этого потенциально, но в разной степени, имеют макрорегиональные или даже глобальные последствия. Китайские трансформации вне зависимости от направлений и характера развития Китая могут быть квалифицированы как новый фактор потенциально глобального характера, при понимании, что случайности и «черные лебеди» могут всегда подстергать на длительном временном отрезке.

Заключение

Китайский опыт может сыграть большое значение для всего мира в том числе и с точки зрения архитектоники глобальных изменений посредством макрорегиональных трансформаций потенциально глобального характера. У Китая появляется и новое мировое предназначение: не устанавливать свою гегемонию, что уже было неоднократно заявлено китайскими руководителями, и не разделять глобальную гегемонию с США, а в партнерстве с другими странами способствовать установлению открытого мирового порядка на принципах, которые бы препятствовали установлению глобальной гегемонии и униполярности всякого рода. Логика мировой архитектоники при таком мировом порядке предполагает укрепление взаимосвязанности с опорой на мультелатерализм и функциональный трансрегионализм. Однако пока остается открытым вопрос насколько и в какой степени в условиях слабоцентрированной глобальности, без изменения существующих геополитических кодов и концептуального расширения видения мирового порядка, можно обеспечить существование и развитие по благоприятным правилам для большинства человечества, а не для отдельных макрорегионов мира, поскольку одних норм международного права, цифровизации и искусственного интеллекта для этого явно недостаточно. Поскольку у Китая сохраняются внешние и внутренние вызовы, дальнейшее благополучное и успешное развитие будет определяться в зависимости от его

успехов, степени его вписанности в мировые и глобальные процессы, в том числе с точки зрения желания, возможностей, перспектив, последствий вовлечения других государств в орбиту совместных политико-экономических интересов, гуманистической сущности этих процессов, а также реакции на это всего мира.

Литература:

- «Большая Восточная Азия»: мировая политика и региональные трансформации. Под ред. А.Д. Воскресенского; МГИМО (У) МИД России. М.: МГИМО-Университет, 2010.
- Бло Иван. Прямая демократия: единственный шанс для человечества. М.: Книжный мир, 2015.
- Вавилов Н.Н. Китайская власть. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2021.
- Виноградов А.В. Внутриполитические вызовы Китаю в начале XXI века // Сравнительная политика. 2017. № 3. С. 131-145.
- Воскресенский А.Д. «Большая Восточная Азия»: энергетические аспекты международных отношений и безопасности / Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии / общ. ред., рук. и предисл. А.В. Торкунова; науч. ред.-сост. А.Д. Воскресенский; МГИМО (У) МИД России. М.: МГИМО-Университет, 2007. С. 25-45.
- Восточная Азия: между регионализмом и глобализмом / Отв. ред. Г.И. Чуфрин. М.: Наука, 2004.
- Галенович Ю.М. Коммунистическая партия Китая после своего XIX съезда. Китай и остальное человечество / Новая эпоха: Китай после XIX съезда КПК. М.: ИДВ РАН, 2018.
- Глобальные геопроекты и Россия / под общ. ред. Я.А. Пляйса. М.: Международные отношения. 2019.
- Грачиков Е.Н. Китайская школа международных отношений: на пути к большим теориям. М.: Аспект Пресс, 2021.
- Дегтерев Д.А. Незападные теории развития в эпоху глобального капитализма // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Том 65. № 4. С. 114-123.
- Жозе Стелле. Конституционная реформа в Китае: вклад в дискуссию. М.: Издательство «Весь Мир», 2016.
- Капица С.П. Глобальная демографическая революция // Международная жизнь. 2005. № 11. С. 91-105.
- Китай в мировой политике. Отв. ред.-сост. А.Д. Воскресенский; вступ. ст. А.В. Торкунова; МГИМО (У) МИД России. М.: РОССПЭН, 2001.
- Логика новой мироустроительной архитектоники и стратегии держав / Под редакцией проф. А.Д. Воскресенского [Науч. ред. Д.А. Кузнецов]. М.: Стратегические изыскания, 2021.
- Лошкарев И.Д. Международно-политическая мысль: от истоков к современности / Под ред. Т.А. Алексеевой. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2021.
- Мегатренды мировой политики и их развитие в XXI веке: Учеб. пособие для студентов вузов / Под ред. М.М. Лебедевой. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2019.
- Мировое комплексное регионоведение как исследовательский подход и научная школа. Интервью с Алексеем Дмитриевичем Воскресенским, профессо-

Harvard University Press, 2016. Pp. 214-219.

ром МГИМО МИД России // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2020. № 2.

Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы / под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Стратегические изыскания, 2019. 736 с.

О национально ориентированной теории международных отношений. Под ред. Л.Э. Слуцкого, А.Ю. Шутова. М.: Издательство московского университета, 2021.

Ориентализм vs ориенталистика. Отв. ред. В.О. Бобровников, С. Дж. Мири. М.: Садра, 2016.

Померанц К. Великое расхождение. Китай, Европа и создание современной мировой экономики. М.: Издательский дом ДЕЛЮ, 2017.

Сторнер Майкл. Ключи от города. Как устроено развитие? М.: Strelka Press, 2018.

Сунь Цзяньцзюань, Ду Пэн. Доклад о старении населения и профессиональном развитии пожилых людей в Китае. М.: Международная издательская компания «Шанс», 2015.

Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Политическая теория деколонизации: императивы современного прочтения // Полис. Политические исследования. 2020. № 6. С. 26-40.

Худoley К. Россия и Запад: вторая «холодная» или первая «прохладная»? // Россия в глобальной политике, 2020, № 6.

Шаклеина Т.А., Байков А.А. (ред). Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке. Учебник. Москва, Аспект Пресс, 2013. 448 с.

Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии / общ. ред., рук. и предисл. А.В. Торкунова; науч. ред.-сост. А.Д. Воскресенский; МГИМО (У) МИД России. М.: МГИМО-Университет, 2007.

Baldwin, R. The Great Convergence. Information, Technology and The New Globalization. Cambridge: MA & London: The Belknap Press of Harvard University Press, 2016.

Blackwill, Robert D.; Harris, Jennifer M. War by Other Means. Geoeconomics and Statecraft. Cambridge, MA & London: Belknap Press of Harvard University Press, 2016.

Buzan, Barry; Lawson, George. The Global Transformation. History, Modernity and the Making of International Relations. Cambridge; Cambridge University Press, 2016.

Cheng Li. Chinese Politics in the Xi Jinping Era. Reassessing Collective Leadership. Washington, DC: Brookings Institution Press, 2016. 494 p.

Cooker, Christopher. The Rise of the Civilizational State. Cambridge, UK and Medford, MA: Polity, 2019.

Energy Security in Asia. Ed. by Michael Wesley. London & New York: Routledge, 2007. 251 p.

Entre Chine and Amérique. Quel Role pour les Européens? Preface de Jean-Pierre Raffarin. Paris: Ginkgo Editeur, 2017.

Fang Ning. China's Experience on Democracy. 民主的中国经验. Beijing: Zhongguo Shehui Kexuechubanshe, 2014.

Han Qingxiang, Huang Xianghui et al. What Can China's Road Contribute to the World. Beijing: Zhongguo renmin chubanshe, 2017.

Harris, Jennifer M. War by Other Means. Geoeconomics and Statecraft. Cambridge, MA & London: Belknap Press of Harvard University Press, 2016. Pp. 214-219.

Holstag, Jonathan. China's Coming War with Asia. Cambridge, UK & Malden, MA: Polity, 2015

Is Non-Western Democracy Possible? A Russian Perspective. Ed. by Alexei D. Voskressenski. Singapore: World Scientific Publishers, 2017.

Kis, Norbert. Anti-Politics, Populism and Political Psychology // Comparative Politics Russia, 2018, No. 2, pp. 83-92.

Kotkin, Joel. The Next Hundred Million. America in 2050. How the Addition of One Hundred Million Americans by Midcentury Will Transform the Way We Live, Work, and Prosper. N.Y.: Penguin Books, 2010.

Laurent, Clint. Tomorrow's World. A Look at the Demographic and Socio-Economic Structure of the World in 2032. Singapore: Wiley, 2013.

Mahbubani, Kishori. The Great Convergence / Asia, The West and The Logic of One World. N.Y.: Public Affairs, 2013.

Navarro, Peter. Crouching the Tiger. What China's Militarism Means for the World. N.Y.: Prometheus Books, 2015.

Neack, Laura (ed.). The New Foreign Policy. Complex Interactions, Competing Interests. 3d edition. Lanham, Boulder, New York, Toronto, Plymouth, UK: Rowman & Littlefield / New Millennium Books in International Studies, 2014.

Russia and its Eastern Edge. Ed. by Iwashita Akihiro. Sapporo: Hokkaido University, Slavic Research Center, 2007. Pp. 3-46.

Russia-China-USA: Redefining the Triangle. Ed. by Alexei D. Voskressenski. New York: Nova Science Publishers, 1996. См. также: Voskressenski, Alexei D. The Rise of China and Russo-Chinese Relations in the New Global Politics of Eastern Asia // *Eager Eyes fixed on Eurasia*. Vol. 1-2. Vol. 2.; Russia and its Eastern Edge. Ed. by Iwashita Akihiro. Sapporo: Hokkaido University, Slavic Research Center, 2007. Pp. 3-46.

Shambaugh, David. China's Future. Cambridge, UK & Malden, MA: Polity, 2016.

The China Reader. Rising Power. Ed. by David Shambaugh. Oxford: Oxford University Press, 2016.

Varricchio, Giovanbattista. The Italian Geopolitical Code // Comparative Politics Russia, 2018, No. 2, pp. 133-139.

Voskressenski, Alexei D. Non-Western Theories of International Relations. Springer Global: Palgrave-Macmillan, 2017. 270 p.

Voskressenski, Alexei D. The Rise of China and its Meaning for the Structure of Global Leadership in the 21st century. A Russian Perspective / A.D. Voskressenski // Readings in European Security. Center for European Security Studies, Brussels – International Institute of Security Studies, London, 2005. Pp. 107-121.

Voskressenski, Alexei D. The Rise of China and Russo-Chinese Relations in the New Global Politics of Eastern Asia // *Eager Eyes fixed on Eurasia*. Vol. 1-2. Vol. 2.

Voskressenski, Alexei D.; Karpov, Mikhail; Kashin, Vasily. China's Infinite Transition and its Limits: Economic, Military, and Political Dimensions. Ed. by Alexei D. Voskressenski. Springer Global (Singapore): Palgrave Macmillan, 2020.

Vüllers, Johannes. Geographical Patterns of Analysis in IR Research: Representative Cross-regional Comparison as a Way Forward // *GIGA Working Papers*, 2014, No. 256.

White, Hugh. The China Choice. Why We Should Share Power. Oxford: Oxford University Press, 2012

Yan Jirong. China's Governance. Road of Rejuvenation of the Eastern Power. Beijing: China Renmin University Press, 2017.

Yan Xuetong. Leadership and the Rise of the Great Powers. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2019. Pp. 197-206.

Zeihan, P. The Absent Superpower. The Shale Revolution and the World Without America. USA: Zeihan on Geopolitics. 2016.

习近平 Xi Jinping. 谈治国理政 (On Governance). 北京: 外文出版社, 2014.

References:

Blackwill, Robert D.; Harris, Jennifer M. War by Other Means. Geoeconomics and Statecraft. Cambridge, MA & London: Belknap Press of Harvard University Press, 2016.

Blo, Ivan. Pryamaya demokratiya: yedinstvennyy shans dlya chelovechestva (Direct Democracy: The Only Chance for Humanity). Moscow: Knizhnyy mir, 2015.

Bol'shaja Vostochnaja Azija: mirovaya politika i regional'nye transformatsii ("The Greater East Asia": World Politics and Regional Transformations). Ed by. A.D. Voskressenski. Moscow: MGIMO University, 2010.

Buzan, Barry; Lawson, George. The Global Transformation. History, Modernity and the Making of International Relations. Cambridge: Cambridge University Press, 2016.

Cheng Li. Chinese Politics in the Xi Jinping Era. Reassessing Collective Leadership. Washington, DC: Brookings Institution Press, 2016. 494 p.

Cooker, Christopher. The Rise of the Civilizational State. Cambridge, UK and Medford, MA: Polity, 2019.

Degterev, Denis A. Nezapadnyye teorii razvitiya v epokhu global'nogo kapitalizma (Non-Western Theories of Development in the Global Capitalism Era) // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya, 2021, Vol. 65, No. 4, pp. 114-123.

Energeticheskie izmereniia mezhdunarodnykh otnoshenii i bezopasnosti v Vostochnoi Azii (Energy Dimension of International Relations and Security in East Asia) / General ed. by A.V. Torkunov; compiling academic editor A.D. Voskressenski. Moscow: MGIMO University, 2007.] *Baldwin, R.* The Great Convergence. Information, Technology and The New Globalization. Cambridge: MA & London: The Belknap Press of Harvard University Press, 2016.

Energy Security in Asia. Ed. by Michael Wesley. London & New York: Routledge, 2007. 251 p.

Entre Chine and Amérique. Quel Role pour les Européens? Preface de Jean-Pierre Raffarin. Paris: Ginkgo Editeur, 2017.

Fang Ning. China's Experience on Democracy. 民主的中国经验. Beijing: Zhongguo Shehui Kexuechubanshe, 2014.

Fitumi, L.L.; Abramova, I.O. Politicheskaya teoriya dekolonizatsii: imperativy sovremennogo prochteniya (Political Theory of Decolonization: Essentials of Modern Reading) // *Polis. Political Studies*, 2020, No. 6, pp. 26-40.

Galenovich, Yu.M. Kommunisticheskaya partiya Kitaya posle svoego XIX syezda. Kitay i ostal'noye chelovechestvo (The Chinese Communist Party after its 19th Congress. China and the Rest of Humanity) // Novaya epokha: Kitay posle XIX syezda KPK (New Era: China after the 19th CPC). Moscow: IDV RAN, 2018.

Global'nyye geoproekty i Rossiya (Global Geoprojects and Russia) / Ed. by Ya.A. Plyays. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya. 2019.

Grachikov, Ye.N. Kitayskaya shkola mezhdunarodnykh otnosheniy: na puti k bol'shim teoriyam (The Chinese School of International Relations: Towards Big Theories). Moscow: Aspekt Press, 2021.

Han Qingxiang, Huang Xianghuai et al. What Can China's Road Contribute to the World. Beijing: Zhongguo renmin chubanshe. 2017.

Harris, Jennifer M. War by Other Means. Geoeconomics and Statecraft. Cambridge, MA & London: Belknap Press of Harvard University Press, 2016. Pp. 214-219.

Holstag, Jonathan. China's Coming War with Asia. Cambridge, UK & Malden, MA: Polity, 2015

Is Non-Western Democracy Possible? A Russian Perspective. Ed. by Alexei D. Voskressenski. Singapore: World Scientific Publishers, 2017.

Kapitsa, S.P. Global'naya demograficheskaya revolyutsiya (Global Demographic Revolution) // *Mezhdunarodnaya zhizn'*, 2005, No. 11, pp. 91-105.

Khudoley, K. Rossiya i Zapad: vtoraya «kholodnaya» ili pervaya «prokhladnaya»? (Russia and the West: the Second "Cold" or the First "Cool"?) // *Rossiya v global'noy politike*, 2020, No. 6.

Kis, Norbert. Anti-Politics, Populism and Political Psychology // *Comparative Politics Russia*, 2018, No. 2, pp. 83-92.

Kitai v mirovoi politike (China in World Politics) / Ed. by A.V. Torkunov, A.Iu. Mel'vil', M.M. Narinskii; compiling editor A.D. Voskressenski. Moscow: ROSSPEN, 2001.

Kotkin, Joel. The Next Hundred Million. America in 2050. How the Addition of One Hundred Million Americans by Midcentury Will Transform the Way We Live, Work, and Prosper. N.Y.: Penguin Books, 2010.

Laurent, Clint. Tomorrow's World. A Look at the Demographic and Socio-Economic Structure of the World in 2032. Singapore: Wiley, 2013.

Logika Novoi Miroustroitel'noi Arkhitektoniki I Strategii (The Logic of the New World Architectonics and the Strategies of States). Moscow: Strategic Research, 2021.

Loshkarev, I.D. Mezhdunarodno-politicheskaya mysl': ot istokov k sovremennosti (International Political Thought: from Origins to Modernity) / Ed. by T.A. Alekseyeva. Moscow: Izdatel'stvo «Aspekt Press», 2021.

Mahbubani, Kishori. The Great Convergence / Asia, The West and The Logic of One World. N.Y.: Public Affairs, 2013.

Megatrendy mirovoy politiki i ikh razvitiye v XXI veke: Ucheb. posobiye dlya studentov vuzov (Megatrends of World Politics and Their Development in the XXI Century). Ed. by M.M. Lebedeva. Moscow: Izdatel'stvo «Aspekt Press», 2019.

Mirovoye kompleksnoye regionovedeniye kak issledovatel'skiy podkhod i nauchnaya shkola. Interv'yu s Alekseyem Dmitriyevichem Voskresenskim, professorom MGIMO MID Rossii (World Regional Studies as a Research Approach and a Scientific School. Interview with Alexei Dmitriyevich Voskresenskiy, Professor at MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia) // *Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnyye otnosheniya*, 2020, No. 2.

Model' razvitiya sovremennogo Kitaya: otsenki, diskussii, prognozy (The Development Model of Modern China: Estimates, Discussions, Forecasts). Ed. by

A.D. Voskressenski. Moscow: Strategicheskoye izyskaniya, 2019. 736 p.

Navarro, Peter. Crouching the Tiger. What China's Militarism Means for the World. N.Y.: Prometheus Books, 2015.

Neack, Laura (ed.). The New Foreign Policy. Complex Interactions, Competing Interests. 3d edition. Lanham, Boulder, New York, Toronto, Plymouth, UK: Rowman & Littlefield / New Millennium Books in International Studies, 2014.

O natsional'no oriyentirovannoy teorii mezhdunarodnykh otnosheniy (On the Nationally Oriented Theory of International Relations). Ed. by L.E. Slutsky, A.Yu. Shutov. Moscow: Moscow University Press, 2021.

Orientalism versus Orientalistika (Orientalism versus Orientalistics). Ed. by V.O. Bobrovnikov, S. Dzh. Miri. Moscow: Sadra, 2016.

Pomerants, K. Velikoye raskhozhdeniye. Kitay, Yevropa i sozdaniye sovremennoy mirovoy ekonomiki (Great Discrepancy. China, Europe and the Creation of a Modern World Economy). Moscow: Izdatel'skiy dom DELO, 2017.

Russia and its Eastern Edge. Ed. by Iwashita Akihiro. Sapporo: Hokkaido University, Slavic Research Center, 2007. Pp. 3-46.

Russia-China-USA: Redefining the Triangle. Ed. by Alexei D. Voskressenski. New York: Nova Science Publishers, 1996. См. также: Voskressenski, Alexei D. The Rise of China and Russo-Chinese Relations in the New Global Politics of Eastern Asia // *Eager Eyes fixed on Eurasia*. Vol. 1-2. Vol. 2.; Russia and its Eastern Edge. Ed. by Iwashita Akihiro. Sapporo: Hokkaido University, Slavic Research Center, 2007. Pp. 3-46.

Shakleina, T.A.; Baikov, A.A. (eds.) Megatrendy: Osnovnyye traektorii evolyutsii mirovogo poriyadka v XXI veke. Uchebnik (Megatrends: Basic Trajectories of Evolution of the World Order in the XXI Century. Textbook). Moscow, Aspekt Press, 2013.

Shambaugh, David. China's Future. Cambridge, UK & Malden, MA: Polity, 2016.

Storper, Maykl. Klyuchi ot goroda. Kak ustroyeno razvitiye? (Keys to the City. How Does Development Work?). Moscow: Strelka Press, 2018.

Sun' Tsyuan'tsyuan', Du Pen. Doklad o starenii naseleniya i professional'nom razvitii pozhilykh lyudey v Kitaye (Report on Population Aging and Occupational Development of Older Persons in China). Moscow: Mezhdunarodnaya izdatel'skaya kompaniya «Shans», 2015.

The China Reader. Rising Power. Ed. by David Shambaugh. Oxford: Oxford University Press, 2016.

Varricchio, Giovanbattista. The Italian Geopolitical Code // *Comparative Politics Russia*, 2018, No. 2, pp. 133-139.

Vavilov N.N. Kitayskaya vlast' (Chinese Government). Moscow: Tovarishestvo nauchnykh izdaniy KMK, 2021.

Vinogradov, Andrei V. Vnutripoliticheskie vyzovy Kitaiu v nachale 21 veka. (Political Challenges for China at the Beginning of the 21st Century) // *Comparative Politics Russia*, 2017, No. 3, pp. 131-145.

Voskressenski, A.D. «Bol'shaya Vostochnaya Aziya»: energeticheskiye aspekty mezhdunarodnykh otnosheniy i bezopasnosti / Energeticheskiye izmereniya mezhdunarodnykh otnosheniy i bezopasnosti v Vostochnoy Azii ("Greater East Asia": Energy Aspects of International Relations and Security / Energy Dimensions of International Relations and Security in East Asia). Ed. by A.V. Torkunov; A.D. Voskressenski; MGIMO (U) MID Rossii. Moscow. MGIMO-Universitet, 2007. Pp. 25-45.

Voskressenski, Alexei D. Non-Western Theories of International Relations. Springer Global: Palgrave-Macmillan, 2017. 270 p.

Voskressenski, Alexei D. The Rise of China and its Meaning for the Structure of Global Leadership in the 21st century. A Russian Perspective / A.D. Voskressenski // *Readings in European Security*. Center for European Security Studies, Brussels – International Institute of Security Studies, London, 2005. Pp. 107-121.

Voskressenski, Alexei D. The Rise of China and Russo-Chinese Relations in the New Global Politics of Eastern Asia // *Eager Eyes fixed on Eurasia*. Vol. 1-2. Vol. 2.

Voskressenski, Alexei D.; Karpov, Mikhail; Kashin, Vasily. China's Infinite Transition and its Limits: Economic, Military, and Political Dimensions. Ed. by Alexei D. Voskressenski. Springer Global (Singapore): Palgrave Macmillan, 2020.

Vostochnaya Aziya: mezhdunarodnyy regionalizm i globalizm (East Asia: between Regionalism and Globalism) / Ed. by G.I. Chufurin. Moscow: Nauka, 2004.

Vüllers, Johannes. Geographical Patterns of Analysis in IR Research: Representative Cross-regional Comparison as a Way Forward // *GIGA Working Papers*, 2014, No. 256.

White, Hugh. The China Choice. Why We Should Share Power. Oxford: Oxford University Press, 2012.

Yan Jirong. China's Governance. Road of Rejuvenation of the Eastern Power. Beijing: China Renmin University Press, 2017.

Yan Xuetong. Leadership and the Rise of the Great Powers. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2019. Pp. 197-206.

Zeuhan, P. The Absent Superpower. The Shale Revolution and the World Without America. USA: Zeihan on Geopolitics. 2016.

Zhoze Stelle. Konstitutsionnaya reforma v Kitaye: vklad v diskussiyu (Constitutional Reform in China: Contribution to the Debate). Moscow: Izdatel'stvo «Ves' Mir», 2016.

习近平 Xi Jinping. 谈治国理政 (On Governance). 北京: 外文出版社, 2014.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10024

THE NEW WORLD ARCHITECTONICS, MACROREGIONAL TRANSFORMATIONS OF POTENTIALLY GLOBAL CHARACTER AND THE SIGNIFICANCE OF CHINESE EXPERIENCE

Foreword to the Issue by the Editor-in-Chief

Alexei D. Voskressenski

*MGIMO University,
Moscow, Russia*

Article history:

Received:

20.05.2021

Accepted:

07.06.2021

About the author:

Dr. of Political Science, PhD (The University of Manchester),
PhD (Institute of Far Eastern Studies), Professor,
Director of the Centre for Comprehensive Chinese
Studies and Regional Projects, Professor,
Department of Asian and African Studies,
School of International Relations,
MGIMO University

e-mail: sravnitpolit@mail.ru

Key words:

world architectonics; regional transformations;
China; theory of international relations;
international relations; comprehensive regional studies;
world comprehensive regional studies

Abstract: The world becomes polycentric, but the theoretical foundations of this state of affairs remain not fully explained yet. The necessity to create a national-oriented theory of international relations is proclaimed. The question of a possibility of «tightening» macroregions in the form of a «Greater Eastern Asia» and «Greater Eurasia» is raised as well as the transformations of China being at least an influencing factor at the macroregional level with consequences of potentially global significance. It is possible to hypothesize that specifics of a megatrend of regional transformations of potentially global character may be connected with a rise of China to a global level and risks and consequences of this process. Since China has internal and external challenges, further development will be dependent on the level of China's integration into world processes as well as wills, perspectives, and consequences of other states' involvement in the orbit of common political-economic interests, humanistic nature of these processes as well as reactions of the world to them.

Для цитирования: Воскресенский А.Д. Новая мировая архитектура, макрорегиональные трансформации потенциально глобального характера и значение китайского опыта // *Сравнительная политика*. 2021. № 3. С. 5-20.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10024

For citation: Voskressenski, Alexei D. Novaya mirovaya arkhitektonika, macroregional'nye transformatsii potencial'no global'nogo kharaktera i znachenie kitayskogo opyta (The New World Architectonics, Macroregional Transformations of Potentially Global Character and the Significance of Chinese Experience) // *Comparative Politics Russia*, 2021, No. 3, pp. 5-20.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10024

ПОНЯТИЕ «МИРОВОГО ПОРЯДКА»: ТЕОРИИ И РЕАЛЬНОСТЬ

Борис Иванович Нefeldов

*Московский государственный институт международных отношений
(университет) МИД России,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия*

Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 3 февраля 2021 <i>Принята к печати:</i> 3 июня 2021	Аннотация: В настоящее время в современной науке и международной политической практике отсутствует единое представление о том, что же представляют собой мировой (международный) порядок (правопорядок). В статье анализируются соответствующие точки зрения. Делается вывод о том, что наиболее близко к разрешению указанной проблемы можно подойти в случае обращения к соответствующим положениям, общепринятым в рамках общей теории права и теории международного права. В статье также рассматриваются и другие проблемы, связанные с определением содержания понятий мирового (международного) порядка и его видов (мирового общественного (публичного) порядка, мирового правопорядка и глобального мирового правопорядка), а также разновидностей социальных норм международной нормативной системы, результаты реализации которых и формируют соответствующие порядки. Обращается особое внимание на то, что, в отличие от распространенных представлений, все три вида мирового порядка не является ни совокупностью международных отношений, ни совокупностью регулирующих такие отношения норм. Согласно теории международного права они представляют собой результат реализации требований тех или иных норм международной нормативной системы, направленных на урегулирование международных общественных отношений. Кроме того, на состояние того или иного вида международного порядка оказывают влияние различные факторы (в том числе изменение иерархии государств в зависимости от их роли в международной политической и/или экономической системе, формирование новых центров силы, смены биполярности, полицентричности или моноцентричности мира, образование многосторонних интеграционных образований, деятельность международных многосторонних институтов и др.), но их также не следует смешивать с самими международными порядками.
Об авторе: профессор кафедры международного права, МГИМО МИД России; профессор департамента международных отношений, НИУ ВШЭ e-mail: boris-nefeldov@mail.ru	
Ключевые слова: мировой порядок; мировой общественный (публичный) порядок; мировой правопорядок; глобальный мировой правопорядок	

В современной доктрине и международной политической практике единого представления о том, что же представляют собой мировой (международный) порядок (правопорядок) не сложилось. И дело не только в многоплановости этих понятий. Ситуация усугубляется тем обстоятельством, что соответствующими исследованиями занимались (и занимаются), как правило, не юристы-международники, а многочисленные специалисты в области политологии, дипломатии, экономики, социологии, политической философии и др., которые в своем

большинстве оказались просто недостаточно осведомлены о соответствующих положениях общей теории права и общей теории международного права. В результате в своих трудах они постоянно опускают принципиальную разницу между понятиями мирового общественного (публичного) порядка, мирового правопорядка и глобального мирового правопорядка, пытаются дать определение мировому порядку, не акцентируя внимание на его основополагающих характеристиках, уже сформулированных в международно-правовой науке.

В настоящей статье мы попытаемся хотя бы частично исправить сложившуюся ситуацию.

Социальные нормы и правопорядок

Поскольку вопросы порядка в регулировании общественных отношений различными социальными нормами более детально разработаны в общей теории права применительно к национальному уровню правового регулирования, первоначально обратимся к соответствующим широко известным и общепринятым выводам, сделанным в рамках именно этой науки и только после этого перейдем к общей теории международного права и выводам.

Начнем с того, что поведение людей в обществе регулируется многочисленными и разнообразными социальными нормами. К ним относятся нормы морали и нравственности, обычаи и обыкновения, религиозные нормы и нормы политических партий, традиции и ритуалы, норм общественных организаций и корпоративные нормы, нормы этикета и эстетические нормы, норм малых групп (таких как семья, дружеская компания, спортивная команда и т.п.) и нормы, устанавливаемые частными договорами и т.д. Основой всей системы социальных норм в государстве, её важнейшей частью, её ядром, ее объединяющим скелетом, не позволяющим рассыпаться всей системе нормативного регулирования общественных отношений, общепризнанно являются нормы права, которые, в отличие от иных социальных норм, обладают признаком юридической обязательности, поскольку устанавливаются или санкционируются государством, которое к тому же выступает и в качестве гаранта их исполнения. В силу указанной функции норм права государства устанавливают их верховенство над любыми другими социальными нормами.

И еще одна значимая для нас деталь. Среди (теперь уже) правовых норм особо выделяют *конституционные* нормы, регулирующие наиболее важные общественные отношения в государстве и закрепляемые в особом нормативном правовом акте (иногда — актах), имеющем высшую юриди-

ческую силу — в Конституции (Основном законе) государства (или государственно-территориального содружества в межгосударственных объединениях).

Но мало установить правила поведения людей в обществе, надо еще чтобы они соблюдались. Фактический результат реализации требований соответствующих социальных норм получил в общей теории права название «порядка». Поскольку правила поведения в обществе устанавливаются *разными* по своей природе социальными нормами, то существуют и разные *виды таких порядков*, а степень исполнения или неисполнения тех или иных установленных в обществе правил поведения указывает на состояние этих порядков¹.

Что касается видов таких порядков, то в общей теории права порядок, отражающий результаты урегулирования общественных отношений *всеми* социальными нормами, получил название *общественного порядка*, а результат фактической реализации только правовых норм — *правопорядка*. При этом правопорядок выступает в качестве части общественного порядка². В свою очередь в рамках правопорядка сегодня принято выделять *конституционный правопорядок* как результат фактической реализации наиболее общих, фундаментальных и единых для данного общества конституционных правовых норм, о которых мы говорили выше. Поскольку имеется специфика распространения действия норм права во времени, пространстве и по кругу лиц, постольку

¹ Если те или иные социальные нормы являются действующими, но не исполняются, то следует говорить о том или ином *состоянии* порядка (общественного порядка или правопорядка), но не о его отсутствии.

² См.: Теория государства и права: учебник для вузов / под редакцией В. К. Бабаева. 4-е изд., М.: Юрайт, 2019. С. 533-537 [Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik dlya vuzov (Theory of state and law) / ed. by V.K. Babayev. Moscow: Yurayt, 2019. Pp. 533-537]; Общая теория государства и права: учебник / под ред. С.Ю. Наумова, А.С. Мордовца, Т.В. Касоевой. Саратов, 2018. С. 202-204. [Obshchaya teoriya gosudarstva i prava: uchebnik (General theory of state and law) / ed. by S.Yu. Naumov, A.S. Mordovts, T.V. Kasayeva. Saratov, 2018. Pp. 202-204.]

является допустимым говорить о состоянии правопорядка в тот или иной временной период, в той или иной сфере правового регулирования, на той или иной части государственной территории и т. п.

Международные, в том числе межгосударственные, общественные отношения также регулируются различными видами социальных норм, всю совокупность которых принято называть *международной нормативной системой*. В эту систему входят нормы международной морали, международной вежливости, международные традиции, неправовые международные обычаи, международные обыкновения, нормы международных межправительственных организаций рекомендательного характера (включая нормы так называемого «мягкого права»), международные договоренности, имеющие индивидуальной характер, нормы международных межправительственных актов, не являющихся международными договорами и др. При этом, также, как и на национальном уровне, центральной частью международной нормативной системы, ее ядром и базисом являются нормы международного права, которые, также, как и на национальном уровне, обладают верховенством над всеми другими видами норм международной нормативной системы, ибо, «право должно соблюдаться». Отличительными от иных норм международной нормативной системы особенностями международно-правовых норм является то, что они (в конечном счете) всегда исходят от государств, что в них проявляется не индивидуальная, а согласованная государственная воля, что такие нормы являются формально-определенными, а также то, что предписания международно-правовых норм (также, как и нормы права на национальном уровне) обладают юридически обязательным характером.

Среди международно-правовых норм выделяют нормы *общего международного права*. Их характерным качественным признаком является то, что они обязательны для всех государств (и других субъектов международных межгосударственных отношений), независимо от того, являются ли они участниками, скажем, того или иного между-

народного договора, в котором эти нормы закреплены, или нет. Дело в том, что для одних таких субъектов они обязательны как норма международного договора, в котором они участвуют, а для других – как общепризнанный международно-правовой обычай, имеющий такую же обязательность, что и соответствующая договорная норма. Что же это за нормы? К ним, согласно ст. 53 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., относятся нормы *jus cogens*. Дело в том, что каждая такая норма «принимается и признается международным сообществом государств в целом как норма, отклонение от которой недопустимо, и которая может быть изменена только последующей нормой общего международного права, носящей такой же характер»³. Примером таких норм, в частности, могут служить нормы, закрепленные в Уставе ООН, в том числе, основные принципы международного права, обладающие высшей юридической силой.

Поскольку международные отношения регулируются принципиально разными видами норм международной нормативной системы, то и свое реальное воплощение мировой (международный) порядок получает исключительно в одной из трех своих самостоятельных ипостасей. Так, в том случае, когда речь идет о порядке, который складывается как результат урегулирования международных отношений *всеми видами* норм международной нормативной системы, следует говорить о мировом *общественном (публичном)* порядке, схожем с понятием «общественного порядка» на национальном уровне. Когда мы говорим о порядке, который возникает в результате урегулирования международных межгосударственных отношений нормами международного права следует использовать термин *мировой (международный) правопорядок*⁴, аналогич-

³ Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г. // Ведомости ВС СССР, 10.09.1986. № 37. Ст. 772.

⁴ Мовчан А.П. Международный правопорядок. М.: Изд-во ИГиП РАН, 1996. 102 С. [Movchan, A.P. Mezhdunarodnyj pravoporyadok (International legal order). Moscow: Izd-vo IGI P RAN. 1996. 102 p.]; Громыко А.А. Мировой порядок или правопорядок // Международная жизнь. 2012. № 3. С. 18-32. [Gromyko, A.A.

ный термину «правопорядок», применяемому на национальном уровне. Наконец, в том случае, когда речь идет о мировом порядке, который складывается в результате урегулирования основ международных межгосударственных отношений фундаментальными нормами общего международного права, то следует вести речь о *глобальном (общем) мировом правопорядке*, т.е. использовать термин, схожий по своему «статусу» с понятием «конституционного правопорядка» на национальном уровне.

Применительно к глобальному международному порядку отметим, что, прежде всего, в его рамках речь идет о реализации таких норм общего международного права (соответствующего исторического периода), что закрепляют основные принципы международного права (и регулирования международных межгосударственных отношений), международную правосубъектность, источники права, легитимные способы разрешения международных споров и международный институциональный механизм поддержания и обеспечения установленного мира и существующего глобального мирового правопорядка. Как правило, эти нормы закрепляются в базовом для каждого исторического глобального мирового правопорядка международном договоре (международных договорах одного периода, объединенных общим историческим предназначением), который рассматривается государствами (и другими участниками международных межгосударственных отношений) как международный договор самого высокого иерархического уровня. Ну и, конечно же, этот договор должен распространять свое действие на территории, относящиеся ко всем населенным континентам мира.

Проблемы, связанные с определением понятия мирового (международного) порядка

Прежде всего отметим, что в силу своей многогранности мировой (международный) порядок привлекал внимание исследователей самых различных научных направле-

ний на самых разных исторических этапах развития человечества. Соответствующие проблемы затрагивались еще Фукидидом (жившим в пятом веке до нашей эры), Н. Макиавелли, Т. Гоббсом, Д. Локком, И. Кантом, Г.В.Ф. Гегелем, основоположниками марксизма и др. Но и сегодня теоретические и практические вопросы мирового порядка продолжают оставаться «центральной» проблемой международных отношений⁵, предметом многочисленных исследований ученых и политических деятелей. Может быть в силу именно своей многогранности какого-либо однозначного, общепризнанного определения международного порядка ни в доктрине, ни в международной политической практике, как уже отмечалось, так и не сформировалось, неслучайно большинство авторов, которые его используют, применяют его без каких-либо пояснений.

Думается, что в числе основных причин сложившейся ситуации можно выделить следующие:

Во-первых, многие исследователи мирового (международного) порядка никак не могут решить, что же представляет собой его основной определяющий признак?

Так, одни из них склонны сводить мировой порядок к совокупности международных (межгосударственных) отношений. По мнению А.А. Галкина, например, «миропорядок – это, прежде всего, совокупность взаимоотношений суверенных государств»⁶. А.Д. Богатуров понимает под ним систему отношений, складывающихся «между всеми странами мира, совокупность которых условно именуется международным сообществом»⁷. Л.Е. Гринин несколько рас-

⁵ Ikenberry, J. After Victory. Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order after Major Wars. New Jersey, Princeton, 2001. 293 p.

⁶ Галкин А.А. Размышления о политике и политической науке. М.: Оверлей, 2004. 278 С. [Galkin, A.A. Razmyshlenija o politike i politicheskoy nauke (Reflections on Politics and Political Science). Moscow: Overlej. 2004. 278 p.]

⁷ Богатуров А.Д. Современный международный порядок // Международные процессы. 2003. Т. 1. № 1. С. 6-23. [Bogaturov, A.D. Sovremennyy mezhdunarodnyj porjadok (The Contemporary International Order) // Mezhdunarodnye processy, 2003, No. 1, Pp. 6-23.]

Mirovoj porjadok ili pravoporjadok? (World Order or World Legal Order?) // Mezhdunarodnaja zhizn' (International Affairs), 2012, No. 2(8), Pp. 18-32.]

ширяет такой узкий подход и рассматривает международный порядок уже не только как некую систему международных отношений, но и включает в это понятия представления о том, «на каких принципах должны выстраиваться отношения между странами и в целом в мире»⁸. П.А. Цыганков идет еще дальше и полагает, что «международный порядок – это такое устройство международных (прежде всего межгосударственных) отношений, которое призвано обеспечить основные потребности государств и других институтов, создавать и поддерживать условия их существования, безопасности и развития»⁹. В то же время Ю.П. Давыдов считает, что мировой порядок – это «состояние системы международных отношений», но «соответствующим образом запрограммированное на ее безопасность, стабильность и развитие, и регулируемое на основе критериев, отвечающих нынешним потребностям прежде всего самых влиятельных субъектов данного мирового сообщества»¹⁰.

Скажем сразу, мы никак не можем согласиться с подобной позицией. Речь все-таки идет о юридическом понятии, но ни общая теория права, ни теория международного права никогда не олицетворяли ни общественный порядок, ни правопорядок, ни мировой порядок непосредственно с общественными отношениями, их «устройством» или «состоянием их системы». Вопрос не в самих международных (межгосударственных) отношениях, а в том, в какой степени исполняются установленные соответствующими

нормами международной нормативной системы правила по их урегулированию.

Другие авторы полагают, что мировой порядок есть (с неизбежными в таких случаях вариациями) ни что иное, как совокупность (юридических) норм и принципов, регулирующих международные отношения. Так, Н.М. Сирота считает, что «мировой порядок можно определить как совокупность принципов, норм и институтов, регулирующих поведение акторов мировой политики (прежде всего государств), обеспечивающих их основные потребности в безопасном существовании и реализации своих интересов, позволяющих поддерживать стабильность международной системы»¹¹. С ним практически полностью солидарен Э.Я. Баталов, по мнению которого мировой порядок представляет собой «принципы, нормы и институты, регулирующие поведение международных акторов» (к которым он относит не только субъектов международного права)¹².

Среди зарубежных ученых такой подход также имеет своих сторонников. Так, Дж. Айкенберри, например, ключевым признаком мирового (международного) порядка считает наличие общепризнанных правил и принципов, которыми субъекты международных отношений руководствуются в отношениях друг с другом¹³, а по мнению

⁸ Гринин Л.Е. Мировой порядок в прошлом, настоящем и будущем // История и современность. 2016. № 1 (23) С. 20-63. [Grinin, L.E. *Mirovoj porjadok v proshlom, nastojashhem i budushhem* (World Order in the Past, Present and Future) // *Istorija i sovremennost' (History and Modernity)*, 2016, No. 1 (23), Pp. 20-63.]

⁹ Цыганков П.А. Теория международных отношений. М.: Гардарики, 2003. 590 С. [Tsygankov, P.A. *Teorija mezhdunarodnyh otnoshenij* (International Relations Theory). Moscow: Gardariki. 2003. 590 p.]

¹⁰ Давыдов Ю.П. Норма против силы: Проблема мирорегулирования. М.: Наука, 2002. 287 С. [Davydov, Ju.P. *Norma protiv sily: Problema miroregulirovaniya* (Norm vs. Force: the Problem of World Regulation). Moscow: Nauka, 2002. 287 p.]

¹¹ Сирота Н.М. Понятие «мировой порядок» в современном теоретическом дискурсе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 3 (29): в 2-х ч. Ч. II. С. 177-181. [Sirota, N.M. *Ponjatie «mirovoy porjadok» v sovremennom teoreticheskom diskurse* (The concept of «world order» in modern theoretical discourse). *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kulturologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* (Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice). 2013. No. 3 (29): v 2-h ch. Ch. II. Pp. 177-181.]

¹² Баталов Э.Я. Мировое развитие и мировой порядок. М.: РОССПЭН, 2005. 374 С. [Batalov, Je.Ja. *Mirovoe razvitie i mirovoj porjadok* (World Development and World Order). Moscow: ROSSPJeN. 2005. 374 p.]

¹³ Ikenberry, J. *After Victory. Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order after Major Wars*. New Jersey, Princeton, 2001. 293 p.

Т. Франка, основу мирового порядка составляет законность, под которой он понимает совокупность правил, созданных в ходе «общепринятых юридических процедур»¹⁴. Сюда же можно отнести и целую группу американских авторов (М. Мазарр, М. Прайб, А. Радин и А.С. Севаллос) которые полагают, что международный «порядок – это устойчивая, структурированная модель взаимоотношений между государствами, которая включает в себя определённую комбинацию её составных частей, в том числе возникающие нормы, нормотворческие институты и международные политические организации или режимы (помимо прочего)»¹⁵.

С точки зрения теории международного права допустимо согласиться с тем, что мировой (международный) правопорядок в определенной степени *основывается* на международно-правовых принципах и нормах, поскольку он является *результатом* выполнения их требований, отражает степень их осуществления. Но он точно не может отождествляться с самими международно-правовыми нормами или являться совокупностью таких норм.

Таким образом, мы не можем присоединиться ни к тем, кто рассматривает мировой (международный) порядок (правопорядок) как совокупность международных отношений, ни к тем, кто считает его совокупностью регулирующих такие отношения норм международного права (международной нормативной системы). Полагаем, что истина (как это часто бывает) лежит где-то посередине между этими двумя крайностями, поскольку такие порядки представляют собой результат реализации требований соответствующих норм международной нормативной системы в рамках урегулирования ими именно международных отношений.

Еще в одну группу исследователей этой проблематики мы включили тех авторов, которые по различным причинам

«не вписались» ни в первую, ни во вторую группу нашей классификации. Их довольно много, но приведем здесь только несколько соответствующих примеров. Так, по мнению Х. Булла «под международным (мировым) порядком понимается характер (состояние) или направление внешней активности, обеспечивающей неизбежность тех целей сообщества государств, которые являются для него, с одной стороны, элементарно необходимыми, с другой – жизненно важными, с третьей – общими для всех»¹⁶. Полагаем, что такое определение «международного (мирового порядка)» этого известнейшего зарубежного ученого, мягко говоря, само нуждается в значительных разъяснениях.

В качестве другого примера приведем мнение К.С. Гаджиева, который трактует понятие «мировой порядок» в двух форматах. В широком смысле оно рассматривается им как «мировое сообщество в его тотальности, включая всех без исключения акторов», а в узком смысле – как «система взаимоотношений наиболее активных акторов мирового сообщества, основанная на определенном комплексе неофициальных и официальных правил и норм поведения, закрепленных в международном праве, а также созданных на их базе институтов, организаций, союзов и т.д.»¹⁷. На наш взгляд, здесь в первом случае имеет место подмена понятия «мирового (международного) порядка» понятием «мировая политическая система», которые, конечно же, не являются идентичными. Во втором случае не ясна природа этого самого комплекса «неофициальных и официальных правил и норм поведения, закрепленных в международном праве». По крайней мере, существование «неофициальных» международно-правовых норм до К.С. Гаджиева еще никто не фиксировал.

¹⁴ Franck, T.M. The Power of Legitimacy Among Nations. Oxford University Press, 1990. 303 p.

¹⁵ Mazarr, M.J.; Priebe, M.; Radin, A.; Cevallos, A.S. Understanding the current international order. A Rand Project to explore US Strategy in a Changing World. Santa Monica, Calif: RAND Corporation, 2016. 64 p.

¹⁶ Bull, H. The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics. 3rd ed. New Jersey. Columbia Univ. Press, 2002. 368 p.

¹⁷ Гаджиев К.С. Геополитические горизонты России: контуры нового миропорядка. М.: Экономика, 2007. 751 с. [Gadzhiev, K.S. Geopoliticheskie gorizonty Rossii: kontury novogo miroporjadka (Russia's Geopolitical Horizons: Contours of the New World Order). Moscow: Jekonomika, 2007. 751 p.]

Существует также группа авторов, которые пытаются определить мировой порядок (правопорядок) через различные международные многосторонние политические, финансовые и др. институты, а также через факторы, оказывающие влияние на состояние мирового правопорядка. Так, А. Ворд полагает, что такой порядок «в самом общем смысле, относится к механизмам, созданным для обеспечения совместных усилий в решении геополитических, экономических и других глобальных проблем, а также для арбитражного урегулирования споров», что он «воплощается в различных многосторонних институтах, начиная с Организации Объединенных Наций...»¹⁸. Авторы «Понимания нынешнего международного порядка» считают, что он «вырастает из широкого характера международной системы» и представляет собой «сложившиеся и в определенной степени институционализированные в качестве институтов и практик модели отношений»¹⁹. Дж. Айкенберри определяет его как «совокупность руководящих механизмов между государствами, включая его основополагающие правила, принципы и институты»²⁰ и т. д.

Действительно, на состояние мирового правопорядка воздействует множество факторов, природа которых отличается крайним разнообразием. Прежде всего к ним следует отнести иерархию государств в зависимости от их роли в международной политической и/или экономической системе, существующие принципы межгосударственных взаимоотношений, признанные механизмы реализации права и др. К их числу относятся и деятельность международных многосторонних институтов (универсальных международных межправительственных организаций, военных союзов, интеграци-

онных объединений и др.) которые часто, как и государства, выступают в роли творцов, исполнителей, а иногда и гарантов исполнения международно-правовых норм и т.д. В одних случаях эти факторы могут служить охране и укреплению мирового правопорядка (скажем, через обеспечение исполнения международно-правовых установок), в других – наоборот, отрицательно сказываться на нем. В любом случае между ними существует тесная взаимосвязь, особенно между конкретным видом глобального (общего) мирового правопорядка и теми или иными международными институтами, что создаются для его охраны и укрепления в ходе реализации соответствующих требований норм базового для этого правопорядка международного договора высшего иерархического уровня. Именно поэтому отдельные авторы и включают эти элементы механизма поддержания правопорядка и/или факторы влияния на его состояние и даже участников соответствующих международных отношений в качестве элементов структуры самого правопорядка²¹. Но элементы такого механизма или факторы влияния на состояние правопорядка – это не сам правопорядок.

Второй причиной отсутствия единого (хотя бы в самых общих чертах) определения мирового (международного) порядка (правопорядка) мы считаем различия во взглядах на него представителей разных научных школ, в рамках которых основной акцент ими делается не столько на уяснение сущности самого понятия, сколько на выполняемой им роли в соответствующих областях правового регулирования или в конкретной области научного исследования.

Большинство таких школ сосредоточены в науке о теории международных отношений. Среди них можно выделить так называемых реалистов, которые считают, что международную политику ведут суверенные государства, которые уравнивают мощь друг друга, а мировой порядок есть следствие стабильного распределения силы

¹⁸ Ward, A. «Adapt or Die», Ideas for Modernizing the Rules-Based International Order. Chatham House Expert Perspectives. June 2019.

¹⁹ Mazarr. M.J.; Priebe, M.; Radin, A.; Cevallos, A.S. Understanding the current international order. A Rand Project to explore US Strategy in a Changing World. Santa Monica, Calif: RAND Corporation, 2016. 64 p.

²⁰ Ikenberry, J. After Victory. Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order after Major Wars. New Jersey, Princeton, 2001. 293 p.

²¹ Это проявляется и применительно к правопорядку на национальном уровне. См.: Морозова Л. А. Теория государства и права: учебник. М.: Норма: ИНФРА-М, 2019. С. 421-424.

между крупнейшими государствами²². Ее оспаривают представители английской школы, которые сравнивают мировой порядок с рынком, где действуют законы конкуренции, которые все и упорядочивают²³. Третья группа авторов, в ходе рассмотрения теоретических основ и тенденций мировой политики, приходит к выводу о том, что мировой порядок заключается в формировании среди государств центров силы, ищут его сущность в биполярности, полицентричности или многоцентричности мира или в многосторонности интеграционных образований и т.д. Вынуждены вновь подчеркнуть, что факторы, влияющие на состояние правопорядка и сам правопорядок – не одно и то же.

Некоторые из авторов при этом рассматривают мировой порядок (правопорядок) и международную (мировую) политическую систему либо как тождественные и взаимозаменяемые понятия, либо (как и К.С. Гаджиев) прямо утверждают, что мировой порядок это и есть трансформированная мировая политическая система.

Кроме того, свои представления о мировом порядке имеются в экономических дисциплинах (мировой порядок приравнивается к глобальной капиталистической экономике), в социологии²⁴, политической философии, исторической науке и др. Группа авторов при этом пошла еще дальше и утверждает, что современный международный порядок не является единым и включает в себя несколько самостоятельных и, что важно, «равноправных» мировых порядков

(правопорядков), как то экономический, информационный, правовой, экологический и иные. Их набор, как правило предопределен научными интересами тех или иных авторов. При этом наиболее часто упоминаются три таких мировых порядка: (1) универсальная система безопасности, созданная по Уставу ООН, (2) так называемая западная система²⁵ и (3) универсальная экономическая система²⁶, которые «динамично сосуществуют с договоренностями и отношениями, установленными крупными державами»²⁷.

Здравое зерно в этих рассуждениях присутствует, но полагаем, однако, что во всех этих случаях мы имеем дело не с самостоятельными и равными правопорядками, а с естественным делением (в целом единого) того или иного вида мирового порядка на его составные части, что может быть обусловлено, например, необходимостью определения его состояния в рамках тех или иных территорий, в той или иной сфере международно-правового регулирования или в тот или иной временной период (по отдельности или в их сочетании), как это имеет место по отношению к общественному порядку или правопорядку на национальном уровне. Так, международное право, как правовая система, состоит из большого числа подсистем и, например, в зависимости от пространственной сферы регулирования международных общественных отношений «можно выделить следующие типы международного порядка: глобальный (мировой); региональный; субрегиональный; международно-ситуационный; групповой;

²² Nye, J.S. What New World Order? // *Foreign Affairs*, 1992, Vol. 71, No. 84, Pp. 83-96.

²³ Булл Х. Анархическое общество: исследование проблемы порядка в мировой политике. Антология мировой политической мысли: В 5 т. Т. II. Зарубежная политическая мысль XX века. М.: Мысль, 1997. С. 801-806. [Bull, H. Anarhicheskoe obshhestvo: issledovanie problemy porjadka v mirovoj politike (The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics). Antologija mirovoj politicheskoy mysli (Anthology of World Political Thought): V 5 t. T. II. Zarubezhnaja politicheskaja mysl' XX veka. Moscow: Mysl', 1997. Pp. 801-806.]

²⁴ См.: Цыганков П. Политическая социология международных отношений. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/cugan/13.php (дата обращения 05.01.2021).

²⁵ Сюда входят «развитые рыночные демократии» Северной Америки, Европы и Азиатско-Тихоокеанского региона, объединенные как в рамках НАТО, ЕС, G7, Организации экономического сотрудничества и развития и др., так и на основе двусторонних соглашений.

²⁶ Ее ключевые институты – Международный валютный фонд, Всемирный банк и Всемирная торговая организация. Chalmers M. Which Rules? Why There is No Single «Rules-Based International System» / Royal United Service Institute for Defence and Security Studies. Occasional Paper, 2019. April. Pp. 1-52.

²⁷ Ward, A. «Adapt or Die», Ideas for Modernizing the Rules-Based International Order. Chatham House Expert Perspectives. June 2019.

двусторонний. Каждый из них отличается от других степенью зрелости и механизмами поддержания»²⁸.

В качестве **третьей причины** отсутствия единого определения мирового (международного) порядка (правопорядка) следует признать проблему терминологии. Дело в том, что, за исключением теории международного права, *самостоятельных* общепризнанных понятий, аналогичных понятиям общественного порядка, правопорядка и конституционного правопорядка, существующих на уровне национальных правовых систем, на международном уровне не сложилось, а широко применяемый термин мировой (международный) порядок, как явление, может существовать исключительно в качестве правовой фикции, поскольку он каждый раз может проявляться только в виде одного из трех указанных выше мировых порядков. Но на практике для обозначения всех (и мирового общественного порядка, и мирового (международного) правопорядка, и глобального мирового правопорядка), несмотря на их принципиальные отличия, особенно в западной доктрине (хотя это имеет место и в доктрине отечественной), применяется один и тот же термина – «мировой (международный) порядок». Эта ситуация никак не могла не привести в этот вопрос ужасной путаницы²⁹.

Свою роль в сложившейся ситуации сыграло и то, что в научных исследованиях встречаются разные подходы к определению понятий «международного порядка» и «мирового порядка»³⁰. Так, одни авторы пола-

гают, что между этими схожими понятиями имеется разница в сфере распространения: если такой сферой является весь мир, то в этом случае следует говорить о мировом порядке, если это – отдельный регион, то в этом случае следует вести речь о международном порядке³¹ (с чем, на наш взгляд можно согласиться). Другие же считают, что разница между этими понятиями заключается в объеме охватываемых международных отношений: международный порядок относится исключительно к состоянию урегулирования международных *межгосударственных* отношений и является ядром мирового порядка³², а мировой порядок включает в себя урегулирование всех международных общественных отношений с участием «всего многообразия легитимных международных акторов в выработке и соблюдении правил и норм взаимодействия, принятии решений, касающихся функционирования глобальной международной системы...»³³. Иными словами, они фактически соотносятся между собой как мировой правопорядок и мировой общественный порядок³⁴. Но этот

projavlenija «vneshnostnosti»: ili novye aktory – starye pravila (Political System of the World: Manifestations of «Out-of-System»: or New Actors – Old Rules). «Privatizacija» mirovoj politiki: lokal'nye dejstviya – global'nye rezul'taty («Privatization» of World Politics: Local Actions – Global Results). Moscow: Golden Bi. 2008. Pp. 53-66.; Bull, H. The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics. L.: Macmillan, 1985. 140 p.

³¹ См.: Киссинджер Г. Мировой порядок. URL: <https://nice-books.ru/books/nauchnye-i-nauchnopoluljarnye-knigi/politika/190833-genrikissindzher-mirovoiporyadok.html> (дата обращения 05.01.2021).

³² По Х. Буллу мировой порядок по сравнению с международным порядком «шире», «фундаментальнее» и «исконнее» [Bull.1985:14].

³³ Унтилова И. Л. Концепт «новый мировой порядок» в современной политологии. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-novyy-mirovoypo-ryadok-v-sovremennoy-politologii-gii/viewer> (дата обращения 05.01.2021).

³⁴ Hoffman, S. Primacy of World Order: American Foreign Policy since the Cold War. N.Y.: McGraw-Hill book co, 1980. 352 p.; Ikenberry, J. After Victory. Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order after Major Wars. New Jersey, Princeton, 2001. 293 p.

²⁸ Панченко М.Ю. Международный порядок: сущность и механизмы. – Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. URL: <http://jurnal.org/articles/2008/polit72.html> (дата обращения 05.01.2021).

²⁹ Так, именно здесь коренятся истоки широко рекламируемой западными политиками доктрины «rules-based international order», т. е. «международного порядка, основанного на правилах».

³⁰ Лебедева М.М. Политическая система мира: проявления «внесистемности»: или новые акторы – старые правила. «Приватизация» мировой политики: локальные действия – глобальные результаты. М.: Голден Би, 2008. С. 53-66. [Lebedeva, M.M. Politicheskaja sistema mira:

подход представляется нам спорным. Поскольку речь идет о порядках, возникающих как результат урегулирования международных отношений теми или иными нормами международной нормативной системы, то и определяющим его элементом являются не столько характер субъектов этих отношений, сколько природа регулирующих эти отношения социальных норм международной нормативной системы, носящих, в частности, или правовой, или неправовой характер.

Сформулируем заключительные выводы:

1. При исследовании вопросов мирового (международного) порядка (правопорядка) не следует игнорировать устоявшиеся в юриспруденции аксиомы общей теории права и общей теории международного права, касающихся, в частности, вопросов содержания понятий общественный порядок, правопорядок, конституционный правопорядок, мировой общественный порядок, мировой (международный) правопорядок и глобальный мировой правопорядок, а также понятия международной нормативной системы.

2. Мировой (международный) правопорядок – это не международные общественные отношения и не те или иные нормы права, которые их регулируют, его не следует смешивать и с многочисленными факторами, влияющими на реализацию требований норм международного права. Он представляет собой ни что иное, как результат реализации требований международно-правовых норм, регулирующих международные общественные отношения.

3. Сам по себе термин «мировой порядок» является ничем иным, как юридической фикцией, поскольку каждый раз речь может идти только об одном из трех его видов: (1) мировой общественный порядок, который складывается в результате реализации всех видов норм международной нормативной системы; (2) мировой правопорядок, который складывается в результате реализации исключительно норм международного права и (3) глобальный (или общий) мировой правопорядок, который является результатом реализации не всех, но исключительно фундаментальных, базовых норм *jus cogens* общего международного права.

Литература:

- Баталов Э.Я.* Мировое развитие и мировой порядок. М.: РОССПЭН, 2005. 374 С.
- Богатуров А.Д.* Современный международный порядок // *Международные процессы*. 2003. Т. 1. № 1. С. 6-23.
- Булл Х.* Анархическое общество: исследование проблемы порядка в мировой политике. Антология мировой политической мысли: В 5 т. Т. II. Зарубежная политическая мысль XX века. М.: Мысль, 1997. С. 801-806.
- Васконселос А. де.* Многополярность, становящаяся «многосторонней» // *Геополитика*. 2011. Вып. XII. С. 52-73.
- Гаджиев К.С.* Геополитические горизонты России: контуры нового миропорядка. М.: Экономика, 2007. 751 с.
- Галкин А.А.* Размышления о политике и политической науке. М.: Оверлей, 2004. 278 С.
- Гринин Л.Е.* Мировой порядок в прошлом, настоящем и будущем // *История и современность*. 2016. № 1 (23) С. 20-63.
- Громыко А.А.* Изменяющаяся геометрия полицентричности // *Сравнительная политика*. 2012. Т. 3. № 2 (8). С. 59-63.
- Громыко А.А.* Мировой порядок или правопорядок // *Международная жизнь*. 2012. № 3. С. 18-32.
- Давыдов Ю.П.* Норма против силы: Проблема мирорегулирования. М.: Наука, 2002. 287 С.
- Лебедева М.М.* Политическая система мира: проявления «внесистемности»: или новые акторы – старые правила. «Приватизация» мировой политики: локальные действия – глобальные результаты. М.: Голден Би, 2008. С. 53-66.
- Мовчан А.П.* Международный правопорядок. М.: Изд-во ИГиП РАН, 1996. 102 с.
- Сирота Н.М.* Понятие «мировой порядок» в современном теоретическом дискурсе // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2013. № 3 (29): в 2-х ч. Ч. II. С. 177-181.
- Стрежнева М.В.* Приверженность Евросоюза принципу многосторонности в условиях трансформации мирового порядка // *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. 2016. Т. 8. № 2. С. 3-30.
- Цыганков П.А.* Теория международных отношений. М.: Гардарики, 2003. 590 с.
- Bull, H.* The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics. L.: Macmillan, 1985. 140 p.
- Bull, H.* The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics. 3rd ed. New Jersey. Columbia Univ. Press, 2002. 368 p.
- Chalmers M.* Which Rules? Why There is No Single «Rules-Based International System» / Royal United Service Institute for Defence and Security Studies. Occasional Paper, 2019. April. Pp. 1-52.
- Cox, R.* Social Forces, States, and World Orders: Beyond International Relations Theory // *Millennium – Journal of International Studies*. 1981. Vol. 10. № 2. P. 126–155.
- Hoffman, S.* Primacy of World Order: American Foreign Policy since the Cold War. N.Y.: McGraw-Hill book co, 1980. 352 p.
- Ikenberry, J.* After Victory. Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order after Major Wars. New Jersey, Princeton, 2001. 293 p.

Mazarr, M.J.; Priebe, M.; Radin, A.; Cevallos, A.S. Understanding the current international order. A Rand Project to explore US Strategy in a Changing World. Santa Monica, Calif: RAND Corporation, 2016. 64 p.

Nye, J.S. What New World Order? // *Foreign Affairs*, 1992, Vol. 71, No. 84, pp. 83-96.

Falk, R.A. An Approach to the World Order Studies and the World System. N.Y.: World Order Models Project, 1982. 182 p.

Franck, T.M. The Power of Legitimacy Among Nations. Oxford University Press, 1990. 303 p.

Ward, A. «Adapt or Die», Ideas for Modernizing the Rules-Based International Order. Chatham House Expert Perspectives. June 2019.

References:

Batalov, Je.Ja. Mirovye razvitiye i mirovoj porjadok (World Development and World Order). Moscow: ROSSPJeN. 2005. 374 p.

Bogaturov, A.D. Sovremennyy mezhdunarodnyj porjadok (The Contemporary International Order) // *Mezhdunarodnye processy*, 2003, No. 1, pp. 6-23.

Bull, H. Anarhicheskoe obshchestvo: issledovanie problemy porjadka v mirovoj politike (The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics). Antologiya mirovoj politicheskoy mysli (Anthology of World Political Thought): V 5 t. T. II. Zarubezhnaya politicheskaya mysl' HH veka. Moscow: Mysl', 1997. Pp. 801-806.

Bull, H. The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics. 3rd ed. New Jersey. Columbia Univ. Press, 2002. 368 p.

Bull, H. The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics. L.: Macmillan, 1985. 140 p.

Chalmers M. Which Rules? Why There is No Single «Rules-Based International System» / Royal United Service Institute for Defence and Security Studies. Occasional Paper, 2019. April. Pp. 1-52.

Cox, R. Social Forces, States, and World Orders: Beyond International Relations Theory // *Millennium – Journal of International Studies*. 1981. Vol. 10. № 2. P. 126-155.

Davydov, Ju.P. Norma protiv sily: Problema miroregulirovaniya (Norm vs. Force: the Problem of World Regulation). Moscow: Nauka, 2002. 287 p.

Falk, R.A. An Approach to the World Order Studies and the World System. N.Y.: World Order Models Project, 1982. 182 p.

Franck, T.M. The Power of Legitimacy Among Nations. Oxford University Press, 1990. 303 p.

Gadzhiev, K.S. Geopoliticheskie gorizonty Rossii: kontury novogo miroporjadka (Russia's Geopolitical Horizons: Contours of the New World Order). Moscow: Jekonomika, 2007. 751 p.

Galkin, A.A. Razmyshleniya o politike i politicheskoy nauke (Reflections on Politics and Political Science). Moscow: Overlej. 2004. 278 p.

Grinin, L.E. Mirovoj porjadok v proshlom, nastojashem i budushhem (World Order in the Past, Present and Future) // *Istorija i sovremennost' (History and Modernity)*, 2016, No. 1 (23), pp. 20-63.

Gromyko, A.A. Izmenjajushhajasja geometrija policentrichnosti (Changing Geometry of Global Polycentricity) // *Comparative Politics Russia*, 2012, No. 2 (8), pp. 59-63.

Gromyko, A.A. Mirovoj porjadok ili pravoporjadok? (World Order or World Legal Order?) // *Mezhdunarodnaja zhizn' (International Affairs)*, 2012, No. 2(8), pp. 18-32.

Hoffman, S. Primacy of World Order: American Foreign Policy since the Cold War. N.Y.: McGraw-Hill book co, 1980. 352 p.

Ikenberry, J. After Victory. Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order after Major Wars. New Jersey, Princeton, 2001. 293 p.

Lebedeva, M.M. Politicheskaja sistema mira: projavleniya «vnesistemnosti»: ili novye akторы – starye pravila (Political System of the World: Manifestations of «Out-of-System»: or New Actors – Old Rules). «Privatizacija» mirovoj politiki: lokal'nye dejstvija – global'nye rezul'taty («Privatization» of World Politics: Local Actions – Global Results). Moscow: Golden Bi. 2008. Pp. 53-66.

Mazarr, M.J.; Priebe, M.; Radin, A.; Cevallos, A.S. Understanding the current international order. A Rand Project to explore US Strategy in a Changing World. Santa Monica, Calif: RAND Corporation, 2016. 64 p.

Movchan, A.P. Mezhdunarodnyj pravoporjadok (International legal order). Moscow: Izd-vo IGI P RAN. 1996. 102 p.

Nye, J.S. What New World Order? // *Foreign Affairs*, 1992, Vol. 71, No. 84, pp. 83-96.

Sirota, N.M. Ponjatie «mirovoj porjadok» v sovremennom teoreticheskom diskurse (The concept of «world order» in modern theoretical discourse). Istoricheskie, filozofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki (Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice). 2013. No. 3 (29): v 2-h ch. Ch. II. Pp. 177-181.

Strezhneva, M.V. Priverzhennost' Evrosojuza principu mnogostoronnosti v uslovijah transformacii mirovogo porjadka (The EU's Commitment to the Principle of Multilateralism in the Context of the Transformation of the World Order) // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 25: Mezhdunarodnye otnoshenija i mirovaja politika*, 2016, No. 2, pp. 3-30.

Tsygankov, P.A. Teorija mezhdunarodnyh otnoshenij (International Relations Theory). Moscow: Gardariki. 2003. 590 p.

Vaskonselos, A. de. Mnogopoljarnost', stanovjashhajasja «mnogostoronnej» (Multipolarity, Becoming «Multilateral») // *Geopolitika (Geopolitics)*, 2011, pp. 52-73.

Ward, A. «Adapt or Die», Ideas for Modernizing the Rules-Based International Order. Chatham House Expert Perspectives. June 2019.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10025

THE CONCEPT OF “WORLD ORDER”: THEORIES AND REALITY

Boris I. Nefedov

*MGIMO University, National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia*

Article history: <i>Received:</i> 02.02.2021 <i>Accepted:</i> 03.06.2021	Abstract: At present, there is no common perception in modern science and international political practice of what the world (international) order (legal order) is. The article analyzes the relevant points of view. It is concluded that by referring to the relevant provisions, generally accepted in the framework of the general theory of law and the theory of international law, it is possible to get close enough to the solution of this problem. The article also examines other problems related to the essence of the concepts of the world (international) order and its types (world public order, world legal order and global world legal order), and also the varieties of social norms of the international regulatory system, the results of the implementation of which shape the corresponding orders. Special attention is paid to the fact that, in contrast to the widespread perceptions, all three types of world order are neither a set of international relations, nor a set of norms regulating such relations. According to the theory of international law, they are the result of the implementation of the requirements of certain norms of the international regulatory system aimed at managing international public relations. In addition, various factors influence the state of a particular type of international order (including a change in the hierarchy of states depending on their role in the international political and/or economic system, the formation of new centers of power, a change in bipolarity, polycentricity or monocentricity of the world, the emergence of multilateral integration formations, the activities of international multilateral institutions, etc.), but they should also not be confused with international orders themselves.
About the author: Professor, Department of International Law, Moscow State Institute of International Relations; Professor, Department of International Relations, Higher School of Economics e-mail: boris-nefedov@mail.ru Key words: world order; world public order; world legal order; global world legal order, international regulatory system	

Для цитирования: Неведов Б.И. Понятие «мирового порядка»: теории и реальность // *Сравнительная политика*. 2021. № 3. С. 21-32.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10025

For citation: Nefedov, Boris I. Ponyatiye «mirovogo poryadka»: teorii i real'nost' (The Concept of “World Order”: Theories and Reality) // *Comparative Politics Russia*, 2021, No. 3, pp. 21-32.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10025

МЕЖДУНАРОДНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СУБНАЦИОНАЛЬНЫХ АКТОРОВ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА: ВАРИАНТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Юрий Германович Акимов

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия*

Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 21 декабря 2020 <i>Принята к печати:</i> 3 мая 2021	Аннотация: В статье выявляются варианты взаимодействия парадипломатии субнациональных единиц – субъектов федераций и территориальных автономий – и национальной внешней политики центрального правительства. Автор выделяет три основных типа взаимодействия: параллельное, конфликтное, синергетическое. Отмечается, что первоначально термин «парадипломатия» относился к таким внешним связям субнациональных акторов международных отношений, которые развивались обособленно от внешней политики федерального уровня (т.е. в рамках первого или второго типа). Показывается, что развитие взаимодействия между международной деятельностью национального и субнационального уровня привело к расширению понятия «парадипломатия» и появлению альтернативных терминов. Автором статьи предлагается синтетический термин <i>ауксилиарная (вспомогательная) парадипломатия</i> для описания такого варианта синергетического взаимодействия международной деятельности центра и субнациональной единицы, при котором последняя выступает в качестве инструмента достижения общенациональных задач.
Об авторе: профессор, кафедра американских исследований, СПбГУ e-mail: y.akimov@spbu.ru	
Ключевые слова: парадипломатия; субнациональные единицы; субъекты федераций; территориальные автономии; внешняя политика федерального правительства; варианты взаимодействия; ауксилиарная парадипломатия	

Характерной чертой современных международных отношений является то обстоятельство, что наряду с суверенными нациями-государствами, традиционно являющимися их основными участниками, на международной арене резко увеличилась численность и возросла активность иных игроков (негосударственных, субнациональных, наднациональных, транснациональных). Особое место среди них занимают субнациональные / субгосударственные акторы – субъекты федераций, административные единицы децентрализованных государств, территориальные автономии. Они являются «государствоподобными» образованиями и нередко вполне сопоставимы по многим показателям с развитыми странами. Международная деятельность этих акторов обычно обозначается термином «парадипломатия» (также употребляются термины

«составная дипломатия», «региональная субгосударственная дипломатия», «микро-дипломатия» и др.).

Очевидно, что внешние связи субнационального актора не могут осуществляться без ведома и согласия (хотя бы молчаливого) соответствующего национального правительства. Более сложным является вопрос о характере восприятия парадипломатии «центром» и ее взаимодействия с государственной внешней политикой. Ответить на него, а также классифицировать и описать варианты этого восприятия и взаимодействия мы попытаемся в настоящей статье.

Во многих определениях парадипломатии, предложенных политологами и специалистами по международным отношениям, подчеркивается относительная ав-

тономность внешних связей ее участников по отношению к внешнеполитической деятельности соответствующих национальных государств. Этому способствует сам термин парадипломатия, точнее содержащаяся в нем приставка пара (греч. *παρά*), имеющая очень много разнообразных значений: «рядом», «за пределами», «возле», «вне», «напоминающий», «отклоняющийся от нормы» и т.д. Очевидно, именно эта многозначность и привлекла американского политолога Иво Духачека и его канадского коллегу Панайотиса Сольдато, которые ввели термин «парадипломатия» (в его нынешнем значении) в научный оборот и популяризировали его в середине – второй половине 1980-х гг. На наш взгляд, это было обусловлено тем, что в своих работах они рассматривали, главным образом, современную им международную деятельность субъектов двух североамериканских федераций: США и Канады, где в то время штаты и провинции действовали обособленно от федеральных правительств, а в отдельных случаях шли с ними на конфликт (как в случае с канадской провинцией Квебек). Одно из первых определений парадипломатии, предложенное Сольдато, звучало так: «прямое продолжение, в различной степени, международной деятельности со стороны субгосударственных правительств»¹. Со своей стороны, Духачек заметил, что в термине «парадипломатия» приставка «пара» точно выражает то, о чем идет речь: деятельность, параллельная макродипломатии центр–центр, часто координируемая с ней, дополняющая ее и иногда конфликтующая с ней»².

В ряде существующих определений парадипломатии также делается акцент на ее обособленности от государственной поли-

тики. Так, С. Уолф считает, что это «“внешнеполитический потенциал” субгосударственных образований (*sub-state entities*); их независимое от государства-метрополии участие в международных отношениях, направленное на достижение собственных интересов»³. По мнению С. Пакена, «парадипломатия заключается в международной политике на региональном уровне, которая отличается от международной политики центрального правительства: это параллельная дипломатия»⁴. А. Кузнецов определяет парадипломатию как «форму политической коммуникации для достижения экономических, культурных, политических или любых других видов выгод, ядро которой состоит в самостоятельных действиях региональных правительств с иностранными правительственными и неправительственными субъектами»⁵.

Одной из важнейших причин, способствовавших выходу субнациональных акторов, относящихся к индустриально-развитым странам Запада, на международную арену, было качественное расширение сферы международных контактов, наметившееся с 60-х гг. XX в. (прежде всего, конечно, это касалось совокупности самих этих стран). Помимо вопросов «высокой политики» – войны, мира, безопасности и т.п. – данная сфера стала включать вопросы «низкой политики», связанные с торговлей, инвестициями, природопользованием, иммиграционными потоками, туризмом, поп-культурой, образованием, которые затрагивали интересы значительных масс людей. В то же время во многих федеративных и децентрализованных государствах «первого мира» вышеперечисленные вопросы полностью или частично относились к ведению не национальных, а субнациональных правительств / администраций. К этому

¹ Soldatos, P. An Explanatory Framework for the Study of Federated States as Foreign-Policy Actors // *Federalism and International Relations: The Role of Subnational Units* / Ed. by H.J. Michelmann, P. Soldatos. Oxford: Oxford Press, 1990. P. 34.

² Duchacek, I.D. Perforated Sovereignties: Towards a Typology of New Actors in International Relations // *Federalism and International Relations: The Role of Subnational Units* / Ed. by H.J. Michelmann, P. Soldatos. Oxford: Oxford Press, 1990. P. 32.

³ Wolff, S. *Paradiplomacy: Scope, Opportunities and Challenges*. P. 1. Mode of access: <http://www.stefanwolff.com/files/Paradiplomacy.pdf>

⁴ Paquin, S. *Paradiplomatie et relations internationales: Théories et stratégies internationales de régions face à la mondialisation*. Bruxelles: P.I.E. Peter Lang, 2004.

⁵ Kuznetsov, A. *Theory and Practice of Paradiplomacy: Subnational Governments in International Affairs*. London & New York: Routledge, 2015. Pp. 30-31.

следует добавить, что в ряде индустриально развитых стран уже тогда стали намечаться тенденции к перераспределению полномочий между центром и регионами⁶ в пользу последних («новый федерализм» в США при Никсоне).

Соответственно первые самостоятельные действия субнациональных акторов на международной арене происходили «за пределами» межгосударственной дипломатии, «вне» ее рамок, «параллельно» с «большой политикой» национальных правительств. В качестве примера можно привести торговые представительства, которые канадские провинции открывали в крупнейших городах США и европейских столицах еще в 1960-70-е гг., или зарубежные визиты американских губернаторов с целью продвижения экспорта и/или привлечения инвесторов (к 1979 г. 33 губернатора совершили в общей сложности 84 поездки⁷).

Можно сказать, что термин «парадипломатия» стал в известной степени отражением той ситуации с международной деятельностью субнациональных акторов, которая сложилась в 1960–80-е гг. Эта деятельность заняла свою обособленную «нишу» в международных отношениях и, как правило, не «пересекалась» с внешней политикой национальных государств. Последние, в свою очередь не препятствовали внешним связям входивших в их состав штатов, провинций, земель, автономий и т.п., если при этом те не ставили политических целей и не покушались на общенациональные интересы. Таким образом сформировался первый тип взаимодействия внешней политики центра и международной деятельности регионов, который можно условно назвать *параллельным*. Для этого типа характерно нейтральное отношение государства к внешним связям его субнациональных единиц.

Второй тип взаимодействия и связанного с ним восприятия появился ненамного

позднее первого. Это – *конфликтный* тип. Во многих случаях он связан с международной деятельностью субъектов федерации и территориальных автономий, имеющих выраженную национальную и/или этнолингвистическую специфику. Пожалуй, наиболее ярким представителем субнациональных акторов такого рода является канадская франкоязычная провинция Квебек. В 1960-е гг. там начался подъем франко-канадского национального движения – «Тихая революция». Одним из ее проявлений стало стремление франко-канадцев, составляющих абсолютное большинство в Квебеке, но являющихся меньшинством в Канаде, использовать квебекские провинциальные институты для выражения своих коллективных интересов в том числе и на международной арене. С начала 1960-х гг. Квебек стал налаживать прямые контакты с «родственной» ему Францией. В 1965 г. между Парижем и г. Квебек было заключено первое «диагональное» (суверенное государство – субнациональный актор) соглашение о сотрудничестве в сфере образования. В том же году министр образования и вице-премьер тогдашнего квебекского правительства (кстати, в целом настроенного вполне профедералистски) Поль Жерен-Лажуа сформулировал доктрину внешней пролонгации внутренних компетенций, которая стала основой международной деятельности провинции⁸. В 1967 г. состоялся визит в Канаду президента Франции Шарля де Голля, в ходе которого в Монреале он произнес речь, в финале которой прозвучал лозунг «Да здравствует свободный Квебек!». Эта речь была восторженно воспринята значительной частью франко-канадского сообщества, но вызвала крайне негативную реакцию у федерального правительства и у жителей «Остальной Канады». В феврале 1968 г. министр образования Квебека в обход федерального правительства принял участие в конференции министров образования франкоязычных стран, проводившейся в Либревиле (Габон). Таким образом был создан важный прецедент присутствия представителя субнационально-

⁶ В данной статье термин «регион» используется исключительно для обозначения субнациональных единиц.

⁷ McMillan, S.L. Subnational Foreign Policy Actors: How and Why Governors Participate in U.S. Foreign Policy // Foreign Policy Analysis. 2008. Vol. 4. P. 231–232.

⁸ Les relations internationales du Québec depuis la Doctrine Gérin-Lajoie (1965-2005): Le prolongement externe des compétences internes / Sous la direction de St. Paquin. Les Presses de l'Université Laval, 2006. Pp. 295-282.

го несuverенного актора в кругу представителей суверенных государств. Это переполюли чашу терпения Оттавы, которая с этого момента стала стремиться ограничить внешние связи Квебека, особенно на французском и франкофонном направлении, рассматривая их, с одной стороны, как угрозу единству канадской внешней политики, а с другой – как фактор, поощряющий сепаратистские или, по крайней мере, партикуляристские настроения в провинции, тем более, что официальный Париж (прежде всего, в лице самого президента де Голля и ряда представителей его ближайшего окружения) явно демонстрировал свою благосклонность к возможному изменению ее статуса. На протяжении полутора десятков лет (вплоть до середины 1980-х гг.) Канада тормозила идею проведения саммита франкоязычных государств, чтобы не допустить участия там Квебека. Оттава также стремилась нейтрализовать усилия квебекской стороны по разработке собственных программ международной помощи и сотрудничества с развивающимися странами, а также препятствовала попыткам Квебека проникнуть в межгосударственные организации и структуры.

Противостояние канадского федерального правительства и Квебека происходило в достаточно мягкой и демократичной форме и напоминало скорее перетягивание каната, а не силовую борьбу. Тем не менее, определенная конфликтная составляющая в федерально-провинциальных отношениях по поводу внешних связей была налицо. В наибольшей степени это касалось тех периодов, когда у власти в провинции находилась квебекская партия (*Parti Québécois, PQ*), выступавшая за ее суверенитет и дважды проводившая референдумы по этому поводу (1980 и 1995 гг.). Соответственно тогда квебекские власти стремились создать благоприятные внешние условия для реализации «суверенистского проекта», а федеральный центр всячески противодействовал этому⁹. В начале XXI в., когда популярность сепаратистских лозунгов в Квебеке существенно снизилась, по многим

вопросам международной деятельности, ранее вызывавшим конфликты, федеральным и провинциальным властям удалось сначала достичь компромисса, а затем наладить конструктивное взаимодействие, отвечающее интересам обеих сторон. В то же время это не исключало отдельных столкновений, поскольку Квебек продолжает жестко стоять на страже своих интересов. Как выразился Жан Шаре – убежденный федералист, занимавший пост премьер-министра провинции в 2003-2012 гг. – «в том, что касается защиты нашей идентичности, мы, федералисты, являемся столь же агрессивными, как и суверенисты»¹⁰.

В первой половине 2000-х гг. для описания международной деятельности Квебека и других субнациональных акторов с национальной / этно-лингвистической спецификой (Каталонии, Фландрии, Шотландии и т.п.) канадский политолог С. Пакен предложил использовать термин «идентификационная парадипломатия»¹¹. Он справедливо отметил, что она отнюдь не всегда связана с сепаратистскими настроениями. Однако, поскольку ее движущей силой является национализм миноритарной нации, стремящейся в том числе к международному признанию, значительный конфликтный потенциал в ней, безусловно, имеется¹² (как часто и в какой форме он проявляется – другой вопрос).

Говоря о конфликтном типе взаимодействия парадипломатии субнационального актора и внешней политики национального правительства (и соответственно негативном/настороженном/враждебном отношении центра к внешним связям регионов) нужно

⁹ Histoire des relations internationales du Québec / Sous la direction de Stéphane Paquin avec la collaboration de Louise Beaudoin. Montréal: VLB éditeur, 2006. Pp. 135-146.

¹⁰ Цит. по: Paquin S., Jeyabalaratnam G. La politique internationale du Québec sous Jean Charest: l'influence d'un premier ministre // *Revue Québécoise de droit international*, 2016, Hors-série, Juin, p. 170.

¹¹ Paquin S. *Paradiplomatie et relations internationales: Théories et stratégies internationales des régions face à la mondialisation* / S. Paquin. Bruxelles: P.I.E. Peter Lang, 2004. P. 73.

¹² Lequesne Ch., Paquin S. Federalism, Paradiplomacy and Foreign Policy: A Case of Mutual Neglect // *International Negotiation*, 2017, Vol. 22, p. 188.

отметить еще два момента. Первый заключается в том, что этот тип взаимодействия может иметь несколько разновидностей или степеней: от относительно мягкой «состязательной», до жесткой «запретительной» и даже «репрессивной», когда центр дезавуирует те или иные действия региона на международной арене.

Второй касается того, что конфликтный тип не обязательно всегда связан с националистическими и тем более сепаратистскими устремлениями регионов. В его основе могут лежать экономические причины – прежде всего, диспропорции в региональном развитии, когда более развитый и/или зависимый от внешней торговли и инвестиций регион стремится к продвижению своих интересов на международной арене (имея для этого больше возможностей) и наталкивается на сопротивление центра. Отдельно стоит упомянуть ресурсный фактор – многие ресурсодобывающие регионы в разных странах часто оказываются очень прочно втянутыми в международные связи, которые в свою очередь определяют их моносырьевую специализацию. В разной степени это касается канадских провинций (Альберта), австралийских штатов (Квинсленд, Западная Австралия), субъектов Российской Федерации (ХМАО, Сахалинская область) и др.¹³ Свою роль может играть и географический фактор – близость к зарубежным рынкам / потенциальным партнерам, периферийное положение и т.п., которые также влияют на интенсивность внешних связей субнационального актора.

В любом случае данный тип взаимодействия и связанного с ним восприятия является отражением внутренних экономических / национальных / структурных проблем объективного или субъективного свойства, имеющих в той или иной стране.

Третий тип внешнеполитической деятельности регионов, который можно назвать *синергетическим*, появился позднее первых двух. В его основе лежит взаимовыгодное сотрудничество двух уровней власти в сфе-

ре международной деятельности, в ходе которого они не просто взаимодействуют, но объективно заметно повышают эффективность деятельности друг друга. К этому типу постепенно пришли многие федеративные и децентрализованные государства. В целом его можно охарактеризовать как «*win-win strategy*». С одной стороны, для субнационального актора важно получать поддержку центра, использовать его ресурсы, возможности, инфраструктуру и т.п. С другой – центр видит в парадипломатии инструмент, пригодный не только для решения специфических региональных задач, но также и для усиления государственной внешней политики. Так, канадские провинции используют «федеральные» посольства и консульства для размещения своих зарубежных представительств. Это взял на вооружение даже такой непримиримый «возмутитель спокойствия» как Квебек (например, его бюро в Москве, к сожалению, просуществовавшее очень недолго – чуть больше года – базировалось в здании канадского посольства). В свою очередь, тот факт, что в Международной организации франкофонии (МОФ) представлены и Канада в целом, и канадские провинции Квебек и Нью-Брансуик (со статусом участвующих правительств) объективно существенно усиливает канадское присутствие в этой организации и во франкоязычном мире. Участие регионов в обсуждении международных договоров, которые планирует подписать федеральное/центральное правительство, способствует как эффективности их реализации, так и максимальному учету интересов разного уровня. Эта практика нашла широкое применение во многих федеративных и децентрализованных государствах Западной Европы и Северной Америки¹⁴.

В целом, уже в конце XX в. большинство субнациональных акторов, действующих на международной арене, осознало, что эффективные внешние и внешнеэкономические связи гораздо удобнее развивать во взаимодействии с федеральным центром.

¹³ Жиряева Е.В. Регулирование внешнеэкономической деятельности на региональном уровне в глобальных условиях ВТО. Дисс. <...> д.э.н. СПб., 2018. С. 37.

¹⁴ См.: Насыров И.Р. Регионы в международном сотрудничестве: роль политических и правовых институтов: сравнительный анализ. Дисс. <...> д.полит.н. Казань, 2009.

Как отметил Э.М. Хименес, «за исключением случаев сепаратистского регионализма, успешные регионы ищут возможности действовать в синергии с государствами, к которым они принадлежат»¹⁵. Еще в середине 1990-х гг. известный японский бизнес-стратег К. Омаэ писал, что «идущие за рубеж» процветающие регионы «не являются и не должны являться врагами центральных властей», а наоборот могут стать их «лучшими друзьями»¹⁶.

Данный вариант взаимодействия не вписывался в рамки парадипломатии в том ее виде, в каком она была изначально концептуализирована. На это еще в первой половине 1990-х гг. обратил внимание Б. Хокинг, утверждавший, что концепт парадипломатии был создан для того, подчеркнуть различия между центральным правительством и субнациональными правительствами, усиливая аспекты конфликта между двумя уровнями управления. С его точки зрения такой подход представляется некорректным. Он считает, что предпочтительнее поместить субнациональные правительства в «комплексное дипломатическое окружение». По мнению Хокинга, дипломатия не может рассматриваться как сегментированный процесс, но должна восприниматься как система, где смешиваются акторы различного уровня управления и администрирования. Акторы меняются в соответствии с проблематикой, интересами и их способностью сотрудничать в многоуровневом / многоярусном политическом окружении. Отрицание Хокингом концепта парадипломатии основано на «императивах сотрудничества», которые существуют между центральными правительствами и субъектами федераций. Поэтому он предлагает говорить не о парадипломатии, а о «каталитиче-

ской дипломатии» или «многоуровневой дипломатии»¹⁷.

Представляется, что мы можем продолжать использовать термин парадипломатия в том числе применительно к третьему типу взаимодействия центра и субнационального актора, с одной стороны, исходя из вышеупомянутой многозначности этого термина, с другой – учитывая, что он прочно укоренился в научном дискурсе. Тем более, что существуют весьма компромиссные и нейтральные определения парадипломатии – например, предложенное Н. Корнаго, который понимает под ней «участие нецентральных правительств в международных отношениях посредством установления постоянных или специальных контактов с иностранными государственными или частными структурами с целью продвижения социально-экономических или культурных вопросов, а также любого другого иностранного измерения их конституционной компетенции»¹⁸. В это определение укладываются все три отмеченные нами типа взаимодействия центра и регионов.

В Российской Федерации массовый выход субъектов на международную арену произошел в начале 1990-х гг., в кризисный период распада СССР и становления новой российской государственности. Первоначально их внешние связи были очень слабо связаны с внешней политикой центра, который просто не имел физической возможности контролировать и тем более каким-то образом направлять региональную парадипломатию. Можно сказать, что в 1990-е гг. в нашей стране возобладали «параллельный» тип взаимоотношений национальной внешней политики и международной деятельности субнациональных правительств (имели место и отдельные проявления «конфликтного» типа). В то же время уже во второй

¹⁵ Jiménez, E.M. Glocalización: Nuevos enfoques teóricos sobre el desarrollo regional (subnacional) en el context de la integración económica y la globalización // *Integración y comercio*, 2002, No. 16, Año 6. Enero–Junio, p. 229.

¹⁶ Ohmae, K. The End of the Nation State: The Rise of Regional Economies. How New Engines of Prosperity Are Reshaping Global Markets. NY, L, Toronto, Sydney, Tokyo, Singapore: The Free Press, 1995. P. 100.

¹⁷ Hocking, B. Introduction // *Foreign Relations and Federal State* / Ed. by B. Hocking. Leicester: Leicester University Press, 1993. P. 2-3. См. также: Hocking, B. Localizing Foreign Policy: Non-Central Governments and Multi-layered Diplomacy. New York: Palgrave Macmillan, 1993. v, 249 p.

¹⁸ Cornago N. Diplomacy and Paradiplomacy in the Redefinition of International Security: Dimensions of Conflict and Cooperation // *Regional and Federal Studies*, 1999, Vol. 9, No. 1, p. 40.

половине 1990-х гг. центром были предприняты меры по упорядочиванию внешних связей субъектов. В 2000-е гг. в условиях укрепления «вертикали власти» активность международной деятельности регионов несколько снизилась, а сфера – сузилась. При этом сохранявшаяся парадипломатическая активность субъектов Российской Федерации продолжала осуществляться в русле отмеченного выше параллельного типа – регионам оставалась некая ниша, в рамках которой они могли действовать более или менее самостоятельно.

Ситуация начала меняться во второй половине 2010-х гг., когда стала намечаться тенденция к взаимодействию центра и субъектов в решении внешнеполитических задач. При этом инициатива могла идти как «сверху», так и «снизу». С одной стороны, Москва в условиях санкций стала искать альтернативные каналы взаимодействия с зарубежными партнерами. С другой стороны, некоторые регионы стали стремиться к реализации крупных проектов, потенциально имеющих общенациональное значение, которые было затруднительно осуществлять без участия центра. Соответственно был поставлен вопрос об участии субъектов в реализации внешней политики Российской Федерации¹⁹. Кстати, в аналогичном ключе еще в 1990-е гг. стало действовать правительство КНР, которое, столкнувшись с внешнеполитическими затруднениями после событий на площади Тяньаньмэнь, стало побуждать свои провинции и автономные районы «идти за рубеж»²⁰.

Такой вариант взаимодействия внешней политики центра и внешних связей субнационального актора, при котором по-

следние становятся инструментом решения общенациональных задач, на наш взгляд, можно назвать вспомогательной или *ауксилиарной* парадипломатией (от лат. *auxilium* – поддержка, содействие). Она возможна в том случае, когда в федеративной системе имеет место преобладание / доминирование федерального уровня власти (при согласии с этим субъектов). Соответственно субъекты заинтересованы в выполнении тех или иных «поручений» центра, в ходе чего они также получают определенную выгоду / преференции / бонусы. Это может касаться самых разных сфер: от решения экологических проблем в Арктике до стимулирования российского экспорта в странах Ближнего и Среднего Востока. Можно предположить, что в среднесрочной перспективе именно ауксилиарная парадипломатия получит распространение в Российской Федерации, способствуя как региональному, так и национальному развитию.

Выявленные нами три варианта взаимодействия международной деятельности субъекта с политикой федерального центра – «параллельный», «конфликтный», «синергетический» – можно рассматривать как своего рода «идеальные типы». На практике, они, безусловно, пересекаются друг с другом, а кроме того, в рамках каждого из них могут иметь место достаточно ярко выраженные вариации, что подтверждает случай ауксилиарной парадипломатии. В то же время представляется, что данные типы могут использоваться при анализе международной деятельности субнациональных акторов и их применение будет способствовать лучшему пониманию феномена парадипломатии.

Литература:

Акимов Ю.Г. Канадский федерализм и конституционно-правовой статус квебекской парадипломатии // Управленческое консультирование. 2016. № 11. С. 18-26.

Акимов Ю.Г. Шарль де Голль и становление «особых отношений» Франции и Квебека // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2014. Сер. 6. Вып. 2. С. 146-152.

Акимов Ю.Г. Квебек, Канада и институционализация международного франко-фонного сотрудничества

¹⁹ См., например: Гиматдинов Р., Насыров И., Садыкова Э. Участие регионов в реализации внешней политике Российской Федерации // Международная жизнь. 2019. Август. С. 12-25. [Gimatdinov R., Nasyrov I., Sadykova E. Uchastie regionov v realizatsii vnesh-nei politike Rossiiskoi Federatsii (Region's Participation in the Implementation of the Foreign Policy of Russian Federation) // *Mezhdunarodnaia zhizn'*, 2019. No. 8 (August), pp. 12-25.]

²⁰ Kuznetsov, A. Theory and Practice of Paradiplomacy: Subnational Governments in International Affairs. London & New York: Routledge, 2015. P. 74.

(конец 1960-х – начало 1970-х гг.) // Канадский ежегодник. 2014. Вып. 18. М., 2014. С. 26–49.

Акимов Ю.Г. Канада, Квебек и вопрос о проведении саммита Франкофонии (1970-е – середина 1980-х годов) // Вестник РГГУ. 2016. № 3 (5). Серия Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. С. 108–121.

Акимов Ю.Г. «Невмешательство и безразличие»: Франция и Квебек в 1976–1985 гг. // Канадский ежегодник. Вып. 20. М.: ИВИ РАН, 2016. С. 58–83.

Гиматдинов Р., Насыров И., Садыкова Э. Участие регионов в реализации внешней политике Российской Федерации // Международная жизнь. 2019. Август. С. 12–25.

Жиряева Е.В. Регулирование внешнеэкономической деятельности на региональном уровне в глобальных условиях ВТО. Дисс. <...> д.э.н. СПб., 2018.

Насыров И.Р. Регионы в международном сотрудничестве: роль политических и правовых институтов: сравнительный анализ. Дисс. <...> д.полит.н. Казань, 2009.

Cornago, N. Diplomacy and Paradiplomacy in the Redefinition of International Security: Dimensions of Conflict and Co-operation // *Regional and Federal Studies*, 1999, Vol. 9, No. 1, pp. 40–47.

Duchacek, I.D. Perforated Sovereignities: Towards a Typology of New Actors in International Relations // *Federalism and International Relations: The Role of Subnational Units* / Ed. by H.J. Michelmann, P. Soldatos. Oxford: Oxford Press, 1990.

Histoire des relations internationales du Québec / Sous la direction de Stéphane Paquin avec la collaboration de Louise Beaudoin. Montréal: VLB éditeur, 2006.

Hocking, B. Introduction // *Foreign Relations and Federal State* / Ed. by B. Hocking. Leicester: Leicester University Press, 1993.

Hocking, B. Localizing Foreign Policy: Non-Central Governments and Multi-layered Diplomacy. New York: Palgrave Macmillan, 1993. 249 p.

Jiménez, E.M. Glocalización: Nuevos enfoques teóricos sobre el desarrollo regional (subnacional) en el contexto de la integración económica y la globalización // *Integración y comercio*, 2002, No. 16, Año 6. Enero–Junio.

Kuznetsov, A. Theory and Practice of Paradiplomacy: Subnational Governments in International Affairs. London & New York: Routledge, 2015. 174 p.

Lequesne Ch., Paquin S. Federalism, Paradiplomacy and Foreign Policy: A Case of Mutual Neglect // *International Negotiation*, 2017, Vol. 22, pp. 183–204.

Les relations internationales du Québec depuis la Doctrine Gérin-Lajoie (1965–2005): Le prolongement externe des compétences internes / Sous la direction de St. Paquin. Les Presses de l'Université Laval, 2006. Pp. 295–282.

McMillan, S.L. Subnational Foreign Policy Actors: How and Why Governors Participate in U.S. Foreign Policy // *Foreign Policy Analysis*. 2008. Vol. 4, pp. 227–253.

Ohmae, K. The End of the Nation State: The Rise of Regional Economies. How New Engines of Prosperity Are Reshaping Global Markets. NY, L, Toronto, Sydney, Tokyo, Singapore: The Free Press, 1995. 214 p.

Paquin, S. Paradiplomatie et relations internationales: Théories et stratégies internationales des régions face à la mondialisation / S. Paquin. Bruxelles: P.I.E. Peter Lang, 2004. P. 3–26.

Paquin, S.; Jeyabalaratnam, G. La politique internationale du Québec sous Jean Charest: l'influence d'un premier ministre // *Revue Québécoise de droit international*, 2016, Hors-série, Juin. P. 165–183.

Soldatos, P. An Explanatory Framework for the Study of Federated States as Foreign-Policy Actors // *Federalism and International Relations: The Role of Subnational Units* / Ed. by H.J. Michelmann, P. Soldatos. Oxford: Oxford Press, 1990. P. 34–38.

References:

Akimov, Yu.G. Kanada, Kvebek i vopros o provedenii sammita Frankofonii (1970-ye – sredina 1980-kh godov) (Canada, Quebec and the Question of Holding the Francophonie Summit (1970s – mid-1980s)) // *Vestnik RGGU*, 2016, No. 3 (5), Seriya Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnyye otnosheniya. Zarubezhnoye regionovedeniye. Vostokovedeniye, pp. 108–121.

Akimov, Yu.G. Kanadskiy federalizm i konstitutsionno-pravovoy status kvebekskoy paradiplomatii (Canadian Federalism and the Constitutional and Legal Status of Quebec Paradiplomacy) // *Upravlencheskoye konsul'tirovaniye*, 2016, No. 11, pp. 18–26.

Akimov, Yu.G. Kvebek, Kanada i institutsionalizatsiya mezhdunarodnogo frankofonnogo sotrudnichestva (konets 1960-kh – nachalo 1970-kh gg.) (Quebec, Canada and the Institutionalization of International Francophone Cooperation (late 1960s – early 1970s)) // *Kanadskiy yezhegodnik*, 2014, Vyp. 18. Moscow, 2014. Pp. 26–49.

Akimov, Yu.G. Sharl' de Goll' i stanovleniye «osobykh otnosheniy» Fra-tsii i Kvebeka (Charles de Gaulle and the Formation of “Special Relations” between France and Quebec) // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, 2014, Ser. 6, Vyp. 2, pp. 146–152.

Akimov, Yu.G. «Nevmeshatel'stvo i nebezrazlichkiye»: Frantsiya i Kvebek v 1976–1985 gg. (“Non-Intervention and Indifference”: France and Quebec in 1976–1985) // *Kanadskiy yezhegodnik*, Vyp. 20, Moscow: IVI RAN, 2016. Pp. 58–83.

Cornago, N. Diplomacy and Paradiplomacy in the Redefinition of International Security: Dimensions of Conflict and Cooperation // *Regional and Federal Studies*, 1999, Vol. 9, No. 1, pp. 40–47.

Duchacek, I.D. Perforated Sovereignities: Towards a Typology of New Actors in International Relations // *Federalism and International Relations: The Role of Subnational Units* / Ed. by H.J. Michelmann, P. Soldatos. Oxford: Oxford Press, 1990.

Gimatdinov, R., Nasyrov, I., Sadykova, E. Uchastie regionov v realizatsii vnesh-neipolitike Rossiiskoi Federatsii (Region's Participation in the Implementation of the Foreign Policy of Russian Federation) // *Mezhdunarodnaia zhizn'*, 2019. No. 8 (August), pp. 12–25.

Histoire des relations internationales du Québec / Sous la direction de Stéphane Paquin avec la collaboration de Louise Beaudoin. Montréal: VLB éditeur, 2006.

Hocking, B. Introduction // *Foreign Relations and Federal State* / Ed. by B. Hocking. Leicester: Leicester University Press, 1993.

Hocking, B. Localizing Foreign Policy: Non-Central Governments and Multi-layered Diplomacy. New York: Palgrave Macmillan, 1993. 249 p.

Jiménez, E.M. Glocalización: Nuevos enfoques teóricos sobre el desarrollo regional (subnacional) en el contexto de la integración económica y la globalización // *Integración y comercio*, 2002, No. 16, Año 6. Enero–Junio.

Kuznetsov, A. Theory and Practice of Paradiplomacy: Subnational Governments in International Affairs. London & New York: Routledge, 2015. 174 p.

Lequesne, Ch., Paquin, S. Federalism, Paradiplomacy and Foreign Policy: A Case of Mutual Neglect // *International Negotiation*, 2017, Vol. 22, pp. 183-204.

Les relations internationales du Québec depuis la Doctrine Gérin-Lajoie (1965-2005): Le prolongement externe des compétences internes / Sous la direction de St. Paquin. Les Presses de l'Université Laval, 2006. Pp. 295-282.

McMillan, S.L. Subnational Foreign Policy Actors: How and Why Governors Participate in U.S. Foreign Policy // *Foreign Policy Analysis*. 2008. Vol. 4, pp. 227-253.

Nasyrov, I.R. Regiony v mezhdunarodnom sotrudnichestve: rol' politicheskikh i pravovykh institutov: sravnitel'nyi analiz (Regions in International Cooperation: the Role of Political and Legal Institutions: a Comparative Analysis.). Diss. <...> d.polit.n. Kazan', 2009. 659 p.

Ohmae, K. The End of the Nation State: The Rise of Regional Economies. How New Engines of Prosperity Are Reshaping Global Markets. NY, L, Toronto, Sydney, Tokyo, Singapore: The Free Press, 1995. 214 p

Paquin, S. Paradiplomatie et relations internationales: Théories et stratégies internationales des régions face à la mondialisation / S. Paquin. Bruxelles: P.I.E. Peter Lang, 2004. P. 3-26.

Paquin, S.; Jeyabalaratnam, G. La politique international du Québec sous Jean Charest: l'influence d'un premier ministre // *Revue Québécoise de droit international*, 2016, Hors-série, Juin. P. 165-183.

Soldatos, P. An Explanatory Framework for the Study of Federated States as Foreign-Policy Actors // *Federalism and International Relations: The Role of Subnational Units* / Ed. by H.J. Michelmann, P. Soldatos. Oxford: Oxford Press, 1990. P. 34-38.

Zhiriaeva, E.V. Regulirovanie vneshneekonomicheskoi deiatel'nosti na regio-nal'nom urovne v global'nykh usloviakh VTO (Regulation of Foreign Economic Activity at the Regional Level in the Global Context of the WTO). Diss. <...> d.e.n. Saint-Petersburg, 2018. 370 p.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10026

INTERNATIONAL ACTIVITIES OF SUBNATIONAL ACTORS AND FOREIGN POLICY OF THE NATION STATE: MODELS OF INTERACTION AND INTERPRETATIONS

Yuri G. Akimov

*Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia*

Article history: <i>Received:</i> 21.12.2020 <i>Accepted:</i> 03.05.2021	Abstract: The article examines the options for the interaction of paradiplomacy of subnational units – subjects of federations and territorial autonomies – and the national foreign policy of the central governments. The author identifies three main types of interaction: parallel, conflict, synergistic. It is noted that initially the term “paradiplomacy” referred to such external relations of subnational actors of international relations, which developed separately from the foreign policy of the federal level (that is, within the first or second type). It is shown that the development of interaction between foreign activity at the national and subnational levels has led to the expansion of the concept of “paradiplomacy” and the emergence of alternative terms. The author of the article proposes the synthetic term <i>auxiliary paradiplomacy</i> to describe such a type of synergistic interaction between the international activity of the center and the subnational unit, when the latter acts as a tool for achieving national goals.
About the author: Professor, Department of American Studies, Saint Petersburg State University e-mail: y.akimov@spbu.ru Key words: paradiplomacy; sub-national units; subjects of federations; territorial autonomies; foreign policy of federal government; types of interaction; auxiliary paradiplomacy	

Для цитирования: Акимов Ю.Г. Международная деятельность субнациональных акторов и внешняя политика государства: варианты взаимодействия и интерпретации // *Сравнительная политика*. 2021. № 3. С. 33-41.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10026

For citation: Akimov, Yuri G. Mezhdunarodnaya deyatel'nost' subnatsional'nykh aktorov i vneshnyaya politika gosudarstva: varianty vzaimodeystviya i interpretatsii (International Activities of Subnational Actors and Foreign Policy of the Nation State: Models of Interaction and Interpretations) // *Comparative Politics Russia*, 2021, No. 3, pp. 33-41.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10026

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10027

«НОВАЯ НОРМАЛЬНОСТЬ» КАК «ИСКУССТВО ВОЗМОЖНОГО»: ЧЕРЕДОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ ПРИ СИ ЦЗИНЬПИНЕ

Михаил Владимирович Карпов

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Информация о статье:	Аннотация: Период правления Си Цзиньпина в сфере экономической политики характеризуется последовательным чередованием существенно различных макроэкономических стратегий, объединенных общим термином «новая нормальность». На данный момент ни одна из этих стратегий не увенчалась фундаментальным успехом.
<i>Заявлена к публикации</i>	
1 января 2021	
<i>Поступила в редакцию:</i>	
20 марта 2021	
<i>Отправлена на редактирование</i>	
25 марта 2021	
<i>Принята к печати:</i>	
3 мая 2021	
Об авторе: главный научный сотрудник, Центр комплексного китаеведения и региональных проектов, МГИМО МИД России; доцент Школы Востоковедения, Факультет мировой экономики и мировой политики, НИУ ВШЭ. e-mail: mikhail-karpov6@rambler.ru	
Ключевые слова: Китай; Си Цзиньпин; новая нормальность; экономика Ли Кэцзяна, реформа сферы предложения; политическая экономика	

В мае 2014 года в ходе инспекционной поездки в провинцию Хэнань генеральный секретарь ЦК КПК, председатель КНР Си Цзиньпин заявил о том, что, исходя из особенностей текущего этапа экономического развития, Китаю следует «приспособиться к новой нормальности, психологически принять ее как стратегическую норму»¹. По оценке ведущих китайских экономистов

разных направлений это был первый случай, когда партийно-государственное руководство страны на высшем уровне употребило термин «новая нормальность» применительно к описанию социально-экономической ситуации и перспектив динамики «народного хозяйства»².

Сам термин «новая нормальность» как характеристика циклических изменений в экономике КНР употреблялся и ранее, однако не политическими лидерами, а представителями экспертного сообщества и академических кругов, причем не часто и, скорее, в гипотетическом ключе. Ряд китай-

¹ У Цзиньлянь, Ли Инин, Линь Ифу. Дундэ гунгэйцзэ гайгэ. China CITIC Press, 2015. С. 9. [У Цзиньлянь, Ли Инин, Линь Ифу. Понимать новую нормальность. China CITIC Press, 2015. С. 9] (Wu Jinglian, Li Yining, Lin Yifu. Understanding New Normal. China CITIC Press. 2015. P. 9.)

² Ibid. С. 10

ских аналитиков-экономистов, работавших под эгидой Центра макроэкономических исследований Государственного комитета по делам развития и реформ КНР начали использовать это словосочетание во второй половине 2011 года для описания и анализа структурных причин определенного снижения темпов роста ВВП страны на рубеже 2010-2011 годов³. Однако, именно после майской 2014 года поездки Си Цзиньпина в Хэнань термин «новая нормальность» получил, так сказать, постоянную прописку в современном китайском не только научно-аналитическом, но и идейно-политическом лексиконе, обозначая в целом структурно-динамическое состояние современной экономики КНР.

Несмотря на такую идейно-политическую легитимацию и удобную в употреблении афористичность, в китайском экспертном сообществе вплоть до сегодняшнего дня продолжают периодически обостряющиеся дискуссии относительно истинного смысла и конкретного содержания той суммы эмпирических явлений, которую этот термин призван обозначать. Более того, отсутствует более или менее единое понимание причин перехода экономики КНР в состояние «новой нормальности», стратегической длительности этого периода и перспектив выхода из него.

С нашей точки зрения, подходы и оценки китайских экспертов-участников полемики следует в целом разделить на три большие группы.

Первая группа наблюдателей исходит из того, что понижающая тенденция динамики роста ВВП связана в решающей степени с воздействием на экономику КНР последствий глобального финансово-экономического кризиса, вызванного крахом рынка ипотечного кредитования в США в 2008-2009 годах. Иными словами, ключевые причины «новой нормальности» находятся за пределами КНР⁴.

Такой подход в целом не может быть признан удовлетворительным, так как на пике глобального кризиса – в 2009-2010 годах – китайская экономика (благодаря, прежде всего, беспрецедентным стимулирующим мерам правительства КНР общим объемом более 4 триллионов юаней) демонстрировала высокие темпы роста ВВП – до 10% и, по некоторым оценкам, даже выше этого значения. Некоторое падение обозначилось только в 2011 году и стало наиболее заметным – и наиболее остро дискутируемым в экспертном сообществе – во второй половине 2013 года, то есть тогда, когда мировая экономика стала демонстрировать признаки восстановления.

Вторая группа экспертов – намного меньшая по численности – считает, что ключевая причина «новой нормальности» – внутри КНР и связана, прежде всего, с циклической динамикой китайской модели роста. Иными словами, эти наблюдатели полагают, что правительство КНР в принципе правильно отреагировало на внешний эффект глобального спада через пакет финансового стимулирования, однако объемы этого стимулирования оказались недостаточны, а курс на его реализацию – не в полной мере решительным и последовательным⁵.

Данное объяснение также не выглядит адекватным. Большинство как китайских, так и зарубежных наблюдателей отмечали, что объемы стимулирования были беспрецедентными, а меры по его воплощению в жизнь – достаточно быстрыми и интенсивными, и в количественном, и в качественном отношении. Более того, ряд экспертов считают, что официальные цифры масштабов стимулирующего пакета оказались существенно занижены. Дело в том, что с конца ноября 2008 китайская банковская система получала ликвидность в юанях не только через целенаправленные бюджетные трансферты при низкой ключевой ставке и финансирование конкретных проектов, но и по каналам продажи валюты Центральному банку. Причем объемы средств, предоставленных банкам основным регулятором через принудительную скупку у них валюты (что является нормальной практикой фи-

³ Лю Шичзинь, Ю У, Чэнь Чаншэн. Цун фань вэйцзи дао синь чантай. China CITIC Press, 2016, С. 57. [Лю Шичзинь, Ю У, Чэнь Чаншэн. От борьбы с кризисом к новой нормальности. China CITIC Press, 2016, С. 57] (Liu Shijin, Yu Wu, Chen Changsheng. From Fighting Crisis to New Normal. China CITIC Press, 2016. P. 57)

⁴ Ibid. С. 3.

⁵ Ibid. С. 4.

нансовой системы КНР в условиях государственного регулирования обменного курса как по текущему счету, так и по счету движения капиталов) не вошли в общую сумму стимулирования, официально оцененную в 4 триллиона юаней⁶. Кроме того, негативные макроэкономические последствия столь мощных финансовых вливаний в китайскую экономику – рост задолженности в виде «плохих кредитов», прежде всего на региональном уровне, «пузыри» на рынке недвижимости, неадекватный рост стоимости активов и бум «теневого банкинга», использующего государственные деньги для выстраивания сомнительных кредитных линий за пределами официальной отчетности государственных банков – оказались настолько значительны, что вызвали серьезное и вполне обоснованное беспокойство у центрального правительства. Судя по имеющимся в нашем распоряжении источникам – аналитическим документам ЦБ, Центра макроэкономических исследований Государственного комитета по делам развития и реформ КНР и аналитическим публикациям в экономической прессе – это беспокойство на рубеже 2011-2012 годов переросло в явную тревогу и оказало непосредственное влияние на решимость центральных регуляторов приступить к попыткам «дерегулирования» китайской экономики, подготовка к которым начала осуществляться примерно с марта 2013 года⁷. Так что есть все основания полагать, что объемы стимулирующего пакета 2008-2010 годов были отнюдь не недостаточными, а их фундаментальное влияние на макроэкономическую ситуацию в стране,

по крайней мере, весьма неоднозначным. В этом контексте чисто «циклическое» объяснение снижения динамики ВВП КНР не выглядит убедительным.

Третья группа экспертов, пожалуй, наиболее численно внушительная, полагает что постепенное снижение темпов роста ВВП КНР с 2011 года связано с фундаментальными структурными изменениями в экономике страны и, прежде всего, с сокращением прибыли от инвестиций в промышленность на фоне исторически беспрецедентного индустриального бума истекшей четверти века и во-многом искусственного поддержания государством среднегодовой нормы накопления не ниже 45% к ВВП⁸.

Данная точка зрения представляется, вероятно, наиболее обоснованной, во всяком случае, по сравнению с первыми двумя подходами. Однако и она не вполне способна объяснить произошедшее, по крайней мере, по двум причинам.

Во-первых, китайская официальная статистика нормы прибыли на капитал в промышленности, очевидно, не совсем адекватна. Расчеты, проведенные на ее основании рядом видных экономистов КНР, парадоксальным образом показали, что именно на протяжении двух десятилетий китайского индустриального и экспортного бума инвестиция в обрабатывающую промышленность (которая, согласно статистике, отличалась наиболее высокой динамикой роста) оставались либо минимально рентабельны, либо откровенно убыточны относительно средней стоимости кредита в государственном коммерческом банке⁹. Этот факт может весьма красноречиво свидетельствовать как о степени релевантности открытой ки-

⁶ Чжоу Цижэнь. Хуоби тяокундэ чжунго тэсы. Peking University Press, 2012. С. 78 [Чжоу Цижэнь. Китайская специфика денежного регулирования. Peking University Press, 2012. С. 78] (Zhou Qiren. Monetary Regulation with Chinese Characteristics. Peking University Press, 2012. P. 78)

⁷ Лю Шицзинь, Ю У, Чэнь Чаншэн. Цун фань вэйцзи дао синь чантай. China CITIC Press, 2016. С. 115-123 [Лю Шицзинь, Ю У, Чэнь Чаншэн. От борьбы с кризисом к новой нормальности. China CITIC Press, 2016. С. 115-123] (Liu Shijin, Yu Wu, Chen Changsheng. From Fighting Crisis to New Normal. China CITIC Press, 2016. Pp. 115-123)

⁸ Ibid. С. 5

⁹ Фань Ган, Чжан Сяоцзин. Цзэмме ю гожелэ? Синь и лунь цзинци бодун юй хунгуань тяокун фэньси. Цзянси жэньминь чубаньшэ. Наньчан, 2005. С. 126 [Фань Ган, Чжан Сяоцзин. Почему опять перегрелись? Анализ нового цикла экономических колебаний и макро-регулирувания. Народное издательство провинции Цзянси – Наньчан, 2005. С. 126] (Fan Gang, Zhang Xiaojing. Why got Overheated Once More? Analysis of the New Cycle of Economic Fluctuations and Macro-Adjustment. Jiangxi People's Publishers – Nanchang, 2005. P. 126)

тайской статистики, так и о масштабах закрытости политэкономических процессов «производства и распределения прибыли» в КНР.

Во-вторых, наиболее ощутимое снижение динамики ВВП в Китае случилось все-таки не в 2011 и не в 2012 годах, а во второй половине 2013 года, после так называемого июньского «кризиса ликвидности»¹⁰. Относительно быстрое падение темпов роста на ограниченном временном отрезке – до полугода – с последующим частичным восстановлением (правда, не до пиковых значений 2010 года) вряд ли можно в полной мере объяснить снижением нормы прибыли как следствия индустриального бума. Очевидно, здесь действовал целый ряд как фундаментальных, так и циклических факторов, которые, с нашей точки зрения, не нашли целостного объяснения в китайской экономической литературе вплоть до сегодняшнего дня. К поиску ответа на вопрос, что это были за факторы, мы вернемся ниже.

Среди зарубежных экспертов – на поверку – также отсутствует четкое представление о причинах и возможных последствиях «новой нормальности» в социально-экономическом комплексе КНР. Внешние наблюдатели в абсолютном большинстве либо рассматривают «новую нормальность» как некий общий фон для анализа институционально-политических изменений в КНР в период нахождения у власти пятого поколения лидеров во главе с Си Цзиньпином, либо склонны солидаризироваться с китайскими оценками, не имеющими, как было отмечено, реального внутреннего консенсуса. Иными словами, разнголосоца китайских экономистов воспроизводится в среде зарубежного экспертного сообщества при том, что китайских наблюдателей отличает – возьмемся это утверждать – несколько большая аналитическая глубина. Пожалуй, единственный момент, относительно которого мнения ки-

тайских и зарубежных экспертов совпадают – это констатация эмпирического факта снижения общих темпов роста ВВП КНР с ежегодных 9-10% до 6-7%, во всяком случае, по данным официальной статистики¹¹.

Такое положение вещей не должно, впрочем, удивлять, по крайней мере, по двум тесно взаимосвязанным причинам. Во-первых, глубинные структурные и динамические причины перехода в состояние «новой нормальности» – то есть, в сущности, причины снижения динамики роста ВВП КНР – действительно до конца не ясны. Во-вторых, сама эта «новая нормальность» в реальности представляет собой *последовательное чередование нескольких финансово-экономических политик-стратегий, направленных в конечном счете на преодоление этого снижения*. Иными словами, создается впечатление, что, продекларировав переход к «новой нормальности» и даже заявив о необходимости психологически принять ее как «стратегическую норму», китайское партийно-государственное руководство и финансово-экономические регуляторы сами отнюдь не считают эту «нормальность» нормальной и прилагают немало усилий к ее преодолению. При этом, если на уровне политического целеполагания и сопровождающей его официальной (полуофициальной) риторики эти стратегии выглядят относительно целостными и характеризуются как не противоречащие друг другу, то на уровне академического и экспертно-аналитического дискурса – несмотря на естественные для китайских системных условий цензуру и самоцензуру – единая позиция относительно инструментов и целей преодоления-коррекции «новой нормальности» на данный момент не просматривается.

Следует также со всей определенностью отметить, что в реальности все эти последовательно сменявшие друг друга политики-стратегии в целом ряде своих базовых аспектов выглядят взаимно противоречащими, тогда как степень успешности их реализации, равно как и фундаментальные

¹⁰ Лю Юхуэй. Чжунго цзинцзи дэндай поцзю // Цайцзин, 15.07.2013, с. 32 [Лю Юхуэй. Экономика Китая ожидает прорыва // Цайцзин, 15.07.2013, с. 32] (Lu Yuhui. Chinese Economy is Waiting for the Breakthrough // Caijing, 15.07.2013, p. 32)

¹¹ Willy Wo-Lap Lam. Chinese Politics in the Era of Xi Jinping. Renaissance, Reform or Retrogression. Routledge, 2016. Pp. 151-190; Brown, Kerry. CEO, China. The Rise of Xi Jinping. I. B. Tauris: London, New York, 2017. Pp. 217-218.

критерии этой успешности представляются нам весьма дискуссионными.

Эффект «монетарного несварения»

Прежде чем перейти к краткому рассмотрению и анализу этих политик-стратегий следует все же конспективно ответить на вопрос о том, что же случилось с китайской экономикой после 2008 года. Иными словами, какую роль в переходе к «новой нормальности» сыграл глобальный финансовый кризис и беспрецедентный пакет монетарных стимулов, реализованный в 2008-2010 годах правительством КНР. Поскольку, как отмечалось выше, ни циклическое, ни сугубо «внешнее» объяснение произошедшего не выдерживает критики, а тезис о «естественном снижении нормы прибыли на капитал в результате успешной индустриализации» не в полной мере верифицируется статистически, мы рискуем здесь предложить свое объяснение истоков «новой нормальности», исходя из результатов анализа значительного объема китайских первичных и вторичных источников – документов Государственного комитета по делам развития и реформ КНР, выступлений китайской экономической печати, академических монографий и интервью автора с рядом китайских экспертов-экономистов, проведенных в 2013-2019 годах в Пекине и Москве.

Масштабы и динамика мирового финансового обвала, в равной мере, как и его последствий для китайской экономики доходили до руководства КНР постепенно на протяжении сентября-декабря 2008 года. Эта постепенность отражалась в динамике реакции китайских политических и финансовых регуляторов. Еще 19 октября 2008 года Постоянный комитет Госсовета КНР, по имеющейся к нас информации, не планировал осуществлять экстраординарные меры по стимулированию экономики. Однако, уже 5 ноября было принято решение о стимулирующем пакете общим объемом до 4 триллионов юаней, официально оглашенное 9 ноября¹². В действительности, как

уже было указано, объемы стимулирования были, очевидно, более значительными, учитывая масштаб вливаний ликвидности в китайскую банковскую систему по каналам принудительной скупки твердой валюты ЦБ у коммерческих банков.

По оценкам китайских наблюдателей, высказанных, в частности, в интервью с автором этих строк, ключевыми факторами, заставившими пекинских регуляторов пойти на это, были резко возросшие на рубеже октября-ноября опасения обвального – до 30% – падения спроса на экспортную продукцию КНР, сопоставимого снижения притока валюты в виде доходов от экспорта и иностранных инвестиций, а также массовое закрытие экспортных предприятий, неизбежно сопровождаемое пиковым ростом безработицы – в особенности в наиболее социально-экономически развитых регионах южного и юго-восточного Китая. По некоторым данным, к началу конца ноября – началу декабря 2008 года до 20 миллионов сезонных рабочих на предприятиях экспортного сектора провинций Гуандун, Чжэцзян и Фуцзянь лишились рабочих мест и мигрировали во внутренние районы страны¹³.

Решение о стимулирующем пакете было, несомненно, стратегически верным шагом. Иного не было дано. Впоследствии, обосновывая и объясняя свои действия, сотрудники макроэкономических отделов Государственного комитета по делам реформ и развития подчеркивали, что какие-либо другие механизмы и каналы для стимулирования экономического роста, кроме традиционной кредитно-денежной накачки просто отсутствовали в природе¹⁴. Однако, как признавали те же эксперты, объемы монетарного «допинга» оказались чрезмерными, не были выработаны механизмы быстрого

Macroeconomic Regulation. China CITIC Press, 2016. P. 154-156)

¹³ Ibid. C. 162.

¹⁴ Ма Гочуань. Цзоучу вэйвэнь шидай. Hongkong Open Page Publishing Co. LTD, 2013. C. 180-196 [Ма Гочуань. Покидая эпоху поддержания стабильности. Hongkong Open Page Publishing Co. LTD, C. 180-196] (Ma Guochuan. Leaving the Epoch of Supporting Stability. Hongkong Open Page Publishing Co. LTD, Pp. 180-196)

¹² Лу Фэн. Хунтяодэ лоцзи. China CITIC Press, 2016. C. 154-156 [Лу Фэн. Логика макроэкономического регулирования. China CITIC Press, 2016. P. 154-156] (Lu Feng. The Logic of

и эффективного отхода от стимулирующих мер (их, впрочем, в КНР также никогда не было в природе...) и отсутствовало стратегическое понимание направления дальнейшего движения макроэкономической политики после того, как цели стимулирующего пакета будут достигнуты¹⁵.

Последнее обстоятельство, положившее руку на сердце, также трудно вменить в вину китайским центральным регуляторам. В беспрецедентно острой обстановке, подверженной к тому же высокой и непредсказуемой внешней и внутренней динамике, эти регуляторы были вынуждены решать определенный круг неотложных оперативно-тактических задач, не имея ни времени, ни теоретического или эмпирического фундамента для стратегического целеполагания.

Институциональная природа и практика макроэкономического регулирования в КНР весьма эффективно приспособлены к оперативным действиям по преодолению циклических «перегревов» – «переохлаждений» в условиях инвестиционно-затратной модели экономического роста¹⁶. Выход за пределы такой циклической динамики, очевидно, возможен в результате глубоких политэкономических преобразований, направленных на достижение макро-баланса через финансовое дерегулирование и ужесточение бюджетного ограничения ключевых экономических игроков. Такие реформы, естественно, ни технически, ни фундаментально невозможно было реализовать в конкретных условиях рубежа 2008-2009 годов.

В результате экономика КНР, образно говоря, захлебнулась в ликвидности, не сумев переварить монетарный стимул таких масштабов. Выражаясь более научно, китайское народное хозяйство – в силу ряда присущих ему внутренних структурных и динамических особенностей – оказалось не в состоянии освоить предоставленные объемы фи-

нансового «допинга» в достаточной степени экономически эффективно. Впрочем, этого и следовало ожидать. В экономику страны, для которой характерны мягкое бюджетное ограничение, высокая интенсивность «репрессий на капитал» (т.е. административно регулируемые кредитные и депозитные ставки, обменные курсы по счетам текущих операций и движения капиталов, не до конца свободное ценообразование – в ряде случаев даже розничное, замкнутый и жестко сегментированный внутренний фондовый рынок – «поле чудес» преимущественно для физических лиц и – как следствие – дефицит и узость инвестиционных каналов и механизмов), доминирование договорных трансакций, нацеленных на извлечение ренты – прежде всего, именно из инвестиционной деятельности – в такую экономику был влит монетарный стимулирующий пакет исторически беспрецедентных масштабов. Естественно, случилось тяжелое несварение. Да, темпы роста ВВП в 2009-2010 годах технически скакнули вверх, почти повторив «упоительную динамику» экспортно-инфраструктурного бума 1990-х годов. Однако, качество фундаментальных макро и микроэкономических показателей резко ухудшилось. И дело здесь действительно не в недостатке объемов циклического стимулирования, не в последствиях ипотечного кризиса в США, как таковых, и уж тем более не в техническом снижении нормы прибыли на капитал в обрабатывающей промышленности, что вообще – «темный лес» в условиях договорно-рентных отношений под финансовой эгидой репрессивных регуляторов. Дело в том, что колоссальный финансовый стимул, спровоцированный внешними факторами, резко обострил структурные дисбалансы огромной экономики, страдающей одновременно от мягкого бюджетного ограничения, пузырей государственных гарантий и дефицита и узости инвестиционных каналов и механизмов.

При этом несомненно, что одним из важнейших симптомов «монетарного несварения» стал, с одной стороны, рост издержек на единицу произведенной продукции, а с другой – «перелив капитала» из сравнительно низко доходного производственного сектора в «золотые жилы» финансовых пи-

¹⁵ Лу Фэн. Хунтяодэ лоци. China CITIC Press, 2016. С. 172 [Лу Фэн. Логика макроэкономического регулирования. China CITIC Press, 2016. Р. 172] (Lu Feng. The Logic of Macroeconomic Regulation. China CITIC Press, 2016. P. 172)

¹⁶ Shih, V.C. Factions and Finance in China: Elite Conflict and Inflation. Cambridge University Press, 2008. Pp. 1-15.

рамид в сферах оборота земли, недвижимости, игры на фондовом рынке и в обладающие внушительным распильно-откатным потенциалом инвестиции в капитальное строительство и инфраструктуру¹⁷.

Характерно также, что именно после 2010 года в китайском и мировом экспертном сообществе начинает актуализироваться тема попадания КНР в «ловушку среднего дохода». Эта, с нашей точки зрения, довольно спорная в применении к Китаю концепция, могла, тем не менее, найти некоторые обоснования в виде общего увеличения непроизводственных издержек и роста доходов значительных страт населения в крупных городах КНР.

«Ловушка среднего дохода» или «стена, отделяющая от развитых стран» и «окно возможностей» для их преодоления

Так или иначе, в первом квартале 2011 года на повестке дня макроэкономических регуляторов КНР вновь оказались задачи борьбы с «перегревом», «непомерной кредитно-денежной эмиссией», «плохими долгами» банковского сектора и региональных правительств, пузырями рынка недвижимости и ростом как оптовых, так и розничных цен. Предпринятые – по преимуществу административные, вплоть до регулирования розничного ценообразования в мае и июне 2011 года – меры по «охлаждению» дали эффект и динамика ВВП страны снова поползла вниз. Ряд экспертов в этой связи указали на несовпадение по фазам китайской экономики и экономик развитых стран. В 2009-2010 годах, когда развитый мир, казалось, безнадежно «падал», КНР демонстрировала «новые чудеса» роста. В 2011-2012 годах, когда развитый мир обнаружил осторожную тенденцию к восстано-

лению, ВВП Китая не менее осторожно, но ощутимо двинулся в противоположном направлении¹⁸.

Вывод-консенсус, к которому пришли летом 2011 года близкие к Госсовету КНР эксперты, состоял в том, что китайская экономика сохраняет фундаментальную зависимость от инвестиционно-затратной модели роста и характерной для нее в течение многих десятилетий волнообразной динамики чередования «перегревов» и «охлаждений»¹⁹.

Этот вывод-консенсус накладывался на весьма острые симптомы «монетарного несварения», которые начинали все более беспокоить и аналитиков-наблюдателей, и практиков-регуляторов. Среди наиболее опасных симптомов отмечали рост издержек на единицу продукции, перелив средств из реального сектора в непроизводственные и откровенно спекулятивные сферы, падение доходов от экспорта, рост цен и неблагоприятные тенденции в сфере занятости, пузыри недвижимости и различных государственных гарантий, взрывной рост долгового бремени – в особенности – в регионах и в банковском секторе и разбухание объемов ликвидности в экономике – индекс денежной массы M2 впервые в истории КНР достиг прямо-таки фантастического показателя 200% к ВВП²⁰.

В контексте этих последних обстоятельств китайские эксперты с весны 2011 года все более начинают «бить в набат» по

¹⁷ Ши Вэй. Чуаньтоу мицян: ганьюй юй цзыю бцисядэ чжунго цзинци. Цзинань дасюе чубаньшэ, 2014. С. 81 [Ши Вэй. Проникая через волшебную стену: экономика Китая в борьбе между вмешательством и свободой. Издательство университета в г. Цзинань, 2014. С. 81] (Shi Wei. Penetrating through Magic Wall: Chinese Economy Struggling between [State] Intervention and Freedom. Jinan University Publishers, 2014. P. 81)

¹⁸ Лю Шицзинь, Ю У, Чэнь Чаншэн. Цун фань вэйцзи дао синь чантай. China CITIC Press, 2016. С. 212-221 [Лю Шицзинь, Ю У, Чэнь Чаншэн. От борьбы с кризисом к новой нормальности. China CITIC Press, 2016. С. 212-221] (Liu Shijin, Yu Wu, Chen Changsheng. From Fighting Crisis to New Normal. China CITIC Press, 2016. Pp. 212-221)

¹⁹ Ibid. С. 201.

²⁰ Ши Вэй. Чуаньтоу мицян: ганьюй юй цзыю бцисядэ чжунго цзинци. Цзинань дасюе чубаньшэ, 2014. С. 200 [Ши Вэй. Проникая через волшебную стену: экономика Китая в борьбе между вмешательством и свободой. Издательство университета в г. Цзинань, 2014. С. 200] (Shi Wei. Penetrating through Magic Wall: Chinese Economy Struggling between [State] Intervention and Freedom. Jinan University Publishers, 2014. P. 200)

поводу сетевого распространения теневого банкинга, объемы активов которого осенью того же года оцениваются в почти треть ВВП. Ключевой риск теневого банкинга в его китайском варианте, по мнению абсолютного большинства китайских экспертов и наблюдателей самых разных направлений состоит в том, что, в отличие от теневых банковских и инвестиционных структур на Западе и в экономиках Восточной и Юго-Восточной Азии, в КНР теневые кредиторы и инвесторы работают с государственными деньгами. Эти последние передаются им по серым или откровенно нелегальным каналам государственными коммерческими банками, для которых кредитор последней инстанции – государство в лице ЦБ и госбюджета. Процентная ставка в госбанках регулируется государством, в то время как теневики свободны в ее определении. Доходы от более высоких, чем в финансовом секторе, процентных ставок теневые кредиторы и инвесторы делят с госбанками, причем операции теневиков с государственными деньгами не отражаются в официальной отчетности государственных банков. Таким образом, выстраиваются пронизывающие всю экономику КНР кредитно-денежные долговые цепочки, надежность которых вызывает обоснованные сомнения. В случае ужесточения кредитно-денежной политики государства, иными словами, в случае сокращения объемов рефинансирования государственных банковских активов из бюджета, возникают реальные риски дефолта и кредиторов, и должников, формально находящихся вне пределов государственных обязательств и отчетности, но в реальности органически связанных с активами ведущих государственных банков, прежде всего, на региональном уровне²¹.

В целом, осязаемо росло понимание необходимости решительных действий – и не в смысле поиска более изощренных методов перехода от «перегрева» к «охлаждению» и

обратно, а реализации комплексных мер по глубинному реформированию экономики с целью смены самой модели роста – преодолению зависимости от инвестиционно-затратной «синусоиды» и переходу к более сбалансированной положительной динамике ВВП с упором на увеличение доли внутреннего потребления, сектора услуг и высоких, экологически ориентированных технологий²².

Результатирующей такого рода настроений стала весьма глубокая и практически неизвестная за пределами Китая обширная статья под названием «Ловушка или высокая стена», подготовленная в недрах института макроэкономического анализа Комитета по делам реформ и развития Госсовета КНР осенью 2011 года²³. Данный текст чрезвычайно интересен и значим как сам по себе, так и в силу того факта, что авторами его являются не просто академические ученые с университетских площадок, а представители наиболее близкой к верхним эшелонам партийно-государственного политического класса части экспертного сообщества КНР. Не будет большим преувеличением утверждать, что данная статья – отражение образа мыслей весьма влиятельной части именно этой группы экономистов-аналитиков, по крайней мере, на тот момент.

²² Цзя, цай, шуй пайтао гайгэ иньдуй синьшици тьяочжаньдэ чжэнцэ сяоаньцэ // Цайцзин, 18.02.2013, с. 60-61 [Скоординированная реформа цен, активов и налогов должна стать стратегическим выбором в новый период // Цайцзин, 18.02.2013, с. 60-61] (Coordinated Reform of the Prices, Assets and Taxes Must be the Strategic Choice in the New Period // Caijing, 18.02.2013, pp. 60-61)

²³ Лю Шицзин, Чжан Цзюнько, Хоу Юнчжи, Лю Пэйлинь. Сянцзин хайши гаоцян [Лю Шицзин, Чжан Цзюнько, Хоу Юнчжи, Лю Пэйлинь. Ловушка или высокая стена] (Lu Shijing, Zhang Junkuo, Hou Yongzhi, Lu Peilin. Trap or High Wall) // Лю Шицзинь, Ю У, Чэнь Чаншэн. Цун фань вэйцзи дао синь чантай. China CITIC Press, 2016. С. 109-136 [Лю Шицзинь, Ю У, Чэнь Чаншэн. От борьбы с кризисом к новой нормальности. China CITIC Press, 2016. С. 109-136] (Liu Shijin, Yu Wu, Chen Changsheng. From Fighting Crisis to New Normal. China CITIC Press, 2016. Pp. 109-136)

²¹ Ван Пэйчэн, Чжао Цзинтин. Чжунгоши инцзы иньхан // Цайцзин, 11.02.2013, с. 94 [Ван Пэйчэн, Чжао Цзинтин. Теневые банки по-китайски // Цайцзин, 11.02.2013, с. 94] (Wang Peicheng, Zhao Jingting. Shadow Banking Chinese Style // Caijing, 11.02.2013, p. 94)

У нас здесь нет возможности подробно и развернуто анализировать эту статью. Остановимся на ее ключевых тезисах и выводах. Авторы отталкиваются от получивших к тому времени широкое хождение оценках, согласно которым КНР оказался в «ловушке среднего дохода» и, судя по всему, не склонны эти оценки разделять. Они отмечают, что даже если исходить из того, что китайская социально-экономическая сфера и демонстрирует некоторые признаки такой «ловушки», технически выйти из нее Китаю будет не так уж сложно. Имплицитно авторы имеют, очевидно, ввиду тот факт, что значительная часть населения страны, проживающая прежде всего в сельской местности и малых городах – статистически большинство граждан КНР – действительно нарастив доходы в сравнении с прошлыми десятилетиями, тем не менее еще весьма далеки по уровню благосостояния от большинства жителей развитых государств.

Эксперты полагают более адекватным описание социально-экономических реалий современного Китая не термином «ловушка среднего дохода», а словосочетанием «высокая стена», которая, по их мнению, отделяет КНР от развитых стран Запада, Японии, Тайваня и Южной Кореи. И, как они считают, перепрыгнуть эту «стену» оказывается намного более тяжело и затратно, чем технически преодолеть кажущуюся «ловушку»²⁴.

Разумеется, говоря объективно, такое заключение смахивает на софизм. В самом деле, вряд ли возможно легко преодолеть элементы «ловушки среднего дохода» в Китае. Однако, основной посыл статьи не в этом. Авторы, разумеется, не предлагают ни искусственно ограничивать потребление (в то время, когда его надо наращивать), ни наоборот – «разбрасывать деньги с вертолета».

Общая логика аргументации и контекст статьи не оставляют сомнений, что в качестве этой «высокой стены» авторы видят именно структурные и динамические институциональные особенности инвестиционно-затратной модели экономического роста. К таковым авторы статьи относят:

– Высокую централизацию ресурсов – в том числе, финансовых ресурсов – в руках правительства;

– Децентрализацию (регионализацию) властных полномочий правительств-монополистов (от провинциальных правительств и ниже, вплоть до волостных исполнительных структур), порождающую нездоровую инвестиционную конкуренцию между регионами, которая – в свою очередь – закрепляет экстенсивно-затратную природу экономического роста;

– Существующая в реальности – вопреки официальным статистическим выкладкам – несоразмерно высокая доля государственной собственности в экономике страны и *ключевые контрольные функции* госсектора;

– Недостаточный уровень открытости рынка и упорядоченности конкуренции на нем;

– Отставание правового строительства от потребностей развития рыночной экономики;

– Накопление бюджетных и финансовых рисков и оттягивание коренных реформ-изменений в кредитно-инвестиционной сфере;

– Половинчатая урбанизация, наличие значительной трудовой «армии» сельских мигрантов, покинувших деревню, но так полностью и не интегрировавшихся – ни экономически, ни социо-культурно – в сферу городской жизни;

– В целом низкая социальная мобильность, тенденция к консервации существующих общественно-экономических и культурных статусов, недостаточные условия для использования и развития «человеческого капитала»²⁵.

Цензура и самоцензура не дают авторам возможности открыто внести роль и место правящей партии в этот список «институциональных и динамических особенностей». Однако, читателям, знакомым с общественно-политическим реалиями КНР, данный пункт, надо думать, понятен по умолчанию.

Преодолеть «высокую стену», по мнению авторов статьи, значит – запустить ощутимую положительную динамику в перечисленных сферах.

²⁴ Ibid. С. 115.

²⁵ Ibid. С. 127-130.

Далее идут два *принципиальнейших* момента.

Во-первых, ключевой «институциональной особенностью», формирующей риски преодоления «высокой стены», авторы недвусмысленно называют бюджетно-финансовую и инвестиционную сферу, помещая этот пункт первым в той части статьи, где речь идет о том, «сможем ли мы (т.е. Китай) преодолеть [стену]»²⁶.

Во-вторых, авторы пишут, что согласно результатам проведенных ими расчетов, примерно в 2015 году темпы роста ВВП КНР существенно снизятся в силу естественных причин²⁷. Эти причины авторы конкретно не называют, однако, насколько можно судить по контексту аргументации, речь идет о достижении неких пиковых значений индустриализации и общего роста макроэкономических – финансовых – дисбалансов.

От себя добавим – в силу долгосрочных структурных последствий «монетарного несварения»: повторить «подвиг» разового 4-х триллионного стимулирующего пакета вряд ли получится, ибо экономика может просто обрушиться под бременем такого государственного вспомоществования. Всякий же меньший стимул просто уже не даст ожидаемого эффекта. Забегая вперед, можно сказать, что, по сути дела, так оно и получилось, начиная с 2013 года и далее.

Авторы недвусмысленно дают понять, что для Китая такое «естественное торможение» может обернуться большой бедой. Для того, чтобы этого избежать, необходимо «перемахнуть» пресловутую «высокую стену». Причем, по мнению экспертов, *окно возможности* для осуществления такого прыжка находится *в периоде между 2013 и 2017 годами*²⁸. Иными словами, во имя будущего Китая рывок необходимо совершить именно в этом временном промежутке. И начинать «штурм высокой стены», как свидетельствует логика статьи, надо с преобразований в финансовой сфере. То есть, с самого трудного для ее взятия бастиона.

Интерес и значимость этой статьи состоят, кроме всего прочего, еще и в том,

что – анализируя развитие ситуации пост-фактум – можно прийти к *поразительному* заключению: и хронологически, и содержательно действия избранного на 18-м съезде КПК в ноябре 2012 года «пятого поколения китайских руководителей» практически полностью соответствовали логике и целеполаганию ее авторов. Во всяком случае, можно с уверенностью утверждать – первая из рассматриваемых здесь экономических стратегий Си Цзиньпина была именно таковой.

Стратегия №1: «дерегулирование и снижение долгового бремени» или «экономика Ли Кэцяна»

Первая из рассматриваемых нами стратегических линий китайского руководства в области экономической (макроэкономической) политики сформировалась еще до официального принятия на вооружение термина «новая нормальность» и связана с установкой на укрепление финансовой дисциплины – снижение объемов долгового бремени регионов и предприятий – и частичное, но реальное дерегулирование народного хозяйства КНР вплоть до планов осуществления дозированной финансовой либерализации. Речь шла, прежде всего, о существенном снижении объемов государственного лицензирования (в том числе, инвестиционных проектов), а также экспериментов по либерализации процентной ставки по кредитам и депозитам и дерегулирования обменного курса юаня по счету движения капиталов в ряде региональных экономических зон. Для этого, в частности, создавалась «зона свободной торговли» в Шанхае в 2012-2013 годах.

В целом эта линия экономической политики летом 2013 года получила название «экономика Ли Кэцяна» (по фамилии и имени Премьера Госсовета КНР, избранного на 18-м съезде КПК в ноябре 2012 года) с подачи ряда китайских экономистов-аналитиков,

²⁶ Ibid. С. 132.

²⁷ Ibid. С. 122.

²⁸ Ibid. С. 122-123.

работавших в банке Barclays²⁹. Эта политика осуществлялась в период между мартом 2013 года и началом 2016 года. Впрочем, наиболее активно она проводилась в жизнь с марта 2013 и до середины 2014 года. Далее ее практическая интенсивность и политико-пропагандистское обеспечение снижались и, по сути дела, сошли на нет после обвала внутренних фондовых рынков КНР во второй половине 2015 – начале 2016 года.

В марте 2013 года большинство финансово-кредитных и производственных игроков китайской экономики ожидали от нового партийно-государственного руководства новых шагов по финансовому стимулированию. Однако, этим ожиданиям не суждено было сбыться. Стремясь укрепить в стране финансовую дисциплину, уменьшить монетарный навес, объем «плохих кредитов» и внутреннего долга, а также существенно ограничить потенциально дефолтную активность теневого банкинга, прежде всего на так называемых «инвестиционных площадках региональных правительств», центральные регуляторы в лице ЦБ и руководства Госсовета постепенно, но решительно приступили к сокращению денежного предложения. В то же время были приняты законодательные меры, недвусмысленно направленные на ограничение операций теневых кредиторов³⁰.

С марта по июнь Премьер Госсовета Ли Кэцян лично в ходе заседаний Постоянного Комитета Госсовета и селекторных совещаний центрального и регионального партийно-государственного актива неоднократно призывал «продуктивнее использовать уже имеющуюся на рынке ликвидность», призывая банковское сообщество меньше надеяться на трансферты из бюджета

и уделять больше внимания деятельности на фондовом рынке и активному кредитованию «ответственных заемщиков» из реального сектора. При этом государство действительно сократило объемы бюджетного рефинансирования коммерческих госбанков и ужесточило требования к банковскому резервированию³¹.

Одновременно в экспертных и академических кругах, а также в научной и экономической печати поднялась беспрецедентная волна обсуждения целесообразности, характера и масштабов финансовой либерализации – прежде всего, дерегулирования процентной ставки по кредитам и депозитам и экспериментов по либерализации обменного курса юаня по счету движения капиталов. Тезис о том, что «рынок должен стать ключевым механизмом распределения ресурсов» стал мемом курса на финансовое дерегулирование. Появились и получили распространение – через статьи в экономической печати и даже целые объемные монографии – теории перехода Китая к «свободной финансовой системе»³². Наиболее заметной и целостной среди них была, пожалуй, концепция «скоординированного продвижения финансовой реформы в КНР»³³. Суть этой концепции – необходимость сба-

²⁹ «Ли Кэцян цзинцзи сюе» жумэнь ке // Цайцзин, 02.12.2013, с. 56 [Вводная лекция по «экономике Ли Кэяна» // Цайцзин, 02.12.2013, с. 56] (The Entrance Class for the “Liconomics” // Caijing, 02.12.2013, p. 56)

³⁰ Чжан Чживэй. Жунжэнь цзэнсу фанхуань ши лисиндэ сюаньцзэ // Цайцзин, 25.03.2013, с. 77 [Чжан Чживэй. Признавая, что снижение темпов роста является рациональным выбором // Цайцзин, 25.03.2013, с. 77] (Zhang Zhiwei. Acknowledging that the Decrease in Growth Rate is Rational Choice // Caijing, 25.03.2013, p. 77)

³¹ Лю Юхуэй. Чжунго цзинцзи дэндай поцзю // Цайцзин, 15.07.2013, с. 32 [Лю Юхуэй. Экономика Китая ожидает прорыва // Цайцзин, 15.07.2013, с. 32] (Lu Yuhui. Chinese Economy is Waiting for the Breakthrough // Caijing, 15.07.2013, p. 32)

³² Дэн Хайцин, Линь Ху. Лилю шичанчуа. Ту-вэй чжунго чжайу куньцзю. Social Sciences Academic Press (China), 2013 [Дэн Хайцин, Линь Ху. Переход к рыночному определению кредитной ставки. Прорыв долговой осады в Китае. Social Sciences Academic Press (China), 2013] (Deng Haiqing, Lin Hu. Interest Rate Liberalization. Breaking Out China's Debt Predicament. Social Sciences Academic Press (China), 2013)

³³ Шэн Сунчэн, Лю Си. Цзиньжун гайгэ сетяо туйцзиньлунь. China CITIC Press, 2015. С. 1-25 [Шэн Сунчэн, Лю Си. Теория скоординированного продвижения финансовой реформы. China CITIC Press, 2015. С. 1-25] (Sheng Songcheng, Lu Xi. Theory of Coordinated Advance of Financial Reform. China CITIC Press, 2015. Pp. 1-25)

лансированного сочетания либерализации процентных ставок и реформы остальных инструментов макроэкономического регулирования – была, в сущности, банальна и никакой «дорожной картой» преобразований в действительности не являлась. Однако, подчеркнутое внимание к ней не только со стороны экспертно-академического сообщества, но и официальных пропагандистов от экономики дает представление о динамике момента.

В целом, интенсивность и предметный охват экспертной дискуссии, получившей явное официальное благословление и пропагандистскую поддержку, не оставляет сомнений, что на этом этапе влиятельные группы в руководстве страны, ассоциировавшиеся с премьером Госсовета Ли Кэцяном и не встретившие, очевидно, принципиальных возражений со стороны Си Цзиньпина, действительно делали ставку на реализацию в ближайшей перспективе дозированной финансовой либерализации. Масштаб этой дозы оставался неясен, однако собеседники автора в Пекине и в Москве летом 2013 года говорили о дерегулировании кредитной ставки как о решенном вопросе. Намного менее понятным обстояло дело с либерализацией обменного курса юаня по счету движения капиталов и с фундаментальной реформой фондового рынка, направленной на увеличение степени его открытости и преодоление сегментации в обороте акций и облигаций. Не детализировались и схемы интеграции «зон свободной торговли» – по сути дела, валютных оффшоров – во внутреннюю экономику страны.

Как бы там ни было, но меры по повышению финансово-кредитной дисциплины и набирающая обороты экспертная и идейно-политическая дискуссия о «дерегулировании» к исходу весны не только обнаружила явный дефицит заинтересованных в либерализации социально-экономических игроков, ожидавших вместо перехода к «свободной экономике» новой порции монетарного «допинга», но и всерьез встревожила банковское сообщество. Капитаны государственного банковского сектора почувствовали реальную угрозу всем без исключения источникам своих доходов и прибылей.

Согласно имеющимся у нас данным, банкиры, опираясь на опыт предыдущих реформ в финансово-банковской сфере, откровенно не поверили, что государство перестанет контролировать кредитную ставку. В самом деле, это привело бы к фактическому слому всей конструкции макроэкономического регулирования и контроля в КНР. Крайне скептически отнеслись они и к перспективе либерализации обменного курса юаня по счету движения капиталов. При этом банкиры в принципе поверили в решимость государства дерегулировать ставку по депозитам. Это резко сократило бы их возможности использовать разницу между относительно высокими кредитными и относительно низкими депозитными ставками в свою пользу. Одновременно они крайне негативно относились к борьбе центральных регуляторов со столь выгодным для них теневым банкингом и к ужесточению государством требований к нормам резервирования. Таким образом, кровные интересы государственного банковского сообщества КНР оказывались между молотом и наковальней³⁴.

Результатом стал, по сути дела, саботаж правительственных инициатив путем замораживания межбанковского кредитования 20 июня 2013 года, вызвавший кратковременный, но чрезвычайно острый «кризис ликвидности» с 20 по 25 июня 2013 года. По своей политэкономической природе это был кризис внутреннего долга, когда, перед лицом угрозы фундаментального монетарного ужесточения, как заемщики, так и кредиторы рванулись обналичивать свои счета вдоль по всей долговой цепочке – вплоть до кредитора последней инстанции в лице ЦБ. Запретительно высокие ставки межбанковского кредитования, взлетевшие за полтора суток до 30%, обвалили фондовый рынок и в целом привели к полупараличу всей национальной финансовой системы

³⁴ Чжан Чживэй, Чэнь Цзянь. Гуаньжу чжунго цзиньжун фэнсянь // Цайцзин, 22.04.2013, с. 36 -37 [Чжан Чживэй, Чэнь Цзянь. Обратить внимание на финансовые риски Китая// Цайцзин, 22.04.2013, с. 36-37] (Zhang Zhiwei, Chen Jiayan. Paying Attention to the Financial Risks of China // Caijing, 22.04.2013, pp. 36-37)

страны. Лишь после возобновления монетарных инъекций ЦБ во второй половине дня 25 июня 2013 года рынок начал постепенно восстанавливаться³⁵.

Данные события во многих отношениях имели эффект технического дефолта, вызванного в сухом остатке тем, что кредитор последней инстанции в преддверии финансового дерегулирования перестал выполнять традиционные обязательства перед своей политико-экономической клиентелой в прежнем объеме.

Именно эти обстоятельства привели к резкому снижению темпов экономического роста во второй половине 2013 года и возымели глубокие структурные последствия для финансового и реального секторов народного хозяйства КНР, ощутимые вплоть до сегодняшнего дня.

Несмотря на неоднократные снижения ключевой ставки и возобновление сначала ограниченного, а затем все более масштабного монетарного стимулирования в 2014 и 2015 годах, описанные события начала лета 2013 года, несомненно, лежат в основе дальнейшей динамики снижения ВВП страны и серии последовательных обвалов на фондовом рынке КНР во второй половине 2015 – начале 2016 годов. Иными словами, именно курс на дерегулирование и ужесточение финансовой дисциплины в первой половине 2013 года стал *ключевым фактором* перехода социально-экономического комплекса Китая к состоянию «новой нормальности» в том структурном и «политическом» смысле, в каком употребил этот термин в мае 2014 года Си Цзиньпин.

В публицистической и даже аналитической литературе существуют многочисленные конспирологические теории, объясняющие эти обвалы внутриполитической борьбой в высшем эшелоне партийно-государственного руководства КНР³⁶.

³⁵ Чжан Гою. Цзиньжун бу дуйчэнь // Цзинцзи гуаньча бао, 01.07.2013 [Чжан Гою. Финансовая асимметрия // Цзинцзи гуаньча бао, 01.07.2013] (Zhang Guoyou. Financial Asymmetry // Jingji guancha bao, 01.07.2013)

³⁶ Ван Хувэнь, Ли Да. Чжунго гуши шэньчудэ чжэньцин цзяоша. Синьцзиуань, Гонконг, 2016. С. 57-126 [Ван Хувэнь, Ли Да. Глубинная политико-экономическая схватка не на жизнь, а на смерть на фондовом рынке Китая.

В принципе не отрицая возможность наличия этой составляющей в совокупности причин обрушения фондовых индексов, мы склонны полагать, что они стали результатом более или менее целенаправленных действий центральных регуляторов, направленных на сбалансирование и стабилизацию макроэкономической ситуации в стране. В самом деле, в первой половине 2015 года она выглядела, мягко говоря, крайне неестественно – динамика ВВП стагнировала или снижалась, а фондовые индексы обновляли исторические максимумы. Весьма вероятно, что правительство приняло решение и так или иначе осуществило комплекс политико-административных мер по выводу части ликвидности с внутреннего фондового рынка.

Как бы там ни было, в 2014 году, как мы уже знаем, произошла полная политическая легитимация «новой нормальности», вопрос о финансовом дерегулировании был снят с повестки дня, а идейно-пропагандистское обеспечение «экономики Ли Кэцзяна» постепенно сошло на нет.

Рассмотрение выдвинутой именно в 2013-2015 годах всемирно известной и широко обсуждаемой экспертами, политиками, публицистами и пропагандистами инициативы руководства КНР по построению «Одного пояса и одного пути» находится за рамками данной статьи. Однако, в нашем контексте важно отметить, что ее формулировка, выдвижение и продвижение полностью совпадали с укреплением в немалой части верхнего эшелона китайского политического класса и экспертного сообщества представления, с одной стороны, об ограниченности потенциала экстенсивно-инвестиционной модели роста внутри КНР и, с другой стороны, о нарастающих трудностях в реализации курса на дерегулирование национальной финансовой системы. В этих условиях – когда новый инвестиционный бум внутренняя экономика «переваривает» с большим трудом, а финансовой

Издательство Синьцзиуань, Гонконг, 2016. С. 57-126] (Wang Huwen, Li Da. Deep Politico-Economic Mortal Battle on the China's Stock Market. Xinjiyuan Publishers, Hongkong, 2016. Pp. 57-126)

либерализации открыто и скрыто сопротивляется – естественным выводом и вполне рациональным стремлением в Пекине стал экспорт «китайской модели роста» за рубеж и создание для этого логистической, финансовой и военно-политической инфраструктуры. С нашей точки зрения, именно эти мотивации и лежат в основе выдвижения концепции «Один пояс, один путь». Повторим, в данных обстоятельствах для Китая – это вполне рациональный системный выбор. Степень успешности и условия его реализации – отдельный и весьма дискуссионный вопрос, которым в данное время занята немалая часть мирового экспертного, академического и политического сообщества.

Стратегия №2: «Реформа сферы предложения»

Неудовлетворительные итоги установочной линии на дерегулирование, обусловленные, прежде всего, обнаружившимся дефицитом внутренних финансово-экономических субъектов, которые были бы по-настоящему заинтересованы в таких реформах, вызвали к жизни вторую стратегию, получившую название «реформа стороны предложения»³⁷. Данная стратегия связывалась большим числом как китайских, та и вслед за ними, зарубежных экспертов, с именем вице-премьера Госсовета Лю Хэ и рассматривалась рядом инсайдеров как признак относительного ослабления позиций премьера Ли Кэцзяна. «Реформа стороны предложения» стала официально рассматриваться уже как «основное содержание» и «сущность» «новой нормальности», однако, по своей логике и сути, выглядела, скорее, как попытка эту политически легитимированную «новую нормальность» преодолеть.

Термин «экономика Ли Кэцзяна» и курс

на дерегулирование нигде не были формально дезавуированы, однако явно потеряли, так сказать, установочную актуальность. Это было сделать тем легче, что данный термин пришел в китайский экспертно-дискурсивный лексикон из-за рубежа и использовался наиболее широко китайскими экономистами и политологами «либерального» направления – сторонниками углубления шагов в сторону финансовой либерализации, которая заглохла после «кризиса ликвидности» в июне 2013 года и окончательно «снялась» с повестки дня по итогам последовательных обвалов на фондовых рынках страны в июле 2015 – январе 2016 годов.

Состоявшееся в декабре 2015 года Центральное рабочее совещание по экономическим вопросам выдвинуло новую установку – «реформа сферы предложения».

9 мая 2016 года центральный орган КПК газета «Жэньминь жибао» опубликовала получившее широкий резонанс в политико-экономических кругах страны довольно подробное интервью с неким «авторитетным лицом», не названным ни по имени, ни по должности. Ряд экспертов в КНР и на Тайване в беседах с автором высказывали предположение, что этим «авторитетным лицом» является либо сам вице-премьер Лю Хэ, либо – что более вероятно – кто-то из близких к нему чиновников или аналитиков.

Так или иначе, но в своем интервью «авторитетное лицо» достаточно предметно обрисовало контуры новой экономической стратегии руководства страны. Финансовое дерегулирование, как, впрочем, и какие-либо иные реформы в финансово-бюджетной сфере, не упоминались вообще. Также не нашлось места и для доминировавшего два года назад тезиса о «решающей роли рынка в распределении ресурсов». Это было прочитано некоторыми экспертами и наблюдателями как де-факто отказ от курса, инициированного весной 2013 года и, возможно, свидетельствовало об относительном ослаблении политических позиций Премьера Госсовета Ли Кэцзяна и даже появлении между ним и Си Цзиньпином серьезных разногласий, во всяком случае, в области экономической политики.

³⁷ У Цзиньлянь, Ли Инин, Чжэн Юннэнь. Дудун гунгейцэ гайгэ. China CITIC Press, 2016 [У Цзиньлянь, Ли Инин, Чжэн Юннэнь. Понимая реформу сферы предложения. China CITIC Press, 2016] (Wu Jinlian, Li Yining, Zheng Yongnian. Understanding Supply-Side Reform. China CITIC Press, 2016)

Вместе с тем «авторитетное лицо» вновь подчеркнуло нецелесообразность мощных монетарных стимулов и сделало упор на углубляющиеся, по его мнению, структурные проблемы китайской экономики, среди которых были особо выделены наличие излишних мощностей, прежде всего в целом ряде отраслей тяжелой и обрабатывающей промышленности, а также растущее число так называемых «мертвых предприятий», то есть мощностей, которые статистически рассматриваются регуляторами как действующие, но в реальности либо остановившиеся, либо значительно сократившие, либо кардинально перепрофилировавшие свое производство под влиянием падения спроса на свою продукцию, фактической неплатежеспособности и т.д.³⁸

Собственно говоря, «реформа сферы предложения», направленная на «повышение его качества», была призвана, прежде всего, разобраться именно с этими структурно-отраслевыми диспропорциями. Однако, если подходы в духе «экономики Ли Кэцяна» образца 2013 – начала 2014 годов имплицитно предполагали преодоление отраслевых диспропорций и нахождение *макрэкономического баланса* через реформу (дерегулирование) финансовой системы, то основные направления нового курса, очерченные в интервью «авторитетного лица», свидетельствовали о смещении центра тяжести экономической политики на микроуровень – к отраслям и конкретным предприятиям. В контексте «духа и буквы» макроэкономического управления в КНР это определенно означало переход к преимущественно прямому, административно-директивным инструментам регулирования и контроля.³⁹

В сухом остатке «реформа сферы предложения» действительно оказалась программой ограничения масштабов излишних мощностей в КНР преимущественно

методами административного воздействия при одновременной попытке сдерживания – опять же административного – интенсивности кредитно-денежной эмиссии.

Ключевая ставка ЦБ имела, впрочем, тенденцию к снижению. Предполагалось, очевидно, предоставить банкам в целом достаточно средств для кредитования «ответственных экономических субъектов». Насколько следует из моих интервью с рядом китайских экспертов в 2016, 2018 и 2019 годах и анализа выступлений экономической печати КНР в 2016-2020 годах, под таковыми понимались, прежде всего, «предприятия, дисциплинированные в финансовом отношении», не берущие деньги под инвестиции в отрасли с «излишними мощностями» и не усугубляющие проблему «региональной задолженности», то есть исправно платящие проценты по кредитам и не прибегающие к услугам теневого банкинга на инвестиционных площадках региональных (провинциальных и уездных) правительств.

Расчет, судя по всему, делался на то, что несколько лет сидения без монетарного «допинга» в условиях жесткого контроля за инвестиционной политикой и активами, а также беспрецедентных по масштабам антикоррупционных кампаний с массовым тюремным заключением обвиняемых на всех этажах партийно-государственной иерархии, смогут изменить мотивацию ключевой массы финансово-экономических игроков – сделать их «рачительными инвесторами» и «ответственными кредиторами».

Это, в свою очередь, по мысли центральных политических и финансовых регуляторов, должно было привести как к новому качеству экономического роста, так и к ощутимому повышению его темпов, то есть – по существу дела – к преодолению структурно-мотивационных «аномалий» «новой нормальности». Концентрированным выражением этих ожиданий стала сформулированная на рубеже 2017-2018 годов рядом китайских экономистов и близких к государству бизнесменов теория «нового экономического цикла», провозглашавшая возможность и даже неиз-

³⁸ Ibid. С. 250-264.

³⁹ Лю Шицзинь, Ю У, Чэнь Чаншэн. Цун фань вэйцзи дао синь чантай. China CITIC Press, 2016. С. 385-412 [Лю Шицзинь, Ю У, Чэнь Чаншэн. От борьбы с кризисом к новой нормальности. China CITIC Press, 2016. С. 385-412] (Liu Shijin, Yu Wu, Chen Changsheng. From Fighting Crisis to New Normal. China CITIC Press, 2016. Pp. 385-412)

бежность «качественно нового взлета» экономики КНР в 2018-2019 годах⁴⁰.

Однако изменить административными методами базовую мотивацию китайских финансово-экономических игроков, десятилетиями привыкших к условиям мягкого бюджетного ограничения и извлечению ренты через инвестиционные проекты, позволявшие с нарастающей интенсивностью – в особенности после стимулирующего пакета 2008-2009 годов – «национализировать» издержки и «приватизировать» доходы и прибыль, оказалось делом неблагодарным.

«Реформа сферы предложения», с нашей точки зрения, фактически усилила репрессии на капитал в КНР, добавила структурных диспропорций в отношения между кредиторами и заемщиками и, таким образом, потенциально еще более усложнила проведение финансового дерегулирования.

В самом деле, с одной стороны, ключевая ставка ЦБ неоднократно снижалась – т.н. коммерческие госбанки не должны были страдать (и, очевидно, не страдали) от дефицита ликвидности. С другой стороны, государственные регуляторы, несмотря на провозглашенное в июле 2013 года «дерегулирование банковской кредитной ставки», на самом деле сохранили инструментарий контроля над ней на микроуровне, вплоть до прямых указаний банкам по партийно-государственной линии «кого и как кредитовать». Одновременно – в рамках курса по борьбе с «излишними мощностями» – произошло усиление государственного контроля за инвестиционной деятельностью в конкретных отраслях и на предприятиях. В борьбе с «оттоком капитала» более жестким стало валютное регулирование. Страну захлестнули беспрецедентные антикоррупционные кампании.

В этих условиях госбанки, естественно,

снизили общие объемы кредитной деятельности, жалуясь на «плохое качество активов» предприятий-заемщиков. Последние же, привыкшие за прошлые десятилетия к мягкому бюджетному ограничению и отнюдь не склонные менять свою базовую мотивацию, снизили инвестиционную активность, сев в свою очередь на то, что «деньги-то в общем есть, и мы знаем, где их взять, но вкладываться особо некуда».

Ни в 2018, ни в 2019 годах китайская экономика «качественно» не «взлетела».

Стратегия №3: «Валютные офшоры», «цифровизация юаня» и международные зоны «свободной торговли»

Пандемия COVID-19 – излюбленная в последнее время многими аналитиками тема для построения различных оценок и прогнозов социально-экономического развития КНР – вопреки расхожему мнению, не имела *фундаментальных* последствий для китайской экономики – ни с точки зрения ее структуры, ни с точки зрения изменения инвестиционно-затратной модели ее роста. Достаточно быстрое восстановление динамики ВВП КНР к концу 2020-началу 2021 годов было достигнуто, судя по всему, вполне традиционным наращиванием кредитно-денежной эмиссии. Уже к концу октября 2020 года у центральных регуляторов появились опасения «нового перегрева»⁴¹. Таким образом, есть основания заключить, что в стратегической перспективе пандемия оказала скорее негативное влияние на социально-экономический комплекс современного Китая, еще более затянув и усложнив «дерегулирование» и переход к потребительно ориентированной модели роста.

С другой стороны, лидеров КНР можно понять: какой прок в болезненных и непредсказуемых преобразованиях, призванных заложить основы новой модели роста тогда,

⁴⁰ Жэнь Цзэпин, Гань Юань. Синь чжоуци. Чжунго хунгуань цзинци лилунь юй шицзянь. China CITIC Press, 2018. С. 49-85 [У Цзиньлянь, Ли Инин, Чжэн Юнъянь. Новый цикл. Теория и практика макроэкономики Китая. China CITIC Press, 2018. С. 49-85] (Ren Zeping, Gan Yuan. The New Cycle. Theory and Practice of China's Macroeconomy. China CITIC Press, 2018. Pp. 49-85)

⁴¹ Оуян Сяохун. Чаоцзи янхан яо лайле! Шанье иньхан фа, жэньминь иньхан фа сюдин цзинсин ши [Оуян Сяохун. Супер-банк на подходе! Пора править законы о коммерческих банках и народном банке] (Ouyang Xiaohong. Super Bank is Coming! High Time to Edit the Laws on Commercial Banks, People's Bank). Mode of access: www.eeo.cn/2020/10/25

когда именно прежняя – инвестиционно-затратная модель при всех ее минусах и потенциальных проблемах позволяет быстро выправить вызванный пандемией спад. В конце концов многолетняя эмпирика свидетельствует – лавиную долю мирового экспертного мнения, озабоченного скорее техническими показателями глобального ВВП, гораздо проще впечатлить V-образным восстановительным ростом, чем неизбежно противоречивыми результатами глубоких структурных преобразований, несущих угрозу основам этого роста. На фоне пандемии такими реформами не занимаются. Тем более, что Китай именно в 2020 году начал, возможно, как никогда в недавнем прошлом, нуждаться в международном признании своего, так сказать, «самодостаточного успеха».

Как известно, пандемия COVID-19 сошла для КНР с серьезными внешнеполитическими вызовами, ключевым из которых, несомненно, является резкое ухудшение китайско-американских отношений, спровоцировавшее открытую и широкую международную дискуссию о возможности полного политико-экономического «расщепления» (*decoupling*) КНР и США⁴².

Подробное рассмотрение этой проблематики выходит за пределы предлагаемого текста. Следует, тем не менее, подчеркнуть, что, если полное китайско-американское «расщепление» выглядит, несомненно, утопическим, то в Пекине в целом, очевидно, осознаются риски качественного «охлаждения» в отношениях с Вашингтоном. Риски эти носят как внутрисполитический, так и внешнеполитический характер. При этом финансово-экономическое измерение и тех, и других видится нам как одно из наиболее значимых.

К финансово-экономическому измерению внутренних рисков следует, прежде всего, отнести сохраняющийся и, вероятно, увеличивающийся потенциал фундаментальных макроэкономических диспропорций, связанных с пузырями государственных гарантий. Конкретными проявлениями этих

пузырей выступают, как известно, долговые пирамиды в банковской системе и на рынке недвижимости, а также астрономические значения монетизации экономики КНР.

Финансово-экономическое измерение внешних рисков выглядит как возможное уменьшение притока американских долларов в КНР вследствие падения доходов от экспорта и сокращения иностранных инвестиций (в частности, постепенного, но неуклонного оттока иностранного капитала из Гонконга в условиях кризиса модели «одна страна – две системы»), политики санкций в отношении китайского сектора высоких технологий, а также технически возможных (хотя, с нашей точки зрения, практически маловероятных) американских финансовых «санкций из ада» – мер, направленных на ограничение объемов конвертации юаней КНР в доллары США через иностранные (то есть не китайские) банки.

Кроме того, можно предположить, что в Пекине постепенно начали осознавать значительные трудности и, вероятно, по некоторым направлениям даже тупики в реализации инициативы «Один пояс, один путь». В условиях скрытого и открытого противодействия этой инициативе со стороны США и потенциально вполне вероятного де-факто ужесточения позиции ЕС по данному вопросу, учитывая выражено негативное отношение к этой пекинской инициативе Индии и неопределенное мнение России, которая, к слову сказать, в перспективе скорее все же дистанцируется от участия в реализации китайской версии проекта в полном объеме, официальный Пекин оказывается перед необходимостью постепенной, но серьезной корректировки своей прежней линии.

В этих условиях на протяжении 2020 года появились признаки новых стратегических подходов китайского руководства к экономической политике. С нашей точки зрения, на данный момент эти новые, корректирующие подходы можно свести в целом к трем направлениям.

Во-первых, создание «зон свободной торговли» на территории КНР и на международном – региональном – уровне. К настоящему времени на территории КНР создано уже 18 таких зон. Их фундаментальной

⁴² Rosen, Daniel H.; Gloudeman, Laura. Understanding US-China Decoupling: Macro Trends and Industry Impacts. Mode of access: www.rhg.com/research/us-china-decoupling/

особенностью, отличной от известных из прошлого «свободных экономических зон», становится либерализация валютного регулирования. Иными словами, эти зоны превращаются в платформы для экспериментов с дерегулированием обменного курса юаня по счету движения капиталов. Основная цель этих зон и проходящих там экспериментов по дерегулированию обменного курса – не допустить (в условиях нарастающих трудностей в отношениях с США и, потенциально, с «коллективным Западом») значительного сокращения притока в КНР иностранной валюты.

С одной стороны, осознав значительные системные трудности с осуществлением финансовой либерализации в духе «экономики Ли Кэцзяна, руководство КНР де-факто отказалось – по крайней мере, на неопределенное время – от реализации такого курса внутри страны. Китайские эксперты, с которыми нам довелось беседовать, в один голос указывают на «невозможность масштабного внутреннего дерегулирования финансовой системы в силу опасностей макроэкономической дестабилизации, связанных с высоким «моральным риском» (*moral hazard*) в поведении субъектов хозяйственной деятельности». Иными словами, по сути дела, признается неудача попыток коренным образом изменить мотивацию внутренних финансово-экономических игроков, по-прежнему ориентированных на «приватизацию прибылей» и «национализацию убытков». Это означает, что юань остается неконвертируемой валютой, государственные регуляторы сохраняют инструменты прямого управления кредитной ставкой, а макроэкономическое управление в целом – административно-директивную составляющую.

С другой стороны, не имея в реальности технических возможностей порвать с долларом США как глобальной резервной валютой в условиях частичной, но достаточно глубокой интеграции ряда секторов экономики КНР в мировое хозяйство, Китай по-прежнему нуждается в притоке иностранной валюты, объемы резервов которой остаются инструментом внутренней экономической политики (тумблером кредитно-денежного

предложения и, следовательно, механизмом управления экономическим ростом) через регулирование обменного курса⁴³.

В этих условиях «зоны свободной торговли» с более «либеральным», чем в остальной части Китая валютным режимом, выступают в качестве «валютных офшоров» – приводных ремней макро и микро-экономического регулирования и контроля «на большой земле».

Вторым направлением стратегической коррекции экономической политики выступает в последнее время увлечение китайских политико-финансовых регуляторов идеей цифровизации национальной валюты. Ключевая цель этого комплекса мер, по нашему мнению, состоит в резком усилении контроля со стороны центрального правительства за финансовыми транзакциями внутренних субъектов экономической деятельности (борьба с пресловутыми «моральными рисками» хозяйственных субъектов) и решение проблемы избытка ликвидности (монетарного навеса) в экономике страны.

Судя по всему, это целеполагание сопровождается также надеждами на ускорение «интернационализации юаня» – то есть более широкое его использование как международного средства платежа. В полной мере оценить степень успешности этой стратегической коррекции на данный момент не представляется возможным. От себя добавим лишь, что соблазн заменить то, что не получается в реальном мире виртуально-технологическими успехами психологически понятен и, вероятно, трудно преодолим.

Третье направление, как представляется, продиктовано осознанием определенной пробуксовки в реализации изначально заданного замысла инициативы «Один пояс – один путь» на западном направлении и связано с продвижением Китаем идеи создания региональных зон свободной торговли. В этом отношении КНР добилась действительно значительных успехов, вероятно, стратегического характера. В ноябре 2020

⁴³ Чжоу Цижэнь. Хуобидэ цзяосюнь. Peking University Press, 2012. С. 94-96 [Чжоу Цижэнь. Монетарные уроки. Peking University Press, 2012. С. 94-96] (Zhou Qiren. Monetary Lessons. Peking University Press, 2012. Pp. 94-96)

года 15 стран восточноазиатского региона подписали соглашение о создании крупнейшей в мире зоны свободной торговли со сниженными торговыми пошлинами, ключевым игроком и бенефициаром которой, по мнению большого числа экспертов, является именно Китай⁴⁴. Следует подчеркнуть, что данное соглашение следует рассматривать не только как чисто экономическую, но и отчасти как внешнеполитическую победу КНР, чрезвычайно затрудняющую новую демократической администрации США во главе с президентом Дж. Байденом потенциальную попытку реактивации инициативы Б. Обамы о Транс-Тихоокеанском партнерстве.

Заключительные соображения или экзистенциальный парадокс «новой нормальности»

Известное высказывание Отто Бисмарка о политике как об искусстве возможного вполне применимо к причинно-следственной логике и содержанию последовательно сменявших друг друга экономических стратегий, реализовавшихся и реализуемых в КНР в эпоху Си Цзиньпина под общим определением «новой нормальности».

В сущности, «новая нормальность» есть совокупность социально-экономических и, несомненно, политических явлений и тенденций, связанных со снижением динамики роста ВВП и углублением структурных макро и микроэкономических диспропорций в КНР после 2010 года. С нашей точки зрения, понятие «новой нормальности» в равной мере должно включать и целенаправленные усилия партийно-государственного руководства Китая по преодолению этих диспропорций и – соответственно – по выводу общества и страны из этой «нормальности», которая в действительности отнюдь не видится китайским политикам и экспертам нормальной. В этом, как мы считаем, состоит некий смысловой и экзистенциальный парадокс, мимо которого проходит большая

часть зарубежных наблюдателей – «новая нормальность» в современном Китае отнюдь не норма, а совокупность структурных проблем и дисбалансов, требующих решения и преодоления. Или, пользуясь терминологией близких к правительству китайских аналитиков, «ловушка» или «высокая стена», образованная массой системных препятствий на путях преодоления нежелательной и потенциально кризисной «нормы».

«Возможность» здесь означает императив сохранения монополизма партийно-государственной власти. «Искусство» – поиск модели удержания этой власти в условиях императивов глубоких политэкономических преобразований, направленных на фундаментальное избавление от макро и микросистемных диспропорций инвестиционно-затратной модели экономического роста.

Успехи Китая на этом пути оспорить невозможно. Однако, окончательный ответ на вопрос о том, поможет ли это «искусство» сделать такую «возможность» реальной, остается в данном случае пока открытым.

Литература:

- Kerry, Brown.* CEO, China. The Rise of Xi Jinping. I. B. Tauris: London, New York, 2017. Pp. 217-218.
- Shih, V.C.* Factions and Finance in China: Elite Conflict and Inflation. Cambridge University Press – 2008, p. 1-15.
- Willy Wo-Lap Lam.* Chinese Politics in the Era of Xi Jinping. Renaissance, Reform or Retrogression. Routledge – 2016 – p. 151-190
- «Ли Кэцян цзинцзи сюе» жумэнь ке // Цайцзин, 02.12.2013, с. 56 [Вводная лекция по «экономике Ли Кэцяна» // Цайцзин, 02.12.2013, с. 56] (The Entrance Class for the “Liconomics” // Caijing, 02.12.2013, p. 56)
- Ван Пэйчэн, Чжао Цзинтин.* Чжунгоши инцзы иньхан // Цайцзин, 11.02.2013, с. 94 [Ван Пэйчэн, Чжао Цзинтин. Теневые банки по-китайски // Цайцзин, 11.02.2013, с. 94] (Wang Peicheng, Zhao Jingting. Shadow Banking Chinese Style // Caijing, 11.02.2013, p. 94)
- Ван Хувэнь, Ли Да.* Чжунго гуши шэньчудэ чжэнцзин цзяоша. Синьцзяоань, Гонконг – 2016 - с. 57 -126 [Ван Хувэнь, Ли Да. Глубинная политико-экономическая схватка не на жизнь, а на смерть на фондовом рынке Китая. Издательство Синьцзяоань, Гонконг – 2016 – с. 57 -126] (Wang Huwen, Li Da. Deep Politico-Economic Mortal Battle on the China's Stock Market. Xinjiyuan Publishers, Hongkong – 2016 – p. 57 -126)
- Дэн Хайцин, Линь Ху.* Лилю шичанчуа. Тувэй чжунго чжайу куньцзю. Social Sciences Academic Press (China) – 2013 [Дэн Хайцин, Линь Ху. Переход к рыночному определению кредитной ставки. Прорыв долговой осады в Китае. Social Sciences Academic Press (China) - 2013] (Deng Haiqing, Lin Hu. Interest Rate Liberalization.

⁴⁴ Dieter, Heribert. RCEP – Countries Create Asia-Pacific Free Trade Zone. Trade Facilitation but No Integrated Bloc. Mode of access: www.swp-berlin.org/10.18449/2021CO3/

Breaking Out China's Debt Predicament. Social Sciences Academic Press (China) – 2013)

Жэнь Цзэпин, Гань Юань. Синь чжоуци. Чжунго хунгуань цзинци лилунь юй шицзынь. China CITIC Press – 2018 – с. 49-85 [У Цзиньянь, Ли Инин, Чжэн Юннэнь. Новый цикл. Теория и практика макроэкономики Китая. China CITIC Press – 2018 – с. 49-85] (Ren Zeping, Gan Yuan. The New Cycle. Theory and Practice of China's Macroeconomy. China CITIC Press – 2018 – p. 49-85)

Лу Фэн. Хунтяодэ лоци. China CITIC Press – 2016 – с. 154-156 [Лу Фэн. Логика макроэкономического регулирования. China CITIC Press – 2016 – p. 154-156] (Lu Feng. The Logic of Macroeconomic Regulation. China CITIC Press – 2016 – p. 154-156)

Лю Шицзин, Чжан Цзюнько, Хоу Юнчжи, Лю Пэйлинь. Сянцзин хайши гаоцянь [Лю Шицзин, Чжан Цзюнько, Хоу Юнчжи, Лю Пэйлинь. Ловушка или высокая стена] (Lu Shijing, Zhang Junkuo, Hou Yongzhi, Lu Peilin. Trap or High Wall) // Лю Шицзин, Ю У, Чэнь Чаншэн. Пун фань вэйци дао синь чантай. China CITIC Press – 2016 – с. 109-136 [Лю Шицзин, Ю У, Чэнь Чаншэн. От борьбы с кризисом к новой нормальности. China CITIC Press – 2016 – с. 109-136] (Liu Shijin, Yu Wu, Chen Changsheng. From Fighting Crisis to New Normal. China CITIC Press – 2016 – p. 109-136)

Лю Шицзин, Ю У, Чэнь Чаншэн. Пун фань вэйци дао синь чантай. China CITIC Press – 2016 – с. 57 [Лю Шицзин, Ю У, Чэнь Чаншэн. От борьбы с кризисом к новой нормальности. China CITIC Press – 2016 – с. 57] (Liu Shijin, Yu Wu, Chen Changsheng. From Fighting Crisis to New Normal. China CITIC Press – 2016 – p. 57)

Лю Юхуэй. Чжунго цзинци дэндай поцзю // Цайцзин, 15.07.2013, с. 32 [Лю Юхуэй. Экономика Китая ожидает прорыва // Цайцзин, 15.07.2013, с. 32] (Lu Yuhui. Chinese Economy is Waiting for the Breakthrough // Caijing, 15.07.2013, p. 32)

Ма Гочуань. Цзоучу вэйвень шидай. Hongkong Open Page Publishing Co. LTD – 2013 – с. 180-196. [Ма Гочуань. Покидая эпоху поддержания стабильности. Hongkong Open Page Publishing Co. LTD – с.180-196] (Ma Guochuan. Leaving the Epoch of Supporting Stability. Hongkong Open Page Publishing Co. LTD – pp. 180-196)

У Цзиньянь, Ли Инин, Линь Ифу. Дундэ гунгэйцэ гайгэ. China CITIC Press – 2015 – с. 9. [У Цзиньянь, Ли Инин, Линь Ифу. Понимать новую нормальность. China CITIC Press – 2015 – с. 9] (Wu Jinglian, Li Yining, Lin Yifu. Understanding New Normal. China CITIC Press – 2015 – p. 9)

У Цзиньянь, Ли Инин, Чжэн Юннэнь. Дудун гунгэйцэ гайгэ. China CITIC Press – 2016 [У Цзиньянь, Ли Инин, Чжэн Юннэнь. Понимая реформу сферы предложения. China CITIC Press - 2016] (Wu Jinlian, Li Yining, Zheng Yongnian. Understanding Supply-Side Reform. China CITIC Press – 2016)

Фань Ган, Чжан Сяоцзин. Цзэмме ю гожелэ? Синь и лунь цзинци бодун юй хунгуань тьяокун фэнси. Цзянси жэньминь чубаньшэ – Наньчан – 2005, с. 126 [Фань Ган, Чжан Сяоцзин. Почему опять перегрелись? Анализ нового цикла экономических колебаний и макро-регулирования. Народное издательство провинции Цзянси – Наньчан – 2005, с. 126] (Fan Gang, Zhang Xiaojing. Why got Overheated Once More? Analysis of the New Cycle of Economic Fluctuations and Macro-Adjustment. Jiangxi People's Publishers – Nanchang – 2005, p. 126)

Цзя, цай, шуй пейтао гайгэ иньдуй синьшици тьяочжаньдэ чжэнцэ сюаньцэ // Цайцзин, 18.02.2013, с.60-61 [Скоординированная реформа цен, активов и налогов должна стать стратегическим выбором в новый период // Цайцзин, 18.02.2013, с.60-61] (Coordinated Reform of the Prices, Assets and Taxes Must be the Strategic Choice in the New Period // Caijing, 18.02.2013, p.60-61)

Чжан Гою. Цзиньжун бу дуйчэнь // Цинцзи гуаньча бао, 01.07.2013 [Чжан Гою. Финансовая асимметрия // Цинцзи гуаньча бао, 01.07.2013] (Zhang Guoyou. Financial Asymmetry // Jingji guancha bao, 01.07.2013)

Чжан Чживэй. Жунжэнь цзэнсу фанхуань ши лисиндэ сюаньцэ // Цайцзин, 25.03.2013, с. 77 [Чжан Чживэй. Признавая, что снижение темпов роста является рациональным выбором // Цайцзин, 25.03.2013, с. 77] (Zhang Zhiwei. Acknowledging that the Decrease in Growth Rate is Rational Choice // Caijing, 25.03.2013, p. 77)

Чжоу Цижэнь. Хуоби тьяокундэ чжунго тэсы. Peking University Press – 2012 – с. 78 [Чжоу Цижэнь. Китайская специфика денежного регулирования. Peking University Press – 2012 – с. 78] (Zhou Qiren. Monetary Regulation with Chinese Characteristics. Peking University Press – 2012 – p. 78)

Чжоу Цижэнь. Хуобидэ цзяосюнь. Peking University Press – 2012 – с. 94-96 [Чжоу Цижэнь. Монаетарные уроки. Peking University Press – 2012 -с. 94-96] (Zhou Qiren. Monetary Lessons. Peking University Press – 2012 – p. 94-96)

Ши Вэй. Чуаньтоу мицян: ганьюй юй цзыю бщисядэ чжунго цзинци. Цзинань дасюе чубаньшэ – 2014, с. 81 [Ши Вэй. Проникая через волшебную стену: экономика Китая в борьбе между вмешательством и свободой. Издательство университета в г. Цзинань – 2014, с. 81] (Shi Wei. Penetrating through Magic Wall: Chinese Economy Struggling between [State] Intervention and Freedom. Jinan University Publishers – 2014, p. 81)

Шэн Сунчэн, Лю Си. Цзиньжун гайгэ сетяо туйцзиньлунь. China CITIC Press – 2015 – с. 1-25 [Шэн Сунчэн, Лю Си. Теория скоординированного продвижения финансовой реформы. China CITIC Press – 2015 – с. 1-25] (Sheng Songcheng, Lu Xi. Theory of Coordinated Advance of Financial Reform. China CITIC Press – 2015 – p. 1-25)

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10027

“THE NEW NORMALCY” AS THE ART OF THE POSSIBLE: ALTERNATING ECONOMIC STRATEGIES UNDER XI JINPING

Mikhail V. Karpov

*MGIMO University,
National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia*

Article history: <i>Declared:</i> 10.01.2021 <i>Received:</i> 20.03.2021 <i>Sent for editing:</i> 25.03.2021 <i>Accepted:</i> 03.05.2021	Abstract: The period of Xi Jinping’s rule in the sphere of economic policy is characterized by a sequential alternation of essentially different macroeconomic strategies, united by the general term “new normal”. To date, none of these strategies have met with fundamental success.
About the author: Chief Researcher, Center for Comprehensive Chinese Studies and Regional Projects, MGIMO University; Associate Professor, School of Oriental Studies, Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University Higher School of Economics e-mail: mikhail-karpov6@rambler.ru	
Key words: paradiplomacy; sub-national units; subjects of federations; territorial autonomies; foreign policy of federal government; types of interaction; auxiliary paradiplomacy	

Для цитирования: Карпов М.В. «Новая нормальность» как «искусство возможного»: чередование экономических стратегий при Си Цзиньпин // *Сравнительная политика*. 2021. № 3. С. 42-62.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10027

For citation: Karpov, Mikhail V. «Novaya normal’nost’» kak «iskusstvo vozmozhnogo»: cheredovaniye ekonomicheskikh strategiy pri Si Tszin’pine (“The New Normalcy” as the Art of the Possible: Alternating Economic Strategies under Xi Jinping) // *Comparative Politics Russia*, 2021, No. 3, pp. 42-62.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10027

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ И ТИПОЛОГИЯ КОММУНИСТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ

Александр Владимирович Лукин

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России,
Москва, Россия*

Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 13 апреля 2021 <i>Принята к печати:</i> 31 мая 2021	Аннотация: В статье анализируется характер политической системы современного Китая в контексте типологии коммунистических политических режимов. Автор утверждает, что предлагавшиеся до сегодняшнего дня типологии коммунистических режимов являются малополезными, так как различия между режимами рассматривались недостаточно глубоко, при этом как критерий типологических различий фактически не использовался фактор идеологии. В статье предлагается новая типология коммунистических режимов, в которой ключевым критерием служит именно идеологический фактор. На основе анализа различных коммунистических режимов в соответствии с идеологическим критерием автор выделяет три основных типа коммунистических режимов: левокоммунистический, правокоммунистический и бюрократический, и определяет нынешний китайский режим как эволюционирующий от правокоммунистического к бюрократическому. Автор заключает, что китайский политический эксперимент заслуживает пристального изучения и отхода от западоцентристских клише, все еще господствующих в мировой политологии и исторической науке, и новая типология коммунистических режимов может послужить полезным инструментом как для его анализа, так и для выяснения перспектив развития Китая.
Об авторе: д.и.н., заведующий Международной лабораторией исследований мирового порядка и нового регионализма, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; директор Центра исследований Восточной Азии и ШОС, МГИМО МИД России e-mail: lukinru@yahoo.com	Ключевые слова: политический режим; коммунизм; социализм; Китай; правый коммунизм; левый коммунизм; бюрократия <i>Статья подготовлена при грантовой поддержке Факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ в 2021 г.</i>

В современном Китае происходят значительные политические изменения. Нынешний китайский лидер решительно изменил установившуюся систему наследования власти, автором которой был архитектор китайских реформ Дэн Сяопин. Си Цзиньпин отменил введенное в 1982 в конституцию положение об ограничении двумя сроками нахождения в должности Председателя КНР, значительно централизовав систему управления и вновь усилив в ней роль партийных органов по отношению к государственным, передав принятие основных решений от традиционных министерств и отделов ЦК КПК многочисленным руководящим группам, большинство из которых он возглавляет лично. Во внешней политике руководство Си Цзиньпина фактически отказалось от выдвинутого тем же Дэн Сяопином принципа «скромности» во внешней политике. Согласно официаль-

ной китайской идеологии, новая теория государственного управления составляет одну из основ «идей Си Цзиньпина», которыми, наряду с положениями основателей марксизма и некоторых других китайских лидеров, должны руководствоваться народы Китая. Это положение в 2018 г. было закреплено в Конституции страны. Однако наиболее важным, с точки зрения китайских властей, изменением, стало проведение многоплановой реформы государственного управления, которую зарубежные наблюдатели окрестили «пятой модернизацией»¹.

Официальная китайская пропаганда провозглашает, что управленческие теории

¹ Thayer, Bradley, A.; Han, Lianchao. China's 'Fifth Modernization' Shows Its Intent to Lead the World // The Hill, 29.11.2019. Mode of access: <https://thehill.com/opinion/international/471888-chinas-fifth-modernization-shows-its-intent-to-lead-the-world>

и политика Си Цзиньпина представляют собой совершенно новый этап социалистического строительства, который призван адаптировать марксистскую теорию в ее интерпретации предыдущими выдающимися китайскими лидерами: Мао Цзэдуном и Дэн Сяопином (их имена и концепции содержатся в конституции), – к «новой эпохе социализма с китайской спецификой». Таким образом, закрепляется роль Си как крупного теоретика «социализма с китайской спецификой» и выдающегося политического лидера, завершившего достижение основных целей китайской революции. Схема примерно такова: Мао Цзэдун объединил Китай и сделал его независимым от империализма, Дэн Сяопин смог достичь прорыва в экономическом развитии, сократив разрыв с развитыми странами и создав базу для создания зрелого социалистического общества, Си Цзиньпин окончательно вывел Китай на уровень развития передовых государств и исполнил «китайскую мечту» – вернул страну в число великих мировых держав, преодолев период «унижений», начавшийся с поражений в «опиумных войнах». Таким образом, легитимизируется власть коммунистической партии и ее политика: никакая другая власть этого сделать не смогла, хотя попытки предпринимались и в период поздней Цинской империи, и различными лидерами Китайской Республики.

Для того, чтобы понять, действительно ли сегодняшние власти Китая создают некую принципиально новую систему управления и как эта система соотносится с другими коммунистическими моделями, необходимо рассмотреть типологию коммунистических режимов в целом.

Типы коммунистических режимов

Перед тем, как говорить о типах коммунистических режимов, необходимо пояснить, что мы под ними понимаем. Здесь существует два подхода. В немарксистской политологической литературе под коммунистическими режимами обычно понимаются режимы государств, где у власти стоят партии, которые либо прямо называют себя коммунистическими, либо провозглашают

свою приверженность конечному построению коммунизма и ориентацию на крупные коммунистические партии (например, советскую или китайскую).

Второй подход – марксистский. Согласно теории К. Маркса, коммунизм в чистом виде, то есть бесклассовая ассоциация, основанная на принципе «Каждый по способностям, каждому по потребностям!»², где «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех»³, где нет денег и государства, конкуренция заменена ассоциацией, средства производства принадлежат обществу в целом, а само производство ведется по общественному плану – такой строй пока не был построен ни в одной стране, и вообще, если говорить собственно об учении К. Маркса и Ф. Энгельса, он не достижим в отдельной стране, так как коммунистическая революция должна произойти одновременно во всех цивилизованных странах (согласно Ф. Энгельсу, по крайней мере, в Англии, Америке, Франции и Германии)⁴. Однако еще К. Маркс отмечал, что подобного уровня общество достигнет лишь на высшей стадии коммунизма,

² Маркс К. Критика готской программы / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 19. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. С. 20. [Marx, Karl. Kritika gotskoi programmy (The Critique of the Gotha Programme) / Marx K., Engels F. Sochineniia (Collected Works). 2nd ed., Vol. 19. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1961. P. 20.]

³ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 4. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 447. [Marx, Karl; Engels, Friedrich. Manifest kommunisticheskoi partii (The Manifesto of the Communist Party) / Marx K., Engels F. Sochineniia (Collected Works). Vol. 4. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1955. P. 447.]

⁴ Энгельс Ф. Принципы коммунизма / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 4. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 329-330, 334. [Engels, Friedrich. Printsipy kommunizma (The principles of communism) / Marx K., Engels F. Sochineniia (Collected Works). Vol. 4. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1955. Pp. 329-330, 334.]

до этого же оно будет сохранять некоторые «родимые пятна» старого⁵. Этот первый, не вполне совершенный этап коммунизма был назван В.И. Лениным «социализмом». В то же время Ленин считал, что «поскольку общей собственностью становятся средства производства, постольку слово «коммунизм» и тут применимо, если не забывать, что это не полный коммунизм»⁶. Все коммунистические партии, придя к власти и проведя соответствующие реформы, называли свои общества «социалистическими». Таким образом, и с точки зрения марксизма все режимы в государствах, где правят коммунисты, вполне можно называть коммунистическими.

Как это ни странно, типология коммунистических режимов разработана крайне слабо. Большая часть авторов, как в самих коммунистических государствах, так и вне их, обращало основное внимание на их сходство или отличия от других политических систем⁷ или на общность между собой⁸. Так, например, А. Браун, признавая, что между отдельными членами разных коммунистических партий и некоторыми коммунистическими государствами суще-

ствовали значительные различия во взглядах на то, что представляет из себя коммунизм, заключил, что все коммунистические системы объединяет шесть основных характеристик. В политике – это монополия на власть коммунистической партии и принцип «демократического централизма», в экономике – некапиталистическая собственность на средства производства и доминирование командно-административных методов экономического управления над рыночными, в идеологической сфере – декларирование построения коммунизма в качестве конечной цели системы, оправдывающей ее существование, и чувство принадлежности к международному коммунистическому движению⁹. Западная политическая наука концентрировалась также на сравнении коммунистических политических и экономических систем с другими, например, фашистскими в рамках концепции тоталитаризма, традиционными, рыночными и организационными обществами, с коммунистическими партиями в демократических государствах Запада и др.¹⁰

Гораздо меньше авторов изучали отличия коммунистических режимов друг от друга, хотя призывы делать это раздавались довольно часто¹¹. Например, Дж. Монтиас в вышедшем в 1975 г. сборнике выделил четыре типа коммунистических экономических систем, различающиеся по организации экономического процесса: мобилизационные, централизованные, децентрализованные-административные и системы рыночного со-

⁵ Маркс К. Критика готской программы / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т.19. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. С. 18. [Marx, Karl. Kritika gotskoi programmy (The Critique of the Gotha Programme) / Marx K., Engels F. Sochineniia (Collected Works). 2nd ed., Vol. 19. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1961. P. 18.]

⁶ Ленин В.И. Государство и революция // Полное собрание сочинений. 5-е издание. Т. 33. М.: Издательство политической литературы, 1969. С. 98. [Lenin, I.V. Gosudarstvo i revoliutsiia (State and Revolution) // Lenin I.V. Polnoe sobranie sochinenii (Collected Works). 5th ed. Vol. 33. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1969. P. 98.]

⁷ Skilling, H. Gordon. Soviet and Communist Politics: A Comparative Approach // *The Journal of Politics*, May 1960, Vol. 22, No. 2, pp. 300-313.

⁸ Holmes, Leslie. The Policy Process in Communist States: Politics and Industrial Administration. London: Sage, 1981; Holmes, Leslie. Politics in the Communist World. Oxford: Clarendon Press, 1986.

⁹ Браун А. Взлет и падение коммунизма. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 150-160. [Brown, Archie. Vzlet i padenie kommunizma (The Rise and Fall of Communism). Moscow: Politicheskaiia entsiklopediia, 2014. Pp. 150-160.]

¹⁰ Friedrich, Carl J.; Brzezinski, Zbigniew K. Totalitarian Dictatorship and Autocracy. Cambridge: Harvard University Press, 1956; Roberts, Andrew. The State of Socialism: A Note on Terminology // *Slavic Review*, Summer, 2004, Vol. 63, No. 2, pp. 349-366.

¹¹ Meyer, Alfred G. The Comparative Study of Communist Political Systems // *Slavic Review*, March 1967, Vol. 26, No. 1, pp. 3-12; Fleron, Frederic J. Jr. (ed.) Communist Studies and the Social Sciences. Chicago: Rand McNally, 1969.

циализма¹². К. Бек в том же сборнике писал о трех типах коммунистических политических режимов Восточной Европы: интегрированном (ГДР), гегемонистском (Польша и Венгрия) и партийно-центральном (Болгария и Румыния)¹³. Но таких примеров немного.

Типология по признаку идеологии

С учетом того факта, что коммунистические режимы сформировались на основе коммунистической идеологии, причем формирование идеологии предшествовало созданию собственно государств, а государство строилось по идеологическим лекалам, гораздо более обоснованным представляется строить типологию коммунистических режимов именно на основе сходства и различия идеологических постулатов, заложенных в их основу.

Конечно, коммунистическая идеология в каждом конкретном государстве сталкивалась с существующими там реалиями, с традиционной политической и экономической культурой, что приводило к существенной степени индигенизации. Споры о том, является ли российский или китайский коммунизм простым продолжением культурной традиции этих стран, или чем-то совершенно новым, шли с самых первых дней возникновения коммунистической России и КНР. В России, например, радикальным сторонником теории возрождения традиции выступал Н.А. Бердяев, уже в 1918 г. написавший следующие слова: «На поверхности все кажется новым в русской революции – новые выражения лиц, новые жесты, новые формулы господствуют над жизнью... Но попробуйте проникнуть за поверхностные покровы революционной России в глубину...

Если пойти в глубь России, то за революционной борьбой и революционной фразеологией нетрудно обнаружить хрюкающие гоголевские морды и рожи»¹⁴. Позже он развил эти идеи в книге «Истоки и смысл русского коммунизма», находя корни большевизма в идеях русских мыслителей и революционеров XIX века¹⁵. Для Китая сходную позицию выразил, например, известный гарвардский политолог-китаевед Л. Пай: «Комбинация бюрократической иерархии и идеологического подчинения управляла почти всеми измерениями традиционной китайской политической культуры. Как отмечали многие наблюдатели, коммунисты снова дали китайцам политическую систему, сконцентрированную вокруг бюрократической иерархии, на этот раз в форме коммунистической партии, и вновь интегрированную всепроникающей идеологией – марксизмом и маоизмом... Важно, что имперская бюрократия и коммунистическая партия в процедурной практике, так же, как и конфуцианство и маоизм в идеологическом содержании, ясно подчеркивали вопросы власти и порядка»¹⁶.

Противоположную позицию высказывал другой известный американский китаевед Дж. Левинсон, в своей трилогии «Конфуцианский Китай и его современная судьба» утверждавший: «Трансформированная и отброшенная конфуцианская традиция прямо привела к коммунистической версии измененного китайского мировоззрения не путем имманентного сохранения себя в коммунистической доктрине, но, не сумев сохранить себя, оставив наследников без гроша, потенциально чужими в собственной земле, и, таким образом, прельстив их новой док-

¹² Montias, John M. A Classification of Communist Economic Systems. In Carmelo Mesa-Lago, Carl Beck (eds) Comparative Socialist Systems: Essays on Politics and Economics. Pittsburgh, Penn.: University of Pittsburgh Press, 1974. P. 39.

¹³ Beck, Carl. Patterns and Problems of Governance. In Carmelo Mesa-Lago, Carl Beck (eds) Comparative Socialist Systems: Essays on Politics and Economics. Pittsburgh, Penn.: University of Pittsburgh Press, 1975. Pp. 138-141.

¹⁴ Бердяев Н.А. Духи русской революции // Вехи. Из глубины. М.: Правда, 1991. С. 251. [Berdyayev N.A. Dukhi russkoi revoliutsii (Spirits of the Russian Revolution) // Vekhi. Iz glubiny (Milestones. From the Depth). Moscow: Pravda, 1991, p. 251.]

¹⁵ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. [Berdyayev N.A. Istoki i smysl russkogo kommunizma (The Origins and Meaning of Russian Communism). Moscow: Nauka, 1990.]

¹⁶ Pye, Lucian W. The Spirit of Chinese Politics. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1992. Pp. 15-16.

триной как ответом на их нужды»¹⁷. Идеи о том, что российский коммунизм полностью основан на чуждой иностранной идеологии, уничтожившей национальную традицию, придерживались идеологи белого движения, а позднее, например, А. Солженицын¹⁸.

Нам представляется, что оба этих подхода слишком радикальны. В реальности играла роль как идеология, пришедшая в обе страны извне, так и процесс ее адаптации к местной традиции. Однако именно в случае с коммунизмом идеология, пришедшая и в Россию, и в Китай из-за рубежа, играла ведущую роль, в особенности на этапе формирования нового государства. Отличие коммунистической теории от других систем, например, буддизма или христианства, которые также подверглись адаптации в России, Китае и других странах, в аспекте ее влияния на государственную (общественную) систему состоит в двух моментах. Во-первых, она изначально содержала в себе довольно четкую схему того, на каких принципах должно быть построено новое общество: отсутствие частной собственности, постепенное отмирание государства и создание некоей всемирной общности, государственный атеизм, постепенное уничтожение классовых и национальных различий и т.п. Во-вторых, эта схема активно и последовательно навязывалась сверху, с использованием всей мощи государственной власти, а не распространялась снизу как бы сама собой. Конечно, столкнувшись с общественными реалиями, политику по немедленному достижению этих идеалов приходилось несколько видоизменять, однако стремление их рано или поздно осуществить, пусть даже преодолевая крайне жесткое сопротивление общественного материала, нельзя понять без знания этих идеалов и идейных расхо-

ждений внутри правящих групп относительно путей их достижения. «Большой скачок» и «культурную революцию» в Китае, массовое уничтожение грамотных жителей городов в Камбодже, близкое к патологическому стремление Н.С. Хрущева уничтожать церкви и приусадебные участки в условиях, когда это очевидно вело к недовольству населения и упадку сельскохозяйственного производства, политику предоставления значительных прав республикам внутри федерации в социалистической Югославии, приведшую в конце концов к войне между ними, невозможно объяснить с точки зрения каких-либо прагматических целей. Все эти меры можно понять, только исходя из идеологии правящей верхушки, развивавшей марксизм в том или ином направлении.

Три модели коммунизма

Представления Маркса и его сотрудника Энгельса о государстве при коммунизме было довольно туманными. На втором, высшем этапе коммунизма государства быть вообще не должно. Согласно Энгельсу, с уничтожением классов и классового господства «нечего будет подавлять, не будет и надобности в особой силе для подавления, в государстве. Первый акт, в котором государство выступает действительно как представитель всего общества – взятие во владение средств производства от имени общества, – является в то же время последним самостоятельным актом его, как государства. Вмешательство государственной власти в общественные отношения становится тогда в одной области за другою излишним и само собою засыпает. Место правительства над лицами заступает распоряжение вещами и руководство процессами производства. Государство не “отменяется”, оно *отмирает*»¹⁹.

Как видим, однако, государство отмирает не одномоментно. В течение какого-то

¹⁷ Levinson, Josef R. Confucian China and its Modern Fate: A Trilogy. Vol. 1. Berkeley, L.A.: University of California Press, 1965. Pp. 162-163.

¹⁸ Солженицын А.И. Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни // Солженицын А.И. Публицистика. Париж, 1989. С. 45-65. [Solzhenitsyn, A.I. Raskaianie i samoogranichenie kak kategorii natsional'noi zhizni (Repentance and Self-Limitation as Categories of National Life) // Solzhenitsyn A.I. Publitsistika (Journalism). Paris, 1989. Pp. 45-65.]

¹⁹ Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. С. 292. [Engels, Friedrich. Anti-Düring (Anti-Dühring) // Marx K., Engels F. Sochineniia (Collected Works). Vol. 20. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1961. P. 292.]

периода оно, очевидно, будет «выступать как представитель всего общества» и «брать владение средств производства от имени общества». В этот период, как сказано в «Манифесте коммунистической партии», пролетариат «использует свое политическое господство для того, чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, т. е. пролетариата, организованного как господствующий класс, и возможно более быстро увеличить сумму производительных сил». Государство этого переходного периода революционного превращения капиталистического общества в коммунистическое «не может быть ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата*»²⁰.

Все эти рассуждения касаются какого-то абстрактного государства, или общества вообще. Что до судьбы конкретных государств, то из «Манифеста коммунистической партии» ясно, что они также сохранятся на какое-то время. Господство пролетариата лишь ускорит исчезновение наций, а условием всемирного освобождения пролетариата станет соединение «усилий, по крайней мере цивилизованных стран». На этом этапе нации не исчезнут, но вместе с антагонизмом классов внутри наций «падут и враждебные отношения наций между собой»²¹.

Оговорка о «цивилизированных странах» не случайна. С ростом популярности марксизма еще при жизни его основателей среди революционеров незападных стран возникли дискуссии о том, следует ли им стремиться к революции и захвату власти в условиях, когда в их странах экономические условия для перехода к коммунизму еще не созрели. Отвечая в марте 1881 г. на вопрос русской революционерки В.И. Засулич о

том, возможно ли социальное возрождение России на основе сельской общины, Маркс ответил, что «историческая неизбежность» описанного им в «Капитале» пути перехода к коммунизму, то есть на основе наивысшего уровня развития капиталистической промышленности, была им «умышленно ограничена странами Западной Европы». В России же «точкой опоры социального возрождения» может при определенных условиях стать и община, но «чтобы она могла играть эту роль, нужно было бы сперва устранить пагубные влияния, давящие ее со всех сторон, и затем обеспечить ей нормальные условия свободного развития»²². В написанном Марксом и Энгельсом в январе 1882 г. «Предисловии ко второму русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» говорится еще об одном условии: «русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития», если «русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополняют друг друга»²³. Таким образом, революция в отсталой стране все же может победить первой, но для того, чтобы она привела к коммунизму, необходима ее поддержка одновременной или произошедшей вскоре революцией на развитом Западе.

Ленин и другие русские марксисты строили свои теории на основе развития этих положений. При этом между ними велись споры о деталях трактовки построений

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 4. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 446. [Marx, Karl; Engels, Friedrich. Manifest kommunisticheskoi partii (The Manifesto of the Communist Party) / Marx K., Engels F. Sochineniia (Collected Works). Vol. 4. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1955. P. 446.]

²¹ Ibid. С. 445.

²² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т.35. М.: Государственное издательство политической литературы, 1964. С. 137. [Marx, Karl; Engels, Friedrich. Sochineniia (Collected Works). Vol. 35. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1964. P. 137.]

²³ Маркс К., Энгельс Ф. Предисловие ко второму русскому изданию «Манифеста коммунистической партии» // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 19. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. С. 305. [Marx, Karl; Engels, Friedrich. Predislovie ko vtoromu russkomu izdaniu «Manifesta kommunisticheskoi partii» (Preface to the Second Russian Edition of the Manifesto of the Communist Party) // Marx K., Engels F. Sochineniia (Collected Works). 2nd ed., Vol. 19. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1961. P. 305.]

Маркса и Энгельса, которые, после их прихода к власти из абстрактных споров маргинальных теоретиков приобрели огромное значение, а занимаемые позиции стали определять государственную политику и судьбы миллионов людей.

Став главой огромного государства, Ленин стал применять марксистские догматы довольно гибко, исходя из интересов консолидации и сохранения власти своей партии. Установив, как и полагалось, диктатуру, он поначалу сразу попытался провести рекомендуемое теорией обобществление всей собственности в рамках политики «военного коммунизма». Однако, когда эта политика потерпела крах и привела к массовым антибольшевистским восстаниям, он ввел «новую экономическую политику» (нэп), предусматривавшую более длительный переходный период и сохранение на его время некоторых элементов негосударственной собственности и частного предпринимательства. При этом он создал теорию переходного периода в отсталой стране, соответствующую этой политике, не указав, однако, на какой срок он вводится.

Так как и советское государство в России, и все другие коммунистические государства возникли в результате или после прихода большевиков к власти в СССР, можно сказать, что все они идеологически вышли из ленинизма, то есть ленинской трактовки марксистской теории. Споры между ними велись не относительно цели – строительства коммунизма. Эту цель разделяли все. Разногласия касались того, каким образом ее лучше достичь: например, какова длина периода обобществления, каков его механизм, следует ли при этом опираться на государ-

ственную бюрократию, силу материальной заинтересованности или энтузиазм народа и его перевоспитание, необходима ли мировая революция (то есть революция на развитом Западе), и когда именно: сразу, и следовательно надо ее всемерно стимулировать, или она допустима и через некоторое время, в которое первоначально возможно «построение социализма (как первого этапа коммунизма) в одной стране», а следовательно, и более осторожная политика в отношении Запада.

История сложилась так, что в разных коммунистических государствах к власти пришли сторонники разных трактовок этих марксистских вопросов. Более того, часто они боролись между собой в одной стране и сменяли у власти друг друга. Именно эти различные трактовки во многом и определили различные модели коммунистических государств.

Три модели коммунистических режимов

Исходя из этих соображений представляется возможным выделить три модели коммунизма, основанные на трех различных интерпретациях теории переходного периода, которые можно условно назвать «лево-коммунистической», «правокоммунистической» и «бюрократической». Истоком всех трех моделей является марксизм в ленинской интерпретации. Несмотря на различия внутри моделей, вызванные особенностями их адаптации к национальным реалиям, каждая из них все же сохраняет некоторые существенные особенности, отличающие ее от двух других (см. *Таб. 1*).

Таблица 1

Особенности моделей коммунистических режимов

Модель	Экономика	Политика	Лидерство	Идеология и культура
Левый коммунизм	– Полное обобществление экономики – Прямое распределение. – Энтузиазм и преданность идеологии как экономический стимул.	Контроль осуществляется обществом под руководством лидера	Гарант верного курса – лидер, непосредственно обращающийся к массам	Принятие идеологии и воспитание не принявших

Модель	Экономика	Политика	Лидерство	Идеология и культура
Правый коммунизм	– Допущение частной собственности в мелком и среднем секторе. – Частично рыночное распределение. – Материальная заинтересованность как стимул	Контроль осуществляется легитимными органами государственной власти в интересах государства с учетом интересов экономики	Гарант верного курса – бюрократия во главе с партией	Постепенное повышение культурного уровня
Бюрократический коммунизм	– Полное обобществление – Плановое хозяйство. – Нематериальное и ограниченное материальное поощрение.	Контроль осуществляется легитимными органами государственной власти	Гарант верного курса – бюрократия во главе с партией	Бюрократическое навязывание

Table 1. Features of communist regimes

В левокоммунистической модели полное обобществление частной собственности необходимо осуществить сразу после революции, так как считается, что именно оно может обеспечить успешное догоняющее развитие, которое будет замедляться остатками частнособственнической психологии. В этих условиях должно быть введено прямое распределение продуктов, возможно, в первое время за деньги или трудовой вклад, но в идеале – «каждому по потребности», как и положено при коммунизме. Материальная заинтересованность как стимул развития производства отвергается как вредный пережиток, в качестве основного фактора роста признается сознательная активность масс. Для усиления сознательности особый упор делается на воспитании недостаточно образованных и перевоспитании образованных неправильно, то есть зараженных буржуазной идеологией. Идеологическая обработка граждан в коммунистическом духе важна во всех коммунистических моделях, однако в левой она становится сутью деятельности режима, так как, по теории, без нее невозможно достижение его главной цели – ускоренного экономического развития с целью достижения уровня развития коммунистического общества.

Особое значение в этой модели приобретает и насильственная организация производства, типа «трудовых армий», так как в условиях отсутствия материальных стимулов и еще не полной «сознательности» насе-

ния, только жесткая организация способна заставить несознательных граждан работать с необходимой скоростью и эффективностью. Другая важнейшая черта этой модели – вождизм. Обладающий неоспоримым, почти божественным авторитетом вождь, непосредственно общаясь с народными массами, возбуждает их энтузиазм и служит для них личным примером, противостоя скрывающему народную инициативу бюрократизма государственного аппарата, который теоретически должен отмереть вместе с государством.

Правая модель, противостоящая левой, рассматривает переходный период как длительный. Для правых коммунистов более важна теоретическая, а не революционная часть марксистского учения. Будучи марксистами-ленинцами, они, в отличие от других социал-демократов, например, меньшевиков, не отрицали самой необходимости взятия власти «пролетарской партией» до создания материальной базы коммунизма, но считали, что после ее захвата эту базу следует создавать, опираясь не на энтузиазм, но на некоторые «несоциалистические методы», сохраняя ограниченное распространение частной собственности (в мелком и среднем производстве), применение материальных методов поощрения, сохранение товарно-денежных отношений и т.д. Теоретически, все это должно сохраняться до достижения уровня развития производства развитых стран, когда на основе полного обобществления можно будет осуществить принцип

«от каждого по способностям, каждому по потребностям». В политической области «диктатура пролетариата» сохраняется, однако политический контроль осуществляется легитимными органами партийно-государственной власти, причем учитываются не только идеологические интересы, но и интересы экономического роста, ради обеспечения которого коммунистические власти готовы идти на некоторые идеологические уступки, смягчающие режим. Гарантией осуществления политических целей здесь служит не личность вождя, но партийная и государственная бюрократия, которая вынуждена привлекать и воспитывать специалистов-экономистов, действующих в интересах роста. Для обеспечения такой политики упор делается не на идеологическое воспитание, но на профессиональное обучение, развитие науки и профессионального образования, без которых рост экономики, основанной на рыночных принципах, невозможен. Левые критикуют правых за неверие в человека, его сознательное желание создать новый мир после устранения единственного препятствия – частной собственности и обусловленной ее существованием капиталистической эксплуатации. Правые заявляют, что коммунистическая левизна свидетельствует об «утопизме», недооценке природы человека и трудностей перестройки его психологии, стремлении «забежать вперед», а также игнорировании того факта, что «мировая революция» запаздывает, в то время как для быстрого построения коммунизма в отсталой стране, согласно Марксу и Ленину, необходима массированная помощь пролетариата развитых стран. И те и другие аргументируют свою позицию различными элементами учения Маркса, который, с одной стороны, писал, что ни одна общественная формация «не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества»²⁴, а с другой призывал к немед-

ленной революции, например, в отсталой России.

Внешнеполитические импульсы левых и правых различны. Левые склонны стимулировать «мировую революцию», так как ее длительное «откладывание» свидетельствует о полной несостоятельности их расчетов. Об этом хорошо говорил Л.Д. Троцкий, отметивший в 1925 г., что «если бы невозможное стало возможным, если бы мировой и, в первую очередь, европейский капитализм нашел новое динамичное равновесие... для своих производительных сил, если бы капиталистическая продукция в ближайшие годы и десятилетия совершила новое мощное восхождение, – то это означало бы, что мы, социалистическое государство, хотя и собираемся пересечь и даже пересаживаемся с товарного поезда на пассажирский, но догонять-то нам приходится курьерский. Проще говоря, это означало бы, что мы ошиблись в основных исторических оценках. Это означало бы, что капитализм не исчерпал своей “исторической миссии” и что развертывающаяся империалистическая фаза вовсе не является фазой упадка капитализма, его конвульсий и загнивания, а лишь предпосылкой его нового расцвета...»²⁵. Из этого следовало, что необходимо сохранять напряженность в отношениях в развитыми странами и оказывать всемерную поддержку коммунистическим партиям как в них, так и в колониях и незападных государствах, стремясь превратить последние в союзников в борьбе с западными капиталистическими режимами. Для этого не нужно было боять-

нения. Т. 13. М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. С. 7. [Marx, Karl. K kritike politicheskoi ekonomii. Predislovie (A Contribution to the Critique of Political Economy. Preface) / Marx K., Engels F. Sochineniia (Collected Works). Vol. 13. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1959. P. 7.]

²⁵ Троцкий Л. К социализму или к капитализму? (Анализ советского хозяйства и тенденций его развития). Изд. 2-е. М., 1926. С. 66, 68. [Trotsky, L. K sotsializmu ili k kapitalizmu? (Analiz sovetskogo khoziaistva i tendentsii ego razvitiia) (Towards Socialism or Capitalism? (Analysis of the Soviet Economy and Trends in Its Development)). 2nd ed., Moscow, 1926. Pp. 66, 68.]

²⁴ Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 13. М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. С. 7.

ся обострений, подрывной деятельности и даже войны, которую Ленин считал неизбежным следствием империализма, ведущем к его краху, а его левые последователи – в чем-то даже полезной, так как исторически она привела к революции в России. В этом смысле для левых Первая мировая война, так же, как и мировая революция, не закончилась. Они были лишь начальной фазой некоторого временно приостановившегося процесса, который должен возобновиться в ближайшее время.

Правые же вынуждены были использовать западные технологии, инвестиции и экспертизу, поэтому были более склонны к поддержанию нормальных отношений с развитыми странами по крайней мере на время переходного периода. Для них временная задержка мировой революции была неприятной, но не фатальной неожиданностью, которую они стремились прагматично использовать для осуществления догоняющего развития.

Наконец, суть третьей формы коммунистического режима, бюрократического, состоит в опоре не на сознательную массу или рыночные стимулы, но на партийно-бюрократический аппарат. С точки зрения идеологов новой партийной бюрократии, левая политика ведет к непредсказуемому хаосу, потере управляемости и экономическому краху что может привести к утере власти партией, являющейся гарантией построения коммунизма. Правый же курс точно так же отбирает власть у партии, возрождая или сохраняя неконтролируемые классы мелких предпринимателей и частных, у которых могут развиваться некоммунистические политические интересы. Бюрократы как правило согласны с левыми в необходимости немедленного обобществления, но для догоняющего развития используют не энтузиазм масс, а бюрократическое директивное планирование и государственное распределение. Они не отрицают материальное поощрение как таковое, но оно должно быть организовано государством, а не обусловлено рынком. Деньги также могут быть сохранены, но определение валютного курса и вся кредитно-денежная политика должны осуществляться государством. Контроль осуществляется легитим-

ными (с коммунистической точки зрения) партийно-государственными органами, которые, однако, в отличие от системы правых, получают полный контроль не только над политикой, но также и экономикой и культурой. Цель образования – подготовка кадров для государственной экономики и идеологической системы и навязывание культа социалистического государства, самоотверженности ради достижения его целей, так как мощное социалистическое государство становится гарантом построения коммунизма как в своей стране, так и в мире в целом.

Развивается социалистический государственный патриотизм, который часто упрощенно трактуется как возрождение традиционного национализма. Так, например, Сталина часто обвиняют в возрождении русского национализма. Сталин, конечно, был прагматичным политиком, и ради сохранения власти, мог решительно менять курс. Однако при этом он всегда облакал эти изменения во вполне марксистские формы. Он объяснял, что интересы СССР совпадают с интересами мировой революции на период ее задержки на Западе. Левый курс ведет к поражению советской базы мировой революции, а он сохраняет и укрепляет эту базу до лучших времен, когда новая война неизбежно приведет к победе коммунизма во всем мире. В 1927 г. Сталин так аргументировал свою позицию: «*Революционер* тот, кто без оговорок, безусловно, открыто и честно, без тайных военных совещаний готов защищать, оборонять СССР, ибо СССР есть первое в мире пролетарское государство, строящее социализм. *Интернационалист* тот, кто безоговорочно, без колебаний, без условий готов защищать СССР потому, что СССР есть база мирового революционного движения, а защищать, двигать вперед это революционное движение невозможно, не защищая СССР»²⁶.

²⁶ Сталин И.В. Объединённый пленум ЦК и ЦКК ВКП (б) 29 июля – 8 августа 1927 г. Международное положение и оборона СССР. Речь 1 августа. Соч. Т. 10. М., 1953. С. 51. [Stalin, I.V. Ob»edinennyi plenum TsK i TsKK VKP (b) 29 iuliia – 8 avgusta 1927 g. Mezhdunarodnoe polozhenie i oborona SSSR. Rech' 1 avgusta. (Joint Plenum of the Central Committee and Central Control Commission of the C.P.S.U.(B.). July 29 – August 9, 1927. The International

Для левых коммунистов это было национальным эгоизмом и предательством мировой революции, для идеологов бюрократического пути – разумный прагматический курс в новых условиях.

Многие критики сталинизма, начиная с Троцкого, отмечали тот факт, что новая идеология советского патриотизма отвечает интересам новой правящей бюрократической постройки, состоящей не из революционеров, а новых людей пришедших во власть не ради лозунгов и хаоса, а ради нее самой и своего нового привилегированного положения, которой удобно пользоваться в условиях стабильности и всеобщего послушания²⁷. Это, конечно, так – за всякой идеологией стоят определенные социальные интересы. Однако это не означает, что только они и играют роль, идеология имеет и собственную логику. Сталинисты несколько изменили курс, адаптировали его к реальной ситуации, которая не вполне соответствовала теории, предложили решение, которое в большей степени соответствовало интересам нового бюрократического класса. Однако они действовали вполне в русле большевизма, вели дебаты в марксистско-большевистских формах, и не могли, например, вообще отбросить идеологию ради каких бы то ни было интересов, пусть даже они обеспечивались бы в этом случае еще более эффективно. Таким образом, сталинизм был вполне легитимным, но не единственно возможным, развитием большевистской формы марксизма в условиях «задержки» мировой революции²⁸.

Исторически к левой форме коммунистического государства можно отнести советскую Россию периода «военного

коммунизма», Китай периода «культурной революции», Камбоджу периода правления «красных кхмеров», Кубу (по крайней мере в первый период правления Ф. Кастро). К правой – СССР времен нэпа, Китай периода реформ Дэн Сяопина, нынешний режим социалистического Вьетнама, в какой-то степени социалистическую Югославию Тито и Венгрию Я. Кадара. К бюрократической: СССР от Сталина до Черненко и большинство коммунистических государств Восточной Европы, а к наиболее радикальной форме – Северную Корею. Конечно, предлагаемые модели являются чисто аналитическими, веберовскими «идеальными типами», в реальности у каждой страны и каждого периода имелись значительные особенности, связанные с адаптацией к конкретной ситуации и национальной политической культуре. Красные кхмеры, например, пошли несколько дальше обычной левой идеологии в аспекте перевоспитания, и решили буквально уничтожить прослойку «неправильно образованных соотечественников». Однако эту политику, в принципе, вполне можно было вывести из марксизма, так как еще в «Манифесте коммунистической партии» говорилось о том, что в результате революции вся существующая надстройка, составленная из слоев, образующих официальное общество, должна «взлететь на воздух» и что с буржуазией необходимо «покончить». Эти слова, конечно, можно трактовать с умеренных позиций, как уничтожение экономических и законодательных условий существования эксплуататорских классов, но при желании – и более радикально, как призыв к физической ликвидации их представителей. Там более, что камбоджийские революционеры были отлично знакомы и со сталинскими репрессиями и опытом маоистского Китая, а также с работами французских марксистов, оправдывавших революционное насилие. К тому же они перешли к физическому уничтожению не сразу, сначала испробовав перевоспитание по китайскому образцу²⁹. В СССР,

Situation and the Defence of the U.S.S.R. Speech Delivered on August 1.) Collected Works. Vol. 10. Moscow, 1953. P. 51.]

²⁷ Панцов А.В. Тайная история советско-китайских отношений: Большевики и китайская революция (1919-1927). М.: Муравей-Гайд, 2001. С. 114-115. [Pantsov, A.V. Tainaia istoriia sovetsko-kitaiskikh otnoshenii: Bol'sheviki i kitaiskaia revoliutsiia (1919-1927) (A Secret History of Sino-Soviet Relations: The Bolsheviks and the Chinese Revolution (1919-1927)). Moscow: Muravei-Gaid, 2001. Pp. 114-115.]

²⁸ Ibid. С. 123.

²⁹ Gough, Kathleen. Roots of the Pol Pot Regime in Kampuchea // *Contemporary Marxism*, Spring 1986, No. 12/13, Southeast Asia, pp. 14-48 (20-22); Path, Kosal. Converts, not Ideologues? The Khmer Rouge practice of thought reform

несмотря на общий бюрократический характер власти, ее стиль значительно различался в зависимости от личности лидера: Сталин злоупотреблял репрессиями и напугал ими правящую бюрократию, которая после его смерти создала себе значительные гарантии путем восстановления партийного контроля за репрессивным аппаратом. Хрущев в существенных политических моментах, особенно в период борьбы с конкурентами, опирался на партийно-бюрократический аппарат, но его правление имело и значительные элементы левизны: веру в быстрое построение коммунизма, введение решительной борьбы с религией и с остатками индивидуальной собственности (ликвидация приусадебных участков), постоянную перестройку государственных органов. За этот сумбур, характерный для левого правления, он, собственно, и поплатился властью, когда его сверг аппарат, утомленный бессмысленными (для интересов этого аппарата) реформами. Титоизм включал в себя значительные элементы рабочего самоуправления, которые также вполне можно было вывести из учения Маркса. Этим, собственно, и занялись идеологи особого югославского пути (Э. Кардель, М. Джилас и другие), когда начали искать теоретическое обоснование разрыва со сталинским СССР³⁰. Но все эти особенности не противоречат факту наличия существенных общих черт, характерных для трех рассматриваемых моделей.

Китайские модели и современный политический режим КНР

Если рассмотреть более подробно эволюцию коммунистического политического режима в КНР на фоне выделенных трех моделей, то большая часть его истории представляется борьбой сторонников левого и правого коммунизма. КПК пришла к власти под правыми лозунгами. Хотя исторически в КПК влиятельные позиции занимали и

левые, в том числе и открытые троцкисты, однако ко времени прихода к власти практически все открытые левые были вычищены из партии. Правая идеология была выражена в программных работах Мао Цзэ-дун, в особенности, в его статье «О новой демократии». В ней провозглашалось, что на первом, новодемократическом этапе революции, будет осуществляться диктатура не одного пролетариата, а «всех революционных классов», союза «всех антиимпериалистических и антифеодальных сил, руководимых пролетариатом», направленная лишь против национальных предателей, причем власть будет избираться на «подлинно всеобщих и равных выборах». В экономике, согласно Мао, в государственную собственность «должны быть переданы крупные банки, крупные промышленные и торговые предприятия», но «вовсе не будет конфисковаться капиталистическая частная собственность, кроме указанной выше, и отнюдь не будет запрещаться развитие такого капиталистического производства, которое не может «держат в своих руках жизнь народа», так как экономика в Китае всё ещё крайне отсталая»³¹. Это программа, характерная для правого пути, практически повторяла советский нэп и была даже более терпимой по отношению к частным собственникам. Характерно, что Сталин, ликвидировавший нэп в СССР, рекомендовал Мао проводить в жизнь именно эту правую программу³². Такому подходу может быть только одно объяснение: советский вождь понимал, что

³¹ Мао Цзэдун. О новой демократии // Мао Цзэдун. Избранные произведения. Том 3. М.: Издательство иностранной литературы, 1953. С. 199-276. [Mao Zedong. O novoi demokratii (About New Democracy) // Mao Zedong. Izbrannye proizvedeniia (Selected Works). Vol. 3. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 1953. Pp. 199-276.]

³² Ледовский А.М. СССР и Сталин в судьбах Китая. Документы и свидетельства участника событий 1937–1952. М.: Памятники исторической мысли, 1999. С. 56-57, 92-94. [Ledovsky, A.M. SSSR i Stalin v sud'bach Kitaia. Dokumenty i svidetel'stva uchastnika sobytii 1937–1952 (USSR and Stalin' Role in the Fate of China. Documents and Evidence of Events Participant: 1937–1952). Moscow: Pamiatniki istoricheskoi mysli, 1999, pp. 56-57, 92-94.]

in Cambodia, 1975–1978 // Journal of Political Ideologies, 2015, Vol. 20, No. 3, pp. 304-332.

³⁰ Пирьевец Й. Э. Кардель и Россия // Slovenica. 2018. С. 154-172. [Pirjevec, J. E. Kardel' i Rossiia E (E. Kardel and Russia) // Slovenica, 2018, pp. 154-172.]

Китай – гораздо более отсталая страна, чем Россия, и в ней с марксистской точки зрения совершенно невозможно говорить о немедленном построении коммунизма или даже социализма. И Мао на первых порах вынужден был с этим соглашаться.

Однако после прихода к власти постепенно выяснилось, что лидер китайских коммунистов писал правую эту программу лишь в пропагандистских целях, чтобы привлечь на свою сторону широкие слои населения и обеспечить их поддержку в борьбе с Гоминьданом, а в действительности был леваком. Тактика Мао сработала, он консолидировал власть и сразу же начал пытаться проводить левые меры. Но тут он столкнулся с проблемой: значительная часть его сторонников принимала правую программу за чистую монету и выступала за правый курс, некоторые (как, например, Чэнь Юнь) – за несколько более осторожную бюрократическую политику советского типа, но леваков среди них почти не было. Больше того, многие из них и пришли в КПК именно из-за того, что поддерживали правый курс, а искренние леваки (Чэн Дусю, Цюй Цюбо, Ли Лисань и др.) в основном были из ее руководства изгнаны. Таким образом в партии уже в 50-е годы развернулась борьба двух подходов, в которой Мао, как наиболее авторитетный лидер, хотя с трудом и не сразу, смог одержать верх³³.

Политика Мао Цзэдуна имеет все признаки принадлежности к левой модели. Это идея быстрого догоняющего развития за счет энтузиазма масс (Большой скачок), попытки возбудить этот энтузиазм различными идеологическими кампаниями, идея построения трудовых коллективов по военному принципу, непосредственный переход к коммунизму, основанному на самодостаточных народных коммунах (К. Маркс писал о свободных

ассоциациях, которые при коммунизме приходят на смену классовому обществу³⁴), обвинение партийной бюрократии в неудачах этого курса и попытки ее уничтожить, заменив на непосредственное общения вождя с массами (Культурная революция), наконец, вера в неизбежность и полезность мировой войны для построения коммунизма, четко высказанное им в знаменитом выступлении на Совещании коммунистических и рабочих партий в Москве в октябре 1957 г.³⁵ Конечно, Мао был китайским левым коммунистом, он впитал в себя стремление всех китайских реформаторов и революционеров, с конца XIX века стремившихся возродить Китай как мощное государство, занимающее достойное место в мире. Однако это не означает, что он был обыкновенным националистом, каким его, порой, пытаются представить. Никакой националист не стал бы намеренно разрушать систему государственной власти ради достижения идеологических целей, не стал бы этого делать и бюрократический или правый коммунист, однако идеология левого коммунизма вполне объясняет идею Мао о необходимости периодически устраиваемой культурной революции для борьбы с постоянно возрождающимся бюрократическим аппаратом. По сути, это та же «перманентная революция» Троцкого. Кроме того, в отличие от, скажем, от националистов из Гоминьдана, возрождение Китая Мао было нужно не само по себе, а как шаг к мировой революции. «Не мы хотим воевать, а они стремятся к войне... в крайнем случае погибнет половина людей, но останется ещё другая половина, зато империализм будет

³³ Меликсетов А.В. «Новая демократия» и выбор Китаем путей социально-экономического развития (1949–1953 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 1996. № 1. С. 82–95. [Meliksetov, A.V. «Novaia demokratia» i vybor Kitaem putei sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia (1949–1953 gg.) (“New Democracy” and China's Choice of Ways of Socio-Economic Development (1949–1953)) // Problemy Dal'nego Vostoka, 1996, No. 1, pp. 82–95.]

³⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т.4. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. [Marx, Karl; Engels, Friedrich. Manifest kommunisticheskoi partii (The Manifesto of the Communist Party) / Marx K., Engels F. Sochineniia (Collected Works). Vol. 4. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1955.]

³⁵ Маоизм без прикрас: сборник высказываний Мао Цзэдуна / под ред. О.В. Владимирова. М.: Прогресс, 1980. С. 244. [Vladimirov O.V. (ed) Maoizm bez prikras: Quotations from Mao Zedong (Maoism without embellishment). Moscow: Progress, 1980. P. 244.]

стёрт с лица земли, и весь мир станет социалистическим. Пройдёт сколько-то лет, население опять вырастет до 2700 миллионов человек, а наверняка и ещё больше», – говорил Мао на упомянутом совещании. Цель здесь – не восстановление конкурентоспособности Китая в мировой системе, а всемирный социализм.

В этом контексте гораздо легче понять логику разногласий Мао с Хрущевым. Во многом, это был спор левого коммуниста и коммуниста-бюрократа. Для левака Мао советские теории мирного перехода к социализму в капиталистических странах и отказ от войны – предательство мировой революции, а для бюрократа Хрущева – призывы к войне в условиях наличия ядерного оружия – безумие и самоубийство, к которому советский номенклатурный класс отнюдь не стремился. Чрезмерный культ личности для бюрократов – скорее извращение, или, как тогда говорили, «перегиб», а для леваков – суть системы и основная гарантия верности курса. Большой скачок и культурная революция для бюрократов – создание экономического хаоса и подрыв политической системы, а для леваков – подъем энтузиазма народных масс и борьба с обуржуазившемся бюрократическим классом, ставящим палки в колеса ускоренному развитию. Не следует также забывать, что до Мао левый курс в коммунистическом государстве последовательно и долго никто не проводил, поэтому его крах не был совершенно очевиден.

Конечно, Мао использовал отдельные элементы традиционной китайской идеологии и политики. Известно, например, что он резко критиковал конфуцианство, противопоставляя ему древнекитайский легизм (фацзя). Он также отдавал приоритет крестьянству, а не рабочему классу, который был в Китае малочислен. Но, помимо прагматических соображений, здесь также можно усмотреть роль левокоммунистической идеологии. Конфуцианство критиковалось за приверженность бюрократии, старому образованию и формальному ритуалу, основанному на культе старших. Левый же коммунизм борется с бюрократией и старым образованием и устанавливаемыми ими формальными общественными нормами, кото-

рые сдерживают революционный энтузиазм масс. В этом смысле легизм, призывающий к разрушению традиции особыми, выдающимися людьми, гораздо более соответствует левокоммунистической идеологии, как и вообще ленинизму с его вождизмом и особой ролью компартии. В «Книге правителя области Шан», основополагающей для легизма, говорится о том, что «мудрый творит законы, а глупый ограничен ими; одаренный изменяет ритуал, а никчемный связан ритуалом»³⁶. Кроме того, легизм, как и левые, выступал за жесткую организацию общественного производства по военному образцу.

Это также объясняет, почему Мао предпочитал необразованных крестьян всем более образованным классам, считая бедность и необразованность не недостатком, а преимуществом. В 1956 г. он говорил: «Указанные два наших недостатка являются вместе с тем и достоинствами. Как я в своё время уже говорил, наша страна и бедная и отсталая... С точки зрения развития это отнюдь не плохо. Бедность побуждает к революции, богатому же трудно на неё подняться. Страны с высоким уровнем науки и техники обычно сильно зазнаются. Мы же представляем собой чистый лист бумаги, на котором удобно писать»³⁷.

Это означает, что необразованному легче привить новую, верную коммунистическую идеологию. Именно поэтому в 60-е годы XX века Мао, а не советские лидеры, пользовались популярностью у французских и прочих европейских леваков, воспитанных на теориях Л. Альтюссера и Г. Маркузе, согласно которым капиталистическая идеология насильно навязывается классо-

³⁶ Шан Цзюнь Шу. Древнекитайская философия. Т.2. М.: Мысль, 1973. С. 213. [Shang Jun Shu. Drevnekitaiskaia filosofia (Ancient Chinese philosophy). Vol. 2. Moscow: Mysl', 1973. P. 213.]

³⁷ Мао Цзэдун. О десяти важнейших взаимоотношениях // Мао Цзэдун. Революция и строительство в Китае. М.: Палея-Мишин, 2000. С. 332-358. [Mao Zedong. O desiati vazhneishikh vzaimootnosheniiakh (On the Ten Major Relationships) // Mao Zedong. Revoliutsiia i stroitel'stvo v Kitae (Revolution and Construction in China). Moscow: Paleia-Mishin, 2000. Pp. 332-358.]

вым обществом его членам с детства в процессе социализации³⁸.

С другой стороны, маоизм подчеркивал роль перевоспитания, а не призывал физически уничтожать неправильно образованных. В этом плане гораздо большим легистом был Сталин. Эта левое стремление к перевоспитанию в конечном счете привело к тому, что в отличие от правых в СССР, где они были физически уничтожены, так и недоперевоспитанные правые в КНР пережили Мао, смогли прийти к власти и с успехом продолжили правый курс, который ранее успешно сворачивался Мао в 50-е годы, когда он начал «Большой скачок», и в середине 60-х, когда он сначала свернул курс на «урегулирование» и начал культурную революцию. Таким образом, маоизм можно назвать своеобразным левым коммунизмом или троцкизмом с китайской спецификой, а вовсе не традиционной китайской идеологией.

Реформы Дэн Сяопина и политика его последователей вплоть до прихода к власти Си Цзиньпина четко вписываются в правокоммунистическую идеологию. Первой попыткой ее претворения в жизнь был советский нэп, разработанный еще Лениным, с его разрешением частной собственности в сельском хозяйстве, мелком и среднем бизнесе и сохранением «командных высот в экономике» за государством. Многие китайские руководители жили и учились в СССР именно в период нэпа и хорошо были с ним

знакомы (Лю Шаоци, Дэн Сяопин, Ли Фучунь, Чжан Вэньтянь, Чжу Дэ, Ян Шанкунь и др.). Интерес китайских реформаторов к опыту советского нэпа, прежде всего, к работам Н.И. Бухарина, а также к периодам правой политики в других социалистических странах (Югославия, Венгрия), многократно описан. Идея Дэн Сяопина об обогащении первоначально некоторых регионов и части населения³⁹ вполне соответствует лозунгу Бухарина «Обогащайтесь!». Осторожный внешнеполитический курс, суть которой выражает лозунг «скрывать свои возможности, держаться в тени» (*таогуан янхуэй*), который должен был обеспечивать сотрудничество с развитыми странами для нужд внутреннего роста, также вполне отвечает правой идее⁴⁰.

Конечно, китайские правые пошли гораздо дальше, чем организаторы нэпа, досрочно отмененного Сталиным. Они фактически отодвинули границы переходного периода («начального периода строительства социализма» в китайской терминологии) на неопределенный срок – «100 или более лет». Частный бизнес распространился не только на мелкий и средний сектор, но практически на всю экономику. Однако сохранен важнейший признак ленинского социализма – власть компартии как гарантия ускоренного развития. Эта власть закреплена в конституции и в «четырёх базовых принципах», попытки пересмотреть которые жестко подавляются, в том числе и военной силой (как это было в 1989 г.).

Впрочем, как уже отмечалось, для про-

³⁸ Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) // Неприкосновенный запас. 2011. № 3. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nz/2011/3/ideologiya-i-ideologicheskie-apparaty-gosudarstva.html> [Althusser, L. Ideologiya i ideologicheskie apparaty gosudarstva (zametki dlia issledovaniia) (Ideology and Ideological State Apparatuses (Notes towards an Investigation)) // *Neprikosnovennyi zapas*, 2011, No. 3. Mode of access: <https://magazines.gorky.media/nz/2011/3/ideologiya-i-ideologicheskie-apparaty-gosudarstva.html>]; Маркузе Г. Однмерный человек. М.: REFL-book, 1994. [Marcuse, H. *Odnomernyi chelovek* (One-dimensional Man). Moscow: REFL-book, 1994.]; Wolin, Richard. *The Wind from the East: French Intellectuals, the Cultural Revolution, and the Legacy of the 1960s*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2010.

³⁹ Дэн Сяопин: Жан ибуфэнь жэнь сянь фу цилай (Дэн Сяопин: Пусть первоначально обогащаются некоторые регионы и часть людей). Режим доступа: <http://cpc.people.com.cn/GB/34136/2569304.html> [Deng Xiaoping: Rang yibufen ren xian fu qilai (Deng Xiaoping: Let some areas and part of people get rich first). Mode of access: <http://cpc.people.com.cn/GB/34136/2569304.html>]

⁴⁰ Чэнь Вэньлянь. Дуй «таогуаняньхуэй» дэ чжэ-сюэ шэньши (Детальный философский анализ положения «скрывать свои возможности, держаться в тени») // Чжунго фажань. Февраль 2012. Т.12. № 1. С. 81-83. [Chen Wenliang. Dui "taoguangyanghui" de zhexue shenshi (A Detailed Philosophical Examination of the position "keep a low profile") // *Zhongguo fazhan*, February 2012, Vol. 12, No. 1, pp. 81-83.]

ведения правой политики в Китае не обязательно было быть бухаринцем. На первых порах сторонники бюрократической сталинской модели также поддерживали ее, так как, как указывалось выше, сталинское руководство поддерживало правую политику в Китае. Поэтому в реформаторском руководстве некоторую, хотя и не ведущую роль, всегда играли и сторонники бюрократического коммунизма (Чэнь Юнь, позднее Ли Пэн и др.)

В этом плане интересно проанализировать характер эволюции политического режима при Си Цзиньпине⁴¹. Основными характеристиками этой эволюции во внутренней политике является укрепление государственного контроля и государственной собственности в экономике, а также идеологических инструментов партии (введение и расширение различных политических занятий, отчетов, собраний критики и т.п.), попытки идеологически перевоспитать целые народы и религиозные группы, чистка партийного аппарата от коррупционеров, усиление роли партийно-государственной бюрократии, цензуры и контроля за СМИ и интернетом. Во внешней политике она ознаменовалась отходом от курса Дэн Сяопина на скромность, выдвижением собственных региональных и даже глобальных инициатив, постоянное педалирование идеи необходимости поставить Китай в ряд крупнейших государств мира и получить достойную его долю в мировом раскладе сил. При этом все это сопровождается «напористыми» мерами, включающими создание военных баз за рубежом и принятием экономических санкций против стран, проводящих по отношению к Пекину «недружественный курс». Появился и новый внешнеполитический стиль, выражающийся в так называемой «дипломатии боевых волков», то есть активных поучениях, встречной критики и жесткой риторики со стороны ки-

тайских дипломатов по всему миру, доходящей до открытой грубости. Конечно, можно понимать эти изменения с реалистической точки зрения, просто как естественное следствие превращения Китая в мощную мировую державу. Однако тот факт, что этот новый внешнеполитический курс приводит не к повышению, а к снижению популярности Китая в большинстве стран мира⁴², говорит о том, что Пекин уходит от прагматики в сторону идеологизированности. При этом эти изменения можно понимать как движение от право-коммунистической модели в сторону бюрократически-коммунистической, конечно на совершенно новом уровне экономического развития, в новых международных условиях и с некоторым левым налетом. Бюрократической модели соответствуют почти все новые веяния китайской политики, за исключением, пожалуй, традиционного для маоизма упора на перевоспитание и публичной резкой критики оппонентов, напоминающих период культурной революции.

В целом такое развитие китайской политической системы объяснимо. В 2012 г. перед новым руководством стояло несколько проблем, главная из которых виделась ему в перспективе эволюции в сторону обычного неидеологического государственного капитализма, да еще и насквозь коррумпированного. Фактически, КПК становилась мало отличной от потерпевшего от нее в 1949 г. поражение Гоминьдана. Коммунистические лозунги приобретали формальный характер, в партию, в соответствии с теорией «трех представительств» Цзян Цзэминя, активно шли предприниматели, что делало ее «коммунистичность» весьма условной⁴³. Пытаться изменить эту ситуацию можно было тремя путями: проводить демократизацию западного типа, чтобы бороться с коррупцией и застойными явлениями открыто-

⁴¹ См.: Денисов И. Повелитель компаса: как Си Цзиньпин изменил китайский политический ландшафт // *Контрапункт*. Декабрь 2017. № 10. С. 1-8. [Denisov, I. Povelitel' kompasa: kak Si Tszin'pin izmenil kitaiskii politicheskii landshaft (Lord of the Compass: How Xi Jinping Changed the Chinese Political Landscape) // *Kontrapunkt*. December 2017, No. 10, pp. 1-8.]

⁴² Silver, Laura; Devlin, Kat. Unfavorable Views of China Reach Historic Highs in Many Countries / Pew Research Center, October 6, 2020. Mode of access: <https://www.pewresearch.org/global/2020/10/06/unfavorable-views-of-china-reach-historic-highs-in-many-countries/>

⁴³ Denisov, Igor. Chinese and Western Values in Modern Political Discourse in China // *Social Sciences (Russian Federation)*, 2016, Vol. 47, No. 002, pp. 70-79.

стью, гласностью и средствами правового государства, левым ударом по бюрократии или восстановлением бюрократического контроля, попытавшись очистить бюрократию от коррупционеров административно-идеологическими методами.

Печальный опыт горбачевских реформ, приведших к уходу от власти КПСС, распаду СССР и экономическому спаду 90-х годов в России, надолго отбил у китайских руководителей желание идти по этому пути. Левый путь также был неприемлем, так как вел к экономическому и политическому хаосу. Оставался третий, бюрократический путь, который и был избран. Даже китайские методы борьбы с эпидемией коронавируса и упор на защиту окружающей среды в ущерб интересам экономического развития свидетельствуют о торжестве бюрократической модели – экономический рост теперь не главное, основная цель – правильное и стабильное функционирование общества под руководством обновленной и очищенной от коррупции бюрократии. Конечно, китайская реальность далека от сталинской, хрущевской или брежневской бюрократической модели. Уровень репрессий гораздо ниже, чем в сталинском СССР, роль рыночной экономики во многом сохраняется, эффективность управления гораздо выше, чем в хрущевском и брежневском СССР. Если с чем-то и можно сравнивать современный Китай, то с попыткой реализовать на новом уровне модель, которую хотел, но не смог осуществить премьер А.Н. Косыгин в середине 60-х годов: идеальную плановую систему, основанную на «научных» методах, и подразумевающую некоторые элементы материальной заинтересованности и рынка. Удастся ли ее осуществление китайскому руководству, обладающему для этого гораздо лучшими начальными условиями, предсказать сложно.

Выводы

Сравнительно длительное успешное развитие современного Китая ставит серьезные вопросы перед исследователями коммунистических систем, историками и политологами в целом. Главный вопрос за-

ключается в том, существует ли эффективная альтернатива основанному на рыночной экономике и демократическо-правовой политической системе пути развития, который можно назвать «западным». Господствующие теории говорят о том, что такого пути нет, а мир развивается поступательно, в разных своих регионах более или менее быстро приближаясь к западной модели. Согласно одной из таких теорий, экономическое развитие ведет к модернизации экономической системы и всего общества, в результате чего в нем растет средний класс, который начинает требовать политических прав, и демократизация становится неизбежной. В этом случае материковый Китай должен развиваться по пути Японии, Южной Кореи и Тайваня и рано или поздно превратиться в большой Тайвань – остров, населенный китайцами, и с практически полностью вестернизированными политической и экономической системами.

Политика Си Цзиньпина направлена на то, чтобы опровергнуть эту теорию. Окажется ли эта попытка успешной, сказать трудно. С одной стороны, имеющийся исторический опыт показывает, что почти все страны Восточной Азии шли по этому пути. С другой, можно поставить вопрос о том, свидетельствует ли это о жесткой исторической тенденции или просто о силе влияния западной модели развития в конкретный исторический период. Ведь Япония радикально изменила политическую и экономическую систему только в результате оккупации США, Тайвань – под их сильным давлением, в Южной Корее и до сих пор размещены американские войска, а Сеул находится в сильной зависимости от Вашингтона.

В современном мире относительное влияние США падает, не в последнюю очередь в связи с ростом экономической и политической роли Китая. Запад сам находится в кризисе, и его модель развития уже не столь привлекательна, появились серьезные конкуренты. Не захлебнется ли в этих условиях следующая «волна демократизации»? И не превратится ли в этих условиях Китай не в большой Тайвань, а в большой Сингапур – государство, где большинство населения составляют этнические китайцы, но

которое, развив эффективную современную экономику, пока не собирается менять авторитарную политическую систему.

Конечно, в каждом таком случае можно утверждать, что авторитаризм в любой стране – явление временное, и все страны движутся к западной политической системе, только одни медленнее, чем другие. Так говорили и коммунисты, утверждавшие, что все страны рано или поздно придут к коммунизму, одни раньше, а другие позже, причем в поступательном историческом движении к светлой коммунистической цели возможны даже временные откаты и отступления. Но ведь на историю политических режимов можно посмотреть и в более широкой исторической перспективе. Действительно, коммунистические режимы существовали исторически короткий период, на сегодня это чуть более ста лет, причем большая их часть исчезла. Но ведь и современные режимы западного типа существуют не так уж и долго. Если считать со времени образования США, то это не более, чем 250 лет, причем некоторые из них явно эволюционируют в обратную сторону (Россия, ряд постсоветских государств, Турция, даже такие члены ЕС, как Польша и Венгрия). Между тем, авторитарные режимы самых разных типов существовали всегда, а отдельные авторитарные государства – гораздо дольше, чем демократии и коммунистические режимы. Римская империя на западе просуществовала пятьсот лет, а на Востоке – еще тысячу, Османская империя – около шестисот лет. История древнеегипетского царства и традиционной китайской империи насчитывают по несколько тысяч лет. При этом отдельные правители и династии могли меняться, но сам тип государства во многом сохранялся. Конечно, говорят, что сегодня ход времени ускорился, но не является ли это взглядом результатом аберрации зрения тех, кто естественным образом считает собственное время наиболее значимым, и события, которые ближе к нему, рассматривает более подробно?

Важную роль в западоцентризме играет возникшая в период Просвещения в Европе идея прогресса. Именно с ней связаны две коренные черты современной западной

историософии: убеждение в поступательном движении истории к некоему абсолютному идеалу и уверенность в том, что этот идеал находится на Западе. При этом конкретный идеал разные западные мыслители понимали по-разному: французские просветители как абстрактную просвещенную монархию или некую республику будущего, отцы основатели США – как собственную систему, Гегель – как современное ему Прусское государство, К. Маркс и Ф. Энгельс – как утопический коммунистический идеал, который должен одновременно возникнуть в «цивилизованных государствах» Европы и США. Большинство сегодняшних политологов, в соответствии с этой традицией, считают, что все общества идут к «современной демократии», основанной на рыночной экономике, которая если еще и не полный идеал, то, по крайней мере, гораздо ближе к нему, чем все прочие общества. Но не станет ли и этот тип государства историческим эпизодом в существующем многообразии различных общественных систем? Не создадут ли в коммунистическом Китае ему современную эффективную альтернативу? Или, может быть, эта альтернатива станет неким возвращением на новом уровне к тысячелетней китайской государственной традиции, и тогда революционный период сам станет коротким эпизодом в ней, чем-то вроде короткого и яркого правления Эхнатона в тысячелетней истории Египта фараонов?

Вряд ли кто-то сегодня может точно ответить на эти вопросы. Представляется, что вестернизация Китая по тайваньскому образцу не исключена, но также вряд ли стоит сбрасывать со счетов и вариант нахождения им собственной модели развития. Это не означает, что в Китае будут невозможны смуты и смены власти. Его сверхцентрализованная система управления неустойчива к кризисам и безопасна только в случае выполнения властью обязанностей по повышению жизненного уровня населения. Любой серьезный экономический кризис может вызвать и кризис всей властной системы, так как винить будут ее, а сменить лидеров в случае разочарования ими, сохранив систему, как это обычно происходит в демократии, будет невозможно из-за отсутствия

соответствующих механизмов. Однако даже если в результате такого кризиса конкретные лидеры или даже партия вынуждены будут уйти, это совершенно не означает, что новая система власти будет соответствовать идеальной западной модели. Об этом свидетельствует опыт многих государств: России, Ирана, Ирака, Ливии, где после отстранения жестких авторитарных режимов политическая система либо во многом вернулась к традиции, либо превратилась в хаотическую. Даже в центре Европы некоторые государства, такие как Польша или Венгрия, не знавшие демократии до коммунизма, скорее возвращаются к традиционному мягкому авторитаризму, чем к современной западноевропейской системе.

В этом плане проделанный нами анализ современной китайской политической модели с точки зрения трехмодельной классификации политических режимов коммунистических государств представляет определенный интерес. На основании этой классификации, можно, например, предварительно заметить, что именно бюрократические коммунистические режимы скорее склонны к эволюции в сторону некоммунистического общества, тогда как подобная эволюция левокоммунистической модели в принципе невозможна, а правокоммунистической – маловероятна. Ведь именно бюрократические коммунистические государства советского блока за несколько лет ликвидировали у себя коммунистическую власть⁴⁴. Возможно, это связано с тем, что в бюрократической системе со сменой нескольких поколений правящая бюрократия начинает чувствовать себя связанной партийной диктатурой и стремится освободиться от рамок бессмысленных идеологических, политических и экономических ограничений, ограничивающих ее привилегии и достаток. В правокоммунистических режимах же бюрократия, тесно связанная с бизнесом, не чувствует такой скованности и может позволить себе более обеспеченную и свободную жизнь. Впрочем, это не означает что ки-

тайская бюрократическая модель обречена. Китай тысячелетия правился бюрократией, к тому же его специфика настолько велика, что он вполне может дать пример некоей новой, ранее невиданной эффективной государственной организации.

В любом случае, китайский эксперимент заслуживает пристального изучения и отхода от западоцентристских клише, все еще господствующих в мировой политологии и исторической науке.

Литература:

- Бердяев Н.А.* Духи русской революции // Вехи. Из глубины. М.: Правда, 1991.
- Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990.
- Браун А.* Взлет и падение коммунизма. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 150-160.
- Ледовский А.М.* СССР и Сталин в судьбах Китая. Документы и свидетельства участника событий 1937–1952. М.: Памятники исторической мысли, 1999.
- Ленин В.И.* Государство и революция // Полное собрание сочинений. 5-е издание. Т. 33. М.: Издательство политической литературы, 1969.
- Мао Цзэдун.* О десяти важнейших взаимоотношениях // Мао Цзэдун. Революция и строительство в Китае. М.: Палей-Мишин, 2000.
- Мао Цзэдун.* О новой демократии // Мао Цзэдун. Избранные произведения. Том 3. М.: Издательство иностранной литературы, 1953. С. 199-276.
- Маоизм без прикрас: сборник высказываний Мао Цзэдуна / под ред. О.В. Владимирова. М.: Прогресс, 1980.
- Маркс К.* К критике политической экономии. Предисловие / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 13. М.: Государственное издательство политической литературы, 1959.
- Маркс К.* Критика готской программы / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 19. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест коммунистической партии / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 4. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 35. М.: Государственное издательство политической литературы, 1964.
- Маркузе Г.* Одномерный человек. М.: REFL-book, 1994.
- Меликсетов А.В.* «Новая демократия» и выбор Китая путей социально-экономического развития (1949–1953 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 1996. № 1. С. 82-95.
- Панцов А.В.* Тайная история советско-китайских отношений: Большевики и китайская революция (1919–1927). М.: Муравей-Гайд, 2001.
- Пирьевец Й. Э.* Кардель и Россия // Slovenica. 2018. С. 154-172.
- Денисов И.* Повелитель компаса: как Си Цзиньпин изменил китайский политический ландшафт // Контрапункт. Декабрь 2017. № 10. С. 1-8.

⁴⁴ Из правокоммунистических такое произошло лишь в Югославии, однако ее модель весьма специфична и решающую роль здесь сыграл национализм ее составных частей.

Солженицын А.И. Раскаianie и самоограничение как категории национальной жизни // Солженицын А.И. Публицистика. Париж, 1989. С. 45-65.

Сталин И.В. Объединённый пленум ЦК и ЦКК ВКП (б) 29 июля – 8 августа 1927 г. Международное положение и оборона СССР. Речь 1 августа. Соч. Т. 10. М., 1953. [

Троцкий Л. К социализму или к капитализму? (Анализ советского хозяйства и тенденций его развития). Изд. 2-е. М., 1926.

Чэнь Вэньлян. Дуй «таогуаняньхуэй» дэ чжэсюэ шэньши (Детальный философский анализ положения «скрывать свои возможности, держаться в тени») // Чжунго фачжань. Февраль 2012. Т.12. № 1.

Шан Цзюнь Шу. Древнекитайская философия. Т. 2. М.: Мысль, 1973.

Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961.

Энгельс Ф. Принципы коммунизма / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 4. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955.

Beck, Carl. Patterns and Problems of Governance. In Carmelo Mesa-Lago, Carl Beck (eds) Comparative Socialist Systems: Essays on Politics and Economics. Pittsburgh, Penn.: University of Pittsburgh Press, 1975.

Denisov, Igor. Chinese and Western Values in Modern Political Discourse in China // *Social Sciences (Russian Federation)*, 2016, Vol. 47, No. 002, pp. 70-79.

Friedrich, Carl J.; Brzezinski, Zbigniew K. Totalitarian Dictatorship and Autocracy. Cambridge: Harvard University Press, 1956.

Roberts, Andrew. The State of Socialism: A Note on Terminology // *Slavic Review*, Summer, 2004, Vol. 63, No. 2, pp. 349-366.

Gough, Kathleen. Roots of the Pol Pot Regime in Kampuchea // *Contemporary Marxism*, Spring 1986, No. 12/13, Southeast Asia, pp. 14-48.

Path, Kosal. Converts, not Ideologues? The Khmer Rouge practice of thought reform in Cambodia, 1975–1978 // *Journal of Political Ideologies*, 2015, Vol. 20, No. 3, pp. 304-332.

Holmes, Leslie. The Policy Process in Communist States: Politics and Industrial Administration. London: Sage, 1981; Holmes, Leslie. Politics in the Communist World. Oxford: Clarendon Press, 1986.

Levinson, Josef R. Confucian China and its Modern Fate: A Trilogy. Vol. 1. Berkeley, L.A.: University of California Press, 1965. Pp. 162-163.

Meyer, Alfred G. The Comparative Study of Communist Political Systems // *Slavic Review*, March 1967, Vol. 26, No. 1, pp. 3-12.

Fleron, Frederic J. Jr. (ed.) Communist Studies and the Social Sciences. Chicago: Rand McNally, 1969.

Skilling, H. Gordon. Soviet and Communist Politics: A Comparative Approach // *The Journal of Politics*, May 1960, Vol. 22, No. 2, pp. 300-313.

Wolin, Richard. The Wind from the East: French Intellectuals, the Cultural Revolution, and the Legacy of the 1960s. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2010.

References:

Beck, Carl. Patterns and Problems of Governance. In Carmelo Mesa-Lago, Carl Beck (eds) Comparative Social-

ist Systems: Essays on Politics and Economics. Pittsburgh, Penn.: University of Pittsburgh Press, 1975.

Berdyaev, N.A. Dukhi russkoi revoliutsii (Spirits of the Russian Revolution) // Vekhi. Iz glubiny (Milestones. From the Depth). Moscow: Pravda, 1991.

Berdyaev, N.A. Istoki i smysl russkogo kommunizma (The Origins and Meaning of Russian Communism). Moscow: Nauka, 1990.

Brown, Archie. Vzlet i padenie kommunizma (The Rise and Fall of Communism). Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2014. Pp. 150-160.

Chen Wenliang. Dui “taoguangyanghui” de zhexue shenshi (A Detailed Philosophical Examination of the position “keep a low profile”) // *Zhongguo fazhan*, February 2012, Vol. 12, No. 1.

Denisov, I. Povelitel’ kompasa: kak Si Tszin’pin izmenil kitaiskii politicheskii landschaft (Lord of the Compass: How Xi Jinping Changed the Chinese Political Landscape) // *Kontrapunkt*. December 2017, No. 10, pp. 1-8.

Denisov, Igor. Chinese and Western Values in Modern Political Discourse in China // *Social Sciences (Russian Federation)*, 2016, Vol. 47, No. 002, pp. 70-79.

Engels, Friedrich. Anti-Diuring (Anti-Dühring) // Marx K., Engels F. Sochineniia (Collected Works). Vol. 20. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel’stvo politicheskoi literatury, 1961.

Engels, Friedrich. Printsipy kommunizma (The principles of communism) / Marx K., Engels F. Sochineniia (Collected Works). Vol. 4. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel’stvo politicheskoi literatury, 1955.

Fleron, Frederic J. Jr. (ed.) Communist Studies and the Social Sciences. Chicago: Rand McNally, 1969.

Friedrich, Carl J.; Brzezinski, Zbigniew K. Totalitarian Dictatorship and Autocracy. Cambridge: Harvard University Press, 1956.

Gough, Kathleen. Roots of the Pol Pot Regime in Kampuchea // *Contemporary Marxism*, Spring 1986, No. 12/13, Southeast Asia, pp. 14-48.

Holmes, Leslie. The Policy Process in Communist States: Politics and Industrial Administration. London: Sage, 1981; Holmes, Leslie. Politics in the Communist World. Oxford: Clarendon Press, 1986.

Ledovsky, A.M. SSSR i Stalin v sud’bakh Kitaia. Dokumenty i svidetel’stva uchastnika sobytii 1937–1952 (USSR and Stalin’ Role in the Fate of China. Documents and Evidence of Events Participant: 1937–1952). Moscow: Pamiatniki istoricheskoi mysli, 1999.

Lenin, I.V. Gosudarstvo i revoliutsiia (State and Revolution) // Lenin I.V. Polnoe sobranie sochinenii (Collected Works). 5th ed. Vol. 33. Moscow: Izdatel’stvo politicheskoi literatury, 1969.

Levinson, Josef R. Confucian China and its Modern Fate: A Trilogy. Vol. 1. Berkeley, L.A.: University of California Press, 1965. Pp. 162-163.

Mao Zedong. O desiati vazhneishikh vzaimootnosheniakh (On the Ten Major Relationships) // Mao Zedong. Revoliutsiia i stroitel’stvo v Kitae (Revolution and Construction in China). Moscow: Paleia-Mishin, 2000.

Mao Zedong. O novoi demokratii (About New Democracy) // Mao Zedong. Izbrannye proizvedeniia (Selected Works). Vol. 3. Moscow: Izdatel’stvo inostrannoi literatury, 1953. Pp. 199-276.

Marcuse, H. Odnomernyi chelovek (One-dimensional Man). Moscow: REFL-book, 1994.

Marx, Karl. K kritike politicheskoi ekonomii. Predislovie (A Contribution to the Critique of Political Econo-

my. Preface) / Marx K., Engels F. Sochineniia (Collected Works). Vol. 13. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1959.

Marx, Karl; Engels, Friedrich. Manifest gotskoi programmy (The Critique of the Gotha Programme) / Marx K., Engels F. Sochineniia (Collected Works). 2nd ed., Vol. 19. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1961.

Marx, Karl; Engels, Friedrich. Manifest kommunisticheskoi partii (The Manifesto of the Communist Party) / Marx K., Engels F. Sochineniia (Collected Works). Vol. 4. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1955.

Marx, Karl; Engels, Friedrich. Sochineniia (Collected Works). Vol. 35. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1964.

Meliksetov, A.V. «Novaia demokratiia» i vybor Kitaem putei sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia (1949–1953 gg.) ("New Democracy" and China's Choice of Ways of Socio-Economic Development (1949–1953)) // *Problemy Dal'nego Vostoka*, 1996, No. 1, pp. 82–95.

Meyer, Alfred G. The Comparative Study of Communist Political Systems // *Slavic Review*, March 1967, Vol. 26, No. 1, pp. 3–12.

Pantsov, A.V. Tainaia istoriia sovetsko-kitaiskikh otnoshenii: Bol'sheviki i kitaiskaia revoliutsiia (1919–1927) (A Secret History of Sino-Soviet Relations: The Bolsheviks and the Chinese Revolution (1919–1927)). Moscow: Muravei-Gaid, 2001.

Path, Kosal. Converts, not Ideologues? The Khmer Rouge practice of thought reform in Cambodia, 1975–1978 // *Journal of Political Ideologies*, 2015, Vol. 20, No. 3, pp. 304–332.

Pirjevec, J. E. Kardel' i Rossiia E (E. Kardel and Russia) // *Slovenica*, 2018, pp. 154–172.

Roberts, Andrew. The State of Socialism: A Note on Terminology // *Slavic Review*, Summer, 2004, Vol. 63, No. 2, pp. 349–366.

Shang Jun Shu. Drevnekitaiskaia filosofii (Ancient Chinese philosophy). Vol. 2. Moscow: Mysl', 1973.

Skilling, H. Gordon. Soviet and Communist Politics: A Comparative Approach // *The Journal of Politics*, May 1960, Vol. 22, No. 2, pp. 300–313.

Solzhenitsyn, A.I. Raskaianie i samoogranichenie kak kategorii natsional'noi zhizni (Repentance and Self-Limitation as Categories of National Life) // Solzhenitsyn A.I. Publitsistika (Journalism). Paris, 1989. Pp. 45–65.

Stalin, I.V. Ob"edinennyi plenum TsK i TsKK VKP (b) 29 iulia – 8 avgusta 1927 g. Mezhdunarodnoe polozhenie i oborona SSSR. Rech' 1 avgusta. (Joint Plenum of the Central Committee and Central Control Commission of the C.P.S.U.(B.). July 29 – August 9, 1927. The International Situation and the Defence of the U.S.S.R. Speech Delivered on August 1.) Collected Works. Vol. 10. Moscow, 1953.

Trotsky, L. K sotsializmu ili k kapitalizmu? (Analiz sovetskogo khoziaistva i tendentsii ego razvitiia) (Towards Socialism or Capitalism? (Analysis of the Soviet Economy and Trends in Its Development)). 2nd ed., Moscow, 1926.

Vladimirov O.V. (ed) Maoizm bez prikras: Quotations from Mao Zedong (Maoism without embellishment). Moscow: Progress, 1980.

Wolin, Richard. The Wind from the East: French Intellectuals, the Cultural Revolution, and the Legacy of the 1960s. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2010.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10028

THE POLITICAL SYSTEM OF MODERN CHINA AND THE TYPOLOGY OF COMMUNIST REGIMES

Alexander V. Lukin

National Research University Higher School of Economics,
MGIMO University,
Moscow, Russia

Article history: <i>Received:</i> 13.04.2021 <i>Accepted:</i> 31.05.2021	Abstract: The article analyzes the nature of the political system of modern China in the context of the typology of communist political regimes. The author argues that the typologies of communist regimes proposed so far are of little use, since the differences between the regimes were not considered deeply enough, while the ideology factor was not actually used as a criterion for typological differences. The article proposes a new typology of communist regimes, in which the ideological factor is the key criterion. Based on the analysis of various communist regimes in accordance with the ideological criterion, the author identifies three main types of communist regimes: left-communist, right-communist and bureaucratic, and defines the current Chinese regime as evolving from right-communist to bureaucratic. The author concludes that the Chinese political experiment deserves close study and a departure from the West-centric clichés that still dominate world political science and historical science, and the new typology of communist regimes can serve as a useful tool both for its analysis and for clarifying the prospects for China's development.
About the author: Doctor of History, Head of the International Laboratory for Research on World Order and New Regionalism, National Research University Higher School of Economics; Director of the Center for East Asian and SCO Studies, MGIMO University e-mail: lukinru@yahoo.com	
Key words: political regime; communism; socialism; China; right-wing communism; left communism; bureaucracy	

Для цитирования: Лукин А.В. Политическая система современного Китая и типология коммунистических режимов // *Сравнительная политика*. 2021. № 3. С. 63-84.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10028

For citation: Lukin, Alexander V. Politicheskaya sistema sovremennogo Kitaya i tipologiya kommunisticheskikh rezhimov (The Political System of Modern China and the Typology of Communist Regimes) // *Comparative Politics Russia*, 2021, No. 3, pp. 63-84.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10028

ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННОЕ И ВОЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЯ АМЕРИКАНО-КИТАЙСКОГО СОПЕРНИЧЕСТВА

Василий Борисович Кашин

*Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия*

Информация о статье: <i>Заявлена к публикации</i> 1 января 2021 <i>Поступила в редакцию:</i> 20 марта 2021 <i>Отправлена на редактирование</i> 10 апреля 2021 <i>Принята к печати:</i> 3 мая 2021	Аннотация: Статья рассматривает военно-экономические и технологические аспекты развертывающегося глобального противостояния КНР и США. Военно-экономические факторы играли ключевую роль в советско-американском противостоянии времен холодной войны и сохраняют существенную, хотя и меньшую роль в нынешнем американо-китайском противостоянии. С точки зрения производственных возможностей США оказались в непривычном для себя положении догоняющей стороны в связи с утратой ряда базовых гражданских отраслей экономики в 1980-90-е годы. В среднесрочной перспективе можно ожидать и отставания США от КНР и по объемам финансирования военного производства и НИОКР с учетом паритета покупательной способности. В сложившихся условиях США вынуждены делать акцент на своих главных преимуществах: технологиях и сети международных союзов. Таким образом, логическим следствием нынешней расстановки сил в военно-экономической сфере становится выход на первый план в международной политике технологической дипломатии – попыток изолировать и подорвать высокотехнологичные отрасли промышленности противника, одновременно укрепляя свою сеть технологических альянсов. Важнейшим полем борьбы двух держав становится Европа, при этом растущее значение для КНР в этом контексте может приобрести научное и промышленное взаимодействие с Россией.
Об авторе: к.полит.н., главный научный сотрудник, Центр комплексного китаеведения и региональных проектов, МГИМО МИД России; старший научный сотрудник, Центр комплексных европейских и международных исследований (ЦКЕМИ), НИУ ВШЭ e-mail: vkashin@hse.ru	
Ключевые слова: Китай; США; американо-китайское соперничество; гонка вооружений; высокотехнологичные войны; НИОКР	

Соотношение сил и возможностей

С конца 2017 – начала 2018 г. Китай и США вступили в период системного противоборства, зафиксированного в американских доктринальных документах, принятых в тот период (Стратегия национальной безопасности, Стратегия национальной Обороны, Обзор ядерной политики). Во всех этих документах Китай был обозначен как один из главных источников угроз для США наряду с Россией. Позднее в 2018 две страны вступили в экономическую войну, начавшуюся с взаимного введения дискриминационных таможенных тарифов и пере-

росшую в дальнейшем в обмен экономическими санкциями.

Рост военной напряженности между сторонами начался намного раньше – его истоки можно проследить до конца 1990-х гг., когда после бомбардировки ВВС США китайского посольства в Белграде Китай запустил масштабную программу модернизации военной промышленности, известную как «программа 995». В 2000 г. конгресс США принял закон о военном бюджете, предусматривающий ежегодную подготовку докладов о китайской военной мощи и китайской разведывательной деятельности.

Военное соревнование играло центральную роль в прошлом соревновании великих держав – холодной войне СССР и США, где КНР была важным участником «второго ряда», сначала на стороне СССР против США, затем самостоятельно против обеих сверхдержав и, наконец, с начала 1970-х и до конца 1980-х гг. – в сотрудничестве с США против СССР.

Соревнование военных потенциалов, стремление спровоцировать противника на рост военных расходов, вовлечь его в гонку вооружений по заведомо проигрышным направлениям играли важную роль в стратегиях холодной войны. Причины краха СССР носят комплексный характер и не являются темой данной статьи, однако военное перенапряжение СССР в ходе этого противостояния было общепризнанной причиной многочисленных деформаций советской экономики и ее отставания.

В текущем американо-китайском противостоянии военно-экономический фактор пока что играет куда меньшую роль. Доля военных бюджетов в ВВП и государственных расходов крупных стран, резко сократившаяся в 1990-е гг., по-прежнему значительно уступает показателям 1980-х гг., в том числе в США и Китае. Вместе с тем, с конца 1990-х гг. китайские военные расходы, в целом, росли опережающими темпами по отношению к ВВП хотя и составляют гораздо меньшую долю валового продукта, чем военные расходы США.

Все более острый характер носит и военно-техническое соревнование. Особенностью текущего периода в развитии военных технологий является то, что почти все текущие и ожидаемые инновации, с которыми связываются потенциальные радикальные изменения в военном деле относятся к сфере двойных (военных и гражданских) технологий. Это, в частности, искусственный интеллект, робототехника, квантовые технологии.

Отсюда тесная интеграция военных и гражданских программ в прорывных сферах и, как следствие – тотальный характер «технологических войн», характеризующихся стремлением ограничить для другой стороны доступ не только к каким-то достиже-

ям, имеющим явное военное применение, но и к целым сферам науки и техники.

Таким образом, за исключением сценария полномасштабной войны между Китаем и США, военные и военно-экономические факторы будут влиять на противостояние КНР и США по двум основным направлениям:

- через военную нагрузку на их экономики по мере роста напряженности и углубления гонки вооружений;

- через влияние реализуемых военными инновационных программ на экономику.

Сравнения нынешнего противостояния КНР и США с советско-американской Холодной войной на данный момент можно считать вводящими в заблуждение. Гонка вооружений и соперничество военных экономик составляли нерв Холодной войны, поскольку в то время военная нагрузка на экономику в полтора-два раза превышала текущие значения. Например, в 1981-1987 гг. военные расходы США, по данным СИПРИ, составляли примерно 6,3% американского ВВП.

В 2019 г. на военные расходы приходилось лишь 3,3% ВВП, в целом начиная с 2014 г. они не поднимаются выше 3,7% ВВП. Военные расходы КНР по состоянию на 2019 г. даже с учетом их предполагаемых скрытых компонентов не превышали 1,9% ВВП.

Китайские данные, относящиеся к периоду холодной войны, совершенно неполны и фрагментарны, однако проводившиеся исследования позволяют предположить, что в 1979 г. военные расходы КНР, согласно доступным оценкам, превышали 5% ВВП¹. Реальные военные расходы СССР на пике Холодной войны составляли 8,3-8,4% ВВП².

¹ Wang, S. Estimating China's Defence Expenditure: Some Evidence from Chinese Sources // *The China Quarterly*, 1996, No. 147, p. 896.

² Скворцов О.И. Экономическая политика Горбачева – фактор крушения биполярного мира // Конец холодной войны: новые факты и аспекты: Сборник научных трудов / Саратовский гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского; Отв. ред. Зубок В.М. Саратов: Научная книга, 2004. [Skvortsov, O.I. Ekonomicheskaja politika Gorbacheva – faktor krusheniia bipoliarnogo mira (Gorbachev's Economic Policy – the Factor of the

В абсолютном выражении официальные китайские военные расходы, запланированные на 2021 г., составляли 1,355 трлн юаней или 202 млрд долларов. Американский военный бюджет на 2021 финансовый год составлял 705 млрд долларов.

Однако при более тщательном рассмотрении американское превосходство оказывается не столь большим. При пересчете китайского военного бюджета в доллары с учетом паритета покупательной способности (4,223 юаня за доллар на 2021 г. по оценке МВФ), китайский военный бюджет в долларовом выражении увеличивается более, чем в полтора раза – до 320,8 млрд долларов.

Далее, Китай имеет преимущество над США и с точки зрения структуры расходов. Доля расходов по статье вооружение и военная техника в военном бюджете превысила 40% в 2015 г. и с тех пор остается выше этого уровня³. Согласно китайским официальным публикациям, эта статья включает в себя расходы на НИОКР. Однако в реальности, по имеющимся данным, она включает в себя лишь НИОКР, реализуемые непосредственно военными структурами.

Они не включают в себя расходы на НИОКР, реализуемые оборонной промышленностью, поскольку в КНР они финансируются по линии гражданских ведомств Госсовета. В 2019 г., по оценкам SIPRI, на не учитываемые в военном бюджете программы НИОКР в интересах обороны приходилось 172,6 млрд юаней или 14,2% официального военного бюджета за тот год⁴. Таким образом, 40% можно рассматривать

как примерную долю закупок в китайском военном бюджете.

В военном бюджете США доля закупочных статей составляет около 20%⁵. Расходы на НИОКР обычно находятся на уровне 14-15% официального военного бюджета⁶.

Таким образом, с точки зрения приобретения техники речь уже может идти о весьма близких величинах – примерно 128 млрд долларов (по паритету покупательной способности) для КНР и 141 млрд для США. С привнесением обычно более высоких американских расходов на НИОКР соотношение будет примерно 250 против 170 млрд долларов в пользу США (с учетом пересчета китайских расходов по паритету покупательной способности). Речь при этом в любом случае не идет об американском превосходстве в разы.

Разумеется, эти расчеты носят весьма приблизительный характер. В частности, они не учитывают прочие скрытые статьи китайских военных расходов (в целом, реальные военные расходы по методике СИПРИ в случае КНР могут быть на 40% больше декларируемых).

Вместе с тем, они показывают, что с точки зрения расходов на техническое оснащение вооруженных сил в сопоставимых единицах Китай уже приближается к уровню США и, сохраняя военные расходы на примерно одинаковом уровне по отношению к ВВП, может со временем превзойти этот уровень.

При этом китайские вооруженные силы, в отличие от американских, не распродоточены по миру: китайская система зарубежных военных баз находится в зачаточном состоянии. В настоящее время КНР имеет лишь один действующий «пункт

Bipolar World Collapse) // Konets kholodnoi voiny: novye fakty i aspekty (The End of the Cold War: New Facts and Aspects): Collection of Proceedings / Saratov Chernyshevsky State University; Ed. Zubok V.M. Saratov: Nauchnaia kniga, 2004.]

³ PRC. The State Council Information Office. China's National Defense in the New Era, 2019. Mode of access: http://www.xinhuanet.com/english/2019-07/24/c_138253389.htm

⁴ Tian, N.; Su, F. A New Estimate of China's Military Expenditure / SIPRI, 2021. January. Mode of access: https://www.sipri.org/sites/default/files/2021-01/2101_sipri_report_a_new_estimate_of_chinas_military_expenditure.pdf

⁵ Mehta, A. Pentagon Budget Request Increases R&D Funding, Cuts Legacy Planes // Defense News, 2020. February 10. Mode of access: <https://www.defensenews.com/smr/federal-budget/2020/02/10/pentagon-budget-request-increases-rd-funding-cuts-legacy-planes/>

⁶ Harrison, T.; Daniels, S.P. Analysis of the FY 2021 Defense Budget / CSIS, 2020. Mode of access: <http://defense360.csis.org/wp-content/uploads/2020/08/Analysis-of-the-FY-2021-Defense-Budget.pdf>

материально-технического обеспечения» в Джибути. Численность китайского военного персонала на этом единственном объекте официально не раскрывается.

На момент церемонии открытия в 2017 г. база располагала, вероятно, примерно 300 военнослужащими, которые видны на фото торжественного построения и о об участии которых в церемонии сообщали СМИ⁷. В последующем публиковались оценки, позволяющие предположить рост численности китайского персонала на объекте до 2000 человек⁸.

США, начиная с 2010-х гг., постепенно сокращают присутствие своих войск за рубежом, испытывая растущие бюджетные ограничения. В 2017 г. численность этих войск упала до уровня ниже 200 тысяч человек впервые за 60 лет⁹. В это число не входят подразделения, постоянно базирующиеся в США и перебрасываемые за их пределы на краткосрочной основе, в частности для участия в боевых действиях в Афганистане, Сирии, Ираке и других горячих точках. Поэтому фактическое отвлечение американских военных сил на зарубежные операции остается существенно более высоким.

Существенная часть этих войск размещенных за рубежом может решать задачи, связанные со сдерживанием КНР. Например, около 54 тысяч американских военных находятся в Японии¹⁰ и около 22 тысяч в Южной Корее¹¹.

Однако большая часть американских зарубежных контингентов не вносит существенного вклада в сдерживание Китая, страны, объявленной США основным конкурентом на международной арене, хотя значительные усилия для корректировки географии военного присутствия и предпринимались американцами.

США с 2008 г. последовательно сокращали численность войск, размещенных на постоянной основе на Ближнем Востоке. Количество войск на постоянных базах в Бахрейне, Кувейте, Катаре, Саудовской Аравии, Турции и ОАЭ составляет около десяти тысяч человек, снизившись с 2008 г. примерно в восемь раз. Но сохраняющаяся нестабильность в Сирии, Ираке и Афганистане, противостояние с Ираном и Россией в регионе заставляют поддерживать здесь значительную численность войск на ротационной основе – до 80 тысяч человек¹². Около 70 тысяч американских военнослужащих размещено в Европе на постоянной и около 6 тысяч на ротационной основе по состоянию на 2020 г.¹³

Таким образом, с точки зрения расходов на развитие вооруженных сил в реальном выражении КНР уже сейчас находится на сравнимом с США уровне. Китайские силы сконцентрированы главным образом на одном перспективном театре военных действий – в западной части Тихого океана.

Именно этот регион будет иметь решающее значение для исхода возможного американо-китайского противостояния. Китай располагает потенциалом для более быстрого наращивания военных расходов за счет более высоких темпов роста экономики.

Более того, с учетом преимущественно

⁷ China Formally Opens First Overseas Military Base in Djibouti // *Reuters*, 2017, August 1. Mode of access: <https://www.reuters.com/article/us-china-djibouti-idUSKBN1AH3E3>

⁸ Cabestan, J.P. China's Djibouti Naval Base Increasing Its Power // *East Asia Forum*, 2020, May 16. Mode of access: <https://www.eastasiaforum.org/2020/05/16/chinas-djibouti-naval-base-increasing-its-power/>

⁹ Bialik, K. U.S. Active-Duty Military Presence Overseas Is at Its Smallest in Decades / Pew Research Center, 2017, 22 August. Mode of access: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2017/08/22/u-s-active-duty-military-presence-overseas-is-at-its-smallest-in-decades/>

¹⁰ U.S. Forces Japan. About USFJ. Mode of access: <https://www.usfj.mil/About-USFJ/>

¹¹ Clint Work. How to Constructively and Safely

Reduce and Realign US Forces on the Korean Peninsula <https://www.38north.org/2020/08/cwork082520/>

¹² How Many U.S. Troops Are in the Middle East? // *US News*, 2020, January 9. Mode of access: <https://www.usnews.com/news/elections/articles/2020-01-09/after-recent-deployments-how-many-us-troops-are-in-the-middle-east>

¹³ Masters, J.; Mellow, W. How Is the U.S. Military Pivoting in Europe? / Council on Foreign Relations, 2020, September 23. Mode of access: <https://www.cfr.org/in-brief/how-us-military-pivoting-europe>

морского характера противостояния, ключевым преимуществом КНР становится мощная гражданская судостроительная промышленность. Китай является мировым лидером в сфере гражданского судостроения с долей мирового производства приближающейся к 50%¹⁴. США, напротив, практически утратили данную отрасль экономики, их доля в мировом производстве опустилась до 0,35% к 2007 г.¹⁵, а по состоянию на 2021 г. американское коммерческое судостроение оценивалось как «практически исчезнувшее»¹⁶.

Тесная взаимосвязь между потенциалами страны на море в коммерческой и военной сферах прослеживалась на протяжении всей военно-морской истории¹⁷. Мощное гражданское судостроение обеспечивает КНР возможностями маневра ресурсами, позволяя наращивать темпы выпуска военных кораблей в период роста международной напряженности и, в то же время, обеспечивает финансовую устойчивость отрасли в период спада военных заказов.

В результате, к настоящему времени все больше авторов признают, что США не могут опередить КНР в темпах строительства флота¹⁸, темпы строительства новых

кораблей для ВМС НОАК сравнялись с американскими уже в 2012-2014 гг. и превысили их вдвое с 2015-2017 гг.¹⁹

Отставание в производственных возможностях радикально отличает нынешнее положение США от эпохи второй мировой войны: в тот период многократное промышленное превосходство США над Японией позволяло ВМС США быстро восполнять потери и добиваться решающего превосходства.

Достаточно распространенным аргументом в пользу сохраняющегося американского военного превосходства над КНР, несмотря на сокращение ресурсного и технического преимущества, является отсутствие у НОАК боевого опыта – китайские вооруженные силы не участвовали в сколь угодно масштабных боевых действиях с конца 1980-х гг. Некоторые американские авторы предполагают, что, столкнувшись с опытной иностранной армией, НОАК окажется в сходном положении с армией США при ее первом столкновении с вермахтом (неудачное для союзников сражение в Касеринском проходе в феврале 1943 г.)²⁰.

Проблема, однако, состоит в релевантности того или иного боевого опыта. Американо-китайское военное противостояние на Тихом океане серьезно отличается от советско-американского противостояния времен Холодной войны и не имеет практически ничего общего с конфликтами, в которых участвовали США и другие крупные державы после распада СССР.

Речь идет о преимущественно океанском театре военных действий, где боевые действия на суше не будут играть важной роли. Решающее значение здесь будет иметь борьба военно-морских сил сторон с ис-

¹⁴ China's Shipbuilding Industry Keeps World-leading Role // *Hellenic Shipping News*, 2021, January 19. Mode of access: <https://www.hellenicshippingnews.com/chinas-shipbuilding-industry-keeps-world-leading-role/>

¹⁵ Klein, A. Decline in U.S. Shipbuilding Industry: A Cautionary Tale of Foreign Subsidies Destroying U.S. Jobs / ENO Center for Transportation, 2015, September 1. Mode of access: <https://www.enotrans.org/article/decline-u-s-shipbuilding-industry-cautionary-tale-foreign-subsidies-destroying-u-s-jobs/>

¹⁶ Mall, S. FreightWaves Classics: America's commercial shipbuilding industry is nearly gone // *FreightWaves*, 2021, January 22. Mode of access: <https://www.freightwaves.com/news/freightwaves-classics-americas-commercial-shipbuilding-industry-is-nearly-gone>

¹⁷ Mahan, A.T. The Influence of Sea Power upon History, 1660-1783. Boston: Little, Brown and Co. 1890. P. 45.

¹⁸ Holmes, J. Yes, China's Navy Could Out Build America in a War // *The National Interest*, 2020, October 10. Mode of access: <https://nationalinterest.org/blog/reboot/yes-chinas-navy-could-out-build-america-war-170502>; Hellyer, M.

The US Navy Needs to Admit It Can't Outbuild CHINA // *The Strategist*, 2021, January 28. Mode of access: <https://www.aspirstrategist.org.au/us-navy-needs-to-admit-it-cant-outbuild-china/>

¹⁹ Lague, D.; Lim, B.K. China's Vast Fleet Is Tipping the Balance in the Pacific // *Reuters*, 2019, April 30. Mode of access: <https://www.reuters.com/investigates/special-report/china-army-navy/>

²⁰ Heath, T.R. China's Military Has No Combat Experience: Does It Matter? // *The Rand Blog*, 2018, November 27. Mode of access: <https://www.rand.org/blog/2018/11/chinas-military-has-no-combat-experience-does-it-matter.html>

пользованием всех существующих видов оружия и военной техники, некоторые из которых вообще никогда или почти никогда не применялись в условиях реальных боевых действий.

За период после Второй Мировой войны единственным конфликтом с задействованием столь широкого арсенала техники, форм и методов борьбы на море была Фолклендская война 1982 г., но и она происходила около 40 лет назад и ни США, ни Китай в ней не участвовали. Таким образом, положение сторон в случае конфликта, с точки зрения реального боевого опыта может оказаться сопоставимым.

Таким образом, США на данный момент постепенно утрачивают превосходство над Китаем в расходах на развитие вооруженных сил. Они уже безнадежно и необратимо проигрывают КНР в производственных возможностях по ряду ключевых для нынешней гонки вооружений направлений.

Это отставание является следствием процессов деиндустриализации США начиная с 1970-х гг., продолжающихся до сих пор. США по-прежнему не способны сконцентрировать свои ресурсы в ключевом для будущего противостояния регионе мира, что дополнительно ухудшает их положение. Расстановка сил улучшается в пользу КНР с каждым годом в силу лучшего состояния китайской экономики и промышленности.

Американская ставка на технологический рывок

Закономерно, что единственной надеждой США на фоне жестких бюджетных ограничений и колоссального отставания в производственных мощностях становится технологическое превосходство. Его утрата или радикальное ослабление автоматически приведут к проигрышу США военной гонки с Китаем и, как следствие, обесцениванию роли США как гаранта безопасности Японии и Южной Кореи.

Признание этого факта лежало в основе важнейшей инициативы администрации Обамы, каковой являлась Третья стратегия компенсации министерства обороны США, официально принятая в 2014 г. Главной иде-

ей стратегии было обеспечение и укрепление американского военного превосходства над Китаем на фоне бюджетных и ресурсных ограничений, а также эрозии военного превосходства США в традиционных сферах²¹.

Предполагалось, что именно в инновационной сфере США сможет использовать свои важнейшие сохраняющиеся преимущества – мощный научный и образовательный потенциал, благоприятную среду для инноваций, развитые институты и т.п.

В рамках концепции планировалось наметить ряд перспективных направлений, включая искусственный интеллект, робототехнику, аддитивные технологии, оружие направленной энергии и т.п.

В основе намечавшегося прорыва должно было лежать тесное взаимодействие гражданского сектора экономики и военно-промышленного комплекса, Пентагона и частных компаний. В рамках концепции Пентагоном создавался специальный офис в Силиконовой долине.

Концепция привлекала к себе огромное внимание в последние два года работы администрации Обамы. Предполагалось, что результатом ее реализации станут такие научно-технические прорывы, которые приведут к новой революции в военном деле. В публикациях того времени часты были ссылки на позитивные итоги реализации Второй стратегии компенсации в 1970-1980-е гг.

Тогда США удалось, с одной стороны, радикально повысить боевые возможности своих вооруженных сил за счет их насыщения современными средствами разведки, управления, высокоточным оружием, а с другой – дать старт революции

²¹ Бартенев В.И. США в поисках новых технологических основ военного превосходства: дилеммы третьей стратегии компенсации // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 3. С. 36 [Bartenev, V.I. SShA v poiskakh novykh tekhnologicheskikh osnov voennogo prevoskhodstva: dilemmy tret'ei strategii kompensatsii (The U.S. Quest for New Technological Foundations of Military Superiority: Dilemmas of the Third Offset Strategy) // *MGIMO Review of International Relations*, 2016, No. 3, p. 36.]

в сфере гражданских технологий, которая привела к появлению массовой сотовой связи, гражданской спутниковой навигации, интернета и т.п.

С Третьей стратегией компенсации были увязаны и инициативы администрации по смежным направлениям, например, опубликованный в 2016 г. Белым Домом доклад о будущем искусственного интеллекта²².

Вместе с тем, серьезное негативное влияние на способности США осуществлять долгосрочные научно-технические стратегии оказывает особенность американской системы принятия решений. В частности, принятый Конгрессом США Закон по контролю над бюджетом 2011 г., введший обязательное секвестирование всех статей бюджета при достижении определенных показателей дефицита, привел к нерациональным сокращениям расходов на НИОКР независимо от их приоритетности. Последствия этих сокращений не были в полной мере преодолены даже в 2020 г.²³

Уже на раннем этапе реализации Третьей стратегии компенсации, наряду с собственными инвестициями в передовые технологии, важнейшим направлением работы для США становилось ограничение доступа китайцев (и других потенциальных оппонентов и конкурентов США) к зарубежным источникам технологий. Уже с 2009 г. администрация Обамы продвигала свои проекты реформирования системы экспортного контроля²⁴.

Ограничивались китайские инвестиции в наиболее чувствительные отрасли про-

мышленности, в частности в производство микросхем²⁵. Велась и работа по расширению сотрудничества с зарубежными партнерами, при этом администрация Обамы предпринимала меры по блокированию китайских попыток приобретения некоторых технологических активов и в Европе²⁶.

Победа Дональда Трампа на президентских выборах 2016 г. и последовавший за этим четырехлетний внутриполитический кризис в США привели к забвению Третьей стратегии компенсации в числе многих других инициатив Обамы. Вместе с тем, многие научные приоритеты сохранялись несмотря на то, что построенная над ними политическая оболочка была отброшена.

Работы в 2018 г. был создан новый орган – Национальная комиссия по безопасности в сфере искусственного интеллекта, призванная вырабатывать рекомендации правительству США по ведению политики в таких сферах, как искусственный интеллект и машинное обучение²⁷. Ее сопредседателем стал бывший заместитель министра обороны Роберт Уорк, в прошлом – один из создателей Третьей стратегии компенсации.

Обозначилась и тенденция к резкому увеличению американских расходов на техническое перевооружение вооруженных сил в целом, причем расходы на НИОКР росли существенно быстрее расходов на закупки. Например, в бюджете Пентагона на 2019 г. уже был заложен рост расходов на НИОКР на 23,9% при росте расходов на закупки на 14,9% к предыдущему году²⁸.

²⁵ Cho, J.Y. US Gov't to Limit Chinese Investment in Semiconductor Industry // *Business Korea*, 2017, January 4. Mode of access: <http://www.businesskorea.co.kr/news/articleView.html>

²⁶ Mozur, P. Obama Moves to Block Chinese Acquisition of a German Chip Maker // *The New York Times*, 2016, December 2. Mode of access: <https://www.nytimes.com/2016/12/02/business/dealbook/china-aixtron-obama-cfius.html>

²⁷ The National Security Commission on Artificial Intelligence [Official website]. Mode of access: <https://www.nscai.gov/>

²⁸ Freedberg, S.J. DoD R&D Soars 24%, Procurement Up 15%; Army Up Most // *Breaking Defense*, 2018, February 12. Mode of access: <https://breakingdefense.com/2018/02/dod-r-army-up-most/>

²² US. The White House. The Administration's Report on the Future of Artificial Intelligence, 2016, October 12. Mode of access: <https://obamawhitehouse.archives.gov/blog/2016/10/12/administrations-report-future-artificial-intelligence>

²³ Serbu, J. Pentagon R&D Spending Still Lags Behind an Otherwise Healthy Defense Budget // *Federal News Network*. Mode of access: <https://federalnewsnetwork.com/defense-main/2020/10/pentagon-rd-spending-still-lags-behind-an-otherwise-healthy-defense-budget/>

²⁴ Congressional Research Service. The U.S. Export Control System and the Export Control Reform Initiative, 2018, October 30. P. 5.

Были резко усилены элементы прежней стратегии, связанные с ограничением доступа китайцев к источникам зарубежных технологий и опыта.

Период 2018-2020 гг. был временем введения рекордного количества санкций против китайских компаний, в основном работавших в высокотехнологичном секторе экономики. Собственно, китайской промышленной и инновационной программой «Сделано в Китае 2025» обосновывалась и начатая Трампом в середине 2018 г. торговая война против КНР.

Работы по таким направлениям, как военная робототехника и гиперзвуковое оружие, продолжались с нарастающей активностью. В частности, в стадию летных испытаний вошли работы над баллистическими ракетами средней дальности с гиперзвуковыми планирующими боевыми блоками²⁹, развертывания которых можно ожидать после 2023 г.

Наконец, победа Джоэфа Байдена на выборах 2020 г. и наступивший вслед за этим период определенной стабилизации в американской политике и госуправлении могут отчасти восстановить способности США по планомерной реализации инновационной стратегии. Подход новой администрации к военно-техническому соревнованию с КНР только обрел очертания на время написания настоящей статьи.

Вместе с тем, можно предположить, что она будет представлять собой развитие тенденций, обозначившихся в американском подходе к соревнованию начиная со второго срока Барака Обамы и продолжившихся при администрации Дональда Трампа с некоторыми существенными добавлениями.

Американская стратегия, как представляется, будет по-прежнему делать ставку на стратегию стимулирования инноваций внутри США за счет государственных и создания благоприятного климата для частных инвестиций. Параллельно, примерно на том же уровне, как и в период админи-

страции Трампа, будут реализовываться меры по прекращению сотрудничества китайских высокотехнологичных компаний с американскими партнерами. Учитывая ставку администрации Байдена на активизацию американской системы союзов, можно предположить, что растущее внимание будет уделяться координации инновационных программ США и других развитых стран.

Решающая роль технологической дипломатии

По состоянию на 2020 г. США лидировали по номинальным вложениям в НИОКР (596,58 млрд долларов) при некотором отставании КНР (532,8 млрд долларов). Среди 10 стран, занимающих лидирующие позиции по расходам на НИОКР по состоянию на 2020 г., помимо КНР, имелось еще две незападные страны – Индия (5 место с 95,79 млрд), Россия (8 место с 61,43 млрд) и Бразилия (39 млрд). Расходы в размере 531,49 млрд долларов осуществлялись союзниками США (Японией, Германией, Южной Кореей, Францией и Великобританией)³⁰.

У США имеется определенный опыт реализации совместных крупных военно-промышленных проектов со своими союзниками, как в период Холодной войны, так и после него. Из текущих программ, обращает на себя внимание прежде всего, сотрудничество США и Японии в создании элементов системы ПРО с ракетами Standard SM-3 Block2A³¹.

В то же время, инновационные возможности этих стран не могут рассматриваться в качестве простого продолжения аналогичного потенциала США.

Сотрудничество осуществляется избирательно, по отдельным проектам, такие

²⁹ Congressional Research Service. U.S. Army Long-Range Precision Fires: Background and Issues for Congress, 2021, March 16. Mode of access: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/46721>

³⁰ Leading Countries by Gross Research and Development (R&D) Expenditure Worldwide in 2020. Mode of access: <https://www.statista.com/statistics/732247/worldwide-research-and-development-gross-expenditure-top-countries/>

³¹ Eckstein, M. MDA Director Says SM-3 Block IIA Ready for Production, Unrelated to Japan's Decision to Back Out of Aegis Ashore // USNI News, 2020, June 19. Mode of access: <https://news.usni.org/2020/06/19/mda-director-says-sm-3-block-ii-a-ready-for-production-despite-safety-concerns-from-co-developer-japan>

страны, как Франция, Южная Корея и Япония стремятся наращивать независимые военно-технические возможности, дублируя американские программы. Наконец, эти страны придерживаются различных позиций по вопросам сотрудничества с КНР в сфере технологий гражданского и двойного назначения. Таким образом, отдельным и важнейшим измерением конфликта становится «технологическая дипломатия».

В новых условиях США важно обеспечить максимальное единство позиций и координацию со своими союзниками, а важнейшей целью китайской дипломатии будет максимально ослабить такую координацию. Значительное внимание уделяется также усилению контрразведывательного режима, как в самих США, так и в других странах Запада.

Китай, со своей стороны, может рассчитывать на развитие глубокой кооперации в сфере технологий военного и двойного назначения лишь с одной крупной военно-промышленной державой – Россией. Несомненно, Россия даже при пересчете ее скромных расходов на НИОКР по паритету покупательной способности, не сможет соперничать с союзниками США ни по масштабам финансирования, ни по накопленным компетенциям и технологиям. Но это, по существу, единственное, что можно добавить к собственным китайским ресурсам.

Сотрудничеству с Россией в сфере науки и технологий, за пределами нескольких узких военно-технических сфер, китайцы не уделяли большого внимания еще в середине 2010-х гг.

Золотой век российско-китайского сотрудничества в научно-технической сфере миновал в конце 1990-х – начале 2000-х гг. С увеличением финансирования китайской науки, ученые КНР могли развивать партнерство с ведущими центрами США, Японии и Европы, и активно двигались в этом направлении. Россия по большинству направлений превратилась в партнера «второго ряда».

Однако на фоне развертывания противостояния с США китайский подход к сотрудничеству с Россией стал очевидно меняться и с 2018 г. отмечается резкая активизация китайских технологических компаний в России с расширением их инженерных центров,

сделками слияний и поглощений и новыми партнерствами с российскими техническими университетами³². Можно предположить, что эта тенденция получит дальнейшее сильное развитие по мере обострения американо-китайского противоборства.

Китайские реформы управления инновациями

Помимо развертывания дипломатических усилий, Китай с начала 2010-х гг. осуществляет активное реформирование собственной инновационной инфраструктуры и мобилизацию ресурсов для продвижения в тех направлениях науки и техники, которые на данный момент рассматриваются китайским военно-политическим руководством в качестве приоритетных.

Первые шаги по масштабной реорганизации инновационной сферы начали предприниматься еще до обнародования США Третьей стратегии компенсации. Еще 24 октября 2010 г. было опубликовано совместное решение Центрального военного совета и Госсовета КНР, оформленное документом под названием «Соображения по созданию и совершенствованию системы военно-гражданской интеграции по разработке и производству технологий, применимых в военной и гражданской сфере»³³.

³² Данилин И. Диалог России и Китая в сфере инновационных технологий // РСМД. 2020. 6 мая. Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/dialog-rossii-i-kitaya-v-sfere-innovatsionnykh-tehnologii/> [Danilin, I. Dialog Rossii i Kitaia v sfere innovatsionnykh tekhnologii (Russia-China Dialogue in the Innovation Technologies Sphere) // RIAC, 2020, May 6. Mode of access: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/dialog-rossii-i-kitaya-v-sfere-innovatsionnykh-tehnologii/>]

³³ Гоуянь чжунъян цзюньвэй гуаньюй цзяньли хэ ваньшань цзюньмин цзехэ юй цзюнь юй мин уцзи чжуанбэй кэян шэнчань тисиды жогань ицзянь (Некоторые замечания Госсовета и Центрального военного совета КНР о построении и совершенствовании системы научных разработок оружейного оборудования, основанной на военно-гражданской интеграции) // Газета народного правительства пров. Цзянси, 2010, 24 октября. Режим доступа: <http://>

Документом приписывалось реализовать в течение 3-5 лет реформу по глубокой интеграции гражданских и военных отраслей высокотехнологичной экономики КНР с целью повысить их взаимодополняемость, эффективность, соответствие требованиям рынка. Этим был дан старт разработке глубокой реформы системы управления ВПК и инновационной политикой в сфере военных и двойных технологий.

«Соображения» содержали в себе обширный комплекс мер, касавшихся реформирования и организационной структуры, акционирования предприятий оборонной промышленности, облегчения передачи технологий из военного сектора в гражданский и обратно, привлечения частного бизнеса к решению задач национальной обороны.

Многие из соответствующих нововведений реформ начали реализовываться с начала 2010-х гг. Они были связаны, прежде всего, с изменением структур корпоративного управления китайскими оборонно-промышленными корпорациями и выводом на рынки капитала. Тем не менее, достигнутые результаты, видимо, рассматривались китайским руководством как не вполне удовлетворительные.

В 2014 г. с целью повышения эффективности расходования средств, Госсовет КНР объявил о реформировании системы программ стимулирования инноваций. Планы «863» и «973» были слиты в новый единый печень приоритетов – Национальный план в сфере ключевых НИОКР.

Как и «план 863», данная программа реализуется Министерством науки и технологий. Приоритеты плана разбиты на 5 категорий, включая естественные науки, основные научно-технические проекты, НИОКР

www.jxgb.gov.cn/2011-1/201111111433114.htm [Gouyuan zhongyang junwei guanyu jianli he wenshan junming jiehe yu jun yu ming wuqi zhuangbei keyan shengchan tixide ruogan yingjian (Some remarks by the State Council and the Central Military Commission of the PRC on the construction and improvement of the system of scientific development of weapons equipment based on civil-military integration) // Newspaper of People's Government of Jiangxi Province, 2010, October 24. Mode of access: <http://www.jxgb.gov.cn/2011-1/201111111433114.htm>]

по ключевым технологиям, технологические инновации, образование и воспитание кадров³⁴.

В июле 2016 г. ЦК КПК, ЦВС и Госсовет КНР выпустили совместный программный документ – «Соображения о развитии интеграции экономического и военного строительства» (гуаньйюй цзинцзи цзяньшэ хэ гофан цзяньшэ жунхэ фачжаньды ицзянь), в котором выражалось намерение создать новую систему интегрированного развития оборонных и гражданских отраслей экономики к 2020 г. Документом предполагалось создание новых координирующих структур, принятия новых нормативных актов, упрощающих передачу технологий, обмен кадрами, реализацию совместных программ подготовки кадров между оборонной и гражданской промышленностью, частным и государственным сектором. Обращалось внимание на важность обеспечения централизованного руководства данным процессом, с целью эффективного распределения ресурсов. Документ касался не только технологического развития, но и других вопросов, касающихся обеспечения деятельности войск. В нем, в частности, содержались указания о важности изменения системы обеспечения войск коммунальными услугами, питанием и т.п. с целью повышения их качества (вероятно, с передачей части работ на подряд гражданским компаниям). В документе также говорилось о необходимости реорганизации ВПК, повышении роли частного бизнеса и создании в этой сфере предприятий со смешанной формой собственности³⁵.

³⁴ Гоцзя чжундянь яньфа цзихуа цзинфэй циндань цзяньмин (Опубликован перечень затрат на Национальный план в сфере ключевых НИОКР) // Кэсюэван, 2017, 18 октября. Режим доступа: <http://news.sciencenet.cn/htmlnews/2017/10/391386.shtm> [Guojia zhongdian yanfa jihua jingfei qingdan jianming (A List of Costs for the National Plan in the Field of Key R&D Has Been Published) // Kexuewang, 2017, October 18. Mode of access: <http://news.sciencenet.cn/htmlnews/2017/10/391386.shtm>]

³⁵ Чжунгун чжуньян, Гоюань, Чжуньян Цзюньвэй иньфа «Гуаньйюй цзинцзи цзяньшэ хэ гофан цзяньшэ жунхэ фачжаньды ицзянь» (ЦК КПК, Госсовет и ЦВС опубликовали «За-

Следующим шагом стало создание в 2017 г. новой структуры, которая должна была реализовывать предусмотренные в «Соображениях» реформы. Таковым стал Центральный совет по интегрированному военно-гражданскому развитию. Совет является центральным координационным органом по обсуждению и выработке стратегии по наиболее крупным вопросам военно-гражданской интеграции. Совет формально подотчетен Политбюро и Постоянному комитету Политбюро и возглавляется лично Си Цзиньпином.

Наконец, принятый в марте 2021 г. Все-китайским собранием народных представителей 14-й план социально-экономического развития КНР в немалой степени посвящен инновационному развитию в военной и гражданской сфере. В документе подробно описываются целевые показатели инновационной деятельности по различным направлениям и подчеркивается, что годовые темпы прироста инвестиций в НИОКР будут составлять не менее 7% при том, что на фоне растущей экономической неопределенности китайские власти впервые отказались от обозначения ориентиров по темпам роста ВВП на пять лет³⁶.

мечания о координации мер по развитию военного строительства и экономики») // Чжун-го синьвэнь, 2016, 22 июля. Режим доступа: <http://hnrh.hinews.cn/resfile/2016-07-22/009/hnrh20160722009.pdf> [Zhonggong zhongyang, Gouyuan, Zhongyang Junwei yinfа «Guanyu jingji jianshe he guofang jianshe ronghe fazhanye yijian» (The CPC Central Committee, the State Council and the Central Military Commission Published “Remarks on the Coordination of Measures for the Development of Military Construction and Economy”) // Zhongguo xinwen, 2016, July 22. Mode of access: <http://hnrh.hinews.cn/resfile/2016-07-22/009/hnrh20160722009.pdf>]

³⁶ Чжунхуа жэньминь гунхэго гоминь цзинцзи хэ шэжуй фачжань ди шицы гэ у нянь гуйхуа хэ 2035 нянь юаньцзин мубяо ганяо (Четырнадцатый пятилетний план национального социо-экономического развития КНР и долгосрочные цели до 2035 года) // Синьхуа, 2021, 13 марта. Режим доступа: http://www.xinhuanet.com/2021-03/13/c_1127205564.htm [Zhonghua renmin gongheguo guomin jingji he shehui fazhan di shisi ge wu nian guihua he 2035 nian yuanjing mubiao gangyao (The 14th Five-Year Plan for National Economic and Social

Выводы и последствия

В складывающемся военно-техническом соревновании с Китаем США, в долгосрочной перспективе, по-видимому, гарантированно проигрывают КНР по двум важнейшим направлениям – по резервам наращивания военных расходов и по производственным мощностям. По мере обострения противостояния и мобилизации ресурсов на нужды обороны эти слабости будут все более очевидны.

Ключевым преимуществом США остаются их роль ведущей технологической державы мира. Технологическое преимущество США над Китаем проявляется неравномерно по разным направлениям военной техники. По отдельным локальным направлениям оно уже сменилось отставанием – например, в 2019 г. Китай стал первой страной мира, развернувшей баллистические ракеты средней дальности с гиперзвуковыми планирующими боевыми блоками (DF-17), в то время как США рассчитывают произвести первую батарею таких систем лишь в 2023 г. По другим направлениям американское превосходство по-прежнему значительно, но, по распространенным американским оценкам, ослабевает³⁷.

Чтобы выиграть военное соревнование с КНР США должны развернуть вспять эту тенденцию и обеспечить поддержание такого технологического превосходства над Пекином, которое позволит компенсировать вероятное превосходство КНР в масштабах экономики и производственных мощностях.

Учитывая особенности текущего этапа развития военных технологий, характеризующегося высоким уровнем интеграции инноваций в военной и гражданской сферах, становится неизбежной тотальная экономическая и промышленная борьба двух стран. В ходе этой борьбы США будут пытаться макси-

Development of the PRC and the Long-Range Objectives Through the Year 2035) // Xinhua, 2021, March 13. Mode of access: http://www.xinhuanet.com/2021-03/13/c_1127205564.htm]

³⁷ Darby, C.; Sewall, S. The Innovation Wars: America's Eroding Technological Advantage // *Foreign Affairs*. 2021. Vol. 100, No. 2. Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2021-02-10/technology-innovation-wars>

мально ограничить доступ КНР к научно-техническому сотрудничеству с другими крупными промышленными державами, а Китай – по возможности сохранить каналы такого сотрудничества. При этом преимуществами США остаются их система союзов и ключевая роль в мировых финансах, преимуществами Китая – огромный внутренний рынок и важнейшая роль в международных производственных цепочках.

Россия занимает в контексте этой борьбы уникальное положение в качестве единственной (помимо самого Китая) крупной научной и промышленной державы, находящейся в состоянии конфронтации с США и не имеющей значительных политических препятствий для наращивания сотрудничества с Китаем.

С учетом масштабов российской экономики и ее инновационного потенциала, она не может иметь определяющего влияния на исход китайско-американского противоборства. Но все же ее позиция окажет весьма важное воздействие на ее ход.

Усиление взаимодействия с Россией в сфере технологий военного и двойного назначения – один из немногих резервов, которые Китай может задействовать уже сейчас, не опасаясь серьезного противодействия с США, поскольку российско-американские отношения к весне 2021 г. оказались практически замороженными.

России предстоит выработать свою позицию в отношении будущего сотрудничества с КНР с учетом контекста глобального противоборства и долгосрочных целей развития российской экономики.

Литература:

Бартенев В.И. США в поисках новых технологических основ военного превосходства: дилеммы третьей стратегии компенсации // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 3. С. 30-42.

Скворцов О.И. Экономическая политика Горбачева – фактор крушения биполярного мира // Конец холодной войны: новые факты и аспекты: Сборник научных трудов / Саратовский гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского; Отв. ред. Zubok B.M. Саратов: Научная книга, 2004.

Mahan, A.T. The Influence of Sea Power upon History, 1660-1783. Boston: Little, Brown and Co. 1890. 557 p.

Wang, Shaoguang. Estimating China's Defence Expenditure: Some Evidence from Chinese Sources // *The China Quarterly*, 1996, No. 147, pp. 889-911.

References:

Bartenev, V.I. SSbA v poiskakh novykh tekhnologicheskikh osnov voennogo prevoskhodstva: dilemmy tret'ei strategii kompensatsii (The U.S. Quest for New Technological Foundations of Military Superiority: Dilemmas of the Third Offset Strategy) // *MGIMO Review of International Relations*, 2016, No. 3, pp. 30-42.

Mahan, A.T. The Influence of Sea Power upon History, 1660-1783. Boston: Little, Brown and Co. 1890. 557 p.

Skvortsov, O.I. Ekonomicheskaya politika Gorbacheva – faktor krusheniia bipoliarnogo mira (Gorbachev's Economic Policy – the Factor of the Bipolar World Collapse) // *Konets kholodnoi voyny: novye fakty i aspekty* (The End of the Cold War: New Facts and Aspects): Collection of Proceedings / Saratov Chernyshevsky State University; Ed. Zubok V.M. Saratov: Nauchnaia kniga, 2004.

Wang, Shaoguang. Estimating China's Defence Expenditure: Some Evidence from Chinese Sources // *The China Quarterly*, 1996, No. 147, pp. 889-911.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10029

MILITARY-INDUSTRIAL AND MILITARY-ECONOMIC DIMENSIONS OF SINO-US RIVALRY

Vasily B. Kashin

*MGIMO University,
Higher School of Economics,
Moscow, Russia*

Article history: <i>Declared:</i> 10.01.2021 <i>Received:</i> 20.03.2021 <i>Sent for editing:</i> 10.04.2021 <i>Accepted:</i> 03.05.2021	Abstract: This article provides an assessment of the development of the military potential of China and the United States from the perspective of the growing confrontation between the parties. Special attention is paid to the development of innovations and to technological diplomacy. Due to the high level of innovations integration in the military and civil spheres, a military-technical competition initiates a full-scale confrontation in the economic and industrial spheres. The growing potential of China poses a challenge for the USA to constrain China's technological development, including by limiting its possibilities for scientific and technological cooperation with other countries.
About the author: Candidate of Political Science, Chief Researcher, Centre for Comprehensive Chinese Studies and Regional Projects, MGIMO University; Deputy Director, Senior Research Fellow, Centre for Comprehensive European and International Studies (CCEIS), Higher School of Economics e-mail: vkashin@hse.ru	
Key words: China; USA; Sino-US rivalry; arms race; high-tech wars; R&D	

Для цитирования: Кашин В.Б. Военно-промышленное и военно-экономическое измерения американо-китайского соперничества // *Сравнительная политика*. 2021. № 3. С. 85-97.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10029

For citation: Kashin, Vasily B. Voenno-promyshlennoye i voyenno-ekonomicheskoye izmereniya amerikano-kitayskogo sopernichestva (Military-Industrial and Military-Economic Dimensions of Sino-US Rivalry) // *Comparative Politics Russia*, 2021, No. 3, pp. 85-97.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10029

ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ И КИТАЯ В УСЛОВИЯХ НЕРАВНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ (1980-2020 гг.): СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Светлана Борисовна Макеева

*Институт социально-политических систем Федерального
научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук,
Москва, Россия*

Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 18 октября 2020 <i>Принята к печати:</i> 5 марта 2021	Аннотация: Изучение опыта региональной политики современной России и Китая по ликвидации и выравниванию диспропорциональных явлений социально-экономического развития отдельных регионов предоставляет возможности сопоставлять и определять наиболее эффективные инструменты и условия для борьбы с неравномерными тенденциями пространственного развития, опираясь на историческую ретроспективу внутренней региональной динамики двух соседних государств. Сложная структура исследования предполагает использование сравнительно-исторического метода, системного подхода, ретроспективного метода. Основу исследования составляют тексты российских и китайских авторов, а также документы на китайском языке. Основным фактором, усилившим неравномерность регионального социально-экономического развития и в Китае, и в России выступил переход к использованию в рамках пространственного развития инструментов рыночных отношений. Характерной особенностью пространственного развития РФ и КНР в целях борьбы с диспропорциональными тенденциями в положении регионов являлась подготовка при участии экспертного сообщества стратегий пространственного развития. Ключевыми инструментами региональной политики России и Китая по ликвидации внутренней неравномерности в развитии регионов на разных этапах региональной истории являлись проекты по усилению отдельных опорных регионов, привлечение различных видов государственной поддержки пространственного развития. Если в России финансовые трансферты государственной поддержки являлись основным средством решения проблем регионального неравенства, то в Китае система мер по развитию регионов включала также частные инвестиции. <i>Исследование осуществляется при финансовой поддержке гранта РФФИ. Проект №20-014-00010 «Влияние неравномерного развития регионов России и Китая на межрегиональное двустороннее сотрудничество: сравнительно-историческое исследование»</i>
Об авторе: к.и.н., доцент, ведущий научный сотрудник Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН e-mail: msbmag9581@yandex.ru	
Ключевые слова: экономическая история регионов; сравнительное исследование; Россия; КНР; выравнивающая и стимулирующая региональная политика; полицентризм; поляризованная региональная политика; региональные проекты; финансовые трансферты; стратегии регионального развития.	

Современная региональная история большинства стран мира характеризуется усилением тенденций неравномерного социально-экономического пространственного развития. Историческая динамика трансформации региональной политики, направленной на ликвидацию диспропорциональных тенденций в пространственной организации экономики, выступает важной составляющей истории регионов государ-

ства. Для современной России и Китая также характерно усиление неравномерных, диспропорциональных тенденций в социально-экономическом региональном развитии России (с 1991 г.) и Китае (с 1978 г.), где наблюдается внутренний дисбаланс в уровне экономического роста отдельных регионов. В сложившихся условиях факторы пространственного развития РФ и КНР оказывают непосредственное влияние на формирование

основных тенденций и перспектив в межрегиональном сотрудничестве двух стран.

Изучение опыта региональной политики современной России и Китая по ликвидации и выравниванию диспропорциональных явлений социально-экономического развития отдельных регионов предоставляет возможности сопоставлять и определять наиболее эффективные инструменты и условия для борьбы с неравномерными тенденциями пространственного развития, опираясь на историческую ретроспективу внутренней региональной динамики двух соседних государств. Целью данной статьи является сравнительно-сопоставительное рассмотрение эволюции региональной политики России и Китая в условиях усиления неравномерности и диспропорциональности внутреннего регионального развития двух стран в современный период истории. Компаративные результаты анализа истории региональной политики России и Китая обогащают инструментарий прикладных сравнительно-исторических исследований в области пространственного развития РФ и КНР, определяя роль территориального фактора в успехах и неудачах мероприятий двух стран по решению проблем социально-экономического регионального развития в период с 1980-2020-е гг.

Научная новизна исследования заключается в том, что в настоящее время в России отсутствуют сравнительно-исторические исследования, посвященные компаративному анализу неравномерного регионального развития России и Китая; недостаточно представлен сравнительно-исторический анализ причин, особенностей развития и последствия диспропорциональных процессов в российской и китайской пространственной организации экономики в сопоставительном аспекте.

Методы и материалы

Изучение исторической динамики процесса трансформации региональной политики России и Китая в условиях неравномерности регионального социально-экономического развития необходимо осуществлять, опираясь на теоретико-методологическую базу региональной истории и регионоведения. Ключе-

вым методом исследования в данном случае будет выступать сравнительно-исторический метод, позволяющий выделять сравнительные характеристики ключевых направлений региональной политики России и Китая по решению основной проблемы в современной истории пространственного развития – неравномерности и диспропорциональности социально-экономического положения регионов. Сравнительно-исторический метод предоставляет возможность провести анализ зарождения и формирования системы регионального развития двух соседних государств РФ и КНР в сопоставительном аспекте. Данный метод позволяет провести параллели в неравномерном региональном развитии после реформ и перехода к рыночным отношениям в КНР (с 1978 г.) и в России после распада СССР и образования РФ, и последующим построением рыночной экономики (с 1991 г.).

В рамках сопоставительного исследования допустимо применение системного подхода, представляющего возможность более полноценно анализировать все факторы, а также составляющие элементы процесса исторической трансформации как российских, так и китайских регионов. Системный подход позволяет определить структуру региональной политики России и Китая, направленной на решение проблем неравномерности социально-экономического регионального развития в современный период истории. Также данный подход предполагает рассмотрение системы регионального развития России в виде целостной совокупности тесно связанных экономических, социальных, культурно-исторических, географических элементов с одной стороны и взаимодействующих с другими регионами в рамках федеративного устройства, с другой стороны. Системный подход даёт возможность проследить региональное развитие КНР во взаимосвязи со всеми социально-экономическими, культурно-историческими компонентами системы китайского общества, в рамках основных стратегий сбалансированного регионального развития.

Ретроспективный метод исследования позволяет с помощью приёма реконструкции синтезировать знания о влиянии не-

равномерного регионального развития в российских и китайских условиях на масштабы, структуру, направления исторической трансформации региональной политики двух стран, определяя ключевые этапы современной региональной истории, исходя из анализа причин, условий диспропорциональности пространственной организации экономики РФ и КНР.

Источниковую базу исследования составляют документы как на русском, так и на китайском языках. Историю российской региональной политики, формировавшейся в условиях усиливавшейся с 1990 г. неравномерности регионов, позволяют проследить данные Федеральной службы государственной статистики, законодательные и нормативно-правовые акты Правительства и Президента РФ, региональные законодательные и нормативно-правовые акты, определяющие ключевые стратегии пространственного развития России в современный период истории. Историческая трансформация региональной политики КНР после начала политики «реформ и открытости» лучше всего отражена в нормативно-правовых актах, составляющих основу стратегии несбалансированного регионального развития Китая (1978-1999 гг.), стратегии скоординированного регионального развития (2000-2012 гг.), обновленной стратегии регионального развития КНР (2012 г. по настоящее время).

Эволюция региональной политики России в отношении ликвидации тенденций неравномерности регионального развития достаточно широко представлена в работах различных отечественных ученых. Особо следует отметить исследование ведущих ученых А.Г. Гранберга¹, а также Н.В. Зубареви

ч² и О.В. Кузнецовой³, посвященные теоретическим и практическим аспектам региональной политики РФ в условиях социально-экономического неравенства российских регионов. В работах таких отечественных экономистов, историков, политологов, как В.Н. Лексин⁴, Р.М. Мельников⁵, Е.С. Устинович⁶ находит отражение комплексный анализ пространственного развития России в современный период истории. История региональной политики КНР после начала «реформ и открытости»

² Зубареви́ч Н.В. Развитие российского пространства: барьеры и возможности региональной политики // Мир новой экономики. 2017. № 2. С. 46-57. [Zubarevich, N.V. Razvitie rossijskogo prostranstva: bar'ery i vozmozhnosti regional'noj politiki (Development of the Russian Space: Barriers and Opportunities for Regional Policy) // *Mir novoj jekonomiki*, 2017, No. 2, pp. 46-57.]

³ Кузнецова О.В. Экономическое развитие регионов: теоретические и практические аспекты государственного регулирования. М.: КомКнига, 2005. 304 с. [Kuznecova, O.V. Jekonomicheskoe razvitie regionov: teoreticheskie i prakticheskie aspekty gosudarstvennogo regulirovanija (Economic Development of Regions: Theoretical and Practical Aspects of State Regulation). Moscow: KomKniga, 2005. 304 p.]

⁴ Лексин В.Н. Государства и регионы. Теория и практика государственного регулирования территориального развития. М.: Эдиториал УРСС, 2003. 386 с. [Leksin, V.N.; Shvecov, A.N. Gosudarstva i regiony. Teorija i praktika gosudarstvennogo regulirovanija territorial'nogo razvitija (States and Regions. Theory and Practice of State Regulation of Territorial Development). Moscow: Jeditorial URSS, 2003. 386 p.]

⁵ Мельников Р.М. Проблемы теории и практики государственного регулирования экономического развития регионов. М.: Изд-во РАГС, 2006. 199 с. [Mel'nikov, R.M. Problemy teorii i praktiki gosudarstvennogo regulirovanija jekonomicheskogo razvitija regionov (Problems of Theory and Practice of State Regulation of Economic Development of Regions). Moscow: Publishing house of RAGS, 2006. 199 p.]

⁶ Устинович Е.С. Актуальные проблемы региональной экономической политики в Российской Федерации // Инновации и инвестиции. 2020. № 3. С. 329-331. [Ustinovich, E.S. Aktual'nye problemy regional'noj jekonomicheskoy politiki v Rossijskoj Federacii (Actual Problems of Regional Economic Policy in the Russian Federation) // *Innovacii i investicii*, 2020, No. 3, pp. 329-331.]

¹ Гранберг А.Г. Многорегиональные системы: экономико-математическое исследование. Новосибирск: Сибирское научное издательство, 2007. 371 с. [Granberg, A.G. Mnogoregional'nye sistemy: jekonomiko-matematicheskoe issledovanie (Multiregional Systems: Economic and Mathematical Research). Novosibirsk: Siberian Scientific Publ. House. 2007. 371 p.]

в условиях усиления диспропорциональных тенденций пространственного положения китайских регионов находит отражение в работах различных китайских ученых. Особенности неравномерного регионального развития в эпоху Дэн Сяопина представлены в работах таких китайских историков, экономистов, регионоведов, как Ван Юньхуэй⁷, Сюй Цюся⁸, Ся Ваньцзюнь⁹, Чжан Цзяньхуа¹⁰, Чжоу Чжэ¹¹, Чэнь Чанши¹². Анализ эволюции региональной политики, составляющей основу процесса реализации стратегий пространственного развития КНР в период с 1978 г. по настоящее время находит отражение в работах таких китайских специалистов в области региональной экономической истории, как

Ван Сяолу¹³, Ван Фэн¹⁴, Сяо Цзиньчэн¹⁵, У Саньсян¹⁶, Чжао Цзяолун¹⁷.

Богатый опыт сравнительного анализа социально-политического развития Китая и стран мира накоплен отечественным ученым А.Д. Воскресенским¹⁸. Попытки сравнительно-исторического анализа экономического развития регионов России и Китая представлены в обзорной работе «Экономическое развитие регионов: опыт России и Китая» коллектива российских и китайских авторов В.А. Ильиной, А.А. Шабуневой, А.К. Гулина, Д. Мао¹⁹.

- ⁷ 王蕴慧. 我国地区发展不平衡现状及原因浅析 [Ван Юньхуэй. Анализ текущей ситуации и причины несбалансированного развития в Китае] // 社科学论. 2016. 155-156页.
- ⁸ 许秋霞. 中国区域经济发展不平衡问题研究综述 [Сюй Цюся. Краткое изложение исследований дисбаланса регионального экономического развития в Китае] // 人力资源管理. 2017. 4 期. 页. 310-311.
- ⁹ 夏万军. 我国区域经济发展不平衡性研究 [Ся Ваньцзюнь. Исследование дисбаланса регионального экономического развития в Китае] // 安徽师范大学学报. 2018. 111-121页.
- ¹⁰ 张荐华. 中国改革开放40年中的区域经济发展不平衡问题与对策研究 [Чжан Цзяньхуа. Исследование несбалансированного регионального экономического развития и контрмер в 40-летие политики реформ и открытости Китая] // 当代经济管理. 2019. 1673-0461 期. 页. 132-141.
- ¹¹ 周喆. 中国地区间经济发展不平衡 [Чжоу Чжэ. Несбалансированное экономическое развитие между регионами Китая] // 山西财经大学学报. 2012. 20-28页.
- ¹² 陈长石. 中国省际发展不平衡场因及文化群析 [Чэнь Чанши. Анализ причин неравномерности регионального развития в провинциях Китая] // 数量经济技术经济研究. 2015. 58-73页.

- ¹³ 王小鲁. 中国地区差距的变动趋势和影响因素 [Ван Сяолу. Тенденции и факторы, влияющие на региональные различия в Китае] // 经济研究. 2004. 33-44页.
- ¹⁴ 王锋. 中国的制度变迁与经济发展不平衡: 1978-2005 [Ван Фэн. Институциональные изменения в Китае и несбалансированное экономическое развитие: 1978-2005 гг.] // 重庆. 2007. 116 页.
- ¹⁵ 肖金成. 从区域非均衡发展到区域协调发展 - 中国区域发展40年 [Сяо Цзиньчэн. От несбалансированного регионального развития к скоординированному региональному развитию - 40 лет регионального развития Китая] // 区域经济评论. 2019. 1期. 页 13-24.
- ¹⁶ 吴三忙. 中国地区经济差距演变特征及其形成结构分解 (1978-2007) [У Саньсян. Эволюционные характеристики регионального экономического разрыва Китая и его структурная декомпозиция (1978-2007 гг.)] // 贵州社会科学. 2010. 103-109页.
- ¹⁷ 赵蛟龙. 区域发展战略对区域经济差距的影响分析 [Чжао Цзяолун. Анализ влияния стратегии регионального развития на региональное экономическое неравенство]. 北京, 2015. 331 页.
- ¹⁸ Воскресенский А.Д. Подъем Китая и его влияние на мировой и региональные порядки: сравнительный анализ. Материалы круглого стола // Сравнительная политика. 2020. № 2. С. 97-122. [Voskressenski, A.D. Podjom Kitaja i ego vlijanie na mirovoj i regional'nye porjadki: sravnitel'nyj analiz. Materialy kruglogo stola (The Rise of China and Its Impact on World and Regional Orders: A Comparative Analysis. Round Table Materials) // *Comparative Politics Russia*, 2020, No. 2, pp. 97-122.]
- ¹⁹ Экономическое развитие регионов: опыт России и Китая / под науч. рук. В.А. Ильина, А.А. Шабуневой, К.А. Гулина, Д. Мао. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2017. 402 с. [Jekonomicheskoe razvitie regionov: opyt Rossii i Kitaja (Economic Development of Regions: the Experience

Анализ

Современная региональная история большинства стран мира характеризуется такими явлениями как неравномерность социально-экономического пространственного развития. Эффективное использование всей территории государства составляет основу региональной политики. От направленности, системности мероприятий по отношению к отдельным районам зависят перспективы роста региональной экономики. Особенности трансформации региональной политики России и Китая в условиях усиления неравномерных тенденций в развитии регионов определяется историей регионального пространственного развития этих двух стран.

Насегодняшний день система региональной политики КНР направлена на координацию пространственного полицентрического развития, предполагающего увеличение количества центров регионального экономического роста. Китайское правительство уделяет значительное внимание эффективной реализации комплекса мер, составляющих основу стратегии пространственного развития. Рассматривая процесс трансформации региональной политики КНР в условиях усиления неравномерности социально-экономического развития китайских регионов, необходимо отметить, что диспропорциональность пространственной организации экономики в Китае была вызвана комплексом факторов: природно-географических, историко-культурных и торгово-экономических. Первый этап исторической трансформации региональной политики КНР в условиях неравномерности развития регионов приходится на период с 1980-1990 гг. Переход с 1978 г. в рамках проводимой политики «реформ и открытости» к сочетанию инструментов плановой и рыночной экономик усилил проблемы неравномерного регионального развития КНР²⁰. Ситуация обострилась после

начала реализации стратегии регионального несбалансированного развития и преимущественного экономического роста прибрежных восточных районов Китая. По замыслу китайских реформаторов, именно потенциал Восточного Китая должен был со временем стимулировать ресурсы социального и экономического роста всех остальных территорий страны. Региональная политика КНР в период реализации комплекса мероприятий «реформ и открытости» имела поляризованный характер. В рамках седьмого пятилетнего плана были выделены 3 зоны экономического развития: прибрежный регион Восточного Китая, внутренний регион Среднего Китая и Западный Китай²¹. Проведение рыночных реформ, преимущественное развитие прибрежных восточных районов оказало влияние с одной стороны на рост национальной экономики Китая в целом, а с другой на усиление неравномерности социально-экономического развития территории государства²². К концу 1980-началу 1990-х гг. китайское научное экспертное сообщество начинает обсуждать перспективы реализации скоординированной стратегии региональной политики, основной целью которой предполагалось полицентрическое развитие различных полюсов экономического роста при стремлении к гармонизации и координации китайского государства. Использование теоретико-практических инноваций при переходе к практической реализации новой стратегии ознаменовало собой начало нового этапа трансформации региональной политики КНР в условиях усиления диспропорциональности пространственной организации экономики (1990-2000 гг.).

Как в истории современного Китая, так и России существенное влияние на измене-

ований дисбаланса регионального экономического развития в Китае] // 人力资源管理. 2017. 4 期. 页. 310.

²¹ 辉煌70年：新中国经济社会发展成就：1949-2019. [Славные 70 лет: достижения экономического и социального развития Нового Китая: 1949-2019]. 北京：中国统计出版社. 2019. 页. 88.

²² 王锋. 中国的制度变迁与经济发展不平衡：1978-2005 [Ван Фэн. Институциональные изменения в Китае и несбалансированное экономическое развитие: 1978-2005 гг.] // 重庆. 2007. 页. 86.

of Russia and China). Ed. by V.A. Ilyin, A.A. Shabunova, K.A. Gulina, D. Mao. Vologda: ISERT RAN, 2017. 402 p.

²⁰ 许秋霞. 中国区域经济发展不平衡问题研究综述 [Сюй Цюся. Краткое изложение иссле-

ние ракурса региональной политики оказало внедрение инструментов рыночных отношений в общий ход пространственного развития страны. В истории современной России период начала 1990-х гг. характеризуется усилением неравномерности регионального развития в результате распада Советского Союза, а также стремительного перехода к рыночным отношениям в условиях реформ на рубеже 1980-1990 гг. Социально-экономическое неравенство наблюдалось как между отдельными регионами, так и между сельскими и городскими районами России. На территории РФ одновременно стали сосуществовать как быстроразвивающиеся экономические регионы, ориентированные на добычу природных ресурсов, так и отсталые, депрессивные районы. Российское правительство в целях борьбы с неравномерностью социально-экономического регионального развития начинает осуществлять с 1990-х гг. стимулирующую, выравнивающую региональную политику.

Первый этап в истории регионального развития современной России приходится на период начала 1990-начала 2000-х гг. В результате использования инструментов выравнивающей региональной политики такие субъекты федерации как Калининградская область, Республика Ингушетия, Алтай получают статус особых экономических зон²³. Параллельно начинается реализация государственной программы развития Курильских островов. В Калмыкии, Чукотском автономном округе были созданы внутренние оффшоры²⁴. Региональная

политика с 1991 г. по 2000 г. была направлена на ликвидацию неравномерности регионального развития и ведущую роль в этом играло Министерство финансов РФ. Осуществляемая финансовая поддержка российских регионов встраивалась в общую систему выравнивающей и стимулирующей региональной политики России. Но проблема диспропорциональности пространственной организации экономики сохранялась, а разрыв в уровне экономического роста российских регионов усиливался. За первый этап истории регионального развития современной России, выравнивающая региональная политика не дала ощутимых результатов, т.к. бюджетного финансирования было недостаточно для того, чтобы на должном уровне осуществлять перераспределение финансовых трансфертов на все нуждающиеся регионы.

В конце 1990-х гг. КНР также, как и Россия переходит ко второму этапу трансформации региональной политики в условиях обострения проблем неравномерности развития китайских регионов. Данный этап пришелся на период реализации стратегии скоординированного регионального развития Китая (1999-2012 гг.). Гармонизация и координация полицентрической региональной политики КНР находит отражение в ключевых программных документах 1999 г. по развитию Западного Китая, 2003 г. по возрождению старых промышленных баз на Северо-Востоке КНР, 2006 г. по стимулированию подъема Центрального региона Китая²⁵. При этом предполагалось сохранение темпов экономического роста китайских прибрежных восточных районов. Полицентризм китайской региональной политики был направлен на равновесное скоординированное соразвитие ключевых крупных территориальных образований, включающих в себя различные агломерации и опирающиеся в своем развитии на ресур-

²³ Зубаревич Н.В. Развитие российского пространства: барьеры и возможности региональной политики // Мир новой экономики. 2017. № 2. С. 46-57. [Zubarevich, N.V. Razvitie rossijskogo prostranstva: bar'ery i vozmozhnosti regional'noj politiki (Development of the Russian Space: Barriers and Opportunities for Regional Policy) // *Mir novoj jekonomiki*, 2017, No. 2, p. 47.]

²⁴ Кузнецова О.В. Экономическое развитие регионов: теоретические и практические аспекты государственного регулирования. М.: КомКнига, 2005. С. 46-48. [Kuznetsova, O.V. Jekonomicheskoe razvitie regionov: teoreticheskie i prakticheskie aspekty gosudarstvennogo regulirovanija (Economic Development of Regions: Theoretical and Practical Aspects of State Regulation). Moscow: KomKniga, 2005. Pp. 46-48.]

²⁵ 陈长石. 中国省际发展不平衡成因及支化群析 [Чэнь Чанши. Анализ причин неравномерности регионального развития в провинциях Китая] // 数量经济技术经济研究. 2015. 页. 58-73 中华人民共和国大间史: 1949-2019 [История Китайской Народной Республики: 1949-2019]. 北京当代中国出版社. 2019. 页. 88.

сы социального и экономического развития территорий, а также при необходимости поддержание внутреннего межрегионального сотрудничества. Реализация комплекса мер региональной политики по снижению неравномерности социально-экономического развития китайских регионов, опиралась на учет исторического опыта развития Восточного, Центрального, Западного и Северо-Восточного Китая, а также учитывала общие тенденции национальной стратегии КНР по достижению к 2049 г. (100-летию КНР) уровня развитых стран мира. Общими направлениями полицентрической региональной политики КНР на втором этапе трансформации системы мер по развитию китайских регионов являлись развитие современной транспортной инфраструктуры; сочетания комплекса мер как плановой экономики, так и рыночных отношений в региональной политике; привлечение как государственных, так и частных инвестиций в ключевые региональные проекты; выявление и поддержание конкурентных преимуществ всей территории крупного региона, включая не только городские агломерации, но и районы сельской местности; реализация региональных проектов, соответствующих инновационным стандартам охраны окружающей среды; модернизация промышленности и аграрного производства²⁶. Необходимо отметить, что на втором этапе трансформации региональной политики КНР в условиях усиления неравномерности регионального развития были заложены предпосылки скоординированного пространственного развития, результаты которого можно наблюдать в современных условиях и в ближайшем будущем Китая. Несмотря на трудности и неизменные факторы диспропорциональности пространственной организации экономики, китайская региональная политика на втором этапе трансформации в условиях неравномерного регионального развития достигла положительных результатов, за счет использования инструментов полицентрической и поляризованной региональной

политики, при активном сочетании как мер государственной поддержки, так и частного бизнеса²⁷.

В отличие от Китая, на втором этапе истории регионального развития России с 2000 по 2010 гг. сохраняется практика использования инструментов выравнивающей и стимулирующей региональной политики. В первое десятилетие XXI в. в России наблюдался экономический рост, вызванный увеличением объема федерального бюджета за счет роста цен на нефть. Эффективность перераспределительного характера региональной политики в 2000-е гг. достигалась за счет повышения финансовых трансфертов во все российские регионы. Попытки борьбы с неравномерным социально-экономическим развитием, усилия по ликвидации различий между регионами были направлены на решение проблем, связанных с финансовой нагрузкой регионов, а не на усиление экономической самодостаточности субъектов федерации. На протяжении первого десятилетия XXI в. региональная финансовая политика в России реализовывалась в следующих формах: оказание дотационной поддержки регионам, выдача субъектам федерации субсидий, бюджетных кредитов, предоставление финансовой поддержки для обеспечения инфраструктуры регионального и муниципального уровней. Реализация стимулирующей и выравнивающей региональной политики российским правительством была возможна в результате наличия средств из-за роста цен на нефть. Но, к сожалению, разница в уровне социально-экономического развития между субъектами

²⁶ 王小鲁. 中国地区差距的变动趋势和影响因素 [Ван Сяолу. Тенденции и факторы, влияющие на региональные различия в Китае] // 经济研究. 2004. 页. 38.

²⁷ 肖金成. 从区域非均衡发展到区域协调发展 - 中国区域发展40年 [Сяо Цзиньчэн. От несбалансированного регионального развития к скоординированному региональному развитию - 40 лет регионального развития Китая] // 区域经济评论. 2019. 1期. 页 13-24. 吴三忙. 中国地区经济差距演变特征及其形成结构分解 (1978-2007) [У Саньсян. Эволюционные характеристики регионального экономического разрыва Китая и его структурная декомпозиция (1978-2007 гг.)] // 贵州社会科学. 2010. 103-109页. 赵蛟龙. 区域发展战略对区域经济差距的影响分析 [Чжао Цзяолун. Анализ влияния стратегии регионального развития на региональное экономическое неравенство]. 北京, 2015. 331 页.

федерации к середине 2000-х гг. только возросла. В сложившихся условиях в истории региональной политики наметился переход от выравнивающей и стимулирующей к политике поляризованного (сфокусированного) пространственного развития.

Министерство регионального развития РФ (Минрегион России) выступавшее федеральным органом исполнительной власти с начала 2000-х гг. проводит активную деятельность по выработке и реализации государственной региональной политики, направленной на ликвидацию диспропорциональности пространственной организации экономики. 30 июня 2005 г. российское правительство принимает «Концепцию Стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации» или, как отмечают отечественные специалисты в области истории регионального развития, концепцию регионов-«локомотивов роста»²⁸. Основу региональной политики в отношении как быстроразвивающихся, так и отсталых, «депрессивных» районов составил «переход от выравнивания уровней развития регионов к поляризованному (или сфокусированному) развитию регионов»²⁹. Предполагалось, что опорные регионы развитие которых фокусируется на основе эффекта агломерации и механизма саморазвития смогут оказать влияние на экономический рост близлежащих регионов. Параллельно получает распространение региональная политика по созданию территориальных кластеров, включающих в себя различные предприятия, размещенные в определенном регионе, ориентированные на выпуск конкурентноспособных товаров и

продукции. В итоге на практике была реализована концепция создания и дальнейшего функционирования технико-внедренческих, промышленно-производственных, туристско-рекреационных и портовых особых зон³⁰. Но, к сожалению, данная региональная политика была задекларирована, но ощутимых результатов, так и не принесла. Необходимо отметить успешный опыт реализации только таких промышленно-производственных зон, как «Алабуга» в Татарстане, зона в Липецкой области, созданных за период 2007-2008 гг. Таким образом, одна из форм региональной политики поляризованного развития по созданию кластеров или особых зон в регионе не оказала влияние на ликвидацию диспропорциональных тенденций в пространственной организации экономики.

Значительное влияние на российскую региональную политику в первое десятилетие XXI в. оказал геополитический фактор пространственного развития. Были сформированы приоритеты региональных проектов в соответствии с наиболее важными геополитическими направлениями: Дальний Восток и республики Северного Кавказа. В 2000-е гг. в рамках реализации выравнивающей и стимулирующей региональной политики обсуждались проекты и были совершены безуспешные попытки реализации по стимулированию пространственного социально-экономического развития слабозаселённых субъектов федерации на Дальнем Востоке. В условиях распространения среди российской общественности доводов о китайской угрозе, региональные программы по развитию российских дальневосточных регионов были наиболее актуальными. Но запланированная инвестиционная поддержка не была реализована, в связи с признанием неэффективности инструментов выравнивающей и стимулирующей региональной политики.

²⁸ Концепция Стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации (The Concept of the Strategy of Social and Economic Development of the Regions of the Russian Federation). Режим доступа: <http://www.minregion.ru>

²⁹ Зубаревич Н.В. Развитие российского пространства: барьеры и возможности региональной политики // Мир новой экономики. 2017. № 2. С. 46-57. [Zubarevich, N.V. Razvitie rossijskogo prostranstva: bar'ery i vozmozhnosti regional'noj politiki (Development of the Russian space: Barriers and Opportunities for Regional Policy) // *Mir novoj jekonomiki*, 2017, No. 2, p. 47.]

³⁰ Устинович Е.С. Актуальные проблемы региональной экономической политики в Российской Федерации // Инновации и инвестиции. 2020. № 3. С. 329. [Ustinovich, E.S. Aktual'nye problemy regional'noj jekonomicheskoy politiki v Rossijskoj Federacii (Actual Problems of Regional Economic Policy in the Russian Federation) // *Innovacii i investicii*, 2020, No. 3, p. 329.]

Перераспределение бюджетных средств в виде финансовых трансфертов позволило пережить кризис 2009 г. В целом, период 2001-2010 гг. характеризуется усилением явлений неравномерности регионального развития в России.

В Китае, также, как и в России первое и второе десятилетие XXI в. в истории региональной политики отмечается как период продолжения борьбы с тенденциями диспропорциональности социально-экономического развития регионов. Определяющими факторами пространственного развития в КНР, как и в РФ, начинают выступать геополитический фактор и стремление к экономическому росту крупных опорных регионов Западного, Центрального, Северо-Восточного и Восточного Китая в рамках реализации новых глобальных проектов регионального развития. Положительные результаты реализации скоординированной стратегии регионального развития в КНР, были закреплены под обновленные приоритеты пространственного развития в 2012 г. XVIII Всекитайский съезд КПК (8-15 ноября 2012 г.) подчеркнул важность региональных проектов, повышающих конкурентоспособность промышленно-производственных комплексов Восточного, Северо-Восточного, Центрального и Западного регионов КНР³¹. В целом третий этап трансформации китайской региональной политики в условиях неравномерности развития регионов приходится на период с 2012 г. по настоящее время, когда был провозглашен переход к обновленной скоординированной стратегии пространственного развития. Региональная политика китайского правительства по формированию сбалансированной структуры регионального экономического роста с 2012 г. реализовывалась в рамках таких глобальных приоритетных проектов, как «Один пояс – один путь», скоординированное развитие района Пекин-Тяньцзинь-Хэбэй и разви-

тие экономического пояса реки Янцзы³². Данные проекты учитывали общестратегические социально-экономические ориентиры развития китайского общества, геополитические факторы региональной политики КНР. Координация в развитии Восточного, Центрального и Западного Китая осуществлялась через механизм межрегионального сотрудничества как между данными крупными регионами, так и между провинциями, городами, уездами внутри регионов. Эффективность региональной политики КНР по ликвидации тенденций неравномерного социально-экономического развития регионов достигалась за счет использования сравнительных преимуществ, начиная от выгодного геополитического расположения; наличия полезных ископаемых; развитости транспортно-логистической системы; высокого уровня промышленного и сельскохозяйственного развития; наличия высококвалифицированной рабочей силы.

Третий этап в истории регионального развития современной России, также, как и в КНР приходится на период второго десятилетия XXI в. Для данного периода характерно совмещение реализации инструментов как выравнивающей, стимулирующей региональной политики, так и поляризованной политики в отношении стимулирования развития опорных российских регионов. Как и в Китае, так и в России, третий этап трансформации региональной политики в условиях неравномерности развития регионов осуществлялся в рамках реализации глобальных региональных проектов, которые способствовали повышению показателей экономического роста отдельных регионов. Одним из успешных направлений стимулирующей региональной политики РФ в 2010-е гг. стала реализация крупномасштабных проектов за счет значительных финансовых трансфертов из федерального бюджета. Региональное развитие отдельных субъектов федерации было простимулировано в результате запланированных на федеральном уровне глобальных мероприятий. Так, например, рост показателей социально-экономического регионального развития республики Татарстан был

³¹ 张荐华. 中国改革开放40年中的区域经济发展不平衡问题与对策研究 [Чжан Цзяньхуа. Исследование несбалансированного регионального экономического развития и контрмер в 40-летие политики реформ и открытости Китая] // 当代经济管理. 2019. 1673-0461 期. 页.136.

³² 王蕴慧. 我国地区发展不平衡现状及原因浅析 [Ван Юньхуэй. Анализ текущей ситуации и причины несбалансированного развития в Китае] // 社科学论. 2016. 页. 155.

вызван увеличением доли финансовой помощи из федерального бюджета на подготовку и проведение празднования тысячелетия Казани, а в дальнейшем проведение Универсиады в Казани. Только за 2010 г. объём федеральных трансфертов составил 35-37% от всех бюджетных доходов республики Татарстан³³. В 2011 г. в рамках подготовки к проведению саммита АТЭС в Приморский край были перечислены финансовые трансферты в объёме 12%. В 2013 г. из федерального бюджета было переведено 13% инвестиционной поддержки администрации Краснодарского края в рамках подготовки к проведению зимних Олимпийских игр в Сочи³⁴. Реализация данных проектов предполагала дальнейшее поступательное движение регионального развития, направленное на социально-экономический рост показателей по всему региону. К сожалению, данные проекты относительно на время улучшили показатели инвестиционной привлекательности рассматриваемых регионов. В целом, на третьем этапе регионального развития современной России по-прежнему определяющую роль играл геополитический фактор пространственного положения. Приоритетность дальневосточного и северо-кавказского направления была подтверждена созданием на административном уровне ведомств, курирующих стимулирующую и выравнивающую региональную политику. Так, в 2012 г. было образовано министерство по развитию Дальнего Востока, а в 2014 г. было заявлено о создании министерства по делам Северного Кавказа и Крыма. Программы пространственного развития осуществлялись с помощью инструментов выравнивающей и стимулирующей политики, за счет перераспределения финансовых трансфертов федерального бюджета. Для реализации краткосрочных программ регионального развития данные меры принесли ощутимый результат и по многим показателям рост неравномерности социально-экономического

развития регионов был приостановлен. Но на долгосрочную перспективу использование данных мер было недостаточно. Диспропорциональность регионального развития в России усугубилась в условиях финансового кризиса 2014 г. В период с 2012 по 2017 гг. субъектами федерации были накоплены значительные долги, из-за обязательств по выполнению указов Президента РФ от 2012 г. Регионы России накопили суммарный долг 2,6 трлн рублей на 1 января 2017 г. и вступили в затяжной кризис, который усугубила общая диспропорциональность пространственной организации экономики³⁵. В сложившихся условиях выравнивающая региональная политика не смогла обеспечить решение проблем неравномерности социально-экономического развития регионов. Вызванные региональным неравенством межрегиональные различия усилились в условиях сокращения ресурсов для перераспределения финансовых трансфертов. В условиях обострения проблем неравномерности социально-экономического регионального развития, оживления дискуссии среди экспертов по пространственному развитию России и обсуждения крайней необходимости пересмотра эффективности выравнивающей, стимулирующей и поляризованной региональной политики в феврале 2019 г. была принята Стратегия пространственного развития РФ до 2025 г.³⁶. Данная стратегия символизировала пересмотр концепции управления региональным развитием России, опираясь на исторический опыт использования инструментов выравнивающей, стимулирующей и поляризованной региональной политики с 1991 г. по настоящее время.

В настоящее время, несмотря на достигнутые успехи в использовании различных инструментов региональной политики за период трехэтапной трансформации системы мер по стимулированию пространственного развития регионов, неравномерность

³³ Официальный сайт Росстата. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/nauka/minnov-1.htm

³⁴ Социально-экономическое положение России. стат. сб. / Росстат. М., 2016. С. 277. [Social'no-jekonomicheskoe polozhenie Rossii (Socio-Economic Situation in Russia). Moscow: Rosstat, P. 277.]

³⁵ Долг регионов и муниципалитетов (Debt of Regions and Municipalities). Режим доступа: <http://tass.ru/ekonomika/4021560>

³⁶ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. (The Strategy of Spatial Development of the Russian Federation for the Period up to 2025). Режим доступа: <http://tass.ru/ekonomika/4021560>

социально-экономического регионального развития сохраняется как в России, так и в Китае, только с разной степенью интенсивности. В отдельных субъектах РФ относительным центром экономического роста выступают крупные мегаполисы, которые, к сожалению, не становятся потенциалом регионального развития для всей остальной территории отдельного российского региона. В КНР региональная политика также стимулирует рост крупных городских агломераций, но при этом региональное развитие близлежащей территории основано на выявлении сравнительных преимуществ и эффективном использовании данных преимуществ, при поддержке государства, а также повышения инвестиционной привлекательности для частного бизнеса, тем самым постепенно достигается экономический рост данной территории. Как и в России, так и в Китае, значительное влияние на пространственное развитие территории оказывает миграция рабочей силы. В современной России высококвалифицированные трудовые ресурсы мигрируют в крупные города, в целях реализации своих навыков и умений и получения достойной оплаты труда. Одним из крупных макрорегионов России является Москва и Московская область, выступающая центром притяжения трудовых ресурсов. В Китае, несмотря на успешные результаты реализации региональных проектов по развитию Центрального, Северо-Восточного, Западного регионов КНР, сохраняются тенденции миграции высококвалифицированных кадров, особенно из северо-восточных провинций, в крупные мегаполисы Восточного Китая.

В течение всего третьего этапа регионального развития России (2010-2020 гг.) среди экспертов, аналитиков в области регионального развития высказывались различные точки зрения относительно перспектив стимулирования экономического роста российских регионов. Мы считаем, что одним из важных способов решения проблем неравномерности пространственного развития является сбалансированное привлечение во все регионы не только государственных инвестиций, но и частных капиталовложений, осуществление проектов по развитию региональной инфраструктуры необходимо

проводить совместно при поддержке государства и заинтересованности частного бизнеса. При этом нужно осуществлять прогностическую аналитическую деятельность, направленную на разработку сценариев регионального развития, в целях минимизации рисков социально-экономических модернизационных изменений в регионах. В интересах сохранения территориальной целостности страны и уменьшения количества депрессивных, отсталых регионов необходимо проводить такую региональную политику, которая бы позволила создать несколько крупных макрорегионов в стране с развитым социально-экономическим потенциалом, способным интегрировать силу экономического роста на окружающие близлежащие территории данного региона и соседних регионов. В Китае также ключевую роль в осуществлении региональной политики по ликвидации тенденций неравномерного социально-экономического развития регионов и определения перспектив трансформации системы мер по развитию регионов играет роль экспертов, аналитиков пространственного развития. Они, опираясь на исторический опыт регионального развития КНР с момента основания республики в 1949 г., а также исторический и научно-практический опыт развитых экономических стран мира, предлагают различные варианты соработки и использования инструментов региональной политики, привлечения мер государственной поддержки, частных инвестиций, гармонизации и координации целей регионального развития крупных регионов, как с общей стратегией пространственного развития, так и с задачами по использованию сравнительных преимуществ в развитии провинций, городских и сельских районов.

Выводы

Выделяя сравнительные характеристики основных тенденций исторической трансформации региональной политики России и Китая, необходимо отметить, что система региональных мероприятий, направленных на ликвидацию неравномерного регионального развития, прошла во многом схожие, но все же различные пути. Основным фактором, усилившим неравномерность регионально-

го социально-экономического развития и в Китае, и в России выступил переход к использованию в рамках пространственного развития инструментов рыночных отношений. В процессе трансформации региональной политики современной России и Китая можно выделить несколько основных этапов. В России: первый этап стимулирующей и выравнивающей региональной политики (1991-2000); второй этап перехода от выравнивающей к поляризованной региональной политике (2000-2010); третий этап сочетания инструментов стимулирующей, выравнивающей и поляризованной региональной политики (2010 – настоящее время). В Китае: первый этап реализация инструментов региональной политики в рамках несбалансированной стратегии регионального развития (1978-1999); второй этап применения в региональной политике комплекса мер стратегии скоординированного регионального развития (1999-2012); третий этап полицентрической региональной политики в рамках обновленной стратегии скоординированного регионального развития (2012 – настоящее время). Ключевыми инструментами региональной политики России и Китая по ликвидации внутренней неравномерности в развитии регионов на разных этапах региональной истории являлись проекты по усилению отдельных опорных регионов, привлечения различных видов государственной поддержки пространственного развития. Если в России финансовые трансферты государственной поддержки являлись основным средством решения проблем регионального неравенства, то в Китае система мер по развитию регионов включала также частные инвестиции. Характерной особенностью пространственного развития РФ и КНР в целях борьбы с диспропорциональными тенденциями в положении регионов являлась подготовка при участии экспертного сообщества стратегий пространственного развития. Только в КНР данные стратегии соотносились с общегосударственными целями по достижению к 2049 г. Китаем уровня развитых стран мира с одной стороны, а с другой стороны по эффективному использованию сравнительных преимуществ отдельных провинций, городов и т.д. В России опыт по разработке стратегий пространственного

развития ориентировался на текущее положение дел в развитии сырьевой экономики, создании опорных регионов-«локомотивов» роста.

К перспективным направлениям сравнительно-исторического исследования трансформации региональной политики России и Китая в условиях неравномерности регионального развития в современный период времени относится более детальное изучение нормативно-правовых актов, программных документов, отражающих китайскую и российскую стратегии пространственного развития, а также проведение сравнительно-сопоставительного анализа данных официальной статистики РФ и КНР, освещение позиции российских и китайских СМИ по различным вопросам скоординированного и устойчивого регионального развития.

Литература:

- Воскресенский А.Д. Подъем Китая и его влияние на мировой и региональные порядки: сравнительный анализ. Материалы круглого стола // Сравнительная политика. 2020. № 2. С. 97-122.
- Гранберг А.Г. Многорегиональные системы: экономико-математическое исследование. Новосибирск: Сибирское научное издательство, 2007. 371 с.
- Зубаревич Н.В. Развитие российского пространства: барьеры и возможности региональной политики // Мир новой экономики. 2017. № 2. С. 46-57.
- Кузнецова О.В. Экономическое развитие регионов: теоретические и практические аспекты государственного регулирования. М.: КомКнига, 2005. 304 с.
- Лексин В.Н. Государства и регионы. Теория и практика государственного регулирования территориального развития. М.: Эдиториал УРСС, 2003. 386 с.
- Мельников Р.М. Проблемы теории и практики государственного регулирования экономического развития регионов. М.: Изд-во РАГС, 2006. 199 с.
- Устинович Е.С. Актуальные проблемы региональной экономической политики в Российской Федерации // Инновации и инвестиции. 2020. №3. С. 329-331.
- Экономическое развитие регионов: опыт России и Китая / под науч. рук. В. А. Ильина, А. А. Шабуновой, К. А. Гулина, Д. Мао. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2017. 402 с.
- 吴三忙. 中国地区经济差距演变特征及其形成结构分解 (1978-2007) [У Саньсян. Эволюционные характеристики регионального экономического разрыва Китая и его структурная декомпозиция (1978-2007 гг.)] // 贵州社会科学. 2010. 103-109页.
- 周喆. 中国地区间经济发展不平衡 [Чжоу Чжэ. Несбалансированное экономическое развитие между регионами Китая] // 山西财经大学学报. 2012. 20-28页.
- 夏万军. 我国区域经济发展不平衡性研究 [Ся Ваньцзюнь. Исследование дисбаланса регионального экономического развития в Китае] // 安徽师范大学学报. 2018. 111-121页.
- 张荐华. 中国改革开放40年中的区域经济发展不平衡问题与对策研究 [Чжан Цзяньхуа. Исследование

несбалансированного регионального экономического развития и контрмер в 40-летие политики реформ и открытости Китая] // *Contemporary Economic Management*. 2019. 1673-0461. 期. 页. 132-141.

王小鲁. 中国地区差距的变动趋势和影响因素 [Ван Сяолу. Тенденции и факторы, влияющие на региональные различия в Китае] // *Economic Research*. 2004. 33-44 页.

王蕴慧. 我国地区发展不平衡现状及原因浅析 [Ван Юньхуэй. Анализ текущей ситуации и причины несбалансированного развития в Китае] // *Social Science*. 2016. 155-156 页.

王锋. 中国的制度变迁与经济发展不平衡: 1978-2005 [Ван Фэн. Институциональные изменения в Китае и несбалансированное экономическое развитие: 1978-2005 гг.] // *Chongqing*. 2007. 页.

肖金成. 从区域非均衡发展到区域协调发展 - 中国区域发展40年 [Сяо Цзиньчэн. От несбалансированного регионального развития к скоординированному региональному развитию - 40 лет регионального развития Китая] // *Regional Economic Review*. 2019. 1 期. 页. 13-24.

肖金成. 从区域非均衡发展到区域协调发展 - 中国区域发展40年 [Сяо Цзиньчэн. От несбалансированного регионального развития к скоординированному региональному развитию - 40 лет регионального развития Китая] // *Regional Economic Review*. 2019. 1 期. 页. 13-24. 吴三忙. 中国地区经济差距演变特征及其形成结构分解 (1978-2007) [У Саньсян. Эволюционные характеристики регионального экономического разрыва Китая и его структурная декомпозиция (1978-2007 гг.)] // *Guizhou Social Science*. 2010. 103-109.

许秋霞. 中国区域经济发展不平衡问题研究综述 [Сюй Цюся. Краткое изложение исследований дисбаланса регионального экономического развития в Китае] // *Human Resource Management*. 2017. 4 期. 页. 310-311.

赵蛟龙. 区域发展战略对区域经济差距的影响分析 [Чжао Цзяолун. Анализ влияния стратегии регионального развития на региональное экономическое неравенство]. 北京, 2015. 331 页.

辉煌70年: 新中国经济社会发展成就: 1949-2019. [Славные 70 лет: достижения экономического и социального развития Нового Китая: 1949-2019]. 北京: 中国统计出版社. 2019. 页. 88.

陈长石. 中国省际发展不平衡场因及文化群析 [Чэнь Чанши. Анализ причин неравномерности регионального развития в провинциях Китая] // *Quantity Economic Technology Economic Research*. 2015. 58-73 页.

References:

Granberg, A.G. *Mnogoregional'nye sistemy: jekonomiko-matematicheskoe issledovanie* (Multiregional Systems: Economic and Mathematical Research). Novosibirsk: Siberian Scientific Publ. House. 2007. 371 p.

Kuznetsova, O.V. *Jekonomicheskoe razvitie regionov: teoreticheskie i prakticheskie aspekty gosudarstvennogo regulirovaniya* (Economic Development of Regions: Theoretical and Practical Aspects of State Regulation). Moscow: KomKniga, 2005. 304 p.

Leksin, V.N.; Shvecov, A.N. *Gosudarstva i regiony. Teorija i praktika gosudarstvennogo regulirovaniya territorial'nogo razvitiya* (States and Regions. Theory and Practice of State Regulation of Territorial Development). Moscow: Jeditorial URSS, 2003. 386 p.

Mel'nikov, R.M. *Problemy teorii i praktiki gosudarstvennogo regulirovaniya jekonomicheskogo razvitiya regionov* (Problems of Theory and Practice of

State Regulation of Economic Development of Regions). Moscow: Publishing house of RAGS, 2006. 199 p.

Ustinovich, E.S. *Aktual'nye problemy regional'noj jekonomicheskoy politiki v Rossijskoj Federacii* (Actual Problems of Regional Economic Policy in the Russian Federation) // *Innovacii i investicii*, 2020, No. 3, pp. 329-331.

Voskressenski, A.D. *Podjom Kitaja i ego vlijanie na mirovoj i regional'nye porjadki: sravnitel'nyj analiz. Materialy kruglogo stola* (The Rise of China and Its Impact on World and Regional Orders: A Comparative Analysis. Round Table Materials) // *Comparative Politics Russia*, 2020, No. 2, pp. 97-122. Ekonomicheskoe razvitie regionov: opyt Rossii i Kitaja (Economic Development of Regions: the Experience of Russia and China). Ed. by V.A. Ilyin, A.A. Shabunova, K.A. Gulina, D. Mao. Vologda: ISERT RAN, 2017. 402 p.

Zubarevich, N.V. *Razvitie rossijskogo prostranstva: bar'ery i vozmozhnosti regional'noj politiki* (Development of the Russian Space: Barriers and Opportunities for Regional Policy) // *Mir novoj jekonomiki*, 2017, No. 2, pp. 46-57.

吴三忙. 中国地区经济差距演变特征及其形成结构分解 (1978-2007) [У Саньсян. Эволюционные характеристики регионального экономического разрыва Китая и его структурная декомпозиция (1978-2007 гг.)] // *Guizhou Social Science*. 2010. 103-109 页.

周喆. 中国地区间经济发展不平衡 [Чжоу Чжэ. Несбалансированное экономическое развитие между регионами Китая] // *Shanxi Finance University Journal*. 2012. 20-28 页.

夏万军. 我国区域经济发展不平衡性研究 [Ся Ваньцзюнь. Исследование дисбаланса регионального экономического развития в Китае] // *Anhui Normal University Journal*. 2018. 111-121 页.

张荐华. 中国改革开放40年中的区域经济发展不平衡问题与对策研究 [Чжан Цзяньхуа. Исследование несбалансированного регионального экономического развития и контрмер в 40-летие политики реформ и открытости Китая] // *Contemporary Economic Management*. 2019. 1673-0461. 期. 页. 132-141.

王小鲁. 中国地区差距的变动趋势和影响因素 [Ван Сяолу. Тенденции и факторы, влияющие на региональные различия в Китае] // *Economic Research*. 2004. 33-44 页.

王蕴慧. 我国地区发展不平衡现状及原因浅析 [Ван Юньхуэй. Анализ текущей ситуации и причины несбалансированного развития в Китае] // *Social Science*. 2016. 155-156 页.

王锋. 中国的制度变迁与经济发展不平衡: 1978-2005 [Ван Фэн. Институциональные изменения в Китае и несбалансированное экономическое развитие: 1978-2005 гг.] // *Chongqing*. 2007. 页.

肖金成. 从区域非均衡发展到区域协调发展 - 中国区域发展40年 [Сяо Цзиньчэн. От несбалансированного регионального развития к скоординированному региональному развитию - 40 лет регионального развития Китая] // *Regional Economic Review*. 2019. 1 期. 页. 13-24.

肖金成. 从区域非均衡发展到区域协调发展 - 中国区域发展40年 [Сяо Цзиньчэн. От несбалансированного регионального развития к скоординированному региональному развитию - 40 лет регионального развития Китая] // *Regional Economic Review*. 2019. 1 期. 页. 13-24. 吴三忙. 中国地区经济差距演变特征及其形成结构分解 (1978-2007) [У Саньсян. Эволюционные характеристики регионального экономического разрыва Китая и его структурная декомпозиция (1978-2007 гг.)] // *Guizhou Social Science*. 2010. 103-109.

许秋霞. 中国区域经济发展不平衡问题研究综述 [Сюй Цюся. Краткое изложение исследований дисбалан-

са регионального экономического развития в Китае] // *Управление персоналом*. 2017. 4-й квартал. Стр. 310-311.

赵蛟龙. 区域发展战略对区域经济差距的影响分析 [Чжао Цзяолун. Анализ влияния стратегии регионального развития на региональное экономическое неравенство]. *北京*, 2015. 331-стр.

辉煌70年：新中国经济社会发展成就：1949-2019. [Славные 70 лет: достижения экономического и соци-

ального развития Нового Китая: 1949-2019]. *北京*: 中国统计出版社, 2019. 88-стр.

陈长石. 中国省际发展不平衡场因及支化群析 [Чэнь Чанши. Анализ причин неравномерности регионального развития в провинциях Китая] // *数量经济技术经济研究*. 2015. 58-73-стр.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10030

TRANSFORMATION OF THE REGIONAL POLICY OF RUSSIA AND CHINA UNDER THE CONDITIONS OF UNEQUAL DEVELOPMENT OF REGIONS (1980-2020): A COMPARATIVE HISTORICAL STUDY

Svetlana B. Makeeva

Institute of Socio-Political Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Article history: <i>Received:</i> 18.10.2020 <i>Accepted:</i> 31.05.2021	Abstract: Studying the experience of the regional policy of modern Russia and China in eliminating and leveling the disproportionate phenomena of socio-economic development of individual regions provides an opportunity to compare and determine the most effective tools and conditions for combating uneven trends in spatial development, based on a historical retrospective of the internal regional dynamics of two neighboring states. The purpose of this article is a comparative and consideration of the evolution of the regional policy of Russia and China in the context of the increasing unevenness and disproportionality of the internal regional development of the two countries in the modern period of history. The complex structure of the research involves the use of a comparative historical method, a systems approach, a retrospective method. The research is based on the texts of Russian and Chinese authors, as well as documents in Chinese. The main factor that increased the unevenness of regional socio-economic development in both China and Russia was the transition to the use of market relations instruments within the framework of spatial development. A characteristic feature of the spatial development of the Russian Federation and the PRC in order to combat disproportionate trends in the situation of the regions was the preparation of spatial development strategies with the participation of the expert community. Only in the PRC were these strategies correlated with national goals for China to achieve the level of developed countries of the world by 2049, on the one hand, and on the other hand, to effectively use the comparative advantages of individual provinces, cities, etc. In Russia, the experience in developing strategies for spatial development was guided by the current state of affairs in the development of a resource-based economy, the creation of supporting regions, “locomotives” of growth. The key instruments of the regional policy of Russia and China to eliminate internal unevenness in the development of regions at different stages of regional history were projects to strengthen individual support regions, to attract various types of state support for spatial development. If in Russia financial transfers of state support were the main means of solving problems of regional inequality, then in China the system of measures for the development of regions also included private investment. <i>Acknowledgements:</i> The research is carried out with the financial support of the RFBR grant. Project No. 20-014-00010.
About the author: Candidate of History, Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Socio-Political Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences e-mail: msbmag9581@yandex.ru	
Key words: economic history of regions; comparative analysis; Russia; China; leveling and stimulating regional policy; polycentrism; polarized regional policy; regional projects; financial transfers; regional development strategies	

Для цитирования: Макеева С.Б. Трансформация региональной политики России и Китая в условиях неравномерности развития регионов (1980-2020 гг.): сравнительно-историческое исследование // *Сравнительная политика*. 2021. № 3. С. 98-111.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10030

For citation: Makeeva, Svetlana B. Transformatsiya regional'noy politiki Rossii i Kitaya v usloviyakh neravnomernosti razvitiya regionov (1980-2020 gg.): sravnitel'no-istoricheskoye issledovaniye (Transformation of the Regional Policy of Russia and China under the Conditions of Unequal Development of Regions (1980-2020): a Comparative Historical Study) // *Comparative Politics Russia*, 2021, No. 3, pp.98-111.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10030

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10031

ЕВРАЗИЙСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ И КИТАЯ: ПРАВОВЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В РАМКАХ ДВУСТОРОННЕГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И МНОГОСТОРОННИХ ФОРМАТОВ

Анна Анатольевна Каширкина

*Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве
Российской Федерации, Москва, Россия*

Андрей Николаевич Морозов

*Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве
Российской Федерации, Москва, Россия*

Вячеслав Викторович Севальнев

*Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве
Российской Федерации, ИСАА Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия*

Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 19 сентября 2020 <i>Принята к печати:</i> 5 марта 2021	Аннотация: Статья посвящена исследованию евразийского вектора в международной политике России, включая российско-китайские отношения на современном этапе, участие в Евразийском экономическом союзе, других межгосударственных объединениях, созданных государствами Азиатско-Тихоокеанского региона. Авторами изучены и проанализированы определяющие направления и особенности российско-китайских внешнеполитических отношений, как в историческом разрезе, так и на современном этапе развития. В частности, обозначены основные периоды в развитии двусторонних отношений; проанализированы факторы, оказывавшие влияние на изменение стратегий внешнеполитического взаимодействия Российской Федерации и Китайской Народной Республики; раскрыт характер российско-китайского сотрудничества на современном этапе, охарактеризованы его роль и значение как для региональной политики, так и в свете проходящих международных процессов, в том числе в сфере международной безопасности; определены возможные риски, которые могут негативно сказаться на характере внешнеполитического взаимодействия России и Китая. В завершении исследования содержатся выводы и предложения, связанные с оценкой политического и международно-правового взаимодействия России в интеграционном треке евразийской политики.
Об авторах: <i>А.А. Каширкина</i>, к.ю.н., ведущий научный сотрудник, Отдел научного обеспечения деятельности секретариата делегации Российской Федерации в Европейской комиссии за демократию через право (Венецианской комиссии), Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации e-mail: anna-kash@yandex.ru <i>А.Н. Морозов</i>, к.ю.н., ведущий научный сотрудник отдела зарубежного конституционного, административного уголовного законодательства и международного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации e-mail: andrmor1983@yandex.ru <i>В.В. Севальнев</i>, к.ю.н., ведущий научный сотрудник отдела методологии противодействия коррупции Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации e-mail: sevalnev77@gmail.com	
Ключевые слова: евразийский вектор; внешнеполитическое сотрудничество; Азиатско-Тихоокеанский регион; Евразийский экономический союз; Китай; дипломатические отношения; международный договор; стратегическое взаимодействие; Совет Безопасности ООН	

Архитектура международной безопасности строится на различных политических парадигмах. При этом Российская Федерация в настоящее время в условиях санкционного давления и антироссийских санкций – односторонних рестрикций особенно нуждается в разноплановом и разновекторном международном сотрудничестве. При объективном закрытии одних каналов международного взаимодействия очевидны поиск и открытие новых каналов международного диалога связей и партнерств, а также повышение эффективности и придания свежих импульсов существующим форматам сотрудничества. Восточный вектор интеграции во многом может эффективно восполнить те экономические связи, которые уже на протяжении довольно длительного времени прерваны, согласно санкциям против России и контрпродуктивной политике «антироссийского лагеря».

В этой связи сотрудничество с Китайской Народной Республикой (далее – КНР, Китай) прочно вошло в число стратегических внешнеполитических приоритетов Российской Федерации, что также находит свое отражение в документах стратегического и концептуального характера¹.

¹ В частности, в Концепции внешней политики России отмечается, что «Россия продолжит наращивать всеобъемлющее, равноправное, доверительное партнерство и стратегическое взаимодействие с Китайской Народной Республикой, активно развивать сотрудничество с ней во всех областях. Совпадение принципиальных подходов двух государств к решению ключевых вопросов мировой политики рассматривается Россией в качестве одной из базовых составляющих региональной и глобальной стабильности. На этой основе Россия будет развивать внешнеполитическое взаимодействие с Китаем на различных направлениях, включая противодействие новым вызовам и угрозам, решение острых региональных и глобальных проблем, сотрудничество в международных организациях и многосторонних объединениях». Согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации – Российская Федерация развивает отношения всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия с Китайской Народной Республикой, рассматривая их как ключевой фактор поддержания глобальной и региональной стабильности.

Кроме того, площадками по поддержанию региональной безопасности можно считать те межгосударственные интеграционные объединения, где Россия, благодаря своему политическому весу и влиянию, оказывает важное воздействие на развитие международного сотрудничества. Прежде всего здесь следует обозначить Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Шанхайскую организацию сотрудничества, АТЭС, АСЕАН.

Таким образом, у Российской Федерации имеется альтернативный канал для наращивания интеграционного взаимодействия со странами-партнерами, координации внешней политики и экономического сотрудничества, который непосредственно проходит по евразийскому вектору и предполагает расширение партнерства со странами в рамках интеграционных объединений и КНР как крупнейшим внешнеполитическим игроком в условиях глобальной турбулентности и кризисности международных отношений.

Правовые основы сотрудничества

В настоящее время основным международно-правовым актом, который определяет вопросы российско-китайского сотрудничества, является Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой от 16 июля 2001 г. (далее – Договор)².

Важно подчеркнуть, что указанный Договор поощряет выстраивание генеральной линии по заключению международных договоров в различных областях и их эффективной реализации. Заключение международных договоров предусматривается на всех трех уровнях: межгосударственном, межправительственном, межрегиональном.

² Договор базируется на приверженности Сторон общепризнанным принципам и нормам международного права, сформированным согласно Уставу Организации Объединенных Наций. При этом Договор презюмирует направленность Российской Федерации и Китайской Народной Республики на долгосрочное всестороннее сотрудничество на основе дружбы, добрососедства, равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия.

тельствующим и межведомственным, что означает широкий политический и международно-правовой формат взаимодействия.

Таким образом, современные российско-китайские отношения опираются на прочную международно-правовую базу, которая состоит из межгосударственных, межправительственных и межведомственных международных договоров. При этом нельзя не отметить, что международная договорная база российско-китайских отношений весьма обширна и охватывает практически все сферы сотрудничества, включая экономику, политику, гуманитарное взаимодействие и т.д. Отдельно отметим, что первый русско-китайский договор был подписан в далеком 1689 г., и он известен в истории как Нерчинский договор. Указанный международный договор состоял только из семи статей, часть которых устанавливала согласие Российского государства на определенные уступки территории в районе бассейна реки Амур. Помимо этого, в рассматриваемом международном документе устанавливались правила, которые направлены на преодоление потенциальных столкновений в районе границ двух государств, а также устанавливалось, что стороны согласны на торговлю между подданными обеих государств³.

В настоящее время особенно важно, что КНР в условиях давления «антироссийского лагеря» в Совете Безопасности ООН при непосредственном голосовании по проектам антироссийских резолюций, не идет по пути поддержки таких документов, а вместе с Российской Федерацией использует свое право «вето» для отклонения таких предложений. Такая внешняя политика Китая не позволяет странам Запада и США сформировать политическое «кольцо» вокруг России, обличенное в виде Резолюций СБ ООН.

Как указывалось, восточный вектор

³ См. подробнее: История международных отношений и внешней политики России (1648–2017): учебник для студентов высших учебных заведений / под ред. А.С. Протопопова. 4-е изд., испр. и доп. Москва: Аспект Пресс, 2018. 444 с. [Istoriya mezhdunarodnykh otnosheniy i vneshney politiki Rossii (1648–2017) (History of International Relations and Foreign Policy of Russia (1648–2017)) / ed. by A.S. Protopopov. Moscow: Aspekt Press, 2018. 444 p.].

российской политики преломляется и в Азиатско-Тихоокеанском регионе, причем не только непосредственно как государства, но и по линии участия в деятельности межгосударственных объединений, в частности Евразийского экономического союза.

Исторически Азиатско-Тихоокеанский регион является важнейшей зоной преломления политических, экономических и иных интересов многих государств мира. Развитие Азиатско-Тихоокеанского региона также является приоритетом реализации программы ООН, включая созданную под ее эгидой Экономическую и социальную комиссию ООН для Азии и Тихого океана (далее – ЭСКАТО). В целом, Азиатско-Тихоокеанский регион (далее – АТР) является важным направлением сотрудничества для региональных и субрегиональных межгосударственных объединений, и форумов, включая Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (далее – АТЭС), Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (далее – АСЕАН), Шанхайскую организацию сотрудничества (далее – ШОС).

Как справедливо отмечают ученые⁴, Азиатско-Тихоокеанский регион открывает для России новые горизонты и возможности по сотрудничеству с партнерами Евразийского вектора и Китайской инициативы «Один пояс – один путь». Важно, что данные интеграционные процессы будут протекать с привлечением площадки Евразийского экономического союза, расширения Единого экономического пространства за пределы территории ЕАЭС и выстраивания новых глобальных связей в экономике⁵. Конечно, нельзя не отметить, что

⁴ См. подробнее: Севальнев В.В., Черепанова Е.В. Китайский вектор в современной внешней политике России: политико-правовой аспект // Сравнительная политика. 2020. Т. 11. № 1. С. 32–43. [Sevalnev, V.V.; Cherepanova, E.V. Kitayskiy vektor v sovremennoy vneshney politike Rossii: politiko-pravovoy aspekt (The Chinese Vector in Modern Russian Foreign Policy: Political and Legal Aspect) // *Comparative Politics Russia*, 2020, No. 1, pp. 32–43.]

⁵ См.: Государственно-правовые основы ускоренного развития Дальнего Востока России: монография / Л.В. Андриченко, М.М. Баранчикова, К.М. Беликова и др.; отв. ред.

взаимодействие с государствами Азиатско-Тихоокеанского региона не исключает рисков и угроз, проистекающих из сохраняющихся из сохраняющихся противоречий различного характера. Наличие регионального соперничества между крупнейшими политическими и экономическими акторами Азиатско-Тихоокеанского региона также является одной из угроз развития сотрудничества и взаимодействия государств в данном регионе. Однако следует опираться и на явную заинтересованность государств в развитии широкого спектра взаимодействия по самым различным вопросам с опорой на международно-правовые механизмы⁶. В целях вопросов экономического, политического, гуманитарного характера и формулирования ответов на возникающие вызовы и угрозы в Азиатско-Тихоокеанском регионе становится очевидной необходимость дальнейшего совершенствования форматов и способов многостороннего сотрудничества по всему спектру центральноазиатских проблем⁷.

Ю.А. Тихомиров. М.: ИЗиСП, 2018. 301 с. [Gosudarstvenno-pravovyye osnovy uskorenno razvitiya Dal'nego Vostoka Rossii (State Legal Basis for the Accelerated Development of the Russian Far East): monografiya / L.V. Andrichenko, M.M. Baranchikova, K.M. Belikova et al.; ed. by Yu.A. Tikhomirov. Moscow. 2018. 301 p.]

⁶ См.: Глобализация и интеграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе (правовое и экономическое исследование): монография / Н.М. Бевеликова, Н.Г. Дорони-на, О.О. Журавлева и др.; под ред. Т.Я. Хабриевой. М.: ИЗиСП, ИНФРА-М, 2014. 333 с. [Globalizatsiya i integratsionnyye protsessy v Aziatsko-Tikhookeanskom regione (pravovoye i ekonomicheskoye issledovaniye) (Globalization and Integration Processes in the Asia-Pacific Region (Legal and Economic Study) / N.M. Bevelikova, N.G. Doronina, O.O. Zhuravleva et al.; ed. by T.Ya. Khabriyeva. Moscow. 2014. 333 p.]

⁷ См.: Шанхайская организация сотрудничества: новые приоритеты развития: монография / Т.Я. Хабриева, О.И. Тиунов, Н.М. Бевеликова и др.; отв. ред. Т.Я. Хабриева. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2015. 304 с. [Shankhayskaya organizatsiya sotrudnichestva: novyye priority razvitiya (Shanghai Cooperation Organization: New Development Priorities): Monografiya /

В то же время потенциал Азиатско-Тихоокеанского региона в настоящее время не в полной мере используется Российской Федерацией для реализации национальных интересов в этом важнейшем регионе.

Сегодня АТР является наиболее динамично развивающимся, с далеко не исчерпанными потенциальными возможностями углубления взаимовыгодного сотрудничества для многих государств, в том числе, и для Российской Федерации, поскольку, прежде всего, АТР является площадкой тесного конкурирования интересов государств для привлечения иностранных инвестиций, развития межгосударственного сотрудничества в сфере наукоемких технологий и увеличения доли производящего за счет модернизации сектора экономики отдельных государств. По всем трем указанным направлениям в рамках АТР государствами ведутся активные действия, в том числе, направленные на получение доступа к рынкам, привлечению инвестиций, продвижению национальных интересов. В то же время выстраивание активной созидательной платформы для развития международного сотрудничества в АТР отвечает интересам Российской Федерации и, прежде всего, направлено на планомерное и поэтапное развитие российского Дальнего Востока.

Наряду с этим необходимо стремиться к большей международно-правовой сбалансированности участия Российской Федерации в межгосударственные интеграционные объединения различного формата, для чего, несомненно, требуется как усиление механизма взаимной координации различных межгосударственных институтов, так и модернизация российского законодательства, направленного на реализацию различных актов, принимаемых органами международных организаций.

Евразийский экономический союз, созданный на базе ранее действовавших объединений ЕврАзЭС и Таможенного союза согласно Договору о Евразийском экономическом союзе 29 мая 2014 года, включает в себя пять государств: Российскую Федера-

T.Ya. Khabriyeva, O.I. Tiunov, N.M. Bevelikova et al.; ed. by T.Ya. Khabriyeva. Moscow. 2015. 304 p.]

цию, Республику Беларусь Республику Армения, Республику Казахстан и Киргизскую Республику. При этом ЕАЭС обладает правом принимать юридически обязательные решения в отношении своих государств-членов, однако зачастую имплементация решений, принимаемых органами ЕАЭС, происходит не так эффективно, в том числе, принимая во внимание различные внешне-политические факторы.

В то же время по сравнению со своими предшественниками – ЕврАзЭС и Таможенным союзом, – у ЕАЭС есть еще один немало важный международно-правовой и внешнеполитический аспект, а именно: наличие международной правосубъектности, которая позволяет ЕАЭС участвовать непосредственно в международных отношениях, включая право заключать от имени организации международные договоры⁸.

Так, с момента преобразования из Таможенного союза в Евразийский экономический союз (ЕАЭС), ЕАЭС проявляет активное внимание к развитию сотрудничества со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Подтверждением тому являются как международные договоры, заключенные от имени ЕАЭС и его государств-членов, так и иные акты, не являющиеся международными договорами, но имеющие важное значение для стратегического развития российско-азиатских отношений по многим ключевым вопросам.

С точки зрения правовой характеристики развития международно-правовой базы по вопросам сотрудничества в АТР можно выделить те международные договоры, заключенные со странами, входящими в АТР, где Евразийский экономический союз реализо-

вал впервые предусмотренную в Договоре о ЕАЭС международную правосубъектность. Таким образом, в политике Российской Федерации последнего десятилетия очевидно формирование отдельного вектора в рамках евразийской интеграции, направленного непосредственно на развитие международного сотрудничества в рамках АТР.

Стратегически заложенная международно-правовая база ЕАЭС позволяет динамично развиваться этому межгосударственному объединению, что подтверждается объективными показателями, включая заинтересованность государств АТР в сотрудничестве с ЕАЭС как с межгосударственным интеграционным объединением⁹. В этой связи нельзя не отметить, что Евразийским экономическим союзом заключены соглашения с Китайской Народной Республикой, Социалистической Республикой Вьетнам, Исламской Республикой Иран, Сингапуром¹⁰.

⁹ Так, еще в 2016 г. в Плане действий Евразийской экономической комиссии по реализации приоритетов казахстанского председательства, изложенных в обращении Президента Республики Казахстан Назарбаева Н.А. к главам государств-членов Евразийского экономического союза, подчеркивалась важность сопряжения Евразийского экономического союза и инициативы по строительству Экономического пояса Шелкового пути, углубления сотрудничества с Шанхайской организацией сотрудничества и Европейским Союзом. Кроме того, 7 декабря 2017 г. проведено Совещание министров транспорта государств-членов Союза с участием заместителя министра транспорта КНР Дай Дунчана. На встрече прошло обсуждение общих подходов по сопряжению Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП). Государства-члены предложили к рассмотрению 38 совместных проектов в области транспорта, претендующих на софинансирование Китая. Проекты имеют целью наладить сквозную логистику между Китаем, Евразийским экономическим союзом и Европейским союзом и по сопутствующим маршрутам, дополняющим основные транспортные коридоры Евразии: Западная Европа – Западный Китай, Север – Юг, Восток – Запад и Северный морской путь.

¹⁰ Кроме того, следует отметить Соглашение об обмене информацией о товарах и транспортных средствах международной перевозки, перемещаемых через таможенные границы Евразийского экономического союза и Китай-

⁸ См. подробнее: Каширкина А.А., Морозов А.Н. Европейский опыт продвижения гуманитарных ценностей для развития евразийской интеграции: будущие ориентиры // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 2. С. 149-169. [Kashirkina, A.A.; Morozov, A.N. Yevropeyskiy opyt prodvizheniya humanitarnykh tsennostey dlya razvitiya yevraziyskoy integratsii: budushchiye oriyentiry (European Experience in Promoting Humanitarian Values for the Development of Eurasian Integration: Future Guidelines) // *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, 2018, No. 2, pp. 149-169.].

Восточный вектор развития в ЕАЭС проявляется также в институциональной работе: Совет по промышленной политике ЕАЭС взаимодействует с Экономическим поясом Шелкового пути. Тем самым налаживается координация и кооперация в рамках сопряжения процессов построения Союза и Экономического пояса Шелкового пути, что является стратегически важным направлением для ЕАЭС, а в конечном счете – и для политики Российской Федерации.

В рамках предлагаемого исследования интересным представляется взаимодействие КНР с Белоруссией. Например, созданный на китайские инвестиции и расположенный недалеко от Минска индустриальный парк «Великий камень» (*Great Stone*) представляет собой крупный инфраструктурный проект в рамках глобальной китайской инициативы «Один пояс – один путь», а именно – ее составной части, называющейся «Новый Евразийский сухопутный мост» (*New Eurasian Land Bridge*). Проект «Великий камень» включает высокотехнологичные производственные мощности в различных секторах электроники, химии, машиностроения, современных материалов, IT и биотехнологий, а также бизнес-платформы и логистические центры. Все это создано и продолжает создаваться как специальная экономическая зона, имеющая все необходимые законодательные режимы и преференции. Реализуемый проект задуман и создается как ключевой канал реализации геоэкономической стратегии Китая в Европе. В условиях усиливающейся торговой и технологической войны между США и их союзниками с одной стороны и Китаем с другой, значение этого экономического форпоста на границе Европы и Евразийского мира возрастаеткратно. Однако стоит принимать во внимание, что у России и КНР разные интересы в Беларуси, а Республика Беларусь является совместно с Россией членами ЕАЭС, а также Союзного государства, поэтому государствам необходимо придерживаться сбалансированной политики с опорой на ранее подписанные универсальные и региональные соглашения.

В связи с тем, что под эгидой ЕАЭС,
ской Народной Республики от 6 июня 2019 г.

государствами-членами заключено значительное количество международных соглашений, реализация международной правосубъектности ЕАЭС как вектор прогрессивного развития очень важна с точки зрения укрепления интеграционной взаимосвязи стран-участниц ЕАЭС, выработки единых подходов для общего представительства на международно-правовом уровне и совместного принятия решений.

Также в этой связи нельзя не отметить, что важнейшим направлением является дальнейшее расширение членского состава ЕАЭС, включая как непосредственно принятие новых членов, так и иные формы: ассоциированное членство, государство-наблюдатель и т.д.

К примеру, без реализации международной правосубъектности Европейский Союз вряд ли стал бы тем мощным интеграционным объединением, которым он является в настоящее время. И в этом плане компаративистский анализ доказывает исключительную важность реализации международной правосубъектности международной организации или интеграционного объединения, если соответствующее положение имеется в учредительном договоре. Так, в учредительном договоре Европейского Союза в редакции Лиссабонского договора международная правосубъектность ЕС закреплена отдельной статьей.

Кроме того, универсальные ценности, заложенные под эгидой ООН, реализуются посредством взаимодействия в рамках ЭСКАТО. В частности, 17 мая 2019 г. в Нур-Султане был подписан Меморандум о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией (далее – ЕЭК) и Экономической и социальной комиссией ООН для Азии и Тихого океана, где утверждается важная роль как ЭСКАТО, так и ЕЭК в содействии экономическому и социальному и развитию Азиатско-Тихоокеанского региона путем развития регионального экономического сотрудничества, оказания поддержки в достижении согласованных на международном уровне целей устойчивого развития и содействия улучшению экономических, социальных и экологических норм.

Таким образом, на примере взаимодей-

ствия ЭСКАТО и ЕЭК мы наблюдаем «сопряжение» международного взаимодействия универсальной международной организации в лице ООН и регионального межгосударственного интеграционного объединения – Евразийского экономического союза.

Российская Федерация как государство-член ООН и как «локомотив» интеграции в рамках ЕАЭС крайне заинтересована в развитии правовой повестки по следующим направлениям в АТР, а именно: макроэкономическая политика; таможенное регулирование; торговля; транспорт; социальное развитие и трудовая миграция; информационно-коммуникационные технологии; техническое регулирование и стандартизация; защита прав потребителей; энергетика, иные сферы, представляющие интерес для стран-членов АТР.

Разумеется, развитие правового потенциала по вопросам сотрудничества государств в рамках АТР должно опираться на заключаемые по указанным направлениям международные договоры. Однако нельзя недооценивать роль «мягкого» права, включая заключение меморандумов, принятие деклараций, совместных заявлений и других документов, не являющихся международными договорами, но формирующими дальнейшие правовые треки. Таким образом, политическая повестка тесно смыкается и переплетается с международно-правовым регулированием в плане объективации будущего развития России по различным векторам международного сотрудничества, включая евразийский.

В частности, под эгидой ЕАЭС подписаны меморандумы, не являющиеся международными договорами, но обозначающие важные тренды для развития международного сотрудничества ЕАЭС с Азиатскими странами¹¹.

¹¹ К такого рода международным документам, в частности, относятся следующие меморандумы: Меморандум о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии в области экономического сотрудничества от 14 ноября 2018 г.; Меморандум о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и Министерством торговли, промышленности и энергетики Республики

При этом значение актов «мягкого» права для развития интеграции в рамках АТР по сравнению с традиционными видами права, включая международное право, является весьма перспективным. Так, акты «*soft*» law в современных условиях позволяют:

- найти альтернативу международно-правовому регулированию за счет «мягкой» силы принимаемых решений;

- вовлечь более широкий круг акторов в поле принимаемых и реализуемого акта за счет того, что сила предписаний не носит строго обязательного характера;

- определить и наметить возможные пути для принятия международно-правового регулирования в дальнейшем, либо для продолжения неформального международного сотрудничества;

- внедрить новые сферы и объекты международного регулирования, которые в настоящее время могут не подпадать по объективным причинам под международно-правовое регулирование.

Кроме того, акты мягкого права удобны для политики различных государств ввиду их вариативности имплементации и внедрения в национальное законодательство различными путями и способами.

Таким образом, акты «мягкого» права являются своеобразными важными проводниками от волеизъявления государств в неправовой форме до заключения международного договора в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также под эгидой ЕАЭС. Этот момент является особенно важным, поскольку государства, задействованные в данных регионах, представляют собой своеобразный «треугольник» интересов: часть государств имеют европейское сопряжение, азиатское сопряжение и тихоокеанское сопряжение. Россия имеет все три «вершины» данного «треугольника», поэтому взаимодействие и с азиатскими, и с тихоокеанскими государствами для России означает еще и пригра-

Корея от 27 ноября 2015 г.; Меморандум о сотрудничестве по вопросам торговли между Евразийской экономической комиссией и Министерством коммерции Китайской Народной Республики от 6 декабря 2012 г. Также следует назвать Совместное заявление Евразийской экономической комиссии и Министерства коммерции Китайской Народной Республики от 8 мая 2015 г.

ничное сотрудничество.

Следующий важнейший трек развития международного сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе – это развитие информационно-коммуникационных технологий, в том числе в сфере международной торговли, в частности 19 мая 2016 г. в Бангкоке было подписано Рамочное соглашение об упрощении процедур трансграничной безбумажной торговли в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Участниками данного соглашения являются Азербайджан, Армения, Бангладеш, Иран, Камбоджа, Китай. Российская Федерация не является участником этого международного соглашения. Однако возможно, что данный вопрос является актуальным и представляет интерес для формирования подходов в сфере цифровизации в рамках ЕАЭС¹². В рамках цифровой повестки ЕАЭС подобные цели являются также важными и для Российской Федерации.

Важная веха в развитии интеграционного потенциала – это решение о формировании Большого Евразийского партнерства с участием государств-членов ЕАЭС, АСЕАН и ШОС. По мере формирования подобная площадка может стать определенным механизмом интеграционного взаимодействия международных организаций, какими являются ЕАЭС, АСЕАН и ШОС.

Особая роль отводится сотрудничеству государств Азиатско-Тихоокеанского региона в противодействии глобальным угрозам и вызовам: терроризму, транснациональной преступности, незаконному обороту наркотиков и оружия, нелегальной миграции и торговли людьми, обеспечению информационной безопасности, а также противодействию коррупции.

В частности, под эгидой ШОС были приняты опорные международно-правовые акты по обеспечению региональной безопасности¹³.

¹² Целью обозначенного международного договора является содействие развитию безбумажной трансграничной торговли посредством создания условий для взаимного признания документов и данных о торговле в электронной форме и обмена ими, а также посредством содействия повышению операционной совместимости национальных и субрегиональных систем единого окна.

¹³ К такого рода международно-правовым актам, в частности, относятся: Конвенция Шанхайской организации сотрудничества

АТЭС может стать эффективной международной площадкой на базе которой можно разрабатывать и совершенствовать действенные механизмы по оценке коррупционных проявлений, которые будут учитывать интересы России и Китая¹⁴. Необходимо учитывать, что в этой международной структуре также участвуют такие государства как США, Австралия, Канада, Япония. Данные государства в негативном ключе рассматривают и оценивают антикоррупционную политику, которая проводится в Российской Федерации и Китайской Народной Республике. В этой связи разработка новых и совершенствование действующих международных антикоррупционных стандартов, которые соответствовали бы интересам России и Китая, под эгидой АТЭС может столкнуться с определенными проблемами, в отличие от формата ШОС.

На саммите G20 в Ханчжоу КНР в сентябре 2016 г. было объявлено о создании в КНР специального центра по исследованию проблем противодействия коррупции и воз-

по противодействию экстремизму от 9 июня 2017 г., Соглашение о сотрудничестве и взаимодействии государств-членов Шанхайской организации сотрудничества по пограничным вопросам от 10 июля 2015 г., Соглашение о сотрудничестве между правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества в борьбе с преступностью от 11 июня 2010 г., Конвенция Шанхайской организации сотрудничества против терроризма от 16 июня 2009 г., Соглашение между Правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности от 16 июня 2009 г. и т.д.

¹⁴ В Декларации по итогам 22-й встречи лидеров экономик-участниц форума АТЭС от 11 ноября 2014 г. отмечено, что государства-члены АТЭС намерены общими усилиями бороться с коррупцией и отказывать в предоставлении убежища коррумпированным должностным лицам и полученным незаконным путем активов. Подтверждено значение укрепления сотрудничества и усиления координации по выдаче коррумпированных должностных лиц, а также изъятия доходов от коррупции путем применения антикоррупционных механизмов и платформ, например – Сеть антикоррупционных и правоохранительных органов АТЭС.

врату незаконных активов.

Удобной площадкой для проведения политических консультаций между Россией и КНР является БРИКС – неформальное межгосударственное объединение Федеративной Республики Бразилии, Российской Федерации, Республики Индии, Китайской Народной Республики и Южно-Африканской Республики. В формате данного объединения можно осуществлять поиск новых подходов и моделей в целях обеспечения геополитической безопасности, сбалансированного развития экономики, сохранения многообразия духовных и правовых культур. Вместе с тем очевидна потребность в дальнейшей разработке вопросов гуманитарного, экономического, научно-технического сотрудничества в пространстве БРИКС, укрепления международно-правовых позиций данного межгосударственного объединения¹⁵.

Заключение

В целом, при анализе роли права в развитии интеграционных процессов в Азиатско-Тихоокеанском регионе как важного фактора сотрудничества России и Китая можно сделать следующие выводы:

1. Право в развитии интеграционных процессов в Азиатско-Тихоокеанском регионе является фарватером продвижения многих современных инициатив, которые могут получить реализацию посредством заключения как международных договоров, так и за счет принятия актов «мягкого» права, которые имея «мягкую» силу, тем не менее, оказывают существенное значение как на правовое развитие государств, так и интеграционных объединений.

2. Интеграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе протекают при активном участии межгосударственных объединений, организаций, площадок и форумов, не

являющихся международными организациями. В частности, можно отметить роль таких акторов международных процессов, как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС). Взаимодействие этих акторов и их государств-членов между собой поддерживает архитектуру международной безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе способствует поддержанию региональной безопасности, своевременному обеспечению противодействия актуальным вызовам и угрозам.

3. Особо следует отметить роль Евразийского экономического союза (ЕАЭС), активно включившегося в работу по расширению интеграционных связей в Азиатско-Тихоокеанском направлении. И хотя в настоящее время в повестке ЕАЭС много программных треков по развитию международного сотрудничества с государствами АТР уже сейчас есть ряд международных договоров, заключенных со странами данного региона, где Евразийский экономический союз реализует свою международную правосубъектность. Это важное достижение для права Евразийского экономического союза.

4. Представляется, что эффект от присутствия и взаимодействия в АТР сразу нескольких важных интеграционных объединений и площадок, включая ЕАЭС, АТЭС, ШОС, АСЕАН, будет кумулятивным и нарастающим, тогда как решение международных вопросов от этого будет только выигрывать, поскольку открытость и транспарентность государств в ходе международного диалога, в том числе по противодействию современным вызовам и угрозам имеет приоритетное значение при реализации интересов наиболее широкого круга государств данного региона.

5. В то же время реализация международного права в развитии интеграционных процессов предполагает опору на национальное законодательство государств Азиатско-Тихоокеанского региона, в том числе по таким вопросам как приграничное сотрудничество, миграционная политика, таможенное регулирование, техническое регулирование, вопросы энергетики, торговли,

¹⁵ Подробнее: БРИКС: контуры многополярного мира: монография / отв. ред. Т.Я. Хабриева. М. ИД «Юриспруденция», 2015 г. 300 с. [BRICS: kontury mnogopolyarnogo mira (BRICS: the Contours of a Multipolar World): monografiya / ed. by T.Ya. Khabriyeva. Moscow: ID «Yurisprudentsiya», 2015. 300 p.]

инвестиций, экологии и т.д. Таким образом, происходит взаимное корреспондирующее влияние международного и национального права в развитии интеграционных процессов в Азиатско-Тихоокеанском регионе с учетом современных тенденций и вызовов.

6. Основы международного сотрудничества России и Китая в сфере противодействия коррупции могут базироваться на международно-правовых документах. Такие документы будут содержать, в том числе, уровень двустороннего договорного регулирования или заключаться в рамках международных организаций. Предлагаемый подход позволит объединить усилия России и Китая с привлечением экспертов и практиков, включая ведущие научные центры, для разработки научно-обоснованных механизмов оценки коррупционных проявлений. Проектируемые механизмы будут отвечать интересам обеих стран, а также содержать унифицированные международно-правовые подходы для выявления имущества, которое получено на коррупционные средства, а также посредством деятельности по легализации (отмыванию) доходов.

7. Учитывая открытость Евразийского экономического союза, его ориентированность как на Запад, так и на Восток, приоритетом евразийской интеграции является создание на площадке ЕАЭС, ШОС, АСЕАН нового диалогового партнерства, которое может приобрести контуры экономического партнерства Азиатско-Тихоокеанского региона.

8. Евразийский вектор политики, формируемый во внешнеполитическом курсе Российской Федерации, является закономерным ответом на недружественные акты со стороны стран ЕС, США, Канады и других, и способен стать альтернативным каналом как для углубления экономических связей по многим отраслям, так и важной площадкой для поддержания международной и региональной безопасности

Литература:

БРИКС: контуры многополярного мира: монография / отв. ред. Т.Я. Хабриева. М. ИД «Юриспруденция», 2015 г. 300 с.

Глобализация и интеграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе (правовое и экономическое исследование): монография / Н.М. Бевеликова, Н.Г. Доронина, О.О. Журавлева и др.; под ред. Т.Я. Хабриевой. М.: ИЗИСП, ИНФРА-М, 2014. 333 с.

Государственно-правовые основы ускоренного развития Дальнего Востока России: монография / Л.В. Андриченко, М.М. Баранчикова, К.М. Беликова и др.; отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М.: ИЗИСП, 2018. 301 с.

История международных отношений и внешней политики России (1648-2017): учебник для студентов высших учебных заведений / под ред. А.С. Протопопова. 4-е изд., испр. и доп. Москва: Аспект Пресс, 2018. 444 с.

Каширкина А.А., Морозов А.Н. Европейский опыт продвижения гуманитарных ценностей для развития евразийской интеграции: будущие ориентиры // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 2. С. 149-169.

Севальнев В.В., Черепанова Е.В. Китайский вектор в современной внешней политике России: политико-правовой аспект // Сравнительная политика. 2020. Т. 11. № 1. С. 32-43.

Шанхайская организация сотрудничества: новые приоритеты развития: монография / Т.Я. Хабриева, О.И. Тиунов, Н.М. Бевеликова и др.; отв. ред. Т.Я. Хабриева. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2015. 304 с.

References:

BRICS: kontury mnogopolyarnogo mira (BRICS: the Contours of a Multipolar World): monografiya / ed. by T.Ya. Khabriyeva. Moscow: ID «Yurisprudentsiya», 2015. 300 p.

Globalizatsiya i integratsionnyye protsessy v Aziatsko-Tikhookeanskom regione (pravovoye i ekonomicheskoye issledovaniye) (Globalization and Integration Processes in the Asia-Pacific Region (Legal and Economic Study) / N.M. Bevelikova, N.G. Doronina, O.O. Zhuravleva et al.; ed. by T.Ya. Khabriyeva. Moscow. 2014. 333 p.

Gosudarstvenno-pravovyye osnovy uskorenno go razvitiya Dal'nego Vostoka Rossii (State Legal basis for the Accelerated Development of the Russian Far East): monografiya / L.V. Andrichenko, M.M. Baranchikova, K.M. Belikova et al.; ed. by Yu.A. Tikhomirov. Moscow. 2018. 301 p.

Istoriya mezhdunarodnykh otnosheniy i vneshney politiki Rossii (1648-2017) (History of International Relations and Foreign Policy of Russia (1648-2017)) / ed. by A.S. Protopopov. Moscow: Aspekt Press, 2018. 444 p.

Kashirina, A.A.; Morozov, A.N. Yevropeyskiy opyt prodvizheniya gumanitarnykh tsennostey dlya razvitiya yevraziyskoy integratsii: budushchiye oriyentiry (European Experience in Promoting Humanitarian Values for the Development of Eurasian Integration: Future Guidelines) // Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki, 2018, No. 2, pp. 149-169.

Sevalnev, V.V.; Cherepanova, E.V. Kitayskiy vektor v sovremennoy vneshney politike Rossii: politiko-pravovoy aspekt (The Chinese Vector in Modern Russian Foreign Policy: Political and Legal Aspect) // Comparative Politics Russia, 2020, No. 1, pp. 32-43.

Shankhayskaya organizatsiya sotrudnichestva: novyye priority razvitiya (Shanghai Cooperation Organization: New Development Priorities): Monografiya / T.Ya. Khabriyeva, O.I. Tiunov, N.M. Bevelikova et al.; ed. by T.Ya. Khabriyeva. Moscow. 2015. 304 p.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10031

EURASIAN POLICY OF RUSSIA AND CHINA: LEGAL AND POLITICAL ASPECTS IN THE FRAMEWORK OF BILATERAL INTERACTION AND MULTILATERAL FORMATS

Anna A. Kashirkina

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Andrey N. Morozov

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Vyacheslav V. Sevalnev

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Institute of Asian and African Studies of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Article history: <i>Received:</i> 19.09.2020 <i>Accepted:</i> 05.03.2021	Abstract: The article is devoted to the study of the Eurasian vector in the international politics of Russia, including the Russian-Chinese relations at the present stage, participation in the Eurasian Economic Union, other interstate associations created by the states of the Asia-Pacific region. The authors have studied and analyzed the defining directions and features of Russian-Chinese foreign policy relations, both in the historical context and at the present stage of development. In particular, the main periods in the development of bilateral relations are outlined; the factors that influenced the change in the strategies of foreign policy interaction between the Russian Federation and the People's Republic of China are analyzed; the nature of Russian-Chinese cooperation at the present stage is revealed, its role and importance both for regional policy and in the light of ongoing international processes, including in the field of international security, are characterized; identified possible risks that could negatively affect the nature of foreign policy interaction between Russia and China. The study concludes with conclusions and proposals related to the assessment of the political and international legal interaction of Russia in the integration track of Eurasian policy.
About the authors: <i>Anna A. Kashirkina</i>, Candidate of Law, Leading Researcher of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation e-mail: anna-kash@yandex.ru <i>Andrey N. Morozov</i>, Candidate of Law, Leading Researcher of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation e-mail: andrmor1983@yandex.ru <i>Vyacheslav V. Sevalnev</i>, Candidate of Law, Leading Researcher of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation e-mail: sevalnev77@gmail.com	
Key words: Eurasian vector; foreign policy cooperation; the Asia-Pacific region; the Eurasian Economic Union; China; diplomatic relations; international treaty; strategic interaction; the UN Security Council	

Для цитирования: Каширкина А.А., Морозов А.Н., Севальнев В.В. Евразийская политика России и Китая: правовые и политические аспекты в рамках двустороннего взаимодействия и многосторонних форматов // Сравнительная политика. 2021. № 3. С. 112-122.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10031

For citation: Kashirkina, Anna A.; Morozov, Andrey N.; Sevalnev, Vyacheslav V. Evraziyskaya politika Rossii i Kitaya: pravovyye i politicheskiye aspekty v ramkakh dvustoronnego vzaimodeystviya i mnogostoronnikh formatov (Eurasian Policy of Russia and China: Legal and Political Aspects in the Framework of Bilateral Interaction and Multilateral Formats) // Comparative Politics Russia, 2021, No. 3, pp. 112-122.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10031

THE “POST-PANDEMIC ERA” WORLD ORDER AND RUSSIA’S STRATEGIC CHOICE

Feng Yujun

Fudan University, Shanghai, China

Article history: <i>Received:</i> 24.10.2020 <i>Accepted:</i> 03.06.2021	Abstract: The spread of COVID-19 has intensified existing global conflicts and profoundly changed the global political, economic, and security landscape since the end of the Cold War. Recently, Russian leaders and think tank experts have given in-depth consideration to the international landscape, world order, globalization process, and major-country relations in the “post-pandemic era”. They believe that as the international pattern and world order are being reshaped at an accelerating pace, Russia is facing the greatest strategic opportunity since the Crimean crisis and even the end of the Cold War. In Russia’s strategic point of view, under the new circumstances, Russia needs to reshape its foreign policy thinking, consolidate its special responsibility of the permanent members of the Security Council with the unique privileges since the founding of the United Nations, deepen Eurasian integration cooperation, skillfully manage the triangular relationship between Russia, China, and the United States, balanced relations with China by multiple forces, and strive to improve Russian-American relations.
About the author: Vice President, Second-Class Professor, Doctoral Supervisor, Institute of International Studies, Fudan University e-mail: sravnitpolit@mail.com	
Key words: Post-pandemic era; international landscape; world order; Russia; strategic choice	

The global spread of COVID-19 is like a “World War” without a single shot of fire. It not only threatens the survival of mankind and damages the world economy but also has a significant impact on the world order, profoundly changing the global political, economic, and security landscape since the end of the Cold War. In a time of great change, each country is seeing the world through its lens, assessing the impact on itself, and trying to better defend its interests.

Since the end of March 2020, the situation of the epidemic situation in Russia has deteriorated sharply, and the government has been forced to change its relaxed attitude and further strengthen the anti-epidemic efforts. At the same time, Russia’s leaders and important strategic think tank top experts gave in-depth consideration to such major issues in the “Post-COVID-19 Era” as the international landscape, world order, world economy, globalization, and relations between major countries, especially the triangular relationship between Russia, China, and the United State. The strategic

choice of Russia under the great change of the international situation has been carefully planned. The general view is that at a time when other major powers are seriously damaged and the international landscape and world order are being reshaped at an accelerating pace, Russia has the greatest strategic opportunity since the Crimean crisis and even the end of the Cold War. A comprehensive summary of Russia’s strategic analysis and thinking is helpful to accurately grasp the “Post-Pandemic Era” of Russia’s strategic direction.

International landscape and world order

In recent years, various conflicts in the international community have been deeply intertwined. The global spread of COVID-19 has become a catalyst for further intensification and thrown the international and regional order into disorder and turmoil.

The Russian strategic community has keenly observed that this disorder manifests itself in many ways. First, the common interests

of mankind have been placed behind the political and economic interests. The epidemic itself has been regarded as a favorable condition for countries to enhance their geopolitical and economic status. And countries around the world are still squabbling over temporary benefits and gains. Second, populist forces are taking the opportunity to rise, social solidarity is seriously affected, and global politics is characterized by nationalism, exclusionism, xenophobia, and disregard for international law. Third, the willingness of mankind to take collective action to meet common challenges continues to decline. The vulnerability of international organizations, including the World Health Organization, has become prominent. Many governments are facing a serious crisis of confidence, and the international community has formed a cycle of mutual distrust.¹

At the same time, the COVID-19 crisis is accelerating the transformation process of the world pattern. "The United States' global leadership is under attack and its attention is turned to domestic development, the European Union is unable to cope with the crisis and its internal conflicts are deepening, and China actively carries out global diplomacy and its nationalism continues to rise". In the future, "the world will be dominated by two competing political and economic models: liberalism represented by the West and state capitalism represented by China and Russia. China and the United States will be at the center of two major coalitions in world politics, and their deepening conflicts will have a huge impact on the entire system of international relations and the political processes of each country."²

Igor Ivanov, former Russian Foreign Minister and chairman of the International Affairs Committee said: "COVID-19 has

rapidly changed the global security system, and security issues have extended from traditional military security to epidemic diseases, climate change, migration, and other fields... The COVID-19 crisis may become a watershed in international politics. In the face of the global challenge of the epidemic, on the one hand, many political forces have called for a worldwide moratorium on conflicts and concentrated efforts to fight against pneumonia. On the other hand, some countries try to gain a comparative advantage over their traditional competitors amid the crisis, entering into endless arguments about information warfare, responsibility for the spread of the epidemic, the ability of authoritarian and democratic countries to fight the virus, and their economic models. This fully demonstrates that mankind is facing a political struggle to establish a new world order. The outcome of this struggle will depend on whether politicians can put global security ahead of their political ambitions and whether they can put international interests ahead of traditional national interests."³

There are different views in the Russian strategic community on whether the world will form a bipolar structure similar to the Cold War after the pandemic.

One view is represented by Timofey Bordachev, project director of the Valdai Club and director of the Centre for Integrated European and International Studies at the Higher University of Economics. The central idea is that a new bipolar structure, with China and the US at its center, will be the biggest risk to international politics beyond 2020. "Compared with the bipolar structure of the Cold War, the new bipolar structure that is emerging may become the premise for a world war. If the Soviet Union had spurred the development of the United States and Europe, the rise of China would be a direct threat to the West. In the new bipolar competition, China is not strong enough to be the main factor in changing the pattern and needs other allies to support it. And the

¹ КОРТУНОВ А. Коронавирус: новый баг или фича мировой политики? (Kortunov A. Coronavirus: a new bug or a feature of world politics?) Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/koronavirus-novyy-bug-ili-ficha-mirovoy-politiki/>

² Тренин Д. Как России удержать равновесие в посткризисном биполярном мире (Trenin D. How can Russia keep the balance in the post-crisis bipolar world). Режим доступа: <https://carnegie.ru/commentary/81541>

³ Ivanov, Igor. Rethinking International Security for a Post-Pandemic World. Mode of access: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/rethinking-international-security-for-a-post-pandemic-world/>

United States will do the same to woo allies,” he added.⁴

Another point of view is represented by Alexei Gromyko, Director of the European Institute of the Russian Academy of Sciences. He stressed that the current international situation is fundamentally different from that of the Cold War, and it is difficult to form a bipolar structure with China and the United States at its core: (1) The bipolar structure between the United States and the Soviet Union was not only a competition between two global power centers but also a joint effort to eliminate large-scale military confrontation and stabilize international relations. The confrontation between China and the United States will trigger many unstable factors, leading to chaos in international relations and even war. (2) Under the leadership of the United States and the Soviet Union during the cold war, the international community almost split into two independent parts. In contrast, at the present, although China and the United States cannot establish an interdependent relationship that fully conforms to the common interests of both sides, under the influence of globalization, the close ties between the two countries in various fields cannot be cut off, and it is difficult for them to become two poles of mutual isolation independently. (3) Behind the confrontation between the United States and the Soviet Union were two camps, capitalism, and socialism. However, nowadays, the traditional allies of the United States are trying to get rid of its control, and the so-called “West” no longer exists. Moreover, China has only Russia as a strategic partner, and because of the two countries’ fear of each other’s power and differences in geographical interests, an alliance between Russia and China against the US is highly unlikely. (4) Ideological confrontation is a thing of the past. Although the political systems and ideologies of China and the United States are fundamentally different, China does not rely on socialism and communism as the Soviet

Union did to demonstrate superiority, nor does it exhibit any form of messianism. Conflicts based solely on geopolitics are not enough to escalate into bloc-based bipolarity.⁵

Alexander Yakovenko, President of the Russian Foreign Affairs Institute, agrees with Gromyko that the Sino-American conflict will escalate, but that neither side has the potential to draw other countries into its rivalry. First is that China has no intention of establishing world hegemony and no desire to win over military allies. Although the relationship between Russia and China is close, they can’t ally. Second, multilateral diplomatic mechanisms will continue to exist. No country will reject the established traditional multilateral diplomatic mechanisms such as the United Nations and the G20, even if the United States may withdraw from them. Third, countries will pay more attention to their national interests, and the foundation of the new bipolar structure and its impact on global politics is very fragile.⁶

Since the collapse of the Soviet Union, Russia has been a loser of the liberal world order centered on the “Washington consensus”. Its status as a superpower has ceased to exist, its international influence has declined rapidly, and its ability to participate in global governance is insufficient. All this has left Russia feeling resentful about the existing world order and hoping that it will accelerate its restructuring and even collapse. In contrast to other countries’ concerns, the Russian strategic community has shown overwhelming excitement about the changes brought about by COVID-19. “The nature of modern world politics remains the same: it is a struggle to create a new order to replace the one that is rapidly unraveling. The era of a unipolar world and five hundred years of Western domination is coming to an end,” says Sergei Karaganov,

⁵ Громыко А. Об иллюзиях новой биполярности (Gromyko A. On the illusions of a new bipolarity). Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ob-illyuziyakh-novoy-bipolyarnosti/>

⁶ Яковенко А. Новая биполярность: кто не с нами, тот против нас (Yakovenko A. New bipolarity: whoever is not with us is against us). Режим доступа: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/novaya-bipolyarnost-ko-ne-s-nami-tot-protiv-nas/?sphrase_id=47916484

⁴ Бордачев Т. Биполярное расстройство: Какие риски несет миру переход к новой биполярной системе (Bordachev T. Bipolar Disorder: What Risks the Transition to a New Bipolar System Poses to the World). Режим доступа: <https://profile.ru/columnist/bipolyarnoe-rassstrojstvo-271423/>

honorary chairman of Russia's Foreign and Defence Policy Council.⁷

The Valdai Club published a research report, which demonstrated the profound changes in international relations from multiple aspects, such as the rise of international anarchy, the return of nationalism, and the collapse of liberal world order. The report notices how COVID-19 is tearing the international community apart and how multilateral cooperation is shrinking. The crisis in the international system has led to increased anarchy – each country will be left to its survival. The sovereign state remains the only mechanism that can be organized and act efficiently. When the economy has become truly global, politics is still on an inter-state basis and even the role of the state in the economic sphere is increasing... Stability against non-economic shocks, provided by the state rather than the market, is becoming the most important indicator of national capacity.⁸

More importantly, the temporary control measures taken by different countries in response to the outbreak have become an important basis for Russia to justify its authoritarian system. Most of the social controls once accused of being used in authoritarian states are now also popular in democracies, the report said. "Isolation reinforced by modern technology offers more possibilities for governments to develop tools to control society... Once again, the 'autocracy-democracy' dualism is false. The social organization model based on the combination of liberal democracy and market economy has not yet proved that it has absolute moral and ethical legitimacy and universality, and countries rely on their own social and cultural experiences to get out of the crisis. Every country makes policies based on its own

moral and ethical values. It is wrong to look at them on a 'right and wrong' scale. They are just different."⁹

Coincidentally, Sergei Karaganov also stressed: "No one can provide public goods except a sovereign state. The role of sovereignty is strengthened, states reject external domination, and the demand to freely choose their political, cultural, development and foreign policy orientations is increasingly urgent."¹⁰

It can be seen that this interpretation of international changes is in line with the political concepts advocated by Russia for many years, such as "sovereign democracy", "sovereignty over human rights" and "nationalism over internationalism". The Russian strategic community seems to have found important evidence for the correctness of the Russian view of national governance and international politics.

In terms of world order, the Valdai Club report asserts that "the era of liberal world order from the late 1980s to the mid-2010s is over," In the future, the international community faces two choices: either to preserve the existing most important organization (the United Nations) and build a new functional organization based on it; Or there could be another dichotomy, a battle between the two giants of The United States and China. Moreover, the US-China confrontation is an irreconcilable conflict between different types of players under completely different international conditions, and will not reproduce the stable pattern between the US and the Soviet Union in the second half of the 20th century. As a result, "far from returning to the happy and fairly stable cold war years, we are in the pre-World War I period of imperialist competition. Moreover, in terms of moral appeal, neither China nor the United States today can compare with the Soviet Union or the West during the Cold War, neither of which offers the world obvious alternatives."¹¹

⁷ Караганов С., Суслов Д. Россия в мире после коронавируса: новые идеи для внешней политики (Karaganov S., Suslov D. Russia in the world after the coronavirus: new ideas for foreign policy). Режим доступа: <https://www.globalaffairs.ru/articles/rossiya-mir-koronavirus-idei/>

⁸ Тимофеев И., Барабанов О., Бордачёв Т., Лисоволик Я., Лукьянов Ф., Сушенцов А. Не одичать в «осыпающемся мире» (Timofeev I., Barabanov O., Bordachev T., Lisovolik Y., Lukyanov F., Sushentsov A. Do not run wild in the "crumbling world"). Режим доступа: <https://ru.valdaiclub.com/files/33222/>

⁹ Ibid.

¹⁰ Караганов С., Суслов Д. Россия в мире после коронавируса: новые идеи для внешней политики (Karaganov S., Suslov D. Russia in the world after the coronavirus: new ideas for foreign policy). Режим доступа: <https://www.globalaffairs.ru/articles/rossiya-mir-koronavirus-idei/>

¹¹ Тимофеев И., Барабанов О., Бордачёв Т., Лисоволик Я., Лукьянов Ф., Сушенцов А. Не одичать

From the statement of the Valdai Club report, we can see Russia's nostalgia and admiration for the "Cold War" between the United States and the Soviet Union, as if it was a good time to bring stability, peace, and happiness to mankind. However, Russia is full of anxiety, worry, and even disdain for the bipolar structure between China and the United States. While complaining that the two poles of China and the United States might bring World-War-I-like disasters to the world, the report also ridiculed that Today's China and the United States do not have the same "moral standards" as the United States and the Soviet Union. In another intriguing statement, the report says: "America's rethinking of its role in the world is accelerating its retreat into isolationism. China, on the other hand, is ambitious. They run in opposite directions and constitute a major threat to international security."¹²

For the development trend of the world after the epidemic, the Russian strategic community also made a corresponding prospect. Sergei Karaganov believes that under the combined effect of long-term accumulated conflicts in the international community and COVID-19, the development of the world will show the following trends: (1) The redistribution of international power will restore the traditional multi-centrality in the context of a new round of globalization. Most international mechanisms will lose their effectiveness and the importance of military power will be highlighted once again. (2) The global economic system created by the United States would collapse and the global economy would become fragmented, regional, and politicized; (3) Environmental pollution and climate change will be the focus of the international community, but related issues will be based on decision-making at the national or regional level, rather than through global cooperation; (4) The political subjectivity of small and medium-sized countries and the independence of their elites may be enhanced so that these countries refuse to blindly follow

the big powers but swing between China and the United States; (5) The international community appears to be ideology-oriented because, with an ideological vacuum, nationalism, discontent sentiment, and environmental activism are likely to spread; (6) The danger of the proliferation of weapons of mass destruction and nuclear weapons increases, but a peaceful environment for a long time reduces the fear of war.¹³

Andrei Kolturov, executive director of the Russian Council of International Affairs, looks at the post-pandemic world order along the "North-South Axis" rather than from the traditional "East-West" perspective. In his view, the crisis slowed the transfer of power and resources from the North to the South, thus increasing the South's dependence on the North and leading to the growing instability in the South in the post-crisis era. This will be followed by an intensification of regional conflict situations, political, economic, and social crises in the countries of the South, and the exclusion of most of the countries of the South from the world technology chain and the new economic system. The widening gap in development, security, and governance between the North and the South will pose a huge challenge to the stability of the international system. To overcome this challenge, we must realize a new "grand bargain" between the North and the South, bridge the civilization gap between the north and the South, and enhance the level of global governance.¹⁴

It can be seen that the mainstream view in the Russian strategic circle has concluded that the pandemic has severely damaged the major power centers of the United States, China, and Europe. However, in the face of the pandemic, the international community has not only failed to work together but fall into more profound contradictions and conflicts. In particular, the emerging confrontation between China and the

в «осыпающемся мире» (Timofeev I., Barabanov O., Bordachev T., Lisovolik Y., Lukyanov F., Sushentsov A. Do not run wild in the "crumbling world"). Режим доступа: <https://ru.valdaiclub.com/files/33222/>

¹² Ibid.

¹³ Караганов С. Новые идеи для себя и мира (Karaganov S. New Ideas for Yourself and the World). Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/articles/novye-idei-dlya-sebya-i-mira/>

¹⁴ Кортунов А. Кризис миропорядка и глобальный Юг (Kortunov A. The Crisis of the World Order and the Global South). Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/activity/publications/krisis-miroporyadka-i-globalnyy-yug/>

United States will pose a serious threat to world security. But at the same time, there will not be a bipolar pattern of overall confrontation between the two camps during the Cold War between the United States and The Soviet Union, and Russia will not ally with China against the United States. In the context of the intensification of anarchy caused by the crisis of the international system, the role of the state has been further highlighted, which is undoubtedly a great benefit for Russia to pursue nationalism: On the one hand, the legitimacy of Russia's domestic system is further consolidated; Russia, on the other hand, can maneuver through a world of weakened international institutions.

World Economy, Globalization and Regional Integration

COVID-19 has hit the world economy hard and could cause a depression similar to the one at the turn of the 1920's and 1930's. The world economic downturn will undoubtedly worsen the external economic environment of Russia, but it will be less impacted because the Russian economy has always been self-sufficient and participation in world economic integration is limited. In the Russian worldview, international politics has always been a zero-sum game in which what others lose is what Russia gains. As a result, Russian strategists are hopeful: "A global recession will trigger a deep adjustment in the world economic system. In the crisis, the essence of the national competition is not to control the most important technology sector and the most promising companies in the short term in the global production chain, but to achieve relative self-sufficiency in production and technology to ensure national priorities."¹⁵

Concerning the impact of the pandemic on the world economy and the process of globalization, the Valdai Club report stressed that, unlike previous crises, the pandemic has cut off the communication and economic and trade links between countries and regions, and

brought the entire world economic system to a sudden collapse. The global and regional value chains have also changed, which has caused a severe shock to the multilateral mechanism and international cooperation. Behind these appearances, the globalized world is changing from a "society of unlimited opportunity" to a "society of unlimited risk." "Whether in terms of behavioral practice or moral standards, large-scale cross-border mobility in the era of globalization may become a thing of the past, and the pursuit of sustainable development and quality of life will become an unattainable luxury."¹⁶

With the global economy in recession, some Russian experts believe the world economic system will have five main features: (1) The global economic system collapses, deglobalization accelerates, and future globalization will be very slow. (2) The global energy market management system has collapsed due to the pandemic, and its stable structure will not be restored in the short term. (3) People's living standard is generally reduced, and different social development models are facing severe challenges. (4) The crisis of "post-industrial society" without a foundation of real economy emerges; (5) The regionalization of financial investment activities counters the global financial hegemony of the United States.¹⁷

Andrei Kortunov disagreed with the view that globalization could be reversed or significantly slowed in the foreseeable future, stressing that the wave of globalization was deeply intertwined with the future world order and would remain fundamentally unbalanced, excluding failed states and even failed regions within successful states. The greatest divergence in the future world order will be between the

¹⁵ Евстафьев Д. Мир после коронавируса: будущее постсоветской Евразии (Evstafiev D. The world after coronavirus: the future of post-Soviet Eurasia). Режим доступа: <https://eurasia.expert/mir-posle-koronavirusa-budushchee-postsovetskoy-evrazii/>

¹⁶ Тимофеев И., Барабанов О., Бордачев Т., Лисоволик Я., Лукьянов Ф., Сушенцов А. Не одичать в «осыпающемся мире» (Timofeev I., Barabanov O., Bordachev T., Lisovolik Y., Lukyanov F., Sushentsov A. Do not run wild in the "crumbling world"). Режим доступа: <https://ru.valdaiclub.com/files/33222/>

¹⁷ Евстафьев Д. Мир после коронавируса: будущее постсоветской Евразии (Evstafiev D. The world after coronavirus: the future of post-Soviet Eurasia). Режим доступа: <https://eurasia.expert/mir-posle-koronavirusa-budushchee-postsovetskoy-evrazii/>

winners and losers of the globalization process, with the world order continuing to wobble during the transition to a new global governance system.¹⁸

Anatoly Torkunov, a member of the Russian Academy of Sciences and President of the Moscow Institute of International Relations, has outlined four possible scenarios for post-pandemic globalization: (1) China and the United States achieve a balance based on common economic interests and the main body of globalization changes from the expansion of multinational companies to the extensive cooperation of states, a high degree of cooperation based on abundant resources. (2) The relationship between China and the United States is in crisis accompanying the low level of cooperation among countries and the stagnant world economy. And the spreading of nationalism seriously impacts the traditional integration structure. (3) Elites focused on domestic politics, refraining from aggressive foreign policy, and maintaining a high degree of inter-state cooperation. (4) The global economy recovered relatively quickly, but international competition continued to intensify. China and the United States realized that “globalization had collapsed” and a new multicentric architecture emerged.”¹⁹

At the same time as globalization suffers a severe blow, COVID-19 is having a serious impact on the Russian-led process of Eurasian integration and the social, economic, and political development of the former Soviet Union countries. The mainstream view in the Russian strategic circles is that the COVID-19 has caused Europe to suffer another blow, the European integration model may be smashed into pieces, the further eastward expansion of the EU is far from being possible, and the EU Eastern Partnership plan is dead. Under these circumstances, the integration of Ukraine and

other former Soviet states into Europe is out of reach. Although the integration of Europe and Asia is also difficult, Russia is still able to stabilize the situation.

Alexander Vorobiov, a scholar at the Russian Academy of Sciences' Institute of Oriental Studies, takes a relatively pessimistic view. He believes the outbreak could bankrupt a large number of small and medium-sized enterprises in the Eurasian Economic Union (EEU) members, placing the economic burden on the country, but not all member states have sufficient resources and a desire to take supportive measures, which could increase social discontent. Meanwhile, Russia and Kazakhstan, the locomotives of the Eurasian Economic Union, have been hit by a double whammy of recession and plunging oil prices, with large fiscal deficits. A drop in Russian imports would directly reduce the export of the former Soviet Union countries and the number of foreign remittances they received from Russia, which would inevitably increase their social tensions. To be sure, “in the short to medium term, the EU’s influence over its members will diminish, and the growth of the EEU itself will slow. After the outbreak, member states may have adapted to a temporary state of no union, making it difficult to fully return to the status quo.”²⁰

Fyodor Lukyanov, editor of *Russia in Global Politics*, stressed that COVID-19 will intensify the conflicts between Europe and the US, intensify the internal division of the EU and exert an important influence on the distribution of power in world politics and inter-state relations, which will weaken the attraction of the EU to the former Soviet Union and relieve the external pressure on the Russia-led integration process in Europe and Asia. He argues that the absence of a single currency, a central bank, and structural funds corresponding to the EU’s funds in EEU would contribute to avoiding the problems that the EU’s free flow of money could cause. He

¹⁸ Kortunov, Andrey. We Need to Create a More Inclusive System of Global Governance. Mode of access: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/we-need-to-create-a-more-inclusive-system-of-global-governance/>

¹⁹ Kever, Olga. The Illusion of Control: Russia’s Media Ecosystem and COVID-19 Propaganda Narratives. Mode of access: <https://visegradinsight.eu/the-illusion-of-control-russian-propaganda-covid19/>

²⁰ Воробьев А. ЕАЭС ставят на карантин: Пандемия коронавируса может задвинуть интеграцию на второй план (Vorobiev A. The EAEU is being quarantined: The coronavirus pandemic may push integration into the background). Режим доступа: https://www.ng.ru/dipkurer/2020-03-29/11_7829_eeu.html

called on members of the Eurasian Economic Union to lower their expectations for direct assistance, avoid shifting the blame to others due to pressure from public opinion, and better respond to the outbreak through coordination. In particular, he warned that “China’s relatively successful response to COVID-19 and the difficulties in Europe and the United States may create both opportunities and risks for China’s Eurasian neighbors: On the one hand, many of the infrastructure projects in which China is interested covering the Eurasian continent will benefit everyone, and the Eurasian countries in economic crisis are willing to interact closely with the powerful economy of China. On the other hand, the hidden competition between China and the US will be exposed and the heated struggle for potential partners and the escalating geopolitical struggle will bring risks. Therefore, Eurasian countries must strengthen joint action to prepare for intensified competition between China and the United States.”²¹

To sum up, despite the impact of COVID-19 on Russia’s economy, Russia believes that major economies such as the United States, China, Japan, and Europe have suffered more. A deglobalized world means more opportunities for Russia. In this case, Russia will strengthen the Eurasian integration, and further restore the strategic influence in the “Post-Soviet Space”.

The Relationship between Major Powers and the Triangle between Russia, China, and America

After the Crimea crisis in 2014, Russia was subjected to strong western sanctions, and the international environment deteriorated significantly. Therefore, it is an important task of Russian diplomacy to seek a turnaround of relations with the West, especially with the United States, and to reduce the strategic pressure on Russia. The trade war between China and the United States, especially the changes in major-country relations since COVID-19, has provided Russia with important strategic opportunities.

Mainstream views in the Russian strategic

community have highlighted that China and the United States have not only failed to effectively manage their differences, share responsibilities and respond to the epidemic but have instead blamed each other and become increasingly hostile to each other. China-US relations have entered a downward spiral and may slide into a “sub-cold war” out of control. Under the new conditions, the confrontation between the US and Russia is not the core of the world order while it is China and the US that will reshape the world order. China has become the primary adversary and potential enemy of the US, and a further deterioration of China-US relations will provide Russia with great strategic space.

The Russian strategic community has different assessments of the nature and development trends of China-US relations.

Vasily Kashin, a researcher at MGIMO and the Higher School of Economics, said: “Tensions in traditional hotspots such as Taiwan and the South China Sea have been rising since the trade war broke out between China and the US. Covid-19 has become a catalyst for increased competition between China and the US, which is likely to soon become even worse than the relationship between Russia and the US. The two parties in the US have reached a consensus on containing China, and the relationship between China and the US has changed irreversibly and will evolve into a second Cold War.”²²

Gleb Evashenkov, deputy head of Russia’s International Affairs Council, said: “There is a profound difference between the US-China confrontation today and the US-Soviet confrontation during the Cold War. The confrontation between the United States and the Soviet Union involved not only two superpowers but also two systems. Unlike the US and the Soviet Union, China has no intention of being the architect of the world order... China is not interested in breaking the current system or building a new one; it simply intends to reform

²¹ Лукьянов Ф. Евразия после пандемии (Lukyanov F. Eurasia after the pandemic). Режим доступа: <https://rg.ru/2020/04/15/lukyanov-v-ekonomicheskoy-sfere-vzaimnaia-izolitsiia-nevoz> Режим доступа: mozhna.html

²² Кашин В. Пандемия показала, что к холодной войне Китай готов лучше, чем США (Kashin V. The pandemic has shown that China is better prepared for the Cold War than the United States). Режим доступа: <https://profile.ru/abroad/pandemiya-pokazala-cto-k-xolodnoj-vojne-kitaj-gotov-luchshe-chem-ssha-323992/>

the existing system in a way that gives it a slice of the pie and a bigger market. China is ready to enter the US and Western economic systems at any time provided it brings sufficient benefits. So there is no possibility of polarization between China and the United States.”²³

The confrontation between China and the United States will undoubtedly have a profound impact on Russia. What should Russia do in this situation? Fyodor Lukyanov believes that, at the diplomatic level, Russia cannot support a confrontation between China and the United States, but neither can it remain completely neutral. Given that China is an important neighbor of Russia and the United States has imposed sanctions on Russia, the correct attitude should be to pursue common interests with China and rationally view Russia-China relations. In domestic affairs, Russia oscillates between its desire for “Europeanness” and its rejection of Europe, and its search for identity is cyclical... The Cold War rivalry between America and China has stirred enthusiasm for the old question of how Russia chooses between Europe and Asia. Eastern backwardness and Western superiority are no longer the criteria of judgment. The intimacy with European culture and the heterogeneity of Asian culture, the hostility of the West, and the tolerance of the East are the new rationale for Russia’s choice. Russia should not rely on “civilized choice” as its political basis but should develop in a culturally and ideologically heterogeneous environment by creating opportunities to participate in the international agenda through enhanced national strength and greater flexibility in external relations.”²⁴

Alexei Arbatov said that the civilized connection between Russia and the United

States should be used to create an atmosphere for overcoming the contradictions in reality. He believed that the friendship between Putin and Trump could not solve the deep contradictions between Russia and the US, and there was little possibility of major changes in Russian-American relations in the future, but Russia and the US had deep cultural ties – Russia was an integral part of European culture, and the US was also inseparable from European culture. He stressed: “This connection is particularly unique and important because it is not the economy or national policies that determine the ultimate shape of civilization, but the culture that has been passed down from one generation to the next over countless generations.” Under the new situation, cooperation between Russia and the United States in technical fields such as new drug development and microbiology is very necessary.²⁵

The deterioration of Sino-US relations will undoubtedly have broad implications in the field of international relations. Of particular interest to the Russian strategic community is the revitalization of the Russia-China-US triangle, in which Russia occupies a dominant position.

Dmitri Trenin, director of the Carnegie Moscow Center, sees the possibility that Russia and the United States are “using common threats to improve relations and seek cooperation based on common interests” in the context of COVID-19. He stressed that for Mr. Trump, China, not Russia, is America’s number one adversary. Recently, the United States stepped up dialogue with Russia and Putin quickly responded with frequent high-level political contacts between Russia and the United States. Russia wants to make use of the major crisis to contact the White House to get through the crisis with Russia-US cooperation. However, considering that the outbreak cannot facilitate a rapid restart of Russia-US relations, Russia’s priority is to maintain a balance in relations with China and the US, reduce the threat to European countries and strengthen cooperation with EU countries with a more open attitude.²⁶

²³ Ивашенцов Г. Китай, в отличие от СССР, не способен выступить инноватором переустройства мира (Ivashentsov G. China, unlike the USSR, is not able to act as an innovator in the reorganization of the world). Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kitay-v-otlichie-ot-sssr-ne-sposoben-vystupit-innovatorom-pereustroystva-mira/>

²⁴ Лукьянов Ф. Холодная война США и Китая грозит отвлечь Россию от ее внутренних проблем (Lukyanov F. The Cold War between the United States and China threatens to distract Russia from its internal problems). Режим доступа: <https://profile.ru/columnist/dialektika-grablej-315753/>

²⁵ Арбатов А. Великодержавие с обеих сторон (Arbatov A. Great power on both sides). Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/velikoderzhavie-s-obeikh-storon/>

²⁶ Trenin, Dmitri. Russia–U.S.: No Reset, Just

Trenin is also well aware that “although the rise of China has offset the United States’ focus on Russia, US-Russian rivalry is systemic and will not lead to a fundamental improvement in relations”. Therefore, he stressed, “In the face of this situation, Russia should discourage attempts to influence the domestic politics of the United States from outside, avoid conflicts that could lead to armed conflict, and create interactive opportunities for the realization of the common interests of the two countries.” At the same time, he also put forward: “to alleviate the pressure from the United States, Russia is trying to work with China to break the Western-centered world order and China has become Russia’s most important partner. Nevertheless, there is no desire on either side to form a military and political alliance considering national interests and security. Faced with the asymmetry of economic and development opportunities, although Russia has unwittingly followed China’s rules of the game in economic, technological, and financial fields, it has always adhered to the strategy of balancing China’s power and refused to join the China-centered political bloc. Under such circumstances, Russia will approach its relations with China and the United States more carefully, acting as an advocate for trilateral dialogue to strengthen strategic stability.”²⁷

Unlike some Chinese scholars who hoped to form an alliance with Russia when the conflict between China and the United States intensified, Russian strategic circles held a negative attitude to the Russia-China alliance to counterbalance the United States. Not only that, but they also put forward the idea of further counterbalancing China. “China is very interested in developing friendly relations with Russia, especially in the context of the current conflict with the United States, but China is trying to take the initiative in the bilateral relationship with Russia,” Said Gleb Ivashensov. “Maintaining a polycentric international balance is vital for Russia. To this

end, Russia’s immediate priority is to launch a new non-aligned movement, rather than mediate a Sino-American dispute. The main players in this non-aligned movement are likely to be India, ASEAN countries, or other regional powers. For Russia, the initiative to bring its relations with India to the level of its relations with China to ensure the promotion of a greater Eurasian partnership is of strategic importance. But ultimately, Russia’s priority is to develop an independent and effective innovative economy. Only on this basis can Russia maintain its independence and play an important role in its relations with the West and China.”²⁸

Andrei Korturov, reviewing the history of China’s diplomatic philosophy during the Soviet-American confrontation, argues that Moscow’s role is gradually being transformed into that of a “clever monkey” in the face of the new reality of the growing Sino-American confrontation. But the difference, he says, is that Russia will not be able to just watch and balance the rivalry between the U.S. and China, and will be forced to engage directly or indirectly in the conflict. On the one hand, the United States sees China as a strategic competitor challenging its leadership and believes that Russia will seize every opportunity to harm the interests of the United States, so the United States will seize the opportunity to weaken Russia to focus on the confrontation against China. On the other hand, at a time when countries are increasingly interconnected, isolationism will cost too much.²⁹

In addition to the trilateral relations between Russia, China, and the United States, the Russian strategic community is also concerned about the impact of the deterioration

Guardrails. Mode of access: <https://carnegie.ru/commentary/81680>

²⁷ Тренин Д. Как России удержать равновесие в посткризисном биполярном мире (Trenin D. How can Russia keep the balance in the post-crisis bipolar world). Режим доступа: <https://carnegie.ru/commentary/81541>

²⁸ Ивашенцов Г. Китай, в отличие от СССР, не способен выступить инноватором переустройства мира (Ivashentsov G. China, unlike the USSR, is not able to act as an innovator in the reorganization of the world). Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kitay-v-otlichie-ot-sssr-ne-sposoben-vystupit-innovatorom-pereustroystva-mira/>

²⁹ Kortunov, Andrey. About the Wise Monkey Who Came Down from the Mountain. Mode of access: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/about-the-wise-monkey-who-came-down-from-the-mountain/>

of Sino-U.S. relations on other international actors. Timofey Bordachev believes that the confrontation between China and the US based on the new world order will not be the traditional Cold War with distinct bases, and Europe will make different choices in the confrontation according to the specific circumstances. In particular, he said: "Russia will be on the same side as Europe in this matter."³⁰

Russian scholars also elaborated on the bilateral relations between Russia and China in the context of the pandemic. Ivan Zuyenko, the researcher at the Center for Asia-Pacific Studies of the Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, notes that at the beginning of the novel Coronavirus epidemic, Russia quickly closed its border with China, but its response to the European epidemic was so slow that it finally set off a novel Coronavirus avalanche in Russia. He commented that it reflected "the inherent Western-centric worldview of most people in Russian society, including the elite, has not changed and that the announcement 'turn east' by Moscow in 2014 has not passed the test in terms of consciousness." However, he also believes that the pandemic will not affect Russia-China relations, which remain stable. This is due to: First, anti-China rhetoric in Washington, falling oil prices, and Russia's growing dependence on Chinese energy consumption have brought the two countries closer together. Second, in the face of the pandemic, leaders of the two countries have exchanged views very quickly. Third, nor is there xenophobia on the Russian-Chinese border.³¹

Alexander Lukin, director of the Department of International Relations at the Russian Higher University of Economics, said: "Since the 2000s, China's 'confidence'

has increased, and the change in its foreign policy style may damage the level of mutual trust between Russia and China and exacerbate the imbalance in bilateral relations between the two countries, which has left Moscow deeply ambivalent towards Beijing, fearing that China's military and economic prowess will further widen the gap between the two countries." "The peak of Russia-China relations has passed," he stressed. "Neither country needs to develop bilateral ties into a political alliance. Moscow will not build closer ties with Beijing, and both countries will show more pragmatic orientation."³²

Based on the discussions of Russian strategists, they believe that the further complexity of major-country relations under the COVID-19 situation, especially the deterioration of China-US relations, is an important strategic opportunity for Russia. Although relations between Russia and the US will not improve quickly, a rise in tensions between the US and China, or even a move towards open conflict, would undoubtedly greatly reduce western pressure on Russia in the wake of the Ukraine crisis. Russia will make full use of this opportunity to improve the international environment and pursue strategic interests.

Russia's Strategic Choice

The COVID-19 pandemic and the drastic changes in international relations caused by it had a profound and significant impact on Russia's internal, economic and diplomatic affairs. While considering these implications comprehensively, the Russian strategic community has stepped up efforts to provide strategic advice for Russia in the post-pandemic era.

Andrei Kortunov believes that the opportunities presented by COVID-19 for Russia are tactical and situational, while the challenges are strategic and systemic. The opportunities are mainly shown in: (1) the covid-19 pandemic confirms the

³⁰ Бордачев Т. Как стоит вести себя Европе на фоне холодной войны Америки и Китая (Bordachev T. How should Europe behave against the background of the Cold War of America and China). Режим доступа: <https://profile.ru/abroad/kak-stoit-vesti-sebya-evrope-na-fone-xolodnoj-vojny-> Режим доступа: [ameriki-i-kitaya-326845](https://profile.ru/abroad/kak-stoit-vesti-sebya-evrope-na-fone-xolodnoj-vojny-ameriki-i-kitaya-326845)

³¹ Зуенко И. Вирусная граница. Как вспышки эпидемии в пограничье повлияют на отношения России и Китая (Zuenko I. Viral border. How border outbreaks will affect relations between Russia and China). Режим доступа: <https://carnegie.ru/commentary/81765>

³² Лукин А. Пик миновал? Российская стратегия в отношении Китая в новую эпоху (Lukin A. The Peak Passed? -Russian Strategy towards China in the New Era). Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/articles/pik-minoval/>

“Westphalia” international relations picture depicted by the Russian leader and highlights the helplessness of international organizations. It emphasizes the priority and importance of the sovereignty of nation-states, thus strongly supporting Russia’s world view and arousing strong doubts about western unity and stability and western multilateral diplomacy, which is conducive to Russia’s domestic and foreign propaganda and Russia’s participation in the reconstruction of the post-crisis world order. (2) COVID-19 forced the West to adjust its international priorities and change its perception of Russia as a major threat, thus avoiding further escalation of the confrontation between Russia and the West. (3) The COVID-19 will reduce economic assistance programs and military and political commitments to developing countries around the world, and the resulting “power vacuum” will create more opportunities for Russian foreign policy. The main challenges are as follows: (1) Russia’s position in the global economic system will further decline after experiencing the double blow of the pandemic and the oil price collapse; (2) The epidemic will reduce the Russian public’s already low willingness to provide foreign aid, and contribute to the rise of Russian isolationism; (3) Confrontation between China and the United States weakens the effectiveness of existing international mechanisms and exposes the world to systemic risks. The growing asymmetry in relations between China and Russia is hampering Russia’s cooperation with China’s potential rivals – India, Vietnam, and even Japan.³³

In the face of opportunities and challenges, the Russian strategic community declared that it is vital to put forward new foreign policy ideas.

Sergei Karaganov stresses, in particular, that there is an ideological vacuum in the world today, and that a fierce struggle is underway to fill it. Up to now, multi-polarization is still the

core of Russia’s diplomatic discourse system. For most of the world, however, multipolarity has lost its appeal. The ideology of Russia’s foreign policy has fallen behind the trend of global development and the needs of Russian society. Therefore, it is of vital importance for Russia to propose new ideas for its development and the development of the world. He stressed that Russian diplomacy must remain pragmatic and be based on the following three ideas: (1) To uphold international peace; (2) To support the free choice of development models by all countries, safeguard the sovereignty and diversity of all countries, resist any ideological and political hegemony, and position Russia as the defender of the “New Non-Aligned Movement”; (3) To strengthen cooperation in environmental protection, combat new global challenges including COVID-19, advocate a new development concept based on caring for the human environment, and attach importance to people’s physical and mental health instead of endless consumption growth.³⁴

Because of the current failure of the global governance system, the Russian strategic circles also put forward corresponding ideas, of course, the fundamental starting point is to maintain and enhance Russia’s position and influence in it.

Igor Ivanov said that in the face of a profound change in international relations, “the permanent members of the UN Security Council might launch joint initiatives to negotiate a global adjustment of the system of international relations. This kind of global initiative will not only bring the human community together in a common response to the pandemic but also give the international community confidence in the post-pandemic world.”³⁵

Andrei Kortunov argues that a more inclusive global governance system is needed for the continued turbulence in the world order during the transition to a new global governance

³³ Кортунув А. Российская внешняя политика и коронавирус: возможность и угрозы (Kortunov A. Russian Foreign Policy and Coronavirus: Opportunity and Threats). Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/covid-19-presents-both-opportunities-and-threats-to-russia-s-foreign-policy/>

³⁴ Караганов С. Новые идеи для себя и мира (Karaganov S. New Ideas for Yourself and the World). Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/articles/novye-idei-dlya-sebya-i-mira/>

³⁵ Иванов И. Мир будет другим (Ivanov I. The world will be different). Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mir-budet-drugim/>

system: (1) The risk of direct military confrontation between major powers will not disappear. Miscalculation of competitors or unintended escalation of political crises, as well as internal or proxy conflicts in countries associated with major powers, may lead to a direct military confrontation between major powers. Therefore, the risk of war between major powers needs to be managed. (2) The scale and number of common security challenges are increasing, which will become recognized foreign policy priorities of major powers and undermine traditional foreign policy agendas. As a result, major powers will need to address common security challenges and follow parallel foreign policy tracks inherited from the 20th and early 21st centuries. (3) Regional conflicts are supposed to be under control as regional crises and conflicts will continue to exist along the boundary between the global core and the global periphery, exacerbated by global issues such as the rise of international extremism, climate change, and competition among major powers. (4) To give full play to the role of international and regional organizations, it is difficult to replace the United Nations in the short term, but it is also difficult for the UN to bridge the division and expand its functions. The role of the United Nations in arms control, non-proliferation and regional crises will be restricted successively, and it will be difficult to implement UN Charter effectively. The United Nations could play a more active role in setting a new international agenda, including rules of engagement to address new challenges and threats. Ideally, the global security role of the United Nations should be complemented at the regional level by appropriate collective-security organizations and regional collective-security systems should be established by managing existing differences.³⁶

For Russia, the most acceptable reconstruction is to reinvigorate the UN Security Council's role as a "world government" on the most important issues of peace and war for

the survival of the nation, and in particular to consolidate the special responsibility of the permanent members of the Security Council to the world, who have enjoyed special privileges since the founding of the United Nations. The Valdai Club report emphasizes that the United Nations, as the world organization coordinating international relations, plays an irreplaceable and important role in the international community despite the inevitable flaws in its activities and work, for which it has also paid a price. The choice now before the international community is therefore simple: either to consolidate the United Nations system or to retreat into a fierce struggle dominated not by reason but by instinct.³⁷

Criticizing the deadlock of international organizations in maintaining international day-to-day affairs over the past decade, Yaroslav Lisovolick, project Director of the Valdai Club and director of the Sberbank's Market Analysis Department, said the world urgently needed to establish a new architecture of international mechanisms and to achieve developing-centered priorities. (1) The United Nations must play a role in the establishment of new international organizations and the restructuring of international institutions to promote enhanced international cooperation. The interlinkages between the United Nations and regional agencies should be strengthened and functional stratification should be developed to reduce risks in the areas of health, cybersecurity, and the environment through measures at different functional levels. (2) Reform the UN Security Council and expand its participation base. One way is to participate in the work of the UN Security Council in the form of regional organizations. Another solution is to divide the council by continent and major regions of the world. (3) The UN Security Council is not only obsolete in structure, but also dominated by military force. The COVID-19 crisis illustrates the growing importance of non-nuclear and

³⁶ Kortunov, Andrey. We Need to Create a More Inclusive System of Global Governance. Mode of access: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/we-need-to-create-a-more-inclusive-system-of-global-governance/>

³⁷ Тимофеев И., Барабанов О., Бордачев Т., Лисоволик Я., Лукьянов Ф., Сушенцов А. Не одичать в «осыпающемся мире» (Timofeev I., Barabanov O., Bordachev T., Lisovolick Y., Lukyanov F., Sushentsov A. Do not run wild in the "crumbling world"). Режим доступа: <https://ru.valdaiclub.com/files/33222/>

non-military security issues on the international stage. The old core of the Council will therefore gradually be replaced by more open interactions between regions and continents that will address broader international security issues.³⁸

On June 19, 2020, President Putin published a 10,000-word article in the US "National Interest" magazine, reviewing the outstanding contributions of the Soviet Union in the world anti-Fascist War, complaining about the unfair treatment of Russia by the West after the collapse of the Soviet Union, and finally focusing on how to maintain the world order in the post-pandemic era. He noted that the United Nations still performed its primary functions, even though it sometimes did not work as well as expected. The United Nations Security Council is a unique mechanism for preventing major wars or global conflicts. He expressed concern about the frequent U.S. calls in recent years to remove the veto and strip the Security Council of permanent seats, saying it would lead the United Nations to go the way of the League of Nations and lose influence over world processes. He reiterated Russia's initiative to convene a summit of the five permanent members of the Security Council, the main agenda of which should include: To discuss steps towards the development of collective principles in world affairs; To discuss the maintenance of world peace, the strengthening of global and regional security, strategic arms control and joint efforts to combat terrorism, extremism and other major challenges and threats; To explore the global economic situation and ways to overcome the economic crisis and oppose turning the economy into an instrument of pressure and confrontation; To discuss issues such as environmental protection and combating climate change and ensuring the security of the global information space.³⁹

³⁸ Лисоволик Я. Глобальная перестройка ценностей: как изменить институциональную структуру? (Lisovolik Ya. Global restructuring of values: how to change the institutional structure?). Режим доступа: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/globalnaya-perestroyka-tsennostey/>

³⁹ Путин В. 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим (75 Years of the Great Victory: Shared Responsibility to History and the Future). Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/63527>

From what Vladimir Putin and Russia's relevant experts expressed about the United Nations, you can see Russia attaches great importance to the United Nations, in particular the Security Council, which has kept the Soviet Union on a par with the United States since World War II and allowed Russia to play a key role in international affairs, which also shows their strong concern that Russia may lose its permanent membership of the Security Council as some countries show strong dissatisfaction with the degraded functioning of the United Nations and demand deep reforms. But they do not reflect on the factors that have led to the deterioration of the functioning of the United Nations and the decline of the Security Council's credibility in the maintenance of international peace and security.

In addition to the UN, Russian experts continue to pin their hopes on the BRICS mechanism. Timofey Bordachev and others believe that with the decline of the ability of the US and Europe to maintain world order and the intensification of international conflicts by COVID-19, regional powers are playing an increasingly prominent role in global governance, and it is urgent to promote the transformation of BRICS countries into a global governance mechanism. For Russia, BRICS further emphasizes its non-Western identity, offering an opportunity to resist more openly the rules of Western-centrism and to re-establish the world order. At the same time, the BRICS countries are also important economic partners of Russia, which is important for it to reduce the impact of Western sanctions. In addition, Russia can use the BRICS platform to conduct security dialogue with Western countries. Bordachev and others called for the BRICS countries to first step up internal peace dialogue and fill the global governance vacuum through multilateral negotiations in the face of increasing conflicts worldwide and the declining role of numerous international organizations and forums. Second, it is necessary to accelerate the establishment of a new financial system with local currency settlement in bilateral trade and reduce the dominant role of the US dollar in the international financial system. Third, relations with other partners should be developed within the framework of BRICS Plus,

and sustained dialogue should be conducted with countries that play an important role in addressing specific global and regional issues. Finally, non-traditional security issues such as climate change, environmental degradation, biodiversity loss, and pandemics should be addressed and incentives created to develop humanitarian connections.⁴⁰

Alexander Lukin, on the other hand, went on to preach the idea of “Greater Eurasia”. He believes that from the perspective of global trends, the “greater Eurasia” process is irreversible and more importantly offers Russia many advantages: (1) Becoming an independent pole in world politics is in line with Russia’s historical role; (2) “Greater Eurasia” is very close to the economic system of Russia, requiring the state to play an active role in the economy; (3) “Greater Eurasia” could develop Russia’s Siberia and far East; (4) In terms of security interests, “Greater Eurasia”, to some extent, can fill the vacuum created after the collapse of the Soviet Union, respond to the demand for a multipolar world, and establish a friendly external environment for peaceful political and economic development.⁴¹

Dmitry Yevstafiev, a professor at the Russian Higher School of Economics, sees the challenges COVID-19 poses to the political and economic models of countries in the Eurasian region, and proposes five strategic proposals for the future development of Eurasian integration: (1) The current crisis has created a mix of political, economic and social risks, and the integration of states in the economic field alone is not feasible. Urgent measures are needed to coordinate societies and to bring cooperation in the field of security into the Euro-Asian integration system; (2) The post-Soviet model of maintaining social stability by resources development and redistribution is no longer feasible, and reindustrialization is the

most promising model of development that can generate synergies among multiple countries; (3) It is not realistic for individual countries to develop fuel and energy complexes, which will also harm economic sustainability. It is necessary to accelerate the formulation of a common Eurasian energy policy and transport policy; (4) The Eurasian countries must improve the security and management and coordination of their financial systems, investment, and settlement systems; (5) Eurasian countries need to form a digital management and public information system to prevent information manipulation.⁴²

Referring to the trilateral relationship between Russia and the United States, Dmitry Trenin stressed that for the foreseeable future, Russia’s main geopolitical problem was not confrontation with the United States but a balance with China. To avoid becoming part of a China-centric power bloc and maintain international balance, Moscow must improve relations with major European countries to reduce its dependence on China. Balancing must become a key principle of Russia’s foreign policy in the coming decades. Russia needs to promote “balanced diplomacy” from two aspects: On the one hand, Russia needs to manage its equal relationship with a more powerful partner, China. He acknowledged that close cooperation with China strengthened Russia’s geopolitical and geo-economic position at a time when Russia was at a loggerhead with the West and that it was in Moscow’s interest to work closely with China. But he also stressed that, even so, Moscow should not go out of its way to accommodate all of Beijing’s wishes. Beijing has not joined Washington in imposing sanctions on Moscow, but it has always put its interests first in conducting economic cooperation with Russia. China’s economic power is far greater than Russia’s, and Russia should work with China without relying too much on it. Russia absolutely cannot accept it as part of China’s sphere of influence. On the other hand, to maintain

⁴⁰ Бордачев Т. и др. БРИКС и пандемия соперничества (Bordachev T. et al., BRICS and the rivalry pandemic). Режим доступа: <https://www.globalaffairs.ru/articles/briks-i-pandemiya-sopernichestva/>

⁴¹ Lukin, Alexander. Sino-Russian Cooperation as the Basis for Greater Eurasia. Mode of access: <https://www.degruyter.com/view/journals/humaff/30/2/article-p174.xml>

⁴² Евстафьев Д. Мир после коронавируса: будущее постсоветской Евразии (Evstafiev D. The world after coronavirus: the future of post-Soviet Eurasia). Режим доступа: <https://eurasia.expert/mir-posle-koronavirusa-budushchee-postsovetskoy-evrazii/>

international balance in the new bipolar system, Russia should seek global balance and develop its relations with Europe, India, Japan, and other regions and countries. In terms of Russia-EU relations, it is necessary to give up the idea of undermining the EU and NATO from within, actively conduct dialogue with Germany, France, Italy, and other countries, change the propaganda policy towards the EU, to reverse the attitude of European elites towards Russia, and gradually restore Europe to become the main external source of Russia's economic modernization. Japan and India are as important as Europe, and Moscow should seek to cooperate with Tokyo and New Delhi in developing maritime areas adjacent to the Eurasian continent instead of seeing it as an American appendage. Russia's geopolitical thought has always been focused on the mainland, so it should take into account the ocean factors. Closer ties with these countries would help Russia maintain the geopolitical balance in Eurasia.⁴³ Although Trenin's argument does not mention "Indo-Pacific", it can be seen that its core idea is similar to the "Indo-Pacific strategy" proposed by the United States.

Echoing Trenin, Andrei Kortunov proposed three principles for Russia to deal with the confrontation between China and the United States: (1) Russia should not only avoid provoking China and the United States but also prevent China and the United States from provoking each other. If China-US relations continue to deteriorate, Russia will face risks in international stability, regional crisis, nuclear non-proliferation, world economy, technological development, and other aspects. (2) The Relationship between Russia and China should be viewed rationally. The interests of Russia and China are both consistent and different. Strengthening the cooperation between the two countries does not mean the establishment of a formal military and political alliance. (3) Facing the trend of the new bipolar pattern, Russia should actively cooperate with the European Union to offset the power of

polarization.⁴⁴ "Russia cannot copy the Chinese model because of differences in population and cultural background," he says. "It's only option is to co-operate with the culturally similar West. Russia's future leaders will build closer ties with the West only if they aim to modernize their society and economy."⁴⁵

Artem Lukin, Deputy Dean of the Institute of International and Regional Studies at Far Eastern Federal University, gave his views on the future of China-Russia relations. In his view, there are several possibilities for Russia-China strategic relations in the next few years: (1) Russia-China strategic partnership will sustain, and the strength of the Axis between Russia and China will remain unchanged or even strengthen. The rivalry between Russia-China and the US may become more acute because of ideological differences. (2) Russian-US reconciliation. Although relations between Russia and the US are at their lowest ebb and are unlikely to recover quickly shortly, normalization is not impossible in the long term. As China continues to "rise", the US will come under increasing structural pressure, which is by far the biggest threat to its standing in the international system. As a result, the United States may be forced to seek cooperation with Russia to meet the great challenge posed by China. (3) The political systems of Russia and China diverge. After Mr. Putin's departure, Russia is likely to transition from a liberal autocracy to a liberal democracy more compatible with Western values, weakening political ties between China and Russia. (4) The economic and technological imbalance between Russia and China may endanger political equality. The latter scenario is the most dangerous for Russia because it involves Russia's status, honor, national dignity, and, above all, identity.

⁴³ Тренин Д. Как России удержать равновесие в посткризисном биполярном мире (Trenin D. How can Russia keep the balance in the post-crisis bipolar world). Режим доступа: <https://carnegie.ru/commentary/81541>

⁴⁴ Kortunov, Andrey. About the Wise Monkey Who Came Down from the Mountain. Mode of access: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/about-the-wise-monkey-who-came-down-from-the-mountain/>

⁴⁵ Kortunov, Andrey. Cooperation with the West Will Only Happen When Russia Modernises. Mode of access: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/interview/andrey-kortunov-cooperation-with-the-west-will-only-happen-when-russia-modernises/>

(5) Friendly relations between Russia and China may or may not last for a long time, but neither country is sure to want to fall into an antagonistic relationship, as history has shown that confrontation can be costly.⁴⁶

Conclusion

It can be seen that the Russian strategic community has given deep consideration to the full impact of COVID-19 and drawn some important conclusions.

At the international level, the comprehensive strength of the US and Europe will be severely hit by COVID-19. The transatlantic alliance may be increasingly loosened, which will undoubtedly relieve the long-term strategic pressure faced by Russia. Faced with multiple challenges such as restructuring of global industrial chains, shrinking external markets, and deteriorating relations with the West, China may face an inflection point after years of rapid development. The relative easing of the east-west strategic pressure will greatly improve Russia's international environment. The world order is accelerating from being led by the United States to being out of order. It is full of internal contradictions within the international mechanism, weakened capacity for behavior, and an uncertain future of development, which provide great possibilities for Russia to achieve its own strategic goals. For Russia, a more "fragmented" world would make it a better great power and better able to maneuver around the world. In addition, the western liberal values that once dominated the center of international thought are being eroded, and the conservative ideology in Russia has gained unprecedented space for expansion.

At the level of globalization, after the trade war between China and the United States highlighted the differences in globalization, the globalization process that has already been blocked will come to a sudden halt again due to coVID-19. Global supply chains, industrial chains, and value chains that have been operating for many years will gradually break up and be reorganized, and the localization

and regionalization of production will be strengthened accordingly. Russia is a loser in the post-Cold War tide of globalization. It has always been aloof and even resentful of globalization. The COVID-19 outbreak has further strengthened Russia's self-perception as a "fortress under siege", and the thought of the demise of globalism will continue to spread in Russia. For Russia, the weakening or even interruption of globalization can better highlight its advantages.

Based on the above judgment, the Russian strategic community has proposed new ideas to use the coVID-19 effect to change the unfavorable international environment and layout for the "post-COVID-19 era". Returning to the route of keeping a low profile after the Crimean War in 1856, enriching the ideological content of the great power; Propagating the west's weak response to the epidemic, predicting the imminent collapse of the liberal order, and winning more space for thought and public opinion for Russian conservatism; Preserving the central role of the UN in the global governance system and maintain Russia's permanent membership in the Security Council. At the same time, Russia will continue to deepen the Eurasian integration process, take advantage of the multiple pressures faced by Eurasian countries, take urgent measures to coordinate anti-epidemic actions, and introduce security cooperation into the Eurasian integration process. And it will cleverly plan the triangular relationship between Russia, China, and the United States, maintain an independent, balance, and multi-faceted relationship, and watch tiger fighting, which will prevent it from becoming a vassal of China and to establish a balanced relationship with it. In time, Russia will gradually reduce and eventually end the confrontation with the United States, strengthen its ties between traditional civilizations, seek new cooperation fulcrum, and jointly deal with new global threats.

References:

Ivanov, Igor. Rethinking International Security for a Post-Pandemic World. Mode of access: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/rethinking-international-security-for-a-post-pandemic-world/>

⁴⁶ Lukin, Artyom. The Russia-China Entente and Its Future. Mode of access: <https://link.springer.com/article/10.1057/s41311-020-00251-7>

Kortunov, Andrey. About the Wise Monkey Who Came Down from the Mountain. Mode of access: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/about-the-wise-monkey-who-came-down-from-the-mountain/>

Kortunov, Andrey. Cooperation with the West Will Only Happen When Russia Modernises. Mode of access: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/interview/andrey-kortunov-cooperation-with-the-west-will-only-happen-when-russia-modernises/>

Kortunov, Andrey. We Need to Create a More Inclusive System of Global Governance. Mode of access: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/we-need-to-create-a-more-inclusive-system-of-global-governance/>

Lukin, Artyom. The Russia–China Entente and Its Future. Mode of access: <https://link.springer.com/article/10.1057/s41311-020-00251-7>

Trenin, Dmitri. Russia–U.S.: No Reset, Just Guardrails. Mode of access: <https://carnegie.ru/commentary/81680>

Арбатов А. Великодержавие с обеих сторон (Arbatov A. Great power on both sides). Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/velikoderzhavie-s-obeikh-storon/>

Бордачев Т. и др. БРИКС и пандемия соперничества (Bordachev T. et al., BRICS and the rivalry pandemic). Режим доступа: <https://www.globalaffairs.ru/articles/briks-i-pandemiya-sopernichestva/>

Громыко А. Об иллюзиях новой биполярности (Gromyko A. On the illusions of a new bipolarity). Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ob-illyuziyakh-novoy-bipolyarnosti/>

Евстафьев Д. Мир после коронавируса: будущее постсоветской Евразии (Evstafiev D. The world after coronavirus: the future of post-Soviet Eurasia). Режим доступа: <https://eurasia.expert/mir-posle-koronavirusa-budushchee-postsovetskoy-evrazii/>

Зуенко И. Вирусная граница. Как вспышки эпидемии в пограничье повлияют на отношения России и Китая (Zuenko I. Viral border. How border outbreaks will affect relations between Russia and China). Режим доступа: <https://carnegie.ru/commentary/81765>

Иванов И. Мир будет другим (Ivanov I. The world will be different). Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mir-budet-drugim/>

Ивашенцов Г. Китай, в отличие от СССР, не способен выступить инноватором переустройства мира (Ivashentsov G. China, unlike the USSR, is not able to act as an innovator in the reorganization of the world). Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kitay-v-otlichie-ot-sssr-ne-sposoben-vystupit-innovatorom-pereustroystva-mira/>

Караганов С. Новые идеи для себя и мира (Karaganov S. New Ideas for Yourself and the World). Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/articles/novye-idei-dlya-sebya-i-mira/>

Караганов С., Суслов Д. Россия в мире после коронавируса: новые идеи для внешней политики (Karaganov S., Suslov D. Russia in the world after the coronavirus: new ideas for foreign policy). Режим доступа: <https://www.globalaffairs.ru/articles/rossiya-mir-koronavirus-idei/>

Кашин В. Пандемия показала, что к холодной войне Китай готов лучше, чем США (Kashin V. The pandemic has shown that China is better prepared for the Cold War than the United States). Режим доступа: <https://profile.ru/>

abroad/pandemiya-pokazala-chto-k-xolodnoj-vojne-kitaj-gotov-luchshe-chem-ssha-323992/

Кортунов А. Коронавирус: новый баг или фича мировой политики? (Kortunov A. Coronavirus: a new bug or a feature of world politics?) Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/koronavirus-novyy-bug-ili-ficha-mirovoy-politiki/>

Кортунов А. Кризис миропорядка и глобальный Юг (Kortunov A. The Crisis of the World Order and the Global South). Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/activity/publications/krizis-miroporyadka-i-globalnyy-yug/>

Кортунов А. Российская внешняя политика и коронавирус: возможность и угрозы (Kortunov A. Russian Foreign Policy and Coronavirus: Opportunity and Threats). Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/covid-19-presents-both-opportunities-and-threats-to-russia-s-foreign-policy/>

Лисоволик Я. Глобальная перестройка ценностей: как изменить институциональную структуру? (Lisovolik Ya. Global restructuring of values: how to change the institutional structure?). Режим доступа: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/globalnaya-perestroyka-tsennostey/>

Лукин А. Пик миновал? Российская стратегия в отношении Китая в новую эпоху (Lukin A. The Peak Passed? Russian Strategy towards China in the New Era). Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/articles/pik-minoval/>

Лукьянов Ф. Евразия после пандемии (Lukyanov F. Eurasia after the pandemic). Режим доступа: <https://rg.ru/2020/04/15/lukyanov-v-ekonomicheskoy-sfere-vzaimnaia-izolitsiia-nevoz> Режим доступа: mozhnai.html

Лукьянов Ф. Холодная война США и Китая грозит отвлечь Россию от ее внутренних проблем (Lukyanov F. The Cold War between the United States and China threatens to distract Russia from its internal problems). Режим доступа: <https://profile.ru/columnist/dialektika-grablej-315753/>

Тимофеев И., Барабанов О., Бордачев Т., Лисоволик Я., Лукьянов Ф., Сушенцов А. Не одичать в «осыпающемся мире» (Timofeev I., Barabanov O., Bordachev T., Lisovolik Y., Lukyanov F., Sushentsov A. Do not run wild in the “crumbling world”). Режим доступа: <https://ru.valdaiclub.com/files/33222/>

Тренин Д. Как России удержать равновесие в посткризисном биполярном мире (Trenin D. How can Russia keep the balance in the post-crisis bipolar world). Режим доступа: <https://carnegie.ru/commentary/81541>

Яковенко А. Новая биполярность: кто не с нами, тот против нас (Yakovenko A. New bipolarity: whoever is not with us is against us). Режим доступа: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/novaya-bipolyarnost-cto-ne-s-nami-tot-protiv-nas/?sphrase_id=47916484

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10032

МИРОВОЙ ПОРЯДОК В «ПОСТПАНДЕМИЧЕСКОМ МИРЕ» И СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ВЫБОР РОССИИ

Фэн Юйцзюнь

Фуданьский университет,
Шанхай, Китай

Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 24 октября 2020 <i>Принята к печати:</i> 3 июня 2021	Аннотация: Распространение COVID-19 обострило существующие глобальные конфликты и глубоко изменило глобальный политический, экономический ландшафт и ландшафт безопасности, развивавшийся после окончания холодной войны. В последнее время российские лидеры и эксперты аналитических центров много рассуждали о международном ландшафте, мировом порядке, процессе глобализации и отношениях между крупными странами в «постпандемическую эпоху». По мере ускорения процесса изменения мирового порядка Россия сталкивается с новыми стратегическими возможностями, впервые после окончания холодной войны. Со стратегической точки зрения в новых обстоятельствах России необходимо изменить свое внешнеполитическое мышление, укрепить свою позицию в Совете Безопасности, углубить евразийское интеграционное сотрудничество, умело управлять трехсторонними отношениями между Россией, Китаем и США, уравновесить отношения с Китаем и стремиться к улучшению российско-американских отношений.
Об авторе: профессор, заместитель директора Института международных исследований, Фуданьский университет e-mail: sravnitpolit@mail.com	
Ключевые слова: постпандемический мир; международные отношения; мировой порядок; Россия; стратегический выбор	

Для цитирования: Yujun Feng. The “Post-Pandemic Era” World Order and Russia’s Strategic Choice // *Сравнительная политика*. 2021. № 3. С. 123-141.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10032

For citation: Yujun Feng. The “Post-Pandemic Era” World Order and Russia’s Strategic Choice // *Comparative Politics Russia*, 2021, No. 3, pp. 123-141.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10032

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10033

ВОЕННАЯ СТРАТЕГИЯ И ВОЕННОЕ ПРИСУТСТВИЕ КНР В АФРИКЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ РАКУРС

Евгений Ильич Зеленев

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия*

Мария Алексеевна Солощева

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия*

Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 23 января 2021 <i>Отравлена на редактирование</i> 15 февраля 2021 <i>Принята к печати:</i> 16 апреля 2021	Аннотация:Статья посвящена сравнительно-историческому анализу военного компонента во внешней политики КНР в Африке. Краткий исторический очерк дает представление о китайской политике в Африке после окончания Второй мировой войны и о впечатляющем укреплении китайского политического и экономического влияния на африканском континенте в период с 2000 по 2020 г. Особое внимание уделено причинам политической нестабильности во многих африканских странах, военно-политической роли США на Черном континенте, миротворческой деятельности ООН и участию военного контингента КНР в специальных операциях этой международной организации. Авторы делают вывод о постепенной эволюции содержания концепции «ответственной державы», занимающей заметное место в официальной внешнеполитической доктрине КНР, исследуется генезис этого понятия в периоды правления трех председателей Госсовета КНР – Цзянь Цзинмина (1993-2003 гг.), Ху Цзиньтао (2003-2013 гг.) и Си Цзиньпина (после 2013 г.), а также рассматриваются этапы формирования китайской военно-политической доктрины, ряд положений которой изложены в «Белых Книгах» Госсовета КНР (2015, 2019, 2020 гг.). В статье анализируется претворение в жизнь военно-политической доктрины КНР в Африке, создание в Республике Джибути первой зарубежной многофункциональной военной базы КНР, констатируется переход Китая от двусторонней модели отношений с африканскими странами к блоковой дипломатии в контексте обеспечения коллективной безопасности участников политических объединений.
Об авторах: <i>Е.И. Зеленев</i>, профессор, руководитель Департамента востоковедения и африканистики, НИУ ВШЭ e-mail: evzelenev@gmail.com <i>М.А. Солощева</i>, доцент Департамента востоковедения и африканистики, НИУ ВШЭ e-mail: mary1685@mail.ru	
Ключевые слова: Китай в Африке; военная стратегия КНР; военная база в Джибути; США в Африке; концепция «ответственной державы»; «умная сила»	

Данная статья посвящена исследованию генезиса военного аспекта китайской политики в Африке в сравнительно-исторической ретроспективе, а конкретно – анализу того, каким военно-политическим потенциалом в Африке обладает КНР и какие военно-политические силы угрожают китайским

экономическим и политическим интересам на африканском пространстве, а также тому, какие изменения претерпела китайская политика и обслуживающая ее официальная китайская геополитическая доктрина в этой части мира за два первых десятилетия XXI века.

К истории вопроса

После 1956 г. африканское направление внешней политики СССР заметно активизировалось. Это было вызвано, во-первых, обострением холодной войны между СССР и США, в которую были вовлечены союзники с обеих сторон¹; во-вторых, кризисом советско-китайских отношений после XX съезда КПСС, на котором был разоблачен культ личности И.В. Сталина, что было неоднозначно воспринято руководством КНР².

В результате разрушения колониальных империй Великобритании, Франции, Италии, Испании, Бельгии и деколонизации Африки к 80-м г. XX в. возникло около 50-ти суверенных африканских государств, практически сразу оказавшихся в орбите влияния одного из двух враждующих военных блоков, или/и – КНР. После распада СССР в 1991 г. и снижения интереса США к африканским странам, многие из них утратили политическую стабильность, поскольку не могли существовать без внешней поддержки³.

В этот сложный для многих африканских стран момент в начале 2000-х на Черном континенте активизировался Китай, готовый торговать, вкладывать в местные экономики значительные суммы денег, снаб-

жать местные режимы оружием, брать на себя масштабные инфраструктурные проекты и вести иной совместный бизнес со своими африканскими партнерами⁴. США незамедлительно среагировали на китайский поворот к Африке собственной панафриканской внешнеполитической программой.⁵

От внешнего наблюдателя не ускользнул факт, что с 2019 г. КНР официально заявила о трех важных инициативах: во-первых, о переходе от двусторонних отношений с африканскими странами к многосторонним с акцентом на мультилатерализм, что можно трактовать как переход к блоковой дипломатии; во-вторых, о распространении на Африку китайских инициатив в области коллективной безопасности и поддержания мира путем развития китайско-африканского военного сотрудничества; в-третьих, в ответ на угрозу США сократить финансовую и военную поддержку миротворческих миссий ООН в Африке, КНР заявила о готовности более активно участвовать в африканских миротворческих миссиях ООН⁶.

На официальном уровне КНР неизменно подчеркивает миролюбивый характер своей политики в Африке, а сотрудничество с ООН по африканским вопросам называет приоритетным направлением своей внешней политики, которая опирается на ресурс

¹ Поворот СССР к активной политике в Африке был связан с провозглашенным Н.С. Хрущевым тезисом о возможности избежать ядерной войны и вытекающей из этого необходимостью поддерживать баланс сил между СССР и США невоенными средствами в условиях мирного сосуществования двух антагонистических социальных систем. Весь мир, включая Африку, превращался в арену жесткого геополитического противостояния конкурирующих сверхдержав.

² Формально съезд КПК в 1956 г. поддержал решения XX съезда КПСС, однако в официальном китайском идеологическом пространстве с подачи Мао Цзэдуна вошел в обиход тезис о том, 70% дел Сталина были хорошие, а плохие – только 30%, что не устраивало советскую верхушку.

³ Был свергнут режим Менгисту Хайле Мариам в Эфиопии, обострились гражданские войны в Анголе и Судане, вспыхнула гражданская война в Алжире, сменилась идеология политического режима в Мозамбике, коллапсировал режим Мохаммеда Сиад Барре в Сомали.

⁴ Подробнее см.: Зеленев Е.И., Солощева М.А. Китайское проникновение в Африку: сравнительно-историческая ретроспектива // Сравнительная политика. 2020. Том 11. № 4. С. 106-122. [Zelenев, E.I., Soloshcheva M.A. Kitaiskoe pronikновение v Afriku: sravnitel'no-istoricheskaia retrospektiva (Chinese Rush to Africa: a Comparative Historical Analysis) // *Comparative Politics, Russia*, 2020, No. 4, Pp. 106-122.]

⁵ Фитуни Л.Л. На пути к новой биполярности: геоэкономика и геополитика противостояния в Африке // Контуры глобальной трансформации: политика, экономика, право. 2019. Том 12. № 3. С. 6-29. С. 13. [Fituni, L.L. Na puti k novoi bipoliarnosti: geoeconomika i geopolitika protivostoianiiia v Afrike (Towards a Neo-bipolar Model of the World Order: Scouting Game in Africa) // *Political Processes in the Changing World*, 2019, No. 12 (3). Pp. 6-29.]

⁶ Hodzi, O. The end of China's non-intervention policy in Africa. Cham, Pallgrave Macmillan, 2019. 266 p.

умной силы (*smart power*), то есть, сочетая экономические стимулы и мягкую силу. За последние 20 лет Китай, применяя эти методы в Африке, весьма преуспел.

КНР есть, что терять в Африке

Объем африкано-китайского товарооборота превышает \$200 млрд, что в 3 с лишним раза больше этого показателя у Индии, Франции, США, Испании или Германии (см. Рис. 1). По данным за 2019 г. на китайскую продукцию приходится 17,6% всего импорта африканских стран, причем в валовом торговом балансе КНР китайско-африканская торговля составляет лишь около 4,5%⁷. Иными словами, потенциал китайской торговли в Африке далеко не исчерпан.

Рисунок 1

Динамика африканской внешней торговли с ведущими торговыми партнерами (2001-2019 гг.)⁸

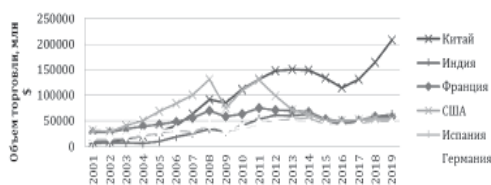

Figure 1. Trends in African Foreign Trade with Leading Trading Partners (2001-2019)

Наряду с торговой экспансией, КНР осуществляет масштабные инвестиции в отдельные африканские страны – за последние семь лет объем накопленных «китайских инвестиций» в Африку вырос более чем в 2 раза. По данным на 2019 г. лидерами по объему накопленных китайских инвестиций в Африке были ЮАР (\$6,1 млрд), ДР Конго (\$5,6 млрд), Ангола (\$2,9 млрд), Замбия (\$2,9 млрд), Эфиопия (\$2,6 млрд) и Нигерия (\$2,2 млрд), которые охотно принимали инвестиционные вливания и от других государств и международных институтов⁹.

⁷ 中国统计年鉴2020 [Статистический ежегодник Китая 2020]. Mode of access: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2020/indexch.htm>

⁸ Составлено авторами на основе 中国统计年鉴2020 [Статистический ежегодник Китая 2020]. Mode of access: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2020/indexch.htm>

⁹ 2019年度中国对外直接投资统计公报. 北京:

Примечательно, что рост китайских инвестиций в Африку происходит на фоне замедления и даже сокращения этого показателя у ряда европейских стран и США (см. Рис. 2). За пятилетний период (2014-2018 гг.) рост вложений в страны Африки, кроме Китая, показали только Нидерланды (\$20 млрд) и Италия (\$10 млрд), а инвестиции в Африку из Франции, Великобритании и США упали на \$7, 18 и 21 млрд соответственно¹⁰. В 2019 г. впервые за 10 лет был зафиксирован отток китайских инвестиций из Африки.

Рисунок 2

Потоки китайских и американских инвестиций в Африку (2009-2018 гг.)¹¹

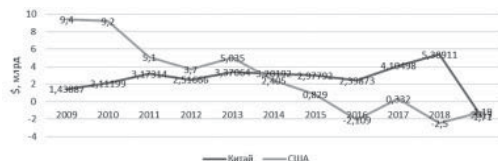

Figure 2. Chinese and American Investment Flows to Africa (2009-2018)

Интерпретировать ситуацию 2019 г. можно двояко: во-первых, в 2019-2020 г. началось апробирование принципа «двойной циркуляции», когда главный упор в КНР стал делаться на внутренний рынок, куда и были направлены инвестиции. Второй же аспект этого принципа – стимулирование внутреннего рынка к взаимодействию с внешними рынками, включая африканские, еще в полной мере не заработал. С другой стороны, возможно, новый вектор китайской экономической политики косвенно связан с тем, что внутриафриканские инвестиции

中国商务出版社, 2020. [Статистический бюллетень исходящих прямых инвестиций из Китая за 2019 год. Пекин: Издательство Китайской коммерции, 2020. 167 с.]. С.49-61.

¹⁰ World Investment Report 2020. Mode of access: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2020_en.pdf

¹¹ Составлено авторами на основе 中国统计年鉴2020 [Статистический ежегодник Китая 2020]. Mode of access: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2020/indexch.htm>, Direct investment position of the United States in Africa from 2000 to 2019 // Statista Research Department, 9.12.2020. Mode of access: <https://www.statista.com/statistics/188594/united-states-direct-investments-in-africa-since-2000/>

(из Африки в Африку, преимущественно из ЮАР) за последние годы увеличились многократно (с \$7 млрд в 2017 г. до \$35 млрд в 2018 г.), компенсировав снижение уровня инвестиций из КНР.

По данным за 2018 г. КНР занимал только пятое место по совокупным накопленным инвестициям в Африке (\$46 млрд) после Нидерландов (\$79 млрд)¹², Франции (\$53 млрд), Великобритании (\$49 млрд) и США (\$48 млрд)¹³, которые формально и фактически являются союзниками и по многим вопросам действуют сообща. Совокупный размер накопленных зарубежных инвестиций четырех вышеназванных стран пока почти в пять раз превышает этот показатель Китая. Даже с учетом 60 млрд, которые в 2018 г. Си Цзиньпин обещал инвестировать в Африку, до победы в инвестиционной «схватке за Африку» Китаю еще очень далеко. Чтобы не переоценить значение африканского проекта для самого Китая отметим, что, по данным на конец 2019 г, на африканские страны приходится менее 2,1% всех китайских зарубежных накопленных инвестиций¹⁴.

Тем не менее, уже сегодня политика КНР в Африке может быть охарактеризована как panaфриканская, а влияние Китая на отдельные страны Черного континента носит характер «опеки и попечительства». К данному моменту соглашениями в рамках проекта «Один пояс – один путь» с КНР связано 44 из 54 государств Африки, причем у большинства из этих стран внешнеэкономический долг, имевшийся и раньше, вырос многократно – практически все они теперь должны Китаю.¹⁵ В июне 2019 г. в Пекине прошел очередной форум «Пояса и пути», в котором приняло участие около 40 государств мира. Из Африки на него при-

были лидеры Джибути, Мозамбика, Кении и Эфиопии, капиталовложения в которые со стороны КНР весьма велики. Эти четыре африканских государства – «несущие конструкции» китайского проекта в Африке, особенно в её Северо-Восточном сегменте. Цели приезда африканских лидеров никто не скрывал – переговоры о снижении долговой нагрузки на их страны. Результат переговоров – реструктуризация государственного долга этих стран Китаю с неизбежными в этом случае уступками политического и экономического характера, обеспечивающими Китаю в этих государствах привилегированное положение.

Предлагаемые Китаем африканским странам проекты по большей части носят инфраструктурный характер (обычно в сфере логистики и энергетики): порты, мосты, железнодорожные магистрали, автомобильные дороги, ГЭС, ТЭС, ЛЭП и тому подобные объекты, обеспечивающие экономическое развитие африканских стран. Афросоюз назвал КНР важнейшим драйвером африканского экономического роста, нет недостатка в благодарственных оценках Китая со стороны многих африканских государственных лидеров¹⁶. Правда есть и обратная сторона: все экономические объекты КНР в Африке строятся в долг, а если африканские страны не способны платить, то построенные объекты переходят в собственность КНР. Это уже грозит африканцам полукOLONиальной зависимостью от Китая, причем не в долгосрочной или среднесрочной перспективе, а непосредственно сегодня, сейчас¹⁷.

Китайские инвестиционные программы, которых в настоящее время в различных африканских странах осуществляется

¹² Более 2/3 голландских инвестиций распределяются между Египтом, Нигерией и ЮАР

¹³ World Investment Report 2020. Geneva, United Nations Publications, 2020. 247 p.

¹⁴ 中国统计年鉴2020 [Статистический ежегодник Китая 2020]. Mode of access: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2020/indexch.htm>

¹⁵ Loan Data / China-Africa research Initiative, 17.07.2020. Mode of access: <http://www.sais-cari.org/data>

¹⁶ Communiqué on the Visit of the African Union Commission Chairperson to the People's Republic of China // African Union Press Release, 09.02.2018 Mode of access: <https://au.int/en/pressreleases/20180209/communiqu%C3%A9-visit-african-union-commission-chairperson-peoples-republic-china>

¹⁷ 卢光盛, 马天放 “一带一路”建设中的“99年租期”风险: 由来、影响及应对(Лу Гуаншэн, Ма Тяньфан Риски 99-летней аренды в рамках проектов «Пояса и Пути»: происхождение, влияние и ответы) // 《亚太经济》2020年第1期 5-15页

несколько десятков, увязаны с программой «Морского Шелкового пути» применительно к Африке. Они решают задачу проникновения вглубь континента через прибрежные порты с помощью идущих от берега мультимодальных транспортных коридоров. Цель же транспортных коридоров состоит в расширении логистических возможностей для беспрепятственного ввоза в Африку китайских товаров и вывоза многообразного африканского экспорта, прежде всего продукции подконтрольных Китаю африканских предприятий сырьевого и несырьевого профиля, а также энергоносителей¹⁸.

Это подразумевает необходимость обеспечение безопасности китайскому государственному и частному бизнесу, желающему вести дела на континенте.

Конфликтогенность Африки: реальность и перспективы

Абсолютное большинство африканских стран можно отнести к государствам с высоким потенциалом политической нестабильности. Причин этого много, но важнейшая из них – антагонизм между государством и обществом в Африке, поскольку заимствованные «национальные» модели государственности были искусственно применены к местным условиям, демонстрируя сегодня свою неэффективность. Свой вклад в нестабильность вносят имитационный тип демократии, государственная коррупция, трайбализм и непотизм всех видов, наконец, применение в государственном управлении, наряду с принципами рационализма, совершенно иррациональных методов государственного регулирования, присущих исключительно традиционным обществам.

В обозримом будущем все эти особенности политической, общественной и духовной организации африканских стран сохранятся, а значит их развитие (экономическое, политическое, социальное) останется неустойчивым, склоняющимся к зависимому типу.

На сегодняшний день в африканском регионе сконцентрировано самое большое в мире количество вооруженных конфликтов и войн, умиротворению которых служат специальные операции голубых касок ООН и Афросоюза, региональные системы коллективной безопасности, вооруженные операции отдельных стран (Франции, США и др.). В настоящее время в Африке проводится 6 крупных военных операций ООН (Западная Сахара, ЦАР, Мали, ДРК, Судан, Южный Судан), в которых задействовано более 68 тысяч человек военного и гражданского персонала. ООН кроме крупных операций имеет в Африке 7 постоянных политических представительств и миссий наблюдателей (UNOWA – в Западной Африке; UNIOGBIS – в Гвинее-Бисау; MINURSO – в Восточной Сахаре; UNSMIL – в Ливии; UNSOM – в Сомали; UNIOCA – в Центральной Африке; MENUB – в Бурунди). Важный центр взаимодействия с ООН – город Энтебба (Уганда), где расположен пункт материального обеспечения военных операций ООН в Африке¹⁹.

У КНР имеется серьезный опыт сотрудничества с ООН в военной сфере. За период с 1991 г. по настоящее время в 16 африканских странах прошли службу свыше 30 тыс. китайских военнослужащих. В действующих миротворческих миссиях ООН в ЦАР, ДРК, Западной Сахаре, Мали, Судане и Южном Судане расквартировано более 2 тыс. китайских военных (см. Таб. 1).

¹⁸ Нефть в КНР идет из Анголы, Конго и Ливии, пиломатериалы – из Габона, Камеруна и Мозамбика, различные руды, драгоценные и полудрагоценные камни – из ЮАР и ДР Конго.

¹⁹ Операции ООН по поддержанию мира. 2020 (UN Peacekeeping Operations. 2020). Mode of access: <https://peacekeeping.un.org/ru/where-we-operate>

Таблица 1

Численность китайских военнослужащих в составе войск ООН в Африке по данным на конец 2020 г.*

Место проведения миротворческой операции	Время проведения операции	Контингент китайских военнослужащих
Западная Сахара	апрель 1991 – по наст. вр.	16
Судан	июль 2007 – по наст. вр.	364
Южный Судан	июль 2011 – по наст. вр.	1074
ДРК	июль 2010 – по наст. вр.	230
ЦАР	2014 – по наст. вр.	2
Мали	апрель 2013 – по наст. вр.	426

* Таблица составлена авторами на основе: *United Nations Peacekeeping Operations, Special Political Missions and Other Political Presences, 2020. Mode of access: <https://www.unmissions.org/>*

Table 1. The number of Chinese military personnel in the UN forces in Africa as of the end of 2020

Всего за 30-летний период КНР участвовала в 25 ооновских миротворческих операциях, заняв второе место среди постоянных членов Совета Безопасности ООН по этому показателю²⁰.

Доминирующая военно-политическая роль США в Африке

На африканском геополитическом поле США – это, безусловно, игрок номер один. Тем опаснее наметившаяся в последнее время непоследовательность США в африканской политике. Если администрация Барака Обамы рассматривала Африку как перспективный регион, где американские лидирующие позиции следует наращивать, то Дональд Трамп видел в африканском внешнеполитическом направлении скорее проблему, чем потенциальную выгоду и перспективу. Уже в самом начале своего президентства Д. Трамп объявил о проведении политики противодействия американским геополитическим конкурентам в Африке, а в 2018 г. помощник президента США по национальной безопасности Дж. Болтон, анонсировавший «Новую стратегию США в Африке», уточнил, что этими главными геополитическими против-

никами являются, во-первых, Китай, а, во-вторых, Россия²¹. В октябре 2019 г. во время пресс-конференции в Кабуле экс-министр обороны США (в 2019-2020 гг.) Марк Томас Эспер заявил, что просит всех своих командиров изыскать ресурсы и время для усиления противодействия двум главным врагам США – КНР, и второму – РФ²².

В аналитической статье в *New York Times* авторы утверждают, что Марк Эспер, исполняя прямое распоряжение президента Трампа, рассматривал вопрос о частичном выводе войск США из Западной Африки (Нигер, Чад и Мали). Заявления о перегруппировке или даже о сокращении американских войск в Африке были сделаны на фоне дискуссии о глобальной военной стратегии США и их избыточной вовлеченности в

²⁰ 中国军队参加联合国维和行动30年》白皮书 // 中华人民共和国国务院新闻办公室 (2020年9月) [Белая книга «Вооруженные силы Китая: 30 лет миротворческих операций ООН» // Информационное бюро Госсовета КНР (Сентябрь 2020 г.)]. Mode of access: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/32832/Document/1687750/1687750.htm>

²¹ Фитуни Л.Л. На пути к новой биполярности: геэкономика и геополитика противостояния в Африке // *Контуры глобальной трансформации: политика, экономика, право*. 2019. Том 12. № 3. С. 6-29. [Fituni, L.L. Na puti k novoi bipoliarnosti: geoeconomika i geopolitika protivostoianii v Afrike (Towards a Neo-bipolar Model of the World Order: Scouting Game in Africa) // *Kontury global'noy transformatsii: politika, ekonomika, pravo*, 2019, No. 12 (3). Pp. 6-29.]

²² Remarks by Secretary Esper in a Joint Press Conference With Senior Afghan Officials and Resolute Support Mission Commander // US Department of Defence, 21.10.2019. Mode of access: <https://www.defense.gov/Newsroom/Transcripts/Transcript/Article/1994448/remarks-by-secretary-esper-in-a-joint-press-conference-with-senior-afghan-offic/>

локальные конфликты, не представляющие прямой угрозы американской безопасности. В частности, предполагалось вывести войска из района расположения 201-ой воздушной базы беспилотников в Нигере недалеко от Огадессы, откуда ВВС США осуществляют полеты беспилотников «Риперс», обеспечивающих разведанными французский контингент, привлеченный к операции «Барахан»²³. Речь шла о передислокации их на расположенную в Джибути военную базу Кэмп-Лемонье (Camp Lemonnier), которая считается крупнейшим из более 60 военных объектов США в Африке. На ней дислоцируется около 5 тысяч американских военнослужащих. Всего же в Африке насчитывается от 6 до 7 тысяч американских военных, часть из которых, как уже говорилось, дислоцируется в проблемных регионах Сахаро-сахельской зоны, а также в Сомали, где 500 американских спецназовцев воюют против исламских боевиков «Аш-Шабаб»²⁴.

Глава Африканского командования США Стефан Таунсенд настоятельно рекомендовал не ослаблять, а, напротив, усилить противодействие США в Африке растущему влиянию Китая и России²⁵. 14 января 2020 г. президент Франции Эммануил Макрон критически оценил идею вывода американских войска из Западной Африки. По его словам, это может обернуться «плохими новостями». Многие аналитики убеждены, что новая американская администрация президента Дж. Байдена скорее всего вернется к

базовым принципам африканской политики администрации Б. Обамы²⁶.

Однако не стоит недооценивать объективной реальности, когда КНР уже воспользовалась ситуацией и стала наряду с США панафриканским политическим и экономическим игроком, охватив своим влиянием практически все африканские государства в рамках двух внешнеполитических инициатив – Форума сотрудничества Китай-Африка (ФСКА) и доктрины «Пояса и Пути».

Концепция ответственной державы

С конца 1990-х по конец 2000-х г. в КНР получила развитие и укоренилась концепция Китая как *ответственной державы* (кит. 负责任大国), то есть государства, чьи собственные интересы взаимозависимы с интересами всего человечества. Концепция *ответственной державы* применительно к КНР полностью оформилась в государственную доктрину к концу правления Ху Цзиньтао (2003-2013 гг.), и была продолжена на новом концептуальном уровне Си Цзиньпином после 2013 г.²⁷ В настоящее время эта формулировка, как правило, соседствует во внешнеполитическом дискурсе Китая с концепцией *Сообщества единой судьбы человечества* (кит. 人类命运共同体).

По поводу того, в какой мере доктрина ответственной державы применима к китайской политике в Африке, существуют различные мнения. Одно из них заключается в том, что КНР начинает проводить в Африке избирательную политику, оказывая наибольшее покровительство тем африканским

²³ США до последнего времени поддерживали антитеррористические операции Франции в регионе Западной Африки, тратя на эти цели около \$45 млн в год. (Cooper H., Gibbons-Neff T., Savage Ch., Schmitt E. Pentagon Eyes Africa Drawdown as First Step in Global Troop Shift // New York Times, 24.12.2019. Mode of access: <https://www.nytimes.com/2019/12/24/world/africa/esper-troops-africa-china.html>)

²⁴ Sun, D., Zoubir, Y.H. The Eagle's Nest in the Horn of Africa: US Military Strategic Deployment in Djibouti // Africa Spectrum, 2016, No. 1, pp. 111-124.

²⁵ Cooper, H., Gibbons-Neff T., Savage Ch., Schmitt E. Pentagon Eyes Africa Drawdown as First Step in Global Troop Shift // New York Times, 24.12.2019. Mode of access: <https://www.nytimes.com/2019/12/24/world/africa/esper-troops-africa-china.html>

²⁶ Maclean, R. France Summons African Leaders, Threatening Troop Pullout // New York Times, 12.01.2020. Mode of access: <https://www.nytimes.com/2020/01/12/world/africa/france-sahel-summit.html>

²⁷ Портяков В.Я. Становление Китая как ответственной глобальной державы. [Portiakov, V.Ia. Stanovlenie Kitaia kak otvetstvennoi global'noi derzhavy (The Formation of China as a Responsible Global Power)]. М.: ИДВ РАН, 2013. Лексютина Я.В. Китай как ответственная великая держава. [Leksiutina, Ia.V. Kitai kak otvetstvennaia velikaia derzhava (China, Great Power Responsibility, And Global Leadership)] // *Международные процессы*. 2018, № 2. С. 60-72.

государствам, которые без колебаний приняли китайские правила политической игры и включились в сотрудничество в рамках ФСКА и «Пояса и пути». В отношении других африканских государств, выражающих сомнения в целесообразности безоговорочного следования в фарватере китайской внешней политики, Пекин не спешит взять на себя миссию *ответственной державы*, к которой его подталкивают политические акторы условного Запада.

Характерным примером может служить вовлеченность КНР в блок международных проблем, связанных с Южным Суданом. В 2013 г. Китай попытался выступить посредником в суданском внутреннем конфликте, причем это было сделано под нажимом мирового общественного мнения. Мировое сообщество справедливо указывало, что десятки китайских компаний, работающих в Южном Судане, начиная с 2005 г., делают Китай ответственным за происходящие в этом регионе события. В итоге КНР выступила политическим и экономическим спонсором выделения Южного Судана в суверенное государство²⁸. Сегодня КНР по отношению Южного Судана ведет себя как страна-попечитель, хотя южно-суданская нефть составляет менее 1% китайского импорта сырой нефти. Две крупнейших китайских энергетических компании CNPC и Sinopec располагают крупными пакетами акций в южно-суданских нефтедобывающих компаниях. Доля Китая в экспорте из Южного Судана стабильно составляет более 95%, хотя логистические условия поставок из Южного Судана далеко не оптимальные²⁹.

Активизацию своего участия в операциях ООН в Африке Китай также объясняет необходимостью «брать на себя ответственность великой державы» за сохранение мира и создание *Сообщества единой судьбы человечества*³⁰. Когда интересы Китая затронули

гражданские войны в африканских странах, руководство КНР было вынуждено впервые отправить в Африку подразделения НОАК, что противоречило принципам Движения неприсоединения о «невмешательстве во внутренние дела иностранных государств». Ясность наступила в сентябре 2020 г., когда в Белой книге Госсовета КНР появился целый параграф, в котором не без гордости описывался вклад Китая в военную поддержку стран Африки, включая безвозмездную поставку им вооружений. Там же говорится о том, что Китай и в дальнейшем будет расширять свое участие в миротворческих миссиях ООН в этой части мира³¹.

Образ *ответственной державы* подтверждает § 6.1 официального трехлетнего плана взаимодействия, принятого по итогам Форума сотрудничества Китай и Африка 2018 г. В этом параграфе, тщательно упакованном внутри весьма заурядного политического документа, говорится о том, что в актуальной перспективе ближайших лет предпочтительным форматом сотрудничества КНР с африканскими странами станут не двусторонние, а трехсторонние и многосторонние отношения, в которых важным принципом будет защита государственной безопасности³². Иными словами, Китай призывает африканские страны подумать о создании совместно с КНР военно-политических и одновременно экономических межгосударственных объединений, наподобие НАТО.

公室 (2020年9月) [Белая книга «Вооруженные силы Китая: 30 лет миротворческих операций ООН» // Информационное бюро Госсовета КНР (Сентябрь 2020 г.)]. Mode of access: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/32832/Document/1687750/1687750.htm>

³¹ 《中国军队参加联合国维和行动30年》白皮书 // 中华人民共和国国务院新闻办公室 (2020年9月) [Белая книга «Вооруженные силы Китая: 30 лет миротворческих операций ООН» // Информационное бюро Госсовета КНР (Сентябрь 2020 г.)]. Mode of access: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/32832/Document/1687750/1687750.htm>

³² 中非合作论坛—北京行动计划 (2019—2021年) [Пекинский план действий участников Форума Китай-Африка]. Mode of access: <https://www.focac.org/chn/zywx/zywj/t1592247.htm>

²⁸ Hodzi, O. The End of China's Non-Intervention Policy in Africa. Cham, Pallgrave Macmillan, 2019. 266 p. Pp. 169-197.

²⁹ 中国统计年鉴2020 [Статистический ежегодник Китая 2020]. Mode of access: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2020/indexch.htm>

³⁰ 《中国军队参加联合国维和行动30年》白皮书 // 中华人民共和国国务院新闻办

Вовлеченность КНР в военные процессы в Африке подтверждается поставками КНР вооружений африканским странам: военно-морские суда Алжиру (3 фрегата), иное вооружение в Алжир, Анголу, Марокко, Судан, Южный Судан и др.³³ Сегодня уже не только де-факто, но и де-юре можно говорить о китайском военно-политическом проникновении в Африку как о свершившемся факте.

Джибути – мультинациональная геополитическая база

Джибути – это государство с населением около одного миллиона человек, расположенное в районе Африканского Рога на берегу Аденского залива у южного входа в Баб-эль-Мандебский пролив. С суши страна граничит с Эфиопией, Сомали и Эритреей, а в 20 морских милях от Джибути к северу расположен Йемен, причем в Сомали и Йемене уже много лет идут гражданские войны.

Джибути называют ключом к Красному морю, но сегодня это также ключ к пониманию масштабов китайского военного проникновения в Африку и перспектив этого проникновения. Армия Джибути – шесть тысяч бойцов, едва ли способна противостоять внешней агрессии, поэтому стратегический курс руководства страны – ни с кем не ссориться, сохраняя ровные отношения с американцами и французами, китайцами и японцами, итальянцами, испанцами, немцами и монархиями Аравийского полуострова. Сингапурско-дубайская модель экономического развития – вот идеал, к которому стремится руководство Джибути, используя для этого принцип, широко принятый в Африке: искать страну-лидера и становиться ее страной-последователем. Джибути уникален только в одном – он умудряется быть страной-последователем сразу у без малого десяти стран-лидеров, взаимоотношения между которыми на самом деле далеко не идеальные.

Путь самого Джибути к нынешнему весьма благоприятному положению был не-

простым. Страна получила независимость от Франции в 1977 г., а спустя два года один из двух главных этносов Джибути афары начал антигосударственную партизанскую войну против другой этнической группы – исса. Гражданская война с переменным успехом продолжалась до 2001 г. В июле 2008 г. между Джибути и Эритреей произошла краткосрочная пограничная война, которая завершилась победой Джибути, на стороне которой выступила Франция, которую поддержали в этом вопросе США. С 1999 г. во главе страны уже пятый президентский срок (вопреки протестам оппозиции) находится Исмаил Омар Гелле, представитель народности исса, между прочим уроженец Эфиопии. Именно при нем и благодаря нему страна стала буквально сосредоточением иностранных военных баз и воинских контингентов: на территории страны действуют военные базы США, Франции, Италии, Японии и, наконец, с 2017 г. КНР, расположены воинские контингенты Германии и Испании, а в 2008 г. на границе между Джибути с Эритреей были размещены миротворческие войска из Катара.

Расположенная в Джибути военная база Кэмп-Лемонье, как уже отмечалось выше, считается крупнейшим военным объектом США в Африке³⁴. На ней дислоцируется около 5 тысяч американских военнослужащих. Ежегодная арендная плата за базу обходится бюджету США в \$63 млн. Вторым по зна-

³⁴ По некоторым оценкам у США на африканском континенте имеется почти 500 объектов и логистических пунктов военного назначения или так называемых гражданских объектов смешанного военно-гражданского назначения. Наряду с военной базой в Джибути вторым крупнейшим объектом США в бассейне Индийского океана является база ВВС США на острове Диего-Гарсия, архипелага Чагос, аннексированного у Маврикия. (Фитуни Л.Л. На пути к новой биполярности: геоэкономика и геополитика противостояния в Африке // Контуры глобальной трансформации: политика, экономика, право. 2019. Том 12. № 3. С. 6-29. [Fituni, L.L. Na puti k novoi bipoliarnosti: geoeconomika i geopolitika protivostoianiiia v Afrike (Towards a Neo-Bipolar Model of the World Order: Scouting Game in Africa) // Political Processes in the Changing World, 2019, No. 12 (3). Pp. 6-29.]).

³³ Algerian Navy orders Chinese corvette // DefenceWeb, 30.06.2020. Mode of access: <https://www.defenceweб.co.za/featured/algerian-navy-orders-chinese-corvette>

чимости зарубежным военным объектом в Джибути считается военная база Французской Республики, которая имеет несколько площадок базирования (не стоит забывать, что до 1977 г. Джибути была французским протекторатом – Французской Территорией Афаров и Исса), на одной из которых выделены места для небольших воинских контингентов Испании и Германии. С 2011 г. в непосредственной близости от американской военной базы действует японская военная база, так же, как и у КНР единственная в своем роде, и, очевидно, не вполне согласуемая с «пацифистскими» статьями японской конституции. Все страны, имеющие военные контингенты в Джибути объясняют это стремлением защищать свои экономические интересы, так что китайское желание делать то же самое вполне естественно.

Еще одним претендентом на военное присутствие в Джибути, пока только потенциальным, выступает Саудовская Аравия. Она уже подписала соглашение о создании своей военной базы и даже внесла трехгодичную плату в бюджет Джибути за право пользования ее территорией в этих целях, но пока к созданию объекта не приступила – мешает военный конфликт в Йемене, в котором КСА – главный зарубежный участник³⁵.

Китай долго и тщательно взвешивал плюсы и минусы своего военного присутствия в Джибути (с 2013 г.). Сегодня эта маленькая африканская страна постепенно становится главной геополитической базой КНР в Восточной Африке. Важным инфраструктурным объектом, дополнившим геополитическое значение страны и укрепившим в ней позиции КНР, стало строительство открытой в 2016 г. 759-километровой железнодорожной магистрали, стоившей КНР \$3,3 млрд. и соединяющей Джибути (портовые сооружения, расположенные на территории китайской военной базы) со столицей Эфио-

пии Аддис-Абебой, где расположена одна из двух штаб-квартир panaфриканской организации – Афросоюза. Китаем обнародованы планы продления этой магистрали на юг вплоть до ЮАР и на запад, к сенегальскому побережью Атлантического океана – путешествие на трансафриканском экспрессе с юга на север и с запада на восток уже не за горами.

Уверенность в успехе инвестирования в Джибути китайская сторона обосновывает впечатляющими результатами внутрикитайского проекта – строительства в Шекоу (пров. Гуандун) многофункционального порта, зоны приема экспортных товаров, наземной инфраструктуры, включающей железную, шоссейную дороги и трубопровод, зоны свободной торговли и промышленных парков, благодаря которым город Шэньчжэнь превратился в один из крупнейших финансовых и промышленных хабов КНР³⁶. Китайская сторона называет свой проект в Джибути «моделью Шекоу», а африканские лидеры, в свою очередь, говорят о превращении Джибути в «новый Дубай»³⁷.

Если исключить конспирологические версии, то многофункциональная база в Джибути действительно нужна китайцам для защиты своих огромных инвестиций не только в экономику самого Джибути, но также в экономику Эфиопии – 110-миллионного африканского гиганта (уступает по численности населения в Африке только Нигерии), а также двух стран-последователей Китая – Судана и Южного Судана, имеющих протяженную границу с Эфиопией и играющих

³⁵ В 2019 г. на территории КСА были размещены около 3500 американских военнослужащих, прибывших туда с миссией усилить ПВО КСА после нападения дронов на нефтеперерабатывающие заводы в Восточной провинции. Теперь США настаивают на многомиллиардных компенсациях за эту услугу – базу в Джибути банально не на что строить.

³⁶ 林佳铭, 章强, 招商局港口「前港—中区—后城」模式的海外拓展之旅 // 中国港口 [Линь Цзямин, Чжан Цян. Путь расширения за рубежом модели Китайского Торгового Портa «Порт спереди – зона свободной торговли в центре – город позади»] // 中国港口, 2019年 第3期, 25 – 29页.

³⁷ Deng, Y. Building the Shekou of East Africa // China Daily, 27.03.2017 Mode of access: http://www.chinadailyasia.com/asiaweekly/2017-03/27/content_15592240_2.html; Kane F. The Man Who Wants to Make Djibouti the Next Dubai // The National, 17.03.2015. Mode of access: <https://www.thenational.ae/business/the-man-who-wants-to-makedjibouti-the-next-dubai-1.46688>

для КНР стратегическую роль в регионе Восточной и Северо-Восточной Африки. Не стоит также забывать, что военное присутствие КНР в Джибути – это гарантия безопасности грузоперевозок по Баб-эль-Мандебскому проливу, через который по разным оценкам проходит до 30% китайской внешней торговли и более 50% импортируемых Китаем энергоносителей³⁸. Необходимость для КНР военно-политического присутствия в Джибути имеет, таким образом, серьезные основания регионального масштаба.

Военная база КНР в Джибути: от идеи к реализации

Итак, геополитическая гарантия китайских планов на Черном континенте – многофункциональная военная база в Джибути. Речь идет об объекте, деликатно именуемом в Китае «Базой обеспечения Народно-освободительной армии Китая» (中国人民解放军驻吉布提保障基地). По информации Центрального Военного Совета КПК, предложение о создании базы в Джибути обсуждалось еще в 2013 г.³⁹ Как уже отмечалось выше, идеологическое основание создания первой зарубежной военной базы КНР было дано еще в 2015 г. в Белой книге «О военной стратегии», выпущенной Госсоветом КНР. В ней провозглашалась новая концепция военно-морской политики Китая, согласно которой защита территориальных вод Китая должна сопровождаться «обороной стратегических морских линий связи и защитой китайских интересов за рубежом» (近海防御、远海护卫)⁴⁰. В 2019 г. в новой Белой книге «Национальная оборона Китая в новую эру» концепция «защиты китайских интересов

за рубежом» получила развитие. В разделах «Уверенно следовать особому китайскому пути усиления армии» и «Никогда не претендовать на гегемонию и никогда не добиваться установления сфер влияния» впервые официально допускается деятельность НОАК за пределами КНР, в частности, создание базы в Джибути. Эти меры обосновываются необходимостью поддержания безопасности морских путей, сопровождения судов и проведения морских операций НОАК, связанных с эвакуацией ее граждан в чрезвычайных ситуациях и защитой морских прав КНР⁴¹.

Появление двух последних пунктов обычно связывают с событиями 2011 г. в Ливии⁴², когда Китай был вынужден с большими трудностями эвакуировать из этой страны более 35 тысяч своих граждан⁴³. Аналогичное ЧП произошло в марте 2015 г. в Йемене, откуда был эвакуирован 621 китайский гражданин, и еще 279 граждан из 15 других стран⁴⁴. Именно после этих событий, в сентябре 2015 г. Китай сформировал специальную группу быстрого реагирования численностью в 8000 военнослужащих в рамках «Системы обеспечения готовности миротворческого потенциала ООН»⁴⁵.

³⁸ Юсин М. Страна пяти баз (Country of five bases) / Коммерсантъ, 13.02.2017. Mode of access: <https://www.kommersant.ru/doc/3217935>

³⁹ Zhang, Tao. PLA's first overseas base in Djibouti / China Military Online, 12.04.2016. Mode of access: http://english.chinamil.com.cn/news-channels/pla-daily-commentary/2016-04/12/content_7002833.htm

⁴⁰中国的军事战略》白皮书 // 中华人民共和国国务院新闻办公室 (2015年5月) [Белая книга «Китайская военная стратегия» // Информационное бюро Госсовета КНР (Май 2015 г.)]. Mode of access: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/2015/Document/1435161/1435161.htm>

41 新时代的中国国防》白皮书 // 中华人民共和国国务院新闻办公室 (2019年7月24日) [Белая книга «Национальная оборона Китая в новую эру» // Информационное бюро Госсовета КНР (24 июля 2019 г.)]. Mode of access: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/32832/Document/1660314/1660314.htm>

42 В Ливии накануне событий «Арабской весны» 2011 г. работало 75 китайских компаний, включая 13 государственных, которые понесли в общей сложности убытки на сумму \$18-20 млрд, в том числе и по причине отсутствия у КНР средств защиты своих экономических интересов в этой стране.

43 Hodzi, O. The end of China's non-intervention policy in Africa. Cham, Pallgrave Macmillan, 2019. 266 p. Pp.115-126.

44 《中国军队参加联合国维和行动30年》白皮书 // 中华人民共和国国务院新闻办公室 (2020年9月) [Белая книга «Вооруженные силы Китая: 30 лет миротворческих операций ООН» // Информационное бюро Госсовета КНР (Сентябрь 2020 г.)]. Mode of access: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/32832/Document/1687750/1687750.htm>

45 Ibid.

Скорее поводом, чем причиной, создания военной базы в Джибути послужил инцидент с группой китайских специалистов в столице Мали Бамака 20 ноября 2015 г., когда террористы предположительно из движения «Аль-Мурабитун» совершили нападение на отель «Редиссон Блу», взяв в плен примерно 170 постояльцев и служащих отеля, включая семерых граждан КНР. В ходе освобождения заложников, в котором наряду со спецназом Мали участвовали военнослужащие Франции и США, трое китайцев погибли. По заявлению МИД КНР все трое были инженерно-техническими специалистами, которые отправились в Мали «для оказания помощи в развитии Африки»⁴⁶. В тот же день 20 ноября 2015 г. постоянный представитель КНР при ООН Лю Цзеи сделал заявление, в котором указал на необходимость «укрепления макроуправления миротворческими операциями» в Африке. Позже его слова были оформлены в пункт 3.4. «Безвозмездное оказание военной помощи Африканскому Союзу» упомянутой выше Белой книги, посвященной участию КНР в миротворческих операциях ООН (2020)⁴⁷.

Уже в следующем 2016 г. началось строительство в Республике Джибути китайской многофункциональной базы снабжения НОАК. Отсутствие в официальном китайском названии базы слова «военный», очевидно, призвано подчеркнуть мирный характер целей КНР в Африке, в то время как условия заключения договора, по словам министра иностранных дел Джибути Махмуда Али Юсуфа, «предельно понятны и одинаковы для всех стран, запросивших военное присутствие в Джибути»⁴⁸. Соглас-

но этому договору КНР отчисляет в бюджет Джибути – \$20 млн (Франция – \$36 млн, а США – \$63 млн), но при этом расходует на содержание базы с размещенным на ней контингентом еще свыше \$100 млн ежегодно. Максимально возможная численность военнослужащих на китайской военной базе в Джибути, в соответствии с официальным договором о строительстве базы, составляет 10 тыс. человек⁴⁹.

«База обеспечения Народно-освободительной армии Китая» в действии

В августе 2017 г. было официально объявлено об открытии базы, а 11 ноября 2017 г. китайское правительственное агентство Синьхуа заявило, что отряд китайских кораблей уже отправился из южно-китайского округа Чжэньцзян в Джибути. Представитель НОАК тогда же уточнил, что «база обеспечит выполнение Китаем таких миссий, как сопровождение, поддержание мира и гуманитарная помощь в Африке и Западной Азии»⁵⁰.

США попытались оказать давление на руководство Джибути в лице президента Исмаила Омара Гелле⁵¹ с целью не до-

соответствуют американским // Бовэн Пресс, 01.04.2016]. Mode of access: https://bowenpress.com/news/bowen_79643.html

⁴⁹ 王登科 苏成明 吉布提被冠为“军事基地”，外媒在唱哪出戏 // 中华人民共和国国防部 2016-10-25 [Ван Дэнькэ, Су Чэнмин. Джибути назвали «Военной базой», что еще споят ИноСМИ? // Министерство обороны КНР. 25.10.2016] Mode of access: http://www.mod.gov.cn/jmsd/2016-10/25/content_4752414.htm

⁵⁰ 国防部谈中国驻吉布提保障基地：为了更好地履行国际义务 // 人民日报, 30. 11. 2018 [Министерство обороны рассказывает о китайской базе снабжения в Джибути: чтобы еще лучше выполнять международные обязательства // Женьмин Жибао, 30.11.2018]. Mode of access: <http://military.people.com.cn/n1/2018/1130/c1011-30434450.html>; 吉布提军事基地是海外扩张第一步? 外交部回应 [Будет ли военная база в Джибути первым шагом к заморской экспансии? Отвечает МИД]. Mode of access: <https://www.fmprc.gov.cn/zflt/chn/zfgx/zfgxdfzc/t1477374.htm>

⁵¹ Исмаил Омар Гелле в 2019 г. был вновь был переизбран на президентский пост на очередной пятилетний срок, набрав 86,68% голосов избирателей.

⁴⁶ 3 Chinese citizens killed in Mali hotel siege, 4 rescued // *China Daily*, 21.11.2015. Mode of access: http://www.chinadaily.com.cn/world/2015-11/21/content_22506333.htm

⁴⁷ 《中国军队参加联合国维和行动30年》白皮书 // 中华人民共和国国务院新闻办公室 (2020年9月) [Белая книга «Вооруженные силы Китая: 30 лет миротворческих операций ООН» // Информационное бюро Госсовета КНР (Сентябрь 2020 г.)]. Mode of access: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/32832/Document/1687750/1687750.htm>

⁴⁸ 吉布提外长：中国的基地规模与美国相当 // 博闻社 2016年4月1日 [Министр иностранных дел Джибути: масштабы китайской базы

пустить строительство базы. Прибывший в Джибути в 2015 г. госсекретарь США Джон Керри порекомендовал руководству страны отказаться от идеи создания китайского военного объекта по соседству с базой США. Президент Джибути возразил, что китайская база не будет конкурентом американской, поскольку создается исключительно для защиты китайских инвестиций в экономику Джибути, а вовсе не для проведения военных операций на континенте⁵². Разумеется, это не соответствовало действительности. Очевидно, что президент Гелле проявил дипломатическую твердость, по-своему истолковав пожелание заокеанских партнеров. Территория для китайской базы была выделена, но на некотором удалении от военных баз стран НАТО и Японии, равно как и от столичного аэропорта, который находится под совместным американо-французским контролем, что дает возможность использовать имеющиеся взлетно-посадочные полосы в военных целях.

Китайский участок оказался расположен юго-западнее на побережье Аденского залива около многофункционального порта Дорале, построенного в 2017 г. незадолго до открытия китайской базы (23,5% акций порта Дорале принадлежат китайской государственной компании China Merchants Port Holdings Company Ltd.)⁵³.

Приняв это не очень выгодное с финансовой точки зрения предложение, китайцы энергично взялись за дело. Официально заявлено, что это будет многофункциональный порт с инфраструктурой, приспособленной

для приема крупнотоннажных судов. Пока речь идет только о судах торгового флота, однако в интервью в декабре 2019 г. представитель министерства обороны КНР, отвечая на вопрос, способен ли новый причал принять авианосец, не стал отрицать такую возможность, отметив, что «строительство соответствующих объектов идет в соответствии с планом»⁵⁴, правда, не уточнил, о каком плане идет речь. Поддерживая мнение о «неагрессивном» характере базы, китайцы упорно называют ее «логистическим кампусом», поскольку она находится в непосредственной близости от Аденского залива, через который проходит 20% всей международной торговли⁵⁵.

Параллельно со строительством военной базы и порта, китайцы подписали с властями Республики Джибути беспрецедентное экономическое соглашение, согласно которому в инфраструктурные проекты этой африканской страны должно быть инвестировано \$15 млрд – фантастическая сумма для такого крошечного государства, что безусловно выводит Джибути на одно из первых мест в Африке по объему иностранных капиталовложений на душу населения⁵⁶.

Наряду с уже упоминавшимся международным столичным аэропортом Амбули (с ежегодной пропускной способностью 250 тыс. человек), китайцы строят еще два аэропорта с ежегодной пропускной способностью 1500 и 800 тысяч человек соответственно, и это для страны с населением менее 1 млн человек! Все говорит о том, что Китай планирует использовать мощности новых аэропортов, во-первых, как транзитный хаб, который составит конкуренцию,

52 Sun, D., Zoubir, Y.H. The Eagle's Nest in the Horn of Africa: US Military Strategic Deployment in Djibouti // *Africa Spectrum*, 2016, No. 1, pp. 111-124.

53 Владение акциями позволяет Китаю также использовать принадлежащую порту Джибути инфраструктуру как в новом терминале Дорале, так и в старом порту Джибути, нефтяном терминале, а также в расположенных вдоль побережья Аденского залива терминалах Таджура (порт «для экспорта скота») и Губе (порт «для экспорта соли» из озера Ассаль). (Dutton, P.A.; Kardon, I.B.; Kennedy, C.M. China Maritime Report No. 6: Djibouti: China's First Overseas Strategic Strongpoint. US Naval war college, China Maritime Studies Institute, 04.01.2020. Pp.10-12.)

54 2019年12月国防部例行记者会文字实录 (2019年12月64日) [Протокол пресс-конференции Министерства обороны декабря 2019 (26.12.2019)]. Mode of access: http://www.mod.gov.cn/info/2019-12/26/content_4857590_2.htm

55 Spivak, V. Russia and China in Africa: Allies or Rivals? // Carnegie Moscow Center, 25.10.2019. Mode of access: <https://carnegie.ru/commentary/80181>

56 Dutton, P.A., Kardon, I.B., Kennedy C.M. China Maritime Report No. 6: Djibouti: China's First Overseas Strategic Strongpoint. US Naval war college, China Maritime Studies Institute, 04.01.2020. C. 5-6.

или, с учетом китайской вовлеченности в дела как Джибути, так и Эфиопии, будет работать в коллаборации с международным аэропортом в Аддис-Абебе – авиационным транзитным центром в этой части Африки; во-вторых, новые терминалы и взлетные полосы обеспечат военно-воздушный компонент китайской военной базы.

Проводя геополитический зондаж в различных странах и регионах Африки, КНР определилась с приоритетами: Джибути – ключевой военно-стратегический объект Китая на восточном африканском побережье. Именно оттуда начинается строительство мультимодальных транспортных коридоров вглубь африканского континента, предусмотренных проектом «Один пояс – один путь» для Африки. Напомним, что попытка использовать для этих целей потенциал Кении пока китайцам не удалась. Дороги столицы Кении Найроби китайцами построены, но построенная из Момбасы через Найроби уходящая на 578,8 км вглубь Африки железнодорожная магистраль пока резко обрывается в районе населенного пункта, фактически деревни, Найваша. Согласно «Генеральному железнодорожному плану Восточной Африки» эту железную дорогу планируется продлить в Эфиопию, Южный Судан, Уганду и через Уганду в ДР Конго, Руанду и Бурунди, однако на сегодняшний день проекты остаются на бумаге⁵⁷.

Китай и Эфиопия: от тандема к многостороннему союзу

Обеспечив созданием военной базы в Джибути геополитическое прикрытие своих планов в глубине континента, КНР наращивает свое влияние в Эфиопии, Судане и Южном Судане, а также развивает сотрудничество с расположенной южнее Кенией. Де-факто складывается политический союз пяти-шести стран-последователей под эгидой КНР. Ядром этого союза объективно выступает Эфиопия.

За последние 20 лет китайские компании реализовали свыше трехсот контрактов в

Эфиопии, еще 900 находятся на разной стадии реализации. Основные направления китайской экономической активности – транспорт и энергетика. Пекин рассматривает Эфиопию как транспортный коридор для продвижения своих товаров вглубь Африки через порты Джибути и вывоза из Африки через эти же порты местные полезные ископаемые. Китайские проекты уже сейчас обеспечивают работой 250 тыс. эфиопов. Построена линия скоростного трамвая в Адис-Абебе, имевшая не только важное логистическое значение для столицы страны, но и впечатляющий рекламный эффект, укрепляющий имидж Китая среди эфиопов. КНР ведет в Эфиопии строительство семи ГЭС и сети ЛЭП, суммарной протяженностью более 2000 км, на что уже выделено \$7 млрд. Планируется возведение на Ниле крупнейшей в Африке ГЭС «Плотина великого возрождения Эфиопии» стоимостью \$12 млрд, которые готов инвестировать Китай.

Премьер-министр страны, 44-летний христианин, нобелевский лауреат Абий Ахмед Али пытается ограничить влияние КНР и склоняется к реформам либерального толка, но сталкивается с растущим сепаратизмом внутри страны и обострением пограничного конфликта с Суданом. Все это указывает на то, что продвинуть вперед реформы и решить стоящие перед страной задачи без китайской поддержки ему будет проблематично. До недавнего времени благодаря инвестициям КНР темпы экономического развития Эфиопии были одними из самых высоких в Африке – 8-10% ежегодного роста ВВП. Китай располагает в Эфиопии разветвленной системой коммерческих фирм (их число приближается к одной тысяче) и многоуровневыми экономическими интересами. Эфиопия после 1993 г. с выходом из ее состава Эритреи утратила доступ к морю. Транзитный путь к морю через Джибути сегодня остается для Эфиопии самым предпочтительным, хотя премьер-министр Абий Ахмед Али и пытается найти альтернативные пути через Эритрею и Сомали, что идет вразрез с китайскими интересами⁵⁸.

⁵⁷ Taylor, I. Kenya's New Lunatic Express: The Standard Gauge Railway // *African Studies Quarterly*, 2020, No. 3-4, pp. 29-52.

⁵⁸ В Сомалиленде Эфиопия приобрела 19% концессии порта Бербера и договорилась о строительстве транзита для экспорта своих товаров.

15 ноября 2019 г. Министерство доходов Эфиопии и Главное таможенное управление Китая подписали соглашение о сотрудничестве в таможенных вопросах – сегодня Китай и Эфиопию связывают теснейшие торгово-экономические и финансово-банковские связи. Гордостью двусторонних экономических отношений является индустриальный парк Хавасса, расположенный в центральной Эфиопии в 270 км от Аддис-Абебы и почти в 1000 км от ближайшего порта в Джибути. Огромная фабрика по выпуску одежды принадлежит *Indochine International*. Вице-президент Рагхав Паттар с удовольствием дает интервью и отмечает практическую значимость железной дороги Аддис-Абеба–Джибути. До открытия железнодорожной магистрали, отчасти и после, производители из Хавассы вынуждены перевозить свои товары на грузовиках через районы, населенные этнической группой оромо, где протестующие фермеры грабят их и блокируют движение⁵⁹.

Всемирный банк также инвестирует в Эфиопию, например, он финансирует строительство семи компаний по производству картона и коробок из него. Разница между инициативой Всемирного банка и кредитами китайцев в том, что последние не приходят с филантропическими целями, а создают бизнес.

Сумма накопленных китайских инвестиций в Эфиопию за 2003 по 2019 г. составила \$2,6 млрд, а сумма займов – \$13,7 млрд⁶⁰.

Кроме того, после возобновления дипломатических отношений с Эритреей в 2018 г., страны занялись совместным поиском инвесторов для строительства порта на Красном море. (Ethiopia acquires 19% stake in DP World Berbera Port // Gulf News, 1.03.2018. Mode of access: <https://gulfnews.com/business/ethiopia-acquires-19-stake-in-dp-world-berbera-port-1.2181403>; Manek N. Eritrea Mulls Port as Ethiopia Rapprochement Spurs Investors / Bloomberg, 23.08.2018. Mode of access: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-08-23/eritrea-mulls-new-port-as-ethiopia-rapprochement-spurs-investors>)

⁵⁹ Fox, J. Ethiopia and the Chinese dream in Africa // RTE News, 23.04.2019. Mode of access: <https://www.rte.ie/news/world/2019/0423/1045064-ethiopia-china/>

⁶⁰ Loan Data // China-Africa research Initiative, 17.07.2020, Mode of access: <http://www.sais-cari.org/data>

С 2014 г. Эфиопия открыла четыре гигантских государственных промышленных парка. В 2020 г. планировался старт еще восьми, большая часть из которых уже функционирует. План состоит в том, чтобы создать к концу 2025 г. 2 млн рабочих мест, приблизив уровень жизни населения к среднему классу.

21 декабря 2019 г. с космодрома Тайюань в провинции Шаньси (Северный Китай) был запущен первый искусственный спутник Эфиопии ETRSS-1 весом 70 кг и сроком эксплуатации 2 года⁶¹. Это весьма амбициозный проект, направленный не только на повышение технологической оснащенности эфиопских метеорологических служб, но и на повышение престижа Эфиопии, демонстрации всему миру высокий уровень экономических и научных связей двух стран, и, разумеется, подтверждающей приоритетное положение Эфиопии во внешней политике КНР. После августа 2017 г., когда состоялось открытие военной базы КНР в Джибути, стратегические интересы КНР в Эфиопии получили определенные военные гарантии, которых прежде не было.

Китайские частные охранные компании в Африке

Для КНР, чья экономическая и политическая вовлеченность в африканские дела, как уже говорилось выше, имеет panaфриканский характер, а возможность использования вооруженных сил весьма ограничена, остро стоит вопрос о постоянной защите всего комплекса собственных африканских интересов. Сегодня речь идет о повседневном обеспечении безопасности китайских граждан и их офисов, представительств компаний, торговых и производственных предприятий, инфраструктурных объектов, и наконец, просто жилых помещений, где они проживают (на сегодняшний день китайская диаспора в Африке насчитывает более миллиона человек)⁶².

В абсолютном большинстве случаев функции обеспечения повседневной безопас-

⁶¹ Ethiopia's ETRSS-1 Successfully Launched by Chinese Long March 4B. Mode of access: <https://spacewatch.global/2019/12/ethiopias-etrss-1-successfully-launched-by-chinese-long-march-4b/>

⁶² 中华人民共和国商务部. Mode of access: www.mofcom.gov.cn

ности возложены на структуры крупнейших частных китайских или международных, но с преобладающим китайским участием, охранных компаний (далее – ЧОК). В большинстве африканских стран, где действуют такие компании, их функционирование согласовано с местными властями. Более того, они взаимодействуют с местными официальными органами безопасности: военной и гражданской полициями, спецслужбами, локальными органами управления и, где они имеются, силами местной самообороны.

Информация о деятельности китайских военизированных охранных формирований на территории КНР широко не афишируется, однако и не составляет значительного секрета для международной общественности. На сегодняшний день известно, что в Китае действует более 50 крупных охранных компаний, которые за пределами Китая нередко называют «Частными военными компаниями», что требует уточнения. Дело в том, что все без исключения китайские ЧОК, работающие в Африке, имеют официально оформ-

ленные лицензии и документацию, соответствующие китайскому законодательству. То есть они действуют не только легально, но и, с высокой степенью вероятности, под контролем официальных китайских властей. Это подтверждается уже хотя бы тем, что деятельность китайских ЧОК невозможна без осуществления валютно-финансовых операций, связанных с переводом денежных средств из Китая в африканские страны и обратно, а в современном Китае вся международная валютно-финансовая деятельность регламентируется и находится под контролем государства. Можно утверждать, что с высокой степенью вероятности большинство африканских представительств ЧОК в Африке связаны с посольствами КНР в этих странах, имеют в своём составе лиц, служивших в НОАК, и, возможно, сохраняющих официальные связи с китайскими государственными структурами (МО, МВД, МИД и др.).

Таблица 2

Присутствие китайских частных охранных компаний в Африке*

Название охранной компании	Страны, в которых есть опыт работы	Страны, в которых есть представительства
China Overseas Security Group (Hong Kong) PTY Limited	ЮАР, Замбия, Джибути, Мозамбик, Эфиопия	ЮАР, Мозамбик
China Overseas Security Services	Египет, Алжир, Ливия, Тунис, Эфиопия, Судан, Южный Судан, Сомали, Мали, Кения, Уганда, ДРК, ЮАР, Зимбабве, Мозамбик, Эсватини, Чад, Нигерия, Буркина-Фасо, Гана, Либерия, Сенегал	
Overseas Security Guardians	Кения, Танзания, Коморы, ЮАР, Мадагаскар, Гана	ЮАР, Гана
China Security Technology Group Co., Ltd. (CSTG)	Алжир, Ангола, Мозамбик, Кения	Алжир, Кения, Ангола
Hanwei International Security Services	Нигерия, ЮАР	Нигерия, ЮАР
Frontier Services Group	ДРК, Кения, Нигерия, Уганда, Южный Судан, ЮАР и Сомали	Кения, ЮАР
DeWe Security Services Co., Ltd	Кения, Сомали, Нигерия	Кения
VSS Security	Южный Судан	
Shandong Huawei Security Group	ЮАР	ЮАР

* Таблица составлена авторами на основе данных официальных сайтов, перечисленных в таблице ЧОК

Table 2. Presence of Chinese Private Security Companies in Africa

В Таблице 2 представлены крупнейшие китайские охранные компании, действующие на африканском континенте. У 7 из 10 ЧОК в африканских странах имеются

официальные представительства в ЮАР, Кении, Алжире, Анголе, Гане, Мозамбике и Нигерии. Общее количество служащих в китайских компаниях за рубежом составляет,

по некоторым оценкам, около 3000 служащих. Общий размер рынка китайских ЧОК за пределами КНР составляет примерно 10 млрд долларов в год.

Очевидно, что в СМИ попадает лишь верхняя часть громадного айсберга, именуемого «китайская военизированная охранная деятельность» на африканском континенте. Если сравнить численность китайских военнослужащих на единственной китайской военной базе в Джибути (более 2000 человек) и численность служащих ЧОК, то окажется, что они примерно сопоставимы. Это свидетельствует о том, что наряду с прямым военным присутствием в Африке, КНР наращивает как численный состав, так и количество ЧОК в этом регионе мира.

О том, насколько современная китайская идеология согласуется с концепцией взаимодействия регулярных вооруженных сил и формирований инсургентов, в том числе, лиц, имеющих не только местное, но и китайское гражданство, говорит, например, вышедший в 2017 году фильм «Война волков 2», рассказывающий о подвигах китайца, бывшего офицера китайской армии, совершившего преступление на родине и переехавшего в Африку, где он принимает участие в вооруженном конфликте с местными повстанцами, взаимодействуя при этом с местной африканской армией, а также частями НОАК, присланными ему на помощь. Официальное признание не только художественных достоинств фильма, но и правомерности того, что гражданин Китая может участвовать в опосредованных и гибридных войнах на территории Африки, при этом взаимодействуя с НОАК, располагающей военными средствами как сухопутными, так и морскими, поощряется официальной китайской пропагандой. Хотя крупных военных конфликтов, где бы принимали участие инсургенты-граждане КНР, пока не было отмечено, потенциальная возможность такого участия на сегодняшний день уже имеется.

Выводы: военная стратегия КНР в Африке

Военная стратегия КНР в Африке, равно как и военная доктрина страны в целом, теснейшим образом связаны с генезисом и,

что принципиально важно, интерпретацией и имплементацией в рамках китайской политической науки и дипломатической практики такого понятия как *ответственная держава*. Это понятие, первоначально заимствованное из политического лексикона условного Запада, утвердилось в китайском научно-политическом пространстве в 2000-х гг., на которые выпало правление двух председателей КНР – Цзян Цзэминя (1993-2003 гг.) и позднее Ху Цзиньтао (2003-2013 гг.), каждый из которых вкладывал в это понятие собственный смысл⁶³.

Цзян Цзэминь, выходец из семьи интеллигентов, вступивший в компартию по убеждению еще до образования КНР, технократ по образованию и по всей своей деятельности, один из архитекторов китайского экономического подъема, эмоционально скорее склонялся к углублению сотрудничества с развивающимися странами Азии и Африки, включая Россию, чем со странами условного Запада. Будучи сторонником принципов многополярного мира, он вкладывал в понятие «ответственная держава» прагматический смысл, позволявший уравнивать статус КНР на международной арене со статусом ее главных конкурентов, прежде всего США, предоставляя Китаю возможность вести внешнюю политику по собственным правилам⁶⁴.

Ху Цзиньтао – выходец из небогатой семьи мелких торговцев, в компартию вступил в 1964 г. скорее по карьерным соображениям, отказавшись от должности инженера в пользу работы политинструктором. В годы «Культурной революции» был репрессирован за «буржуазное происхождение и моральное разложение», признал ошибки, вер-

⁶³ Портяков В.Я. Становление Китая как ответственной глобальной державы. М.: ИДВ РАН, 2013. С. 6-18. [Portiakov V.Ia. Stanovlenie Kitaia kak otvetstvennoi global'noi derzhavy (The Formation of China as a Responsible Global Power)].

⁶⁴ Российско-китайская совместная декларация о многополярном мире и формировании нового международного порядка (Joint Russian-Chinese Declaration on a Multipolar World and the Formation of a New International Order). 23.04.1997. Mode of access: <http://docs.cntd.ru/document/1902155>

нулся к профессиональной деятельности, свел нужные знакомства, вновь вернулся в состав партийной номенклатуры, возглавил китайский комсомол, как и Цзян Цзэминь, был замечен Дэн Сяопином и рекрутирован в состав руководства страны, став преемником первого. Будучи представителем так называемого «четвертого (молодого) поколения» руководителей Китая, возглавив страну, Ху, в отличие от предшественника, главным внешнеполитическим партнером КНР считал США, ратовал за мирное урегулирование «Тайваньского вопроса»⁶⁵. Для него статус ответственной державы применительно к Китаю означал возможность для страны войти в «Клуб великих мировых держав», в котором КНР предстояло играть по уже сложившимся в мировой политике правилам.

Цзян Цзэминь «открыл» Африку для Китая, увидел в африканском направлении перспективу для китайской внешней политики и экономического роста. Военный аспект в его африканской политике не просматривался. Ху Цзиньтао сделал Африку фактором китайского экономического роста с упором на торгово-экономические и финансово-инвестиционные инструменты политического влияния. При нем своего апогея достигла китайская политика мягкой силы: по всему миру, включая Африку, развернулась сеть институтов Конфуция, а пять китайских министерств (МИД, Министерство внешней торговли и экономического сотрудничества, Министерства культуры, при поддержке Министерства безопасности и Министерства национальной обороны) придали китайской политике panaфриканский характер. Однако и при нем военный аспект внешней политики был весьма слабо развит, а военное сотрудничество с африканскими странами носило сугубо избирательный характер.

В 2013 г. в результате предсказуемой и мирной передачи власти к управлению КНР пришел человек совершенно иного масшта-

ба, влияние которого в стране сегодня сравнимо с влиянием Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина. Прежде всего, Си является выходцем из семьи одного из ближайших сподвижников Мао Цзэдуна и с рождения принадлежит к государственно-партийной элите. Он, как и его отец, был репрессирован в годы «Культурной революции», что наложило отпечаток на его сознание, сделав ортодоксальным партийцем. Оба – отец и сын – были амнистированы в начале 1970-х, возвращены в элиту китайской партийной номенклатуры, что, наряду с личными качествами, предопределило быстрый карьерный рост Си, который в 2013 г. сменил у власти своего сверстника и покровителя Ху Цзиньтао.

В отличие от предшественников, Си Цзиньпин во внешней политике склонен к «дипломатии великой державы с китайской спецификой», что, очевидно, означает определенную свободу Китая от следования условным правилам современной мировой политики. Быть *ответственной державой* в трактовке Си Цзиньпина значит строить собственную китайскую модель инкорпорирования страны в глобальную систему международных отношений⁶⁶. Именно при председателе Си КНР приняла к исполнению принцип «двойной циркуляции», означающий, что главным направлением экономической политики становится внутренний рынок, который одновременно всемерно ориентируется на взаимосвязь с разнообразными внешними рынками, включая африканский, что позволяет местным провинциальным властям реализовать право принятия некоторых внешнеэкономических решений в соответствии с политикой административной децентрализации.

Главная экономическая, а по форме и политическая задача Китая, которую решает администрация Си Цзиньпина, состоит в том, чтобы максимально повысить роль

⁶⁵ Подробнее см. Дейч Т.Л. Африка в стратегии Китая. М.: Институт Африки РАН, 2008. 326 с. [Deich T.L. Afrika v strategii Kitaia (Africa in China's strategy). Moscow: Institute for African studies RAS, 326 p.]

⁶⁶ Воскресенский А.Д. Китайская мечта: готова ли КНР к более активным действиям в противостоянии США? (The Chinese Dream: Is the PRC Ready for More Action in Confronting the United States?) / Международный дискуссионный клуб Валдай, 13.08.2020. Mode of access: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/kitayskaya-mechta/>

Китая в глобальных промышленных цепочках добавочной стоимости, потеснив в этом отношении США и Германию. Уже сегодня в сфере традиционной торговли, коммуникационных и информационных технологий Китай приблизился к глобальной вершине. Остается преодолеть отставание в области высоких технологий (искусственный интеллект, новые производственные технологии, квантовая информатика и 5G), характерных для уровня шестого технологического уклада, и подавляющая часть глобального прибавочного продукта может перейти от США в распоряжение Китая⁶⁷. Условный Запад во главе с США категорически не готов к такому повороту, что проявляется в углублении экономического конфликта между КНР и США, достигшего апогея в 2018 г. при администрации Д. Трампа. Едва ли ситуации принципиально улучшится и при президенте Дж. Байдене. По сути, и для США, и для КНР вопрос о том, кто займет вершины основных глобальных цепочек добавочной стоимости, означает вопрос выживания этих стран, а, следовательно, отстаивать свои интересы оба государства будут всеми доступными средствами, включая силовые методы. Вот, собственно, в чем состоит смысл того, что мы наблюдаем сегодня, как фактор возрастания военного присутствия КНР в различных регионах мира, включая Африку. Радиализация экономической, а, следовательно, и политической конкуренции требует от Китая внятной внешней военной доктрины, разработка которой началась практически с первого года пребывания Си Цзиньпина у власти.

Достоверно известно, что Центральный Военный Совет КПК еще в 2013 г. обсуждал идею создания в Джибути «Базы обеспечения Народно-освободительной армии Китая». Тогда же в первый год своего правления Председатель КНР Си Цзиньпин утвердил план ее создания. Очевидно, что

переговоры с руководством Джибути по этому вопросу начались еще раньше, скорее всего в 2012 г., когда он исполнял обязанности заместителя председателя Центрального Военного Совета КНР⁶⁸. Эти события следует считать точкой начала формирования современной версии военной стратегии КНР в Африке. В трех Белых книгах, изданных Госсоветом КНР в 2015, 2019 и 2020 г. поэтапно раскрываются базовые принципы этой стратегии, причем не только применительно к Африке, но и к другим регионам современного мира. Другим важным компонентом китайского силового присутствия в Африке стала сеть частных охранных компаний, которая распространила влияние на большинство африканских стран, где КНР имеет сколько-нибудь заметное политико-экономическое влияние и требуется повседневная защита соответствующих интересов. Потенциал этих компаний сопоставим с потенциалом контингента НОАК, расквартированного в Африке.

В первый год своего прихода к власти Си Цзиньпин заявил о переходе КНР из положения региональной в положение глобальной державы, были сформулированы и обнародованы инициатива «Один пояс – один путь», увязанная с глобальной задачей построения Сообщества единой судьбы человечества и Гармоничного мира совместного процветания (кит. 共同繁荣的和谐世界), которые после XIX съезда КПК (2018 г.) были закреплены в Конституции КНР и Уставе партии⁶⁹.

Первая Белая книга «О военной стратегии» увидела свет в мае 2015 г. Именно в ней Госсовет КНР официально зафиксировал внешнеполитический курс на расширение

⁶⁷ Чэнь Чэньчэнь. Закон деревянного ведра и Китай. Как не потерпеть поражение в борьбе за власть? (Wooden Bucket Law and China. How not to be defeated in the power struggle?) / Международный дискуссионный клуб Валдай, 09.09.2020. Mode of access: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/zakon-derevyannogo-vedra-i-kitay/>

⁶⁸ Zhang Tao, PLA's first overseas base in Djibouti / China Military Online, 12.04.2016. Mode of access: http://english.chinamil.com.cn/news-channels/pla-daily-commentary/2016-04/12/content_7002833.htm

⁶⁹ Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии и прогнозы / под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Стратегические изыскания, 2019. 736 с. [Model razvitiya sovremennogo Kitaya: otsenki, diskussii, prognozy (Development Model of Modern China: Assessments, Discussions, Forecasts). Ed. by Alexei D. Voskressenski. Moscow: Strategic Research, 2019. 726 p.]

военного присутствия Китая за рубежом, оформив новую концепцию военно-морской политики Китая⁷⁰. Согласно этой концепции, целью ВМФ НОАК стала уже не только защита территориальных вод Китая, но и оборона стратегических морских линий связи и защита китайских интересов за рубежом.

Общедоступной версией новой военной доктрины стала вмонтированная в инициативу «Один пояс, один путь» концепция «Морского Шелкового пути», озвученная в том же 2013 г. Согласно этой концепции, Китай предпринял практические шаги по созданию цепи морских опорных пунктов вдоль азиатского и африканского побережья Индийского океана: Кьяукпью (Мьянма), Хамбантота (Шри-Ланка), Гвадар (Пакистан), Чабахар (Иран), наконец, база в Джибути, пока единственная, имеющая официально военное предназначение. КНР искала и продолжает искать возможности получения официального права использовать портовые мощности Кении, Танзании, Мозамбика, Намибии, Анголы и Нигерии.

На официальном новостном портале Центрального военного Совета КНР подчеркивается, что опыт строительства военной базы в Джибути особенно важен в связи с дальнейшими планами по увеличению количества таких проектов⁷¹. Важными мероприятиями по формированию представления у зарубежных партнеров о мирных целях военного усиления КНР стали проведенные в Пекине в 2018 г. «Китайско-Африканского форума по обороне и безопасности» и в 2019 г. – «Китайско-Африканского форума по миру и безопасности». Разумеется, миролюбивая риторика не меняет сути происходящего: примерно около 2018 г. на фоне обострения торговой войны с США руководство КНР де факто осознало, что военный конфликт с глобальными конкурентами

КНР не только вероятен, но, скорее всего неизбежен.

Мудрец Лао-Цзы в книге «Дао-дэ цзин» («Книга пути и достоинства») написал замечательную фразу: «Что имени еще не имеет, то начало всех вещей, а что уже имеет имя, то мать всех вещей». Так вот, в июле 2019 г. Госсовет КНР выпустил Белую книгу «Национальная оборона Китая в новую эру», в которой все названо своими именами. В Книге говорится, что отныне «Китай усиливает военные обмены с развивающимися странами Африки, Латинской Америки, Карибскими островами и Югом Тихого Океана, проводя обучение кадров, организуя обмен среди офицеров среднего и младшего звена и оказывая поддержку в областях военного развития и оборонного потенциала»⁷². Книга открыто и однозначно обосновывает деятельность НОАК за пределами КНР, в частности, создание базы в Джибути, а в перспективе и других военных опорных пунктов за рубежом, необходимостью поддержания безопасности морских путей, сопровождения судов и проведения морских операций НОАК, связанных с эвакуацией и защитой морских прав КНР⁷³.

Обоснование необходимости присутствия НОАК за рубежом, мы находим в изданной в сентябре 2020 г. Белой книге «Китайские вооруженные силы: 30 лет участия в миротворческих операциях ООН»⁷⁴, где с гордостью говорится о высокой вовлеченности вооруженных сил КНР в миротворческие операции ООН в Африке, и о продол-

⁷⁰ Подробно о военной реформе см. Lee R., Clemens M. China Maritime Report No. 9: Organizing to Fight in the Far Seas, The Chinese Navy in an Era of Military Reform // U.S. Naval War College, 2020.

⁷¹ Zhang Tao, PLA's first overseas base in Djibouti / China Military Online, 12.04.2016. Mode of access: http://english.chinamil.com.cn/news-channels/pla-daily-commentary/2016-04/12/content_7002833.htm

⁷² 《新时代的中国国防》白皮书 // 中华人民共和国国务院新闻办公室 (2019年7月24日) [Белая книга «Национальная оборона Китая в новую эру» // Информационное бюро Госсовета КНР (24 июля 2019 г.)]. Mode of access: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/32832/Document/1660314/1660314.htm>

⁷³ Ibid.

⁷⁴ 《中国军队参加联合国维和行动30年》白皮书 // 中华人民共和国国务院新闻办公室 (2020年9月) [Белая книга «Вооруженные силы Китая: 30 лет миротворческих операций ООН» // Информационное бюро Госсовета КНР (Сентябрь 2020 г.)]. Mode of access: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/32832/Document/1687750/1687750.htm>

жении этой политики.

Подводя итог, еще раз подчеркнем решающую роль в формировании новой военной доктрины КНР действующего лидера КНР Си Цзиньпина. Американской политике «сдерживания через воспреещение» (*deterrence by denial*), проводимой в Африке, а также стратегии ползучей военной экспансии под видом обеспечения региональной стабильности и борьбы с терроризмом, председатель КПК противопоставляет тактику укрепления обороноспособности самих африканских стран и поддержку создания собственных африканских миротворческих сил под эгидой Афросоюза.

Наращивая свое военное присутствие в Африке, Китай всячески избегает не только прямых конфронтаций, но даже обострения конкуренции со своими оппонентами на африканском поле. Делает все возможное, чтобы сохранить вовлеченность в африканские дела других стран, прежде всего, глобальных экономических гигантов (США, ЕС, Бразилия, Индия, Япония и др.), которые могут помочь африканским странам приблизиться к тому уровню, который позволит им стать платформой для планомерного и полноценного развертывания экономических мощностей, соответствующих 4-му и более высоким технологическим укладам. Рано или поздно произойдет замена современных мировых политических и экономических порядков новыми формами глобального существования, а каждому макрорегиону (Азии, Африке, обеим Америкам, Европе и Океании, а также их региональным подсистемам) будет отведена заслуживающая его роль⁷⁵.

Согласно одному из стратегических сценариев, военный компонент китайского присутствия в Африке будет необходим, чтобы в грядущем разделении труда обеспечить переход от Китая к Черному континенту функций глобальной мировой фабрики.

⁷⁵ Зеленов Е.И., Солощева М.А. 20 лет политики КНР в Африке: из прошлого в будущее // *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 2. С. 73-77. [Zelenev E.I., Soloshcheva M.A. 20 let politiki KNR v Afrike: iz proshlogo v budushchee (20 years of China politics in Africa: from the past towards future) // *Asia and Africa Today*, 2021, № 2.]

Литература:

- Воскресенский А.Д. Китайская мечта: готова ли КНР к более активным действиям в противостоянии США? / Международный дискуссионный клуб Валдай, 13.08.2020. Mode of access: <https://ru.valdaiclub.com/ai/highlights/kitayskaya-mechta/>
- Дейч Т.Л. Африка в стратегии Китая. М.: Институт Африки РАН, 2008. 326 с.
- Зеленов Е.И., Солощева М.А. 20 лет политики КНР в Африке: из прошлого в будущее // *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 2. С. 73-77.
- Зеленов Е.И., Солощева М.А. Китайское проникновение в Африку: сравнительно-историческая ретроспектива // *Сравнительная политика*. 2020. Том 11. № 4. С. 106-122.
- Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии и прогнозы / под ред. А.Д.Воскресенского. М.: Стратегические изыскания, 2019. 736 с.
- Фитуми Л.Л. На пути к новой биполярности: геоэкономика и геополитика противостояния в Африке // *Контуры глобальной трансформации: политика, экономика, право*. 2019. Том 12. № 3. С. 6-29.
- Hodzi, O. The End of China's Non-Intervention Policy in Africa. Cham, Palgrave Macmillan, 2019. 266 p.
- Spivak, V. Russia and China in Africa: Allies or Rivals? // *Carnegie Moscow Center*, 25.10.2019. Mode of access: <https://carnegie.ru/commentary/80181>
- Sun, D., Zoubir, Y.H. The Eagle's Nest in the Horn of Africa: US Military Strategic Deployment in Djibouti // *Africa Spectrum*, 2016, No. 1, pp.111-124.
- Taylor, I. Kenya's New Lunatic Express: The Standard Gauge Railway // *African Studies Quarterly*, 2020, No. 3-4, pp. 29-52.
- 中国统计年鉴2020 [Статистический ежегодник Китая 2020]. Mode of access: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2020/indexch.htm>
- 卢光盛, 马天放 “一带一路”建设中的“99年租期”风险: 由来、影响及应对(Лу Гуаншэн, Ма Тяньфан Риск 99-летней аренды в рамках проектов «Пояса и Пути»: происхождение, влияние и ответы) // *《亚太经济》2020年第1期* 5-15页.
- 年度中国对外直接投资统计公报. 北京: 中国商务出版社, 2020. [Статистический бюллетень исходящих прямых инвестиций из Китая за 2019 год. Пекин: Издательство Китайской коммерции, 2020. 167 с.] С.49-61.
- 林佳铭, 章强, 招商局港口‘前港—中区—后城’模式的海外拓展之旅 // 中国港口 [Линь Цзямин, Чжан Цян. Путь расширения за рубежом модели Китайского Торгового Порта «Порт спереди – зона свободной торговли в центре – город позади»] // *中国港口*, 2019年第3期, 25-29页.
- References:**
- Deich T.L. Afrika v strategii Kitaia (Africa in China's strategy). Moscow: Institute for African studies RAS, 326 p.
- Fituni, L.L. Na puti k novoi bipoliarnosti: geoeconomika i geopolitika protivostoianii v Afrike (Towards a Neo-Bipolar Model of the World Order: Scouting Game in Africa) // *Political Processes in the Changing World*, 2019, No. 12 (3), pp. 6-29.
- Hodzi, O. The End of China's Non-Intervention Policy in Africa. Cham, Palgrave Macmillan, 2019. 266 p.
- Model razvitiya sovremennogo Kitaya: otsenki, diskussii, prognozy (Development Model of Modern

China: Assessments, Discussions, Forecasts). Ed. by Alexei D. Voskressenski. Moscow: Strategic Research, 2019. 726 p.

Spivak, V. Russia and China in Africa: Allies or Rivals? // Carnegie Moscow Center, 25.10.2019. Mode of access: <https://carnegie.ru/commentary/80181>

Sun, D., Zoubir, Y.H. The Eagle's Nest in the Horn of Africa: US Military Strategic Deployment in Djibouti // *Africa Spectrum*, 2016, No. 1, pp. 111-124.

Taylor, I. Kenya's New Lunatic Express: The Standard Gauge Railway // *African Studies Quarterly*, 2020, No. 3-4, pp. 29-52.

Voskressenski, Alexei D. The Chinese Dream: Is the PRC Ready for More Action in Confronting the United States? / Valdai Club, 13.08.2020. Mode of access: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/kitayskaya-mechta/>

Zelenev E.I., Soloshcheva M.A. 20 let politiki KNR v Afrike: iz proshlogo v budushchee (20 years of China

politics in Africa: from the past towards future) // *Asia and Africa Today*, 2021, No. 2.

Zelenev, E.I., Soloshcheva M.A. Kitaiskoe proniknovenie v Afriku: sravnitel'no-istoricheskaya retrospektiva (Chinese Rush to Africa: a Comparative Historical Analysis) // *Comparative Politics, Russia*, 2020, No. 4, Pp. 106-122.

中国统计年鉴2020 [Статистический ежегодник Китая 2020]. Mode of access: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2020/indexch.htm>

卢光盛, 马天放 “一带一路”建设中的“99年租期”风险: 由来、影响及应对 // 《亚太经济》2020年第1期 5-15页.

年度中国对外直接投资统计公报. 北京: 中国商务出版社, 2020.

林佳铭, 章强, 招商局港口 ‘前港—中区—后城’模式的海外拓展之旅 // 中国港口//中国港口, 2019年第3期, 25-29页.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10033

MILITARY STRATEGY AND MILITARY PRESENCE OF THE PRC IN AFRICA: A COMPARATIVE HISTORICAL ANALYSIS

Evgeny I. Zelenev

*National Research University Higher School of Economics,
St. Petersburg, Russia*

Maria A. Soloshcheva

*National Research University Higher School of Economics,
St. Petersburg, Russia*

Article history: <i>Received:</i> 25.01.2021 <i>Sent for editing:</i> 15.02.2021 <i>Accepted:</i> 26.04.2021	Abstract: The article is devoted to the comparative historical analysis of the military component in China's foreign policy in Africa. A brief historical sketch of China's African policy after the end of the World War II helps to understand the roots of the impressive strengthening of its political and economic influence on the African continent between 2000 and 2020. Special attention is paid to the causes of political instability in many African countries, the military and political role of the United States on the Black Continent, UN peacekeeping activities and the participation of the Chinese military troops in special operations of this international organization. The authors conclude that there is a gradual evolution of the interpretation of the concept of <i>responsible power</i>, which holds a prominent place in the official foreign policy doctrine of the PRC. The article explores the genesis of this concept during the reign of the three Chairmen of the PRC Jiang Zemin (1993-2003), Hu Jintao (2003-2013) and Xi Jinping (after 2013), and discusses the stages of the formation of Chinese political-military doctrine, which is detailed in White papers of the Chinese State Council (2015, 2019, 2020). The article analyses the implementation of the military-political doctrine of the PRC in Africa, the creation of the first foreign multifunctional military base of the PRC in the Republic of Djibouti, and the transition of China from a bilateral model of relations with African countries to block diplomacy in the context of ensuring the collective security of participants in political associations.
About the authors: <i>Evgeny I. Zelenev</i>, Professor, Head of the Department of Oriental and African Studies, National Research University Higher School of Economics e-mail: evzelenev@gmail.com <i>Maria A. Soloshcheva</i>, Associate Professor, Department of Oriental and African Studies, National Research University Higher School of Economics e-mail: mary1685@mail.ru	
Key words: PRC in Africa; China's military strategy; military stronghold in Djibouti; USA in Africa; the "responsible power" concept; "smart power"	

Для цитирования: Зеленев Е.И., Солощева М.А. Военная стратегия и военное присутствие КНР в Африке: сравнительно-исторический ракурс // *Сравнительная политика*. 2021. № 3. С. 142-164.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10033

For citation: Zelenev, Evgeny I.; Soloshcheva, Maria A. *Voyennaya strategiya i voyennoye prisutstviye KNR v Afrike: sravnitel'no-istoricheskiy rakurs* (Military Strategy and Military Presence of the PRC in Africa: a Comparative Historical Analysis) // *Comparative Politics Russia*, 2021, No. 3, pp. 142-164.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10033

ТРУДОУСТРОЙСТВО ВЫПУСКНИКОВ ВУЗОВ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ: ОЖИДАНИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

Валентина Вильевна Кузнецова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия*

Ольга Анатольевна Машкина

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия*

Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 23 января 2021 <i>Отправлена на редактирование</i> 15 февраля 2021 <i>Принята к печати:</i> 16 апреля 2021	Аннотация: Статья посвящена сравнительно-историческому анализу военного ком: В статье занята выпускников системы третичного образования* Китая рассматривается, с одной стороны, как предпосылка реализации поставленной китайским руководством стратегической цели – превращения страны к 2035 г. в глобальный центр разработки новых знаний и технологий, а с другой, как фактор обеспечения социальной стабильности. Анализ показывает, что все более серьезной проблемой становится противоречие между преобладающими в китайском обществе представлениями о ценности «высокой учености» и структурой вакансий для выпускников университетов и высших профессиональных колледжей на рынке труда; между представлениями выпускников о том, какие знания и навыки востребованы работодателями, в том числе и иностранными, и требованиями, предъявляемыми работодателями к соискателям при поиске квалифицированного персонала * По принятой Международной стандартной классификации образования (МСКО), в состав третичного образования входят уровни 5-8: «уровень 5» – укороченный цикл профессионального обучения не менее 2 лет. В КНР в эту группу входят высшие профессиональные колледжи и специализированные программы университетов, по которым не предусматривается присвоение академической степени. «Уровень 6» – программы бакалавриата или их эквиваленты. «Уровень 7» – программы магистратуры или их эквиваленты. «Уровень 8» – программы докторантуры или их эквиваленты. – <i>Прим. авторов.</i>
Об авторах: <i>В.В. Кузнецова, к.и.н., доцент кафедры мировой экономики и управления внешнеэкономической деятельностью, Факультет государственного управления (ФГУ), МГУ имени М.В. Ломоносова</i> e-mail: vkuz_55@mail.ru <i>О.А. Машкина, к.пед.н., доцент кафедры китайской филологии, Институт стран Азии и Африки (ИСАА), МГУ имени М.В. Ломоносова</i> e-mail: oliya-m@yandex.ru	
Ключевые слова: занятость; потребности; инновации; квалифицированные кадры; качество подготовки; заработная плата; трудовые предпочтения	

В современном Китае образование рассматривается как базовое условие коренной перестройки национальной экономики. Снижение ценовой конкурентоспособности китайской продукции во многом из-за увеличения издержек, обусловленных ростом стоимости рабочей силы, усиление внешних ограничений, включая сокращение

спроса на китайскую продукцию на рынках развитых экономик, ужесточение вводимых ими санкций, в т.ч. на импорт передовых технологий, повышение доходов китайского населения и как результат, качественные изменения потребительских запросов, равно как и многие другие изменения в социально-экономических условиях страны, обуслови-

ли необходимость трансформации общей модели национального развития. Для формирования инновационной сферы высокотехнологичного производства требуются кадры, уровень подготовки и сформированные навыки которых отличны от тех, что были востребованы на этапе реализации модели развития, ориентированной на экспорт трудоёмкой продукции. Это закономерно ставит вопрос о готовности китайской системы профессионального образования обеспечить подготовку квалифицированных специалистов по новым направлениям техники и технологий, готовых к восприятию инноваций и способных к активному продвижению вовне китайских технологий, стандартов и ценностей¹.

Отправной датой анализа выбран 2010 г., т.к. в этот год были утверждены два важных для сферы образования программных документа: «Государственная программа среднесрочного и долгосрочного планирования реформ и развития образования (2010-2020 гг.)» и «Государственная программа среднесрочного и долгосрочного планирования развития талантов на 2010-2020 гг.».

В официальных документах КПК и китайского правительства поставлена цель превратить Китай в страну с самым образованным населением в мире. С этой целью постоянно наращиваются бюджетные ассигнования на нужды образования: в 2012 г. они впервые превысили 3% ВВП, а в 2019 г. – более 4%. В 2019 г. из средств центрального бюджета на высшее образование было потрачено более 1,3 трлн юаней, что на 12% больше, чем в 2018 г.² Увеличение числа

вузов и рост благосостояния населения КНР в XXI в. позволили значительно расширить доступность высшего образования для молодежи. Благодаря целенаправленной политике и масштабным инвестициям в стране произошел переход высшего образования от элитарного к массовому. В создании постиндустриальной экономики руководство страны возлагает особые надежды на молодые талантливые кадры, получившие качественное образование в китайских вузах и способные воплотить в жизнь «китайскую мечту» – возродить мощь и ведущее место Поднебесной в мире.

Руководство Китая целенаправленно продвигает в идеологической пропаганде и образовании конфуцианскую систему воззрений о важности служения обществу и необходимости выдвижения людей, обладающих выдающимися способностями, высокими моральными качествами и знаниями, независимо от их социального происхождения и имущественного положения³⁴. Однако как свидетельствуют результаты обследований, регулярно проводимых среди студентов и выпускников китайских вузов органами государственного управления КНР и разнообразными исследовательскими центрами и образовательными организациями, главной побудительной причиной получения высшего образования для современной китайской молодежи является повышение социального статуса. Таким образом, традиционная меритократическая ценность образования на

жим доступа: <https://prc.today/kitaj-potratil-na-obrazovanie-bolee-5-trln-yuanej-v-2019-godu/>

¹ Кузнецова В.В., Машкина О.А. Глобализация китайского высшего образования как фактор геополитического влияния Китая // Сравнительная политика. 2020. Том 11. № 2. С. 139-150. [Kuznetsova, V.V., Mashkina, O.A. Globalizatsiya kitayskogo vysshego obrazovaniya kak faktor geopoliticheskogo vliyaniya Kitaya [Globalization of Chinese Higher Education as a Factor of China's Geopolitical Influence] // *Comparative Politics Russia*, 2020, Vol. 11, No. 2, pp. 139-150.]

² Китай потратил на образование более 5 трлн юаней в 2019 году (China spent over 5 trillion yuan on education in 2019) / Китай сегодня. Ре-

³ 百家讲坛》特别节目《平“语”近人 习近平总书记用典》(Science and Education Channel CCTV-10. Special program «100 forums». Pingyu Jinren Platform: A Quote from Secretary General Xi Jinping). Mode of access: <http://tv.cctv.com/special/pyjr/>; 教育蓝皮书。中国教育发展报告 (2019). (Blue Book of Education. Annual Report on China's Education. (2019). Beijing: Social Sciences Academic Press, pp. 300-306.

⁴ Передача телевидения Китая в формате встреч известных ученых со студентами ведущих университетов состоит из 12 циклов, посвященных интерпретации цитат из древних китайских трактатов, используемых Си Цзиньпином для изложения целей и задач современного китайского общества. – Прим. авторов.

уровне обыденного сознания упрощается до представлений, что высшее образование – это возможность личного карьерного роста, жизненного благополучия и успеха.

Как следует из официальных статистических данных, далеко не все выпускники вузов находят желаемое место работы. По данным обследования института MyCOS⁵, занятость среди выпускников-бакалавров 2009 г. и 2018 г. через полгода после окончания вузов (т.е. к началу 2010 г. и 2019 г.) составляла соответственно 86,6% и 91%⁶. Хотя показатели трудоустройства выпускников вузов выглядят достаточно благополучными, однако учитывая масштабы китайской системы высшего образования, даже такие относительно стабильные показатели в абсолютном выражении отражают тот факт, что миллионы выпускников сталкиваются с трудностями в процессе поиска удовлетворяющего их запросы рабочего места, но при этом многие китайские компании сообщают о сложностях найма нужных им специалистов.

Объяснение данного противоречия связано с поиском ответов на ряд вопросов:

- чем обусловлен разрыв между предложением и спросом на высококвалифицированную рабочую силу на китайском рынке труда?

- в чем не совпадают запросы выпускников вузов и работодателей?

- каким образом можно устранить парадокс на рынке труда, заключающийся в

наличии безработицы среди выпускников при дефиците специалистов, о котором сообщают потенциальные работодатели?

- конкурентоспособны ли китайские выпускники вузов на глобальном рынке занятости? удовлетворяет ли качество их подготовки требованиям, которые предъявляют иностранные работодатели?

- как должны меняться программы и методы обучения в вузах с тем, чтобы повысить отдачу от образования в условиях происходящих трансформаций?

- как повлияла пандемия COVID 19 на рынок труда, прежде всего на шансы успешного трудоустройства выпускников китайских вузов 2020 г.?

- какие меры предпринимает правительство КНР для поддержки занятости образованной молодежи в условиях экономической нестабильности?

В статье предпринята попытка дать ответы на эти вопросы.

Структурные изменения на рынке труда

В мае 2015 г. руководством КНР была обнародована долгосрочная программа «Сделано в Китае-2025», предусматривающая трансформацию национальной экономики за счет внедрения цифровых технологий, высокотехнологического оборудования и предоставления все большего объема услуг через интернет. Экономическую эффективность планируется повысить через увеличение доли высококвалифицированного труда и повышение производительности факторов производства. Главенствующую роль в осуществлении грандиозных планов, намеченных в программе, играет психологическая и профессиональная готовность активной части населения к предстоящим социально-экономическим трансформациям и изменениям трудовых функций⁷. Особую актуальность в этих условиях представляет вопрос:

⁵ Max Research Institute (MyCOS) – китайский исследовательский центр по проблемам высшего образования, предоставляет консалтинговые услуги по сбору данных и аналитике для более чем 1100 вузов КНР. MyCOS сотрудничает с такими организациями, как Фонд Форда, Всемирный банк, ОЭСР и Азиатский банк развития, публикует журнал *MyCOS Research Magazine on Higher Education Management* и ежегодную синюю книгу занятости: отчет о занятости выпускников китайских вузов. – Прим. авторов.

⁶ 2010 年中国大学生就业报告 (就业蓝皮书) (Graduates' Employment Annual Report (2010): Blue Book of Employment). Mode of access: <http://daxue.163.com/special/009163A4/mycosjiuye.html>; 麦可思: 2019年中国大学生就业报告 (MYCOS: Graduates' Employment Annual Report: 2019). Mode of access: <http://www.199it.com/archives/930684.html>

⁷ Машкина О.А. Жизненные стратегии и ценности выпускников китайских вузов // Отечественная и зарубежная педагогика. 2016. № 5. С. 140-152. [Mashkina, O.A. Zhiznennyye strategii i tsennosti vypusknikov kitayskikh vuzov [Life strategies and values of Chinese university graduates] // *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika*, 2016, No. 5. pp. 140-152.]

насколько имеющийся человеческий капитал соответствует планам правительства?

В последнее десятилетие в структуре рабочей силы КНР происходили важные сдвиги:

– *Сокращение численности трудоспособного населения.* Доля населения в трудоспособном возрасте (15-64 года) в КНР достигла пика в 2011 г. (72,3%), после чего началось её постепенное уменьшение. По оценкам МБРР, численность китайской рабочей силы в период 2010-2030 гг. сократится на 47 млн чел. (с 793 млн чел. до 746 млн чел.)⁸. Оценки зарубежных экспертов даже более оптимистичны, чем прогнозные расчеты китайских экономистов. Так, по прогнозам ГСУ КНР, численность экономически активного населения на рынке труда за период 2015-2026 гг. сократится с 700 до 580 млн чел.⁹ Основными факторами сокращения численности экономически активного населения будут: последствия политики планирования семьи («одна семья, один ребенок»), официально проводимой до 2015 г.; удлинение сроков обучения молодых граждан; массовый уход на пенсию людей старше 55 лет в результате мер по улучшению пенсионного обеспечения; эффект внедрения высоких технологий.

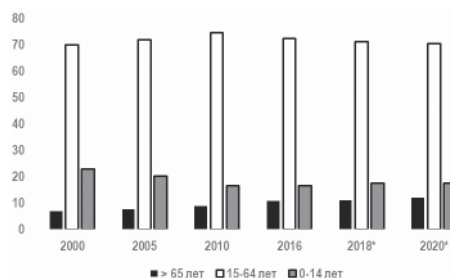
– *Сокращение когорт молодых поколений.* В недавно опубликованной статье главы министерства гражданских дел КНР Ли Цзихэна прозвучало предупреждение, что рождаемость в КНР опустилась ниже критических показателей. Если в 2000 г. численность новорожденных составляла 17,7 млн, то в 2019 г. – около 14,7 млн. Государственные меры по поощрению рождения второго ребенка имели весьма краткосрочный эффект: только в 2016 г. рождаемость выросла до показателей 2010 г., а затем опять

наступил спад¹⁰. На основании этих данных можно прогнозировать, что в обозримом будущем будут наблюдаться тенденции старения населения и сокращения численности трудоспособного населения (см. Рис. 1).

– *Сокращение численности сельского населения.* За 2010-2018 гг. численность населения Китая выросла почти на 100 млн чел., при этом численность городского населения – более чем на 160 млн чел., а численность сельского населения сократилась на 107 млн чел. В числе разных последствий это означает сокращение для китайских компаний возможности привлекать новых трудовых мигрантов в города.

Рисунок 1

Динамика возрастного состава населения Китая (%)¹¹

Graph 1. Dynamics of the age structure of the population of China (%)

Примечание: * – прогнозные оценки.

– *Повышение уровня образования рабочей силы.* Согласно данным министерства образования КНР, за десятилетие (2010-2019 гг.) коэффициент охвата высшим образованием молодежи в возрасте 18-22 лет вырос с 26,5% до 51,6% (см. Рис. 2).

⁸ Innovative China. New Drivers of Growth. – International Bank for Reconstruction and Development/The World Bank and the Development Research Center of the State Council, P. R. China, 2019, p. 15. Mode of access: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/32351/9781464813351.pdf?sequence=7&isAllowed=y>

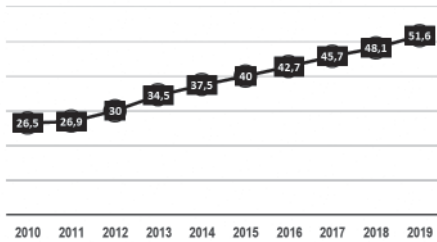
⁹ Xiangquan, Zeng. Challenges, Opportunities in China's Changing Job Market / China Daily. 11.05.2020. Mode of access: <https://news.ruc.edu.cn/archives/278019>

¹⁰ 民政部部长：总和生育率跌破警戒线 (Minister of Civil Affairs: Total fertility rate fell below the warning line) / 中国网 (China.Net), 02.12.2020. Mode of access http://henan.china.com.cn/finance/2020-12/02/content_41379082.htm

¹¹ Labor Market and Salary Report: 2018-2019. 11-th Edition / German Chamber of Commerce in China, 2019, p. 6. Mode of access: https://china.ahk.de/fileadmin/AHK_China/Market_Info/Economic_Data/GCC-11th-Labor-Market-and-Salary-Report-2018_short.pdf

Рисунок 2

Эволюция охвата высшим образованием молодежи, 2010-2019 гг., %¹²

Graph 2. Evolution of youth enrollment in higher education, 2010-2019, %

– Рост численности дипломированных специалистов в составе рабочей силы. На протяжении всего рассматриваемого периода в Китае устойчиво растет численность выпускников университетов и высших профессиональных колледжей (ВПК)¹³. Так, только в июне 2020 г. вузы закончили 8,74 млн студентов, примерно на 400 тыс. больше, чем в 2019 г.¹⁴

– Рост заработной платы. В целом, на китайском рынке труда средний уровень зарплат в рассматриваемый период стабильно рос. В 2019 г. в 37 крупных городах средняя зарплата в месяц составляла 8500 юаней, в Пекине – 11204, а в Шанхае и Шэньчжэне превышал 10000 юаней¹⁵. При этом на предприятиях разного типа средняя зарплата варьировалась от 9285 юаней (иностранные компании) до 7377 юаней (частные пред-

приятия). Самые высокие зарплаты выплачивали финансовые организации – 11210 юаней¹⁶.

Высокий уровень зарплат, развитая городская и социальная инфраструктура делают, с одной стороны, мегаполисы наиболее привлекательными для трудоустройства выпускников вузов и ВПК. С другой стороны, из-за увеличения затрат на труд и постоянно растущих расходов на экологию и комплаенс крупные города становятся все менее привлекательными для размещения новых бизнесов и доступными для трудоустройства молодых специалистов.

Рынок труда выпускников: тенденции и проблемы развития

Китайское руководство внимательно отслеживает динамику ситуации с трудоустройством выпускников вузов и ВПК. Академия общественных наук Китая регулярно публикует доклады репрезентативных обследований института MyCOS¹⁷ о занятости выпускников университетов и ВПК через 0,5, 3 и 5 лет после окончания вуза. В ходе обследований собираются разнообразные данные, включая, сведения о сферах занятости выпускников, их региональном распределении, уровне заработной платы, степени удовлетворенности и причинах неудовлетворенности выпускников рабочим местом. Анализ данных за вторую половину 2010-х гг. иллюстрирует несовпадение запросов выпускников вузов и работодателей на рынке труда. Длительное сохранение такого положения

¹² 2019年全国教育事业发展统计公报 (2019 National Educational Development Statistical Bulletin). Mode of access: http://www.moe.gov.cn/jyb_sjzl/sjzl_fztjgb/202005/t20200520_456751.html

¹³ ВПК относятся к неакадемическому сектору образования. По представлениям китайских семей, это – «тупиковая ветка образования», поэтому с ростом благосостояния населения все больше молодых людей стремится получить степень бакалавра. В настоящее время ряду ВПК разрешено открывать программы подготовки бакалавров. – Прим. авторов.

¹⁴ 2020年中国大学生就业形势分析 (An analysis of the employment situation of Chinese college students in 2020). Mode of access: <https://www.520zuowens.com/>

¹⁵ В 2019 г. обменный курс доллар США/юань составлял 1/ 6,8–7,1 – Прим. авторов.

¹⁶ Xiaoming, Yu. Average monthly salary in major cities nears 8,500 yuan / China Daily, 04.07.2019. Mode of access: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201907/04/WS5d1d63cfa3105895c2e7ba4d.html>

¹⁷ В обследовании 2015 г., например, участвовало 264 тыс. выпускников (126 тыс. выпускников-бакалавров, 138 тыс. выпускников ВПК), закончивших вузы в 30 провинциях и автономных районах КНР в 2014 г. Были также опрошены 60 тыс. выпускников 2011 г., среди которых 29 тыс. – выпускники ВПК. Выборка включала бакалавров-выпускников как элитных университетов, участников проекта «211», так и обычных университетов, а также выпускников ВПК разного профиля подготовки. Репрезентативная выборка в обследованиях последующих лет менялась незначительно – Прим. авторов.

может стать серьезным ограничением для реализации к 2035 г. стратегических целей китайского правительства: трансформации национальной экономики в глобальный центр производства инноваций и вхождения Китая в число развитых стран с высоким уровнем среднедушевых доходов и наиболее образованным населением.

– *Общая динамика трудоустройства выпускников через полгода после окончания вуза и ВПК.* Данные официальных отчетов об итогах обследований показывают, что на протяжении второй половины 2010-х гг. уровень первоначальной занятости среди выпускников вузов и ВПК оставался на высоком и относительно стабильном уровне – от 91 до 92,6%. Тем не менее, китайские эксперты отмечают некоторое общее сокращение первоначальной занятости выпускников-бакалавров после достижения пика в 2014 г., когда сразу после выпуска было трудоустроено 92,6% молодых специалистов. Одновременно данные проводимых обследований отмечали сокращение числа выпускников, попадающих в категорию «ожидающих трудоустройства», т.е. скрытой безработицы. Во многом подобная динамика была обусловлена в первую очередь ростом числа выпускников, продолжающих обучение по различным программам высшего образования (см. Таб. 3). За период с 2010 по 2017 г. число многопрофильных университетов в стране увеличилось почти в 2,5 раза, с 1040 до 2631. Сегмент высшего профессионального образования к 2017 г. насчитывал 1388 колледжей. Расширение масштабов высшего образования, наряду с ростом доходов населения и стабильными показателями трудоустройства выпускников, позволяют делать подобные предположения¹⁸.

– *Региональное распределение мест трудоустройства выпускников.* Провести прямое сопоставление данных обследо-

ний по региональному распределению выпускников вузов и ВПК не представляется возможным в силу различий в используемых классификациях регионов и городов.

Приводимые в официальных докладах министерства образования КНР данные указывают, что большинство выпускников вузов и ВПК находили первые рабочие места в экономически динамично развивающихся районах страны. Так, в 2014 г. 64,6% выпускников-бакалавров нашли занятость в трех регионах: 1) район Бохайского залива, Внутренняя Монголия и провинция Шаньси (22,8%); 2) большой район дельты реки Янцзы, включая Шанхай, провинции Цзянсу, Чжэцзян, Цзянси и Аньхой (21,6%); 3) большой район дельты реки Чжунцзян (Жемчужной), включая провинции Гуандун, Гуанси, Фуцзянь и Хайнань (20,2%)¹⁹.

За 2014-2018 гг. несколько снизилась доля выпускников, нашедших работу в городах первого уровня (17% выпускников-бакалавров и 11% выпускников ВПК), одновременно стала расти привлекательность для поиска работы в «новых городах первого уровня»²⁰. Среди занятых в таких городах доля выпускников-бакалавров, приехавших из других провинций, увеличилась с 27,9% (выпуск 2014 г.) до 37,3% (выпуск 2018 г.). Особенно привлекательными для выпускников-выходцев из других провинций стали Ханчжоу (60%), Тяньцзинь (58%) и Гуанчжоу (45%)²¹.

¹⁹ *Желтая книга. 2015. Годовой отчет о трудоустройстве выпускников вузов и ВПК* (Employment Blue Book. 2015 Employment Report of China's Higher Vocational and Technical College Students.). *Пекин: Социально-научное издательство* (Beijing: Social Sciences Literature Press), 2015, с. 11.

²⁰ Города КНР разделены на 5 уровней. В 2020 г. к городам первого уровня относились 4 города: Пекин, Шанхай, Гуанчжоу, Шэньчжэнь. К *новым городам первого уровня* отнесены 15 городов (в порядке рейтинга): Чэньду, Чунцин, Ханчжоу, Ухань, Сиань, Тяньцзинь, Сучжоу, Нанкин, Чжэнчжоу, Чанша, Дунгуань, Шэньян, Циндао, Хэфей, Фошань. (Из этого списка выпали Далянь, Нинбо, Куньмин, которые входили в их число в 2018 и 2019 гг.). К *городам второго уровня* отнесены 30 городов, в т.ч. Сямэнь, Фучжоу, Чжуншань, Фошань, Харбин, Шичзянжуан, Урумчи, Хайкоу и др. К *городам 3, 4, и 5 уровней* относятся 70, 90 и 129 городов. – *Прим авторов.*

²¹ *Желтая книга. 2020. Годовой отчет о трудоустройстве выпускников вузов и ВПК* (Blue Book of Employment 2020). Mode of access:

¹⁸ Кузнецова В.В., Машкина О.А. Проект «шуан и лю». Глобализация китайского высшего образования // *Образовательная Политика*. 2019. № 4. С. 78. [Kuznetsova, V.V.; Mashkina, O.A. Projekt «shuan i lyu». Globalizatsiya kitayskogo vysshego obrazovaniya [Shuang and Liu project. Globalization of Chinese Higher Education] // *Obrazovatel'naya Politika*, 2019, No. 4, p. 78.]

Таблица 1

Территориальное распространение трудоустройства выпускников, 2019 г., %*

экономический регион	доля трудоустроенных выпускников		доля выпускников в структуре занятости региона	
	бакалавры	выпускники ВПК	бакалавры	выпускники ВПК
район Бохайского залива	20,2	20,0	19,6	20,0
дельта реки Янцзы	20,0	19,0	25,8	22,9
Центральный регион	15,8	18,9	10,2	12,3
дельта реки Жемчужной	13,4	14,6	21,0	20,4
Юго-Западный регион	12,3	13,8	13,0	12,5
Северо-Восточный регион	10,5	6,3	4,0	4,7
Провинции Шэньси, Ганьсу, Нинся-Хуэйский АР	6,6	5,9	4,1	4,7
Западный эколого-экономический регион	1,2	1,5	2,3	2,5

* 就业蓝皮书. 2020 年中国大学生就业报告 (Blue Book of Employment 2020). Mode of access: <https://www.zhihu.com/>; 《2020年中国大学生就业报告》发布 («2020 Employment Report of Chinese College Students» Released) / 中国教育信息化网 (China Education Information Network). Mode of access: 163.com

Table 1. Territorial distribution of employment of graduates, 2019,%

В докладе 2020 г. при анализе территориального распределения выпускников дана более подробная картина, свидетельствующая о существенном разрыве в обеспеченности высококвалифицированными кадрами разных регионов страны (см. Таб.1).

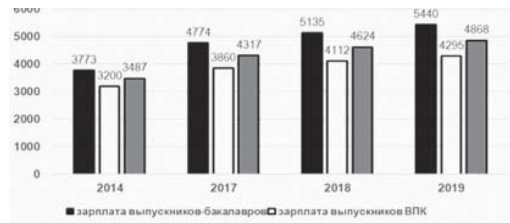
– Динамика заработной платы выпускников вузов и ВПК. В соответствии с планами китайского правительства на протяжении всего рассматриваемого периода средняя заработная плата выпускников росла. Как показано на рис. 3, за период 2014-2019 гг. заработная плата выпускников-бакалавров через полгода после выпуска выросла на 44,1%, выпускников ВПК – на 34,2%, т.е. средняя зарплата выпускников увеличилась на 35,7%. Более того, она росла быстрее, чем средняя заработная плата, что, по мнению экспертов МБРР, свидетельствует об усилении тенденции поляризации рынка труда²².

<https://www.zhihu.com/>; 《2020年中国大学生就业报告》发布 («2020 Employment Report of Chinese College Students» Released) / 中国教育信息化网 (China Education Information Network). Mode of access: 163.com

²² Innovative China. New Drivers of Growth. International Bank for Reconstruction and Development/The World Bank and the Development Research Center of the State Council, P.R. China, 2019, p. 78. Mode of access: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/32351/9781464813351.pdf?sequence=7&isAllowed=y>

Рисунок 3

Рост заработной платы выпускников через полгода после выпуска вузов, 2014-2019 гг., юани²³

Graph 3. Graduate salary growth six months after graduation, 2014-2019, yuan

²³ 麦可思:2019年中国大学生就业报告(MYCOS: Graduates' Employment Annual Report 2019). Mode of access: <http://www.199it.com/archives/930684.html>; 就业蓝皮书. 2015 年中国高职高专生就业报告 (Employment Blue Book. 2015 Employment Report of China's Higher Vocational and Technical College Students.). 北京: 社会科学文献出版社 (Beijing: Social Sciences Literature Press), 2015. 222 p.; 就业蓝皮书. 2020 年中国大学生就业报告 (Blue Book of Employment 2020). Mode of access: <https://www.zhihu.com/>; 《2020年中国大学生就业报告》发布 («2020 Employment Report of Chinese College Students» Released) / 中国教育信息化网 (China Education Information Network). Mode of access: 163.com

Таблица 2

Изменения в распределении выпускников по типам предприятий, 2014-2018 гг., %*

Учреждение	выпускники-бакалавры			выпускники ВПК		
	2014	2018	2019	2014	2018	2019
частные фирмы	50	54	53	65	68	68
госпредприятия и организации общественного сектора	23	29	20	18	15	26
совместные предприятия	11	7		9	6	

* 麦可思: 2019年中国大学生就业报告 (MYCOS: Graduates' Employment Annual Report 2019). Mode of access: <http://www.199it.com/archives/930684.html>; 就业蓝皮书. 2015 年中国高职高专生就业报告 (Employment Blue Book. 2015 Employment Report of China's Higher Vocational and Technical College Students.). 北京: 社会科学文献出版社 (Beijing: Social Sciences Literature Press), 2015, 222 p.; 就业蓝皮书. 2020 年中国大学生就业报告 (Blue Book of Employment 2020). Mode of access: <https://www.zhihu.com/>; 《2020年中国大学生就业报告》发布 («2020 Employment Report of Chinese College Students» Released) / 中国教育信息化网 (China Education Information Network). Mode of access: 163.com

Table 2. Changes in the distribution

Таблица 3

Жизненные планы выпускников вузов, 2014-2019 гг., %**

Вид деятельности	2014*		2015		2016		2017		2018		2019	
	в/б ¹	ВПК ²	в/б	ВПК	в/б	ВПК	в/б	ВПК	в/б	ВПК	в/б	ВПК
работа по найму	77,6	83,5	75,2	82,5	75,1	82,6	74,4	82,8	73,6	82		
самозанятость	2,0	3,8	2,1	3,9	2,1	3,9	1,9	3,8	1,8	3,6	1,6	3,4
продолжение обучения ³	13,6	4,2	15,6	4,7	15,5	4,9	16,4	5,4	16,8	6,3	15,2	7,6
ожидание трудоустройства	4,5	8,1	4,5	8,4	4,6	8,1	4,3	7,5	4,2	7,5		
подготовка к поступлению в магистратуру	1,9	—	2,1	—	2,3	—	2,7	—	3,3	—		

* 麦可思: 2019年中国大学生就业报告 (MYCOS: Graduates' Employment Annual Report 2019). Mode of access: <http://www.199it.com/archives/930684.html>; 就业蓝皮书. 2015 年中国高职高专生就业报告 (Employment Blue Book. 2015 Employment Report of China's Higher Vocational and Technical College Students.). 北京: 社会科学文献出版社 (Beijing: Social Sciences Literature Press), 2015, p. 14.; 就业蓝皮书. 2020 年中国大学生就业报告 (Blue Book of Employment 2020). Mode of access: <https://www.zhihu.com/>; 《2020年中国大学生就业报告》发布 («2020 Employment Report of Chinese College Students» Released) / 中国教育信息化网 (China Education Information Network). Mode of access: 163.com

** В докладе о результатах обследования 2014 г. отмечалось, что 0,4% выпускников нашли занятость в организациях НОАК (就业蓝皮书. 2015 年中国高职高专生就业报告 (Employment Blue Book. 2015 Employment Report of China's Higher Vocational and Technical College Students.). 北京: 社会科学文献出版社 (Beijing: Social Sciences Literature Press), 2015, p. 11). Предположительно, что ежегодно от 0,3% до 0,5% выпускников-бакалавров были трудоустроены в военные организации.

Примечания: ¹выпускники-бакалавры; ²выпускники высших профессиональных колледжей; ³выпускники-бакалавры обучаются в магистратуре, выпускники ВПК – в бакалавриате.

Table 3. Life plans of university graduates, 2014-2019, %

– Профессиональное распределение выпускников. В 2014 г. большая часть выпускников вузов и ВПК находили первую занятость на предприятиях частного сектора (50% и 65% соответственно). При этом половина предприятий, нанимавших выпускников, относилась к группе компаний

со штатом менее 300 чел.²⁴ В последующие годы доля выпускников, трудоустроен-

²⁴ 就业蓝皮书. 2015 年中国高职高专生就业报告 (Employment Blue Book. 2015 Employment Report of China's Higher Vocational and Technical College Students.). 北京: 社会科学文献出版社 (Beijing: Social Sciences Literature Press), 2015. P. 14.

ных в частном секторе, продолжала расти (см. Таб. 2).

Динамику фактической занятости выпускников через полгода после получения диплома отражают данные Таб. 3.

Как показывают отчеты ведущих китайских университетов, карьерное планирование выпускников престижных университетов отличается от общей картины. В качестве примера можно привести распределение 3611 выпускников-бакалавров Пекинского политехнического института (университета ППИ (BIT)) 2015 г. Из 1469 выпускников (40,68%), продолживших обучение в магистратуре китайских вузов, 1260 (85,77%) поступили в магистратуру китайских университетов-участников проекта «985». Еще 770 (21,32%) выпускников-бакалавров выбрали продолжение обучения в зарубежных вузах, в т.ч. 291 чел. (37,79%) в США. Российские вузы для продолжения образования выбрали только 15 чел. (1,95%). Из числа уехавших за рубеж 487 чел. (63,25%) поступили в университеты, входящие в мировой рейтинг университетов топ-200²⁵. В итоге только 1202 (33,29%) выпускника-бакалавра ППИ 2015 г. начали работать, из них треть (406 чел.) трудоустроились на предприятия госсектора, главным образом в крупные корпорации (60%)²⁶. При этом из общего числа поступивших на работу 700 молодых специалистов (58,24%) остались в Пекине, а всего в крупных городах первого уровня нашли рабочие места 71,60% выпускников ППИ 2015 г. Их средняя первоначальная заработная составляла 7583,3 юаня/мес., или почти в 2 раза больше, чем первая средняя по стране заработная плата выпускников-бакалавров²⁷.

Обследование 2019 г. показало, что самый высокий уровень занятости среди выпускников-бакалавров 2018 г. был по таким направлениям подготовки, как инженерно-технологические специально-

сти (93,1%), менеджмент (92,7%), образование (90,8%). Одновременно в докладе отмечалось, что растет занятость выпускников, получивших подготовку по специальностям, вошедшим в список приоритетных сфер экономики в последние годы: программная инженерия (96,8%), энергетика (96,8%) проектный менеджмент (95,8%), электроэнергия и электрооборудование (95,5%). Наиболее престижными и хорошо оплачиваемыми профессиями в 2019 г. для выпускников-бакалавров стали: информационная безопасность, разработка программного обеспечения, сетевая инженерия, разработка Интернета вещей, цифровые технологии, коммуникационная инженерия и цифровое медиа-искусство. Среди них информационная безопасность, программная инженерия, сетевая инженерия, коммуникационная инженерия и цифровое медиа-искусство сохраняют приоритет по востребованности в течение последних 3 лет²⁸.

Сферой с наибольшим увеличением занятости выпускников бакалавриата и ВПК 2018 г. стало образование, в первую очередь, в начальных и средних школах и организациях дополнительного образования (у бакалавров 12,7% на 4,1% выше, чем среди выпускников-бакалавров 2014 г.). Доля выпускников ВПК 2018 г., нашедших работу в частных дошкольных учреждениях, начальных школах и вспомогательных учебных заведениях, а также государственных организациях дошкольного и начального образования составила 4,6% и 2,0% (на 2,1% выше, чем у выпускников 2014 г.)²⁹.

²⁸ 麦可思: 2019年中国大学生就业报告 (MYCOS: Graduates' Employment Annual Report 2019). Mode of access: <http://www.199it.com/archives/930684.html>

²⁹ 麦可思: 2019年中国大学生就业报告 (MYCOS: Graduates' Employment Annual Report 2019). Mode of access: <http://www.199it.com/archives/930684.html>; 2020年中国大学生就业形势分析 (An analysis of the employment situation of Chinese college students in 2020). Mode of access: <https://www.520zuowens.com/>; 就业蓝皮书. 2015年中国高职高专生就业报告 (Employment Blue Book. 2015 Employment Report of China's Higher Vocational and Technical College Students.). 北京: 社会科学文献出版社 (Beijing: Social Sciences Literature Press), 2015, 222 p.; 就业蓝皮书. 2020年中国大学生就

²⁵ 北理工大学 2015 年毕业生就业质量年度报告 (BIT 2015 Graduate Employment Quality Annual Report) // 北理工大学招生就业工作处 (Admissions and Employment Office of Polytechnic University). December 2015. p. 6.

²⁶ Ibid. P. 8

²⁷ Ibid. P. 28.

– *Степень удовлетворенности рабочим местом.* В 2018 г. удовлетворенность трудоустройством выразили 67% респондентов (68% выпускников-бакалавров и 65% выпускников ВПК). Это несколько больше, чем в 2014 г., когда удовлетворен работой был 61% выпускников (62% выпускников-бакалавров и 59% выпускников ВПК). Среди неудовлетворенных местом работы выпускников преобладали занятые на частных предприятиях и в негосударственном секторе. В качестве основных причин неудовлетворенности респонденты называли низкие доходы и ограниченные возможности дальнейшего карьерного развития³⁰.

Обследование выпускников 2015 г., проведенное через 3 года после выпуска (в 2018 г.), показало, что наиболее удовлетворены работой были занятые в сфере образования (73% выпускников-бакалавров и выпускников ВПК), а наименее – инженеры и техники, трудившиеся на предприятиях горнодобывающей промышленности (50%). Наибольшее удовлетворение работой также выразили выпускники, трудившиеся в городах первого уровня – Пекине, Шанхае, Гуанчжоу, Шэньчжэне (71%) и новых городах первого уровня – Ханчжоу, Нинбо и Тяньцзинь³¹.

Одновременно выпускники-бакалавры прошлых лет сформировали так называемую «красную карту специальностей», т.е. наименее престижных из-за высокого уровня безработицы, избытка специалистов, дефи-

цита вакансий, невысокой заработной платы и низкой удовлетворенности работой. В нее вошли: живопись, право, прикладная психология, музыкальные шоу и химия. К «красной карте специальностей» выпускники ВПК отнесли: юриспруденцию, филологическое образование, учитель начальной школы, гид, технолог приготовления пищи и диетолог³².

В докладах отмечается, что всем выпускникам присуще стремление устраиваться в те отрасли, где относительно низкий уровень безработицы высокие заработки, а работающие удовлетворены рабочим местом. Опросы выпускников вузов и ВПК разных лет показывали, что им хотелось бы работать в крупных иностранных и государственных компаниях и организациях (см. Рис. 4).

Рисунок 4

Предпочтения выпускников относительно желаемого рабочего места, середина 2010-х гг., %³³

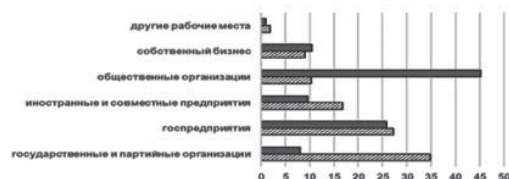

Figure 4. Graduates' preferences regarding the desired job, mid-2010s, %

业报告 (Blue Book of Employment 2020). Mode of access: <https://www.zhihu.com/>; 《2020年中国大学生就业报告》发布 («2020 Employment Report of Chinese College Students» Released) / 中国教育信息化网 (China Education Information Network). Mode of access: 163.com

³⁰ 麦可思: 2019年中国大学生就业报告 (MYCOS: Graduates' Employment Annual Report 2019). Mode of access: <http://www.199it.com/archives/930684.html>; 就业蓝皮书. 2015年中国高职高专生就业报告 (Employment Blue Book. 2015 Employment Report of China's Higher Vocational and Technical College Students.). 北京: 社会科学文献出版社 (Beijing: Social Sciences Literature Press), 2015, 222 p.

³¹ 麦可思: 2019年中国大学生就业报告 (MYCOS: Graduates' Employment Annual Report 2019). Mode of access: <http://www.199it.com/archives/930684.html>

³² 麦可思: 2019年中国大学生就业报告 (MYCOS: Graduates' Employment Annual Report 2019). Mode of access: <http://www.199it.com/archives/930684.html>; 2020年中国大学生就业形势分析 (An analysis of the employment situation of Chinese college students in 2020). Mode of access: <https://www.520zuowens.com/>; 就业蓝皮书. 2015年中国高职高专生就业报告 (Employment Blue Book. 2015 Employment Report of China's Higher Vocational and Technical College Students.). 北京: 社会科学文献出版社 (Beijing: Social Sciences Literature Press), 2015, 222 p.; 就业蓝皮书. 2020年中国大学生就业报告 (Blue Book of Employment 2020). Mode of access: <https://www.zhihu.com/>; 《2020年中国大学生就业报告》发布 («2020 Employment Report of Chinese College Students» Released) / 中国教育信息化网 (China Education Information Network). Mode of access: 163.com

³³ Skills Shortages in the Chinese Labor Market. Executive Summary / J.P. Morgan, 2016, p. 6. Mode of access: <https://china.usc.edu/sites/default/files/skillsgap-in-chineselabor-market-exec-summary.pdf>

Китайские выпускники, впервые выходя на рынок труда, также отдавали предпочтение вакансиям в сферах образования, консалтинга, интернета, электронной торговли, средств информации и организациях культуры. Выпускники китайских вузов рассматривали как желанные рабочие места и в высоко технологичных стартапах. Хотя среди выпускников, занятых на предприятиях хайтека, растет разочарование из-за того, что многие компании сокращают премии, бонусы и рабочие места, тем не менее, для многих выпускников работа в таких компаниях остается привлекательной. При этом, в сфере интернета и электронной торговли число соискателей растет быстрее, чем число рабочих мест. Хотя вакансии в указанных отраслях выпускники рассматривают как желательные, поступив на работу, они зачастую разочаровываются из-за отсутствия баланса между работой и свободным временем, интенсивного рабочего графика, эталоном которого стал рабочий стиль миллиардера³⁴, основателя Alibaba Group Джека Ма: «9/9/6»³⁵

Китайских «белых» воротничков, как и многих молодых профессионалов развитых стран, часто описывают как людей, ориентированных на роскошный образ жизни, желающих получать высокую заработную плату, работать в комфортном офисе, носить стильную одежду. В начале 2012 г. в интернете циркулировали критерии, на основе которых работника можно было бы отнести к «белым» воротничкам: месячная заработная плата не менее 20 тыс. юаней, квартира, в которой не менее двух спален, машина стоимостью около 150 тыс. юаней, проживание в городах первого уровня (Пекин, Шанхай, Гуанчжоу). Но через несколько лет их амбиции сменились на более трезвые подходы и ожидания³⁶.

³⁴ Рабочий график Джека Ма – с 9.00 до 21.00 6 дней в неделю. – *Прим. авторов.*

³⁵ Cyrill, M. China Labor Market: Hiring Costs, Job Preferences, Talent Acquisition / China Briefing, 2019, April 15. Mode of access: <https://www.china-briefing.com/news/china-labor-market-hiring-costs-job-preferences-talent-acquisition/>

³⁶ White-collar workers in China: Chasing the Chinese dream on 8,000 to 11,000 RMB a month. Mode of access: <https://daxueconsulting.com/white-collars-in-china/>; Машкина О.А. Профес-

Эволюция требований работодателей к соискателям вакансий

Китайская экономика поднимается вверх по цепочке добавленной стоимости – от «мировой фабрики» на нижнем конце цепочки стоимости к поставщику качественных информационных продуктов, технологий и услуг. Это увеличивает спрос на рынке труда на работников, обладающих повышенными навыками и компетенциями. В то же время спрос на квалифицированную рабочую силу сильно дифференцирован по регионам страны и отраслям.

Зоной сосредоточения спроса на высококвалифицированную рабочую силу в середине 2010-х гг. были восточные приморские провинции, где были сконцентрированы предприятия высоких технологий. Концентрация высококвалифицированной рабочей силы в приморских районах будет усиливать так называемый «эффект Мэтью»³⁷: отрасли с изначально высокими требованиями к уровню подготовки персонала со временем сохраняют свои преимущества, при этом навыки их работников совершенствуются быстрее, чем в других отраслях.

Высокие расходы на землю, заработную плату и другие ресурсы в приморских районах стали «выталкивать» предприятия, использующие работников со средними и низкими трудовыми навыками, в новые города первого уровня, города второго-третьего уровня, а также в соседние страны.

Как отмечалось в докладах о результатах опросов потенциальных работодателей, навыки выпускников вузов, вклю-

сиональное образование в КНР: экономические потребности и социальные ожидания // Вестник Московского Университета Сер.20. Педагогическое образование. 2016. № 2. С. 38-52. [Mashkina, O.A. Professional'noye obrazovaniye v KNR: ekonomicheskiye potrebnosti i sotsial'nyye ozhidaniya [Professional education in the PRC: economic needs and social expectations]//Vestnik Moskovskogo Universiteta Ser.20. Pedagogicheskoye obrazovaniye, 2016, № 2, pp. 38-52.]

³⁷ «Эффект Мэтью» отражает идею, что во всех сферах жизни богатые становятся богаче, а бедные беднее. – *Прим. авторов.*

чая вернувшихся из-за границы³⁸, далеко не всегда соответствуют их требованиям. Мониторинг запросов потенциальных работодателей-компаний, созданных с участием иностранного капитала, показали, что они продолжают сталкиваться со сложностями найма квалифицированного персонала (см. Рис. 5).

Рисунок 5

Трудовые позиции, на которые, по оценкам немецких фирм в Китае, трудно подобрать персонал, 2018 г., %³⁹

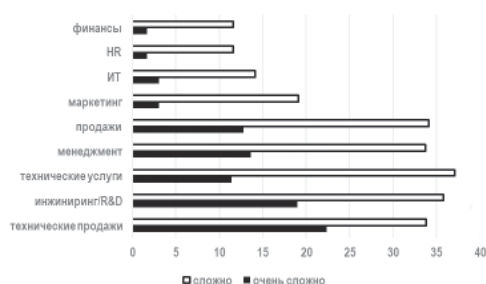

Figure 5. Labor positions for which, according to German firms in China, it is difficult to find personnel, 2018, %

Британский совет провел в 2016-2017 гг. обследование 350 компаний, расположенных главным образом в городах первого уровня КНР, чтобы выяснить, почему эти компании предпочитают брать на работу выпускников зарубежных вузов. Результаты обследования показали, что несмотря на значительный рост числа выпускников китайских вузов, 44% потенциальных работодателей сталкивались с трудностями при поиске нужных специалистов. 64% участвовавших в обследовании компаний указывали в качестве основной проблемы отсутствие у соискателей востребованной

квалификации; 60% – мягких навыков; 51% – технических навыков. Среди профессиональных умений, с дефицитом которых они сталкиваются, наниматели выделяли компьютерную грамотность (79%), базовые математические и статистические знания (58%), навыки графического дизайна (56%), передовые ИТ навыки (55%), навыки программирования/кодирования (49%). В то же время, по мнению одного из респондентов, управляющего директором крупной кадровой фирмы, еще большей проблемой для работодателей стал поиск специалистов, обладающих профессиональными компетенциями в отраслях сектора услуг с высокой добавленной стоимостью, которые в Китае только недавно получили развитие. «Как правило, в сфере новых технологических услуг преобладают китайские предприятия. Они усиленно ищут профессионалов в сфере ИТ, искусственного интеллекта, больших данных, биотехнологиях, медицине и медицинского оборудования»⁴⁰. Справедливости ради надо отметить, что не только в Китае, но во всем мире не хватает профессионалов в инновационных областях, где требуются широкие общепрофессиональные знания на стыке разных научных дисциплин.

Среди недостающих у выпускников «мягких» навыков китайские наниматели выделяли навыки работы в команде, коммуникаций/презентаций, межличностного общения и разрешения проблем. Из наиболее востребованных личностных качеств соискателей потенциальные наниматели выделяли креативность, коммуникабельность, аналитическое мышление, способность работать в команде и организационные навыки⁴¹. В то же время консультанты по найму отмечают, что частными компаниями востребована такая традиционная китайская ценность, как умение беспрекословно подчиняться начальству. В таких фирмах фактическая оценка качества работы выпускника

³⁸ В 1989-2016 гг. в страну вернулись 2,65 млн молодых китайцев, закончивших обучение в зарубежных вузах. Их трудоустройство не сопровождается теми трудностями, с которыми сталкиваются выпускники китайских вузов, поэтому занятость этой категории специалистов в данной статье не рассматривается. – Прим. авторов.

³⁹ Labor Market and Salary Report: 2018-2019. 11th Edition / German Chamber of Commerce in China, 2019. P. 33. Mode of access: https://china.ahk.de/fileadmin/AHK_China/Market_Info/Economic_Data/GCC-11th-Labor-Market-and-Salary-Report-2018_short.pdf

⁴⁰ Employability in Focus: Exploring Employer Perceptions of Overseas Graduates Returning to China / British Council. 2018. Pp. 4; 12-14. Mode of access: https://www.agcas.org.uk/write/MediaUploads/Resources/ITG/British_Council_Employability_in_Focus_China.pdf

⁴¹ Ibid. Pp. 13, 25.

может быть вторичной по сравнению с умением налаживать контакт с руководством и следовать формализованному ритуалу уважения старших⁴².

Агрегированные данные и результаты выборочных обследований показывают противоположные тенденции о текучести высококвалифицированного персонала. Так, на основании первых можно сделать вывод о постепенной, но устойчивой тенденции к снижению текучести кадров в целом, как среди «синих», так и «белых» воротничков. За 2016-2018 гг. среди «синих» воротничков она сократилась с 17,7 до 13,3%, а среди «белых» воротничков – с 12,8 до 10,3%⁴³. Но данные обследований компаний показывают, что 1/3 выпускников вузов меняют работу через полгода после выхода на первое рабочее место. Например, в начале 2019 г. с работы ушли 23% бакалавров и 42% выпускников ВПК 2018 г. В качестве причин они называли отсутствие перспектив личностного роста (46% и 44% соответственно), а также неудовлетворенность зарплатой (43% и 48%)⁴⁴.

Текучесть кадров отражает несколько «вызовов». Потенциальные работодатели отмечают, что выпускникам присущи чрезмерные запросы относительно заработной платы и условий труда. Но частая смена мест работы выпускниками вузов и ВПК может также свидетельствовать о том, что молодые специалисты не обладают профессиональными умениями и навыками, которые позволяют им построить успешную карьеру на занятом рабочем месте. Высокая текучесть кадров не позволяет работодателям организовывать профессиональную подготовку и переподготовку для формирования у вновь принятых на работу работников требуемых практических навыков.

⁴² Ibid. P. 13

⁴³ Labor Market and Salary Report: 2018-2019. 11th Edition / German Chamber of Commerce in China. 2019. P. 34. Mode of access: https://china.ahk.de/fileadmin/AHK_China/Market_Info/Economic_Data/GCC-11th-Labor-Market-and-Salary-Report-2018_short.pdf

⁴⁴ 麦可思：2019年中国大学生就业报告 (MYCOS: Graduates' Employment Annual Report 2019). Mode of access: <http://www.199it.com/archives/930684.html>

Положение на рынке труда выпускников – вызов для системы образования?

Разрыв между требованиями работодателей к претендентам на новые рабочие места и тем человеческим капиталом, который могут предложить китайские выпускники, является следствием, как минимум, двух основных несовпадений: между ориентацией китайских студентов на получение дипломов о высшем образовании и их представлений о том, какой может быть их личная карьера после окончания вуза, с одной стороны, и реальным положением на рынке труда в условиях меняющейся рыночной конъюнктуры, с другой. Иными словами, между тем, как организовано обучение студентов в вузах и тем, что работодатели ценят на практике.

Китайские студенты в соответствии со сложившимися образовательными традициями нацелены на зазубривание конкретных предметных знаний, получение высоких оценок и ученых степеней, но намного меньше инициативы они проявляют в управлении личной карьерой и неадекватно оценивают свой будущий рабочий потенциал. В силу особенностей китайской культуры и практики обучения они отдают большее предпочтение сертификатам, чем фактическому опыту обучения; брендам университетов, а не содержанию изучаемых образовательных программ; модным профессиям, а не их соответствию своим способностям и склонностям; межличностным отношениям («гуаньси»), а не собственным возможностям. В результате многие китайские студенты не привыкли принимать решения на основе реалистичной оценки своих интересов, возможностей и ситуации на рынке труда. Работодатели, особенно иностранные, также отмечают, что молодые китайцы не умеют работать в команде, свои личные интересы часто ставят выше корпоративных и рассматривают своих коллег как конкурентов, поэтому при отборе среди соискателей вакансий в крупных компаниях на первое место ставят способность претендентов к взаимодействию⁴⁵. Итоги мониторинга, про-

⁴⁵ Employability in Focus: Exploring Employer Perceptions of Overseas Graduates Returning

веденного в одном из престижных университетов КНР Hangzhou Dianzi University⁴⁶ в 2020 г., показали, что выпускники 2015 г., высоко оценивая качество обучения в университете, тем не менее, формирование навыков общения и навыков сотрудничества и координации оценили на 44,2% и 47,2%⁴⁷.

Китайские университеты реализуют широкопрофильные программы общепрофессиональной подготовки бакалавров. Программы ВПК, наоборот, чересчур узки и не могут создать основу для дальнейшего академического и профессионального роста выпускников. У китайских студентов в силу укоренившихся традиционных форм и методов обучения не сформированы те мягкие и твердые навыки и умения, которые особенно востребованы в инновационных сферах экономики. Более того, обучение в университетах и ВПК не нацелено на развитие готовности к дальнейшему обучению на основе практического опыта, вузы уделяют недостаточное внимание практическому компоненту образовательного процесса. У выпускников культивируется представление, что ученая степень должна быстро конвертироваться в высокие должности с высокими зарплатами. Многие университеты, стремясь повысить свой статус и пополнить бюджеты, увеличивают наборы в магистратуру и аспирантуру на «модные» специальности. В результате формируется переизбыток молодых профессионалов, уровень подготовки которых не соответствует запросам работодателей и структуре рынка труда, где 80% вакансий предназначены для выпускников бакалавриата и ВПК⁴⁸.

to China / British Council. 2018. P. 12. Mode of access: https://www.agcas.org.uk/write/MediaUploads/Resources/ITG/British_Council_Employability_in_Focus_China.pdf

⁴⁶ Научно-исследовательский Hangzhou Dianzi University (杭州电子科技大学) в 2020 г. занимал 87 место в рейтинге лучших вузов Китая и 133 место в глобальном рейтинге. – Прим. авторов.

⁴⁷ 杭州电子科技大学 2019–2020 学年本科教学质量报告 (Hangzhou Dianzi University (2019–2020 Academic Year): Undergraduate Teaching Quality Report). P. 43. Mode of access: <http://www.hdu.edu.cn/20201110090843278.pdf>

⁴⁸ Чун Яту. Выпускники вузов и безработица // Китай. 2019. № 7 (165). С. 6–7. [Yatu, Chong.

В рамках этой статьи не стоит задача проанализировать и выделить эффекты влияния на развитие личностных качеств выпускников образовательных и иных социально-психологических факторов, а лишь отмечается, какие образовательные программы и курсы обучения могут дать студентам требуемые на китайском рынке труда квалификации. Респонденты-работодатели обследования, проведенного Британским советом на китайских предприятиях разных форм собственности, отметили, что при отборе кандидатов они отдают предпочтение претендентам, получившем профессиональную подготовку по следующим направлениям: ИТ и компьютерному программированию – 42%; знанию иностранных языков – 40%; маркетингу – 39%; ведению бизнеса – 37%; инжинирингу – 31% (см. Рис. 6).

Рисунок 6.

Оценки работодателями наиболее востребованных университетских дисциплин и направлений подготовки, 2018, %⁴⁹

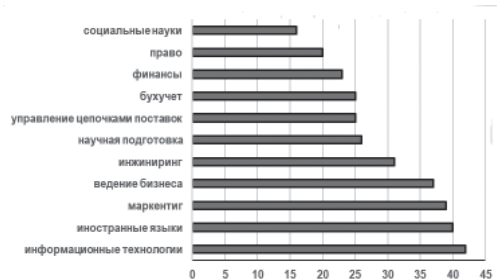

Figure 6. Employers' assessments of the most demanded university disciplines and areas of study, 2018, %

Все обследования потребностей потенциальных работодателей показывают увеличение числа запросов в высокотехнологических кадрах. Так, в 2015 г. драйверами роста стали медицина и фармацевтика, сфера рекламы-дизайна и информационных

Vypuskniki vuzov i bezrabotitsa [Graduates and unemployment] // *Kitai*, 2019, No. 7 (165), pp. 6–7.]

⁴⁹ Employability in Focus: Exploring Employer Perceptions of Overseas Graduates Returning to China / British Council. 2018. P. 13. Mode of access: https://www.agcas.org.uk/write/MediaUploads/Resources/ITG/British_Council_Employability_in_Focus_China.pdf

технологий⁵⁰. В список приоритетных сфер подготовки с точки зрения потребностей рынка труда в последующие годы вошли: программная инженерия, энергетика, проектный менеджмент. При этом падает спрос на выпускников по таким направлениям подготовки, как филология, юриспруденция, искусство и в целом по гуманитарным наукам⁵¹, т.е. направлениям вузовской подготовки, по которым традиционно планируются большие наборы студентов. Для вузов и ВПК все более актуальной становится необходимость усиления работы по мониторингу и прогнозированию потребностей рынка труда с тем, чтобы вовремя корректировать учебные программы и масштабы подготовки в соответствии текущими и потенциальными в будущем запросами работодателей.

«Облачная экономика», как утверждает китайская пресса, уже стала долгосрочной реальностью Китая. А это, в свою очередь, требует соответствующей перестройки учебных планов и программ подготовки китайских вузов и ВПК. На первый план выходит подготовка специалистов, способных ускоренно продвигать в Китае развитие инфраструктуры для 5G, искусственного интеллекта, промышленного интернета. Хотя министерство образования КНР ведет регулярную работу по пересмотру списков спе-

циальностей и учебных программ (только в учебном году 2019-2020 гг. в китайских вузах были открыты 1672 новые специальности бакалаврской подготовки и закрыты 367 устаревших специальностей⁵²), однако система высшего образования пока не в состоянии быстро подготовить востребованное число специалистов для «облачной экономики». Например, по данным платформы Maimai, социальной сети для карьеры, в 2018 г. в стране было около 5 млн незаполненных вакансий в сфере искусственного интеллекта⁵³.

Ситуация на рынке труда выпускников в 2019-2020 гг.

Обычно студенты выпускных курсов китайских вузов начинают искать рабочее место в марте, но в 2020 г. из-за весенней вспышки пандемии они приступили к поиску позднее. Выпускники вузов 2020 г. составили 2/3 лиц, впервые выходящих на рынок труда⁵⁴. Еще больше осложняли проблему трудоустройства вернувшиеся на родину из зарубежных университетов китайские выпускники, а также студенты, обучавшиеся за рубежом и не сумевшие вернуться в свои вузы из-за пандемии. По сравнению с 4-м кварталом 2019 г., в 1-м квартале 2020 г. в стране наблюдалось снижение потребности работодателей в выпускниках и одновременно увеличение их предложения. Спрос на выпускников по сравнению с 1-м кварталом 2019 г. снизился на 16,8%, а количество людей, ищущих работу, в целом увеличилось на 69,8%⁵⁵.

⁵⁰ 就业蓝皮书。2015 年中国高职高专生就业报告 (Employment Blue Book. 2015 Employment Report of China's Higher Vocational and Technical College Students.). (Beijing: Social Sciences Literature Press), 2015, p. 14.

⁵¹ 麦可思：2019 年中国大学生就业报告 (MYCOS: Graduates' Employment Annual Report 2019). Mode of access: <http://www.199it.com/archives/930684.html>; 2019 年全国教育事业发展统计公报 (2019 National Educational Development Statistical Bulletin). Mode of access: http://www.moe.gov.cn/jyb_sjzl/sjzl_fztjgb/202005/t20200520_456751.html; 2020 年中国大学生就业形势分析 (An analysis of the employment situation of Chinese college students in 2020). Mode of access: <https://www.520zuowens.com/>; 就业蓝皮书。2015 年中国高职高专生就业报告 (Employment Blue Book. 2015 Employment Report of China's Higher Vocational and Technical College Students.). 北京：社会科学文献出版社 (Beijing: Social Sciences Literature Press), 2015. 222 p.

⁵² Отклики, цифры и лица // Китай. 2020. № 4 (174). С. 16. [Otkliki, tsifry i litsa [Responses, Numbers and Faces] // *Kitai*, 2020, No. 4 (174), p. 16.]

⁵³ Cyrill, M. China Labor Market: Hiring Costs, Job Preferences, Talent Acquisition / China Briefing, 2019, April 15. Mode of access: <https://www.china-briefing.com/news/china-labor-market-hiring-costs-job-preferences-talent-acquisition/>

⁵⁴ China's unemployment rate may hit 10% / The Economist, 2020, April 22. Mode of access: <https://country.ciu.com/article.aspx?articleid=359423819&Country=China&topic=Economy&subtopic=Forecast&subsubtopic=Economic+growth>

⁵⁵ 2020 年中国大学生就业形势分析 (An analysis of the employment situation of Chinese college

Создание рабочих мест для выпускников вузов было объявлено ключевым приоритетом для китайского руководства в 2020 г., именно эта группа впервые выходящих на рынок труда работников рассматривалась как одна из основных групп риска⁵⁶. Признавая сложность ситуации, сложившейся с трудоустройством выпускников, весной 2020 г. правительством Китая был анонсирован ряд мер, призванных смягчить остроту ситуации:

- центральное правительство выпустило специальную рекомендацию государственным предприятиям, а также организациям НОАК, принимать на работу больше выпускников текущего года;

- малым предприятиям, нанимающим выпускников, были предоставлены льготы по обязательным платежам в бюджетную систему; при приеме на работу выпускников вузов им был гарантирован возврат половины взносов в Фонд страхования от безработицы⁵⁷;

- для более 400 тыс. выпускников были созданы рабочие места для работы учителями в детских садах, начальных и основных средних школах⁵⁸;

- объявлено о создании примерно 200 тыс. рабочих мест для нуждающихся выпускников колледжей. Для облегчения поиска работы выпускникам ВПК, проживающим в 52 бедных уездах, на их мобильные телефоны были разосланы 280 тыс. уведомлений о возможных рабочих местах⁵⁹;

- в марте 2020 г. была запущена специальная онлайн-платформа услуг трудоустройства выпускников. Аналогичные услуги предлагала социальная сеть (платформа) WeChat. Платформа WeChat инкорпорирует разнообразные продукты, включая WeChat Official Account, мини программы и WeChat Pay, что позволяет пользователю получить доступ к информации о широком спектре рабочих мест в сферах развития технологий, управления продуктами, цифрового контента и менеджмента контроля за выпускниками. По данным совместного доклада WeChat и Китайской академии информационных и коммуникационных технологий, более 55% персонала организаций, представленных на платформе, – это выпускники ВПК⁶⁰;

- введение нового подхода к учету занятости выпускников. Так, выпускников, зарегистрировавших свой блог или онлайн-магазин в WeChat, было разрешено относить к самозанятыми⁶¹.

Отдельный пакет чрезвычайных мер был разработан министерством образования КНР. Было решено увеличить в университетах плановый набор на магистерские программы на 189 тыс. чел. и открыть дополнительно на программах бакалавриата 322 тыс. мест для выпускников ВПК⁶².

Зам. министра образования КНР Вэн Техуэй поставила перед вузами в 2020 г. задачу внедрить специальные программы помощи выпускникам «Каждый конкрет-

students in 2020). Mode of access: <https://www.520zuowens.com/>

⁵⁶ China's Unemployment Rate May Hit 10% // The Economist, 2020, April 22. Mode of access: <https://country.eiu.com/article.aspx?articleid=359423819&Country=China&topic=Economy&subtopic=Forecast&subsubtopic=Economic+growth>

⁵⁷ China Provides Nearly 200,000 Jobs for Impoverished College Graduates / Mode of access: http://english.www.gov.cn/statecouncil/ministries/202009/28/content_WS5f71a415c6d0f7257693cced.html

⁵⁸ Zou, Shuo. Employment Situation Stable for College Graduates This Year // China Daily, 29.09.2020. Mode of access: http://english.www.gov.cn/statecouncil/ministries/202009/29/content_WS5f72873bc6d0f7257693cd5d.html

⁵⁹ China Provides Nearly 200,000 Jobs for Impoverished College Graduates. Mode of access: <http://english.www.gov.cn/>

statecouncil/ministries/202009/28/content_WS5f71a415c6d0f7257693cced.html

⁶⁰ Chinese Graduates Struggle to Find Jobs in Slowing Economy. Mode of access: <https://www.ft.com/content/393d1aa6-1866-11e9-b93e-f4351a53f1c3>; China Expands Employment Channels for College Graduates amid COVID-19 Outbreak // Xinhua, 09.07.2020. Mode of access: http://www.xinhuanet.com/english/2020-07/09/c_139200765.htm

⁶¹ Pak, J. China to Count Bloggers and Gamers as “Employed” During Pandemic. Mode of access: <https://www.marketplace.org/2020/08/12/china-to-count-bloggers-and-gamers-as-employed-during-pandemic>

⁶² Zou, Shuo. Employment Situation Stable for College Graduates This Year // China Daily, 29.09.2020. Mode of access: http://english.www.gov.cn/statecouncil/ministries/202009/29/content_WS5f72873bc6d0f7257693cd5d.html

ный выпускник – отдельный план», с тем чтобы при подборе рабочего места отделы трудоустройства вузов и ВПК учитывали индивидуальные способности и умения выпускников⁶³. В кампусах университетов министерством образования был открыт доступ к круглосуточному portalу услуг найма. На министерском portalе было зарегистрировано 6,69 млн выпускников, размещено 15,2 млн предложений о вакансиях, через portal было расослано 37,3 млн резюме. Услуги помощи выпускникам в поиске вакансий также оказывают 9 ведущих рекрутинговых веб-сайтов⁶⁴. В докладе министерства образования Госсовету КНР отмечалось, что онлайн-способ найма на работу – новая, показавшая эффективность тенденция. По данным China.org, 645 тыс. выпускников из 900 университетов и колледжей, расположенных в 11 провинциях, были приняты на работу онлайн⁶⁵.

Министерство образования КНР также сотрудничает с министерством людских ресурсов и социального обеспечения для трудоустройства безработных выпускников. Программы помощи в трудоустройстве выпускникам-выходцам из нуждающихся семей предлагают и университеты (например, педагогический университет провинции Шэньси), и компании (например, компания «Три ущелья»). Так, университет выделил из своего бюджета 2,4 млн юаней (около 350 тыс. долл.) на субсидии нуждающимся выпускникам⁶⁶.

Ситуация на рынке труда выпускников стала меняться осенью 2020 г. благодаря предпринятым китайским правительством мерам и постепенному восстановлению экономической активности. Пять крупнейших государственных банков Китая – Промышленный и коммерческий банк Китая, Банк Китая, Сельскохозяйственный банк Китая, Банк коммуникаций и Китайский строительный банк – озвучили планы нанять осенью в общей сложности 60 000 выпускников 2020 г. Интернет-гигант Tencent в 2020 г. опубликовал свой самый большой план приема на работу, предусматривающий 5 000 вакансий для выпускников, что на 42% больше, чем в прошлом году. ByteDance, материнская компания TikTok, открыла 6000 рабочих мест для выпускников 2020 г., что также превысило предыдущий уровень набора персонала компании⁶⁷. По официальным данным, на 01.09.2020 г. было трудоустроено более 2,8 млн выпускников в общественном секторе, включая государственные институты, государственные предприятия, общественные школы, организации социальных услуг и в сельских районах⁶⁸. По словам представителя отдела образования Ван Хуэя, благодаря мерам по расширению каналов трудоустройства в общей сложности к сентябрю 2020 г. работу нашли на 700 тыс. выпускников больше, чем к аналогичному периоду 2019 г.⁶⁹

Предполагается также, что гибкая занятость, технологические инновации, ускоренное развитие цифровой экономики, создание платформ для организации удаленной

⁶³ Ло Цзе. Всеобъемлющее стимулирование трудоустройства // Китай. 2020. № 4 (174). с. 55. [Jie, Luo. Vseob'yemlyushcheye stimulirovaniye trudoustroystva [Comprehensive Employment Incentives] // *Kitai*, 2020, No. 4 (174), pp. 55.]

⁶⁴ Zou, Shuo. Employment Situation Stable for College Graduates This Year // *China Daily*, 29.09.2020. Mode of access: http://english.www.gov.cn/statecouncil/ministries/202009/29/content_WS5f72873bc6d0f7257693cd5d.html

⁶⁵ China's Employment Market Perks up during Golden Job-Hunting Season // *Xinhua*, 21.10.2020. Mode of access: http://english.www.gov.cn/news/topnews/202010/21/content_WS5f8ff704c6d0f7257693e337.html

⁶⁶ China Provides Nearly 200,000 Jobs for Impoverished College Graduates. Mode of access: http://english.www.gov.cn/statecouncil/ministries/202009/28/content_

WS5f71a415c6d0f7257693cced.html

⁶⁷ China's Employment Market Perks up During Golden Job-Hunting Season / *Xinhua*, 21.10.2020. Mode of access: http://english.www.gov.cn/news/topnews/202010/21/content_WS5f8ff704c6d0f7257693e337.html

⁶⁸ Zou, Shuo. Employment Situation Stable for College Graduates this Year // *China Daily*, 29.09.2020. Mode of access: http://english.www.gov.cn/statecouncil/ministries/202009/29/content_WS5f72873bc6d0f7257693cd5d.html

⁶⁹ China's Employment Market Perks up during Golden Job-Hunting Season // *Xinhua*, 21.10.2020. Mode of access: http://english.www.gov.cn/news/topnews/202010/21/content_WS5f8ff704c6d0f7257693e337.html

работы и целевое обучение талантов будут способствовать созданию новых рабочих мест. Рынок труда будут стимулировать, как полагают китайские политики, строительство интернет-инфраструктуры 5G, распространение технологий Интернета вещей, больших данных, искусственного интеллекта, промышленного интернета и умных городов, а также увеличение инвестиций в человеческий капитал в таких секторах, как образование, здравоохранение, социальное обеспечение.

Но пока выпускникам по-прежнему непросто найти хорошее рабочее место в крупных городах. Об этом свидетельствуют данные о динамике индекса конкуренции предложения и спроса на таланты (*talent supply and demand competition index*) (см. Рис. 7).

Рисунок 7

Динамика индекса конкуренции предложения и спроса на таланты, 2019-2020 гг.⁷⁰

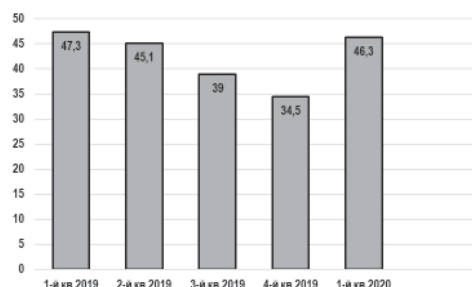

Figure 7. Dynamics of the competition index of supply and demand for talent, 2019-2020

В 2019 г. среднее значение индекса конкуренции так называемых «талантов» по 37 большим городам Китая составляло 45,1. Это означало, что за каждое рабочее место конкурировало более 45 высококвалифицированных кандидатов. При этом индекс конкуренции в Пекине достигал 130,5, или на 40,2 больше, чем в предыдущий год, за ним следовали Шанхай (63,1), Шэньчжэнь (55,2) и Шэньян (54,7)⁷¹.

⁷⁰ Cui, Can. Competition for Jobs Sharpens amid Outbreak. Mode of access: http://www.china.org.cn/business/2020-04/13/content_75926122.htm

⁷¹ Xiaoming, Yu. Average Monthly Salary in Major Cities nears 8,500 Yuan // China Daily, 04.07.2019. Mode of access: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201907/04/WS5d1d63cfa3105895c2e7ba4d.html>

Многие выпускники трудоустраиваются в средних и малых городах, не сумев реализовать личные карьерные планы в мегаполисах. Примечательно, что в 2020 г. 23,8% выпускников, выходцев из бедных сельских семей, вернулись по окончании вуза в те бедные районы, от которых они обучались в вузах по программе помощи детям из бедных районов страны. Это означает, что программа достаточно эффективна и прием молодежи из остальных районов должна быть продолжена. Средние доходы окончивших местные вузы в 2019 г. выпускников из крестьянских семей в официально признанных бедными районах составляли 5062 и 4125 юаней в месяц, что в 5,3 и 4,3 раза было выше средних доходов местных крестьянских дворов (964 юаней в месяц)⁷².

Выводы

Во второй половине 2010-х гг. в КНР продолжалось массированное расширение системы высшего образования. По прогнозам МБРР, к 2030 г. доля КНР в совокупной подготовке молодых выпускников странами ОЭСР и Большой двадцатки достигнет 27%, а в пуле ученых и профессиональных техников еще больше – 37%⁷³. В то же время ускоренное количественное развитие системы высшего образования выявило ряд проблем, которые стране предстоит решить, чтобы ее планы долгосрочного развития могли быть реализованы.

На рынке труда высококвалифицированных специалистов сложился дисбаланс

⁷² 就业蓝皮书。2020 年中国大学生就业报告 (Blue Book of Employment 2020). Mode of access: <https://www.zhihu.com/>; 《2020 年中国大学生就业报告》发布 («2020 Employment Report of Chinese College Students» Released) / 中国教育信息化网 (China Education Information Network). Mode of access: 163.com

⁷³ Innovative China. New Drivers of Growth. International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank and the Development Research Center of the State Council, P.R. China, 2019, p. 80. Mode of access: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/32351/9781464813351.pdf?sequence=7&isAllowed=y>

между спросом и предложением, обусловленный несколькими факторами:

- несовпадением между запрашиваемыми работодателями «мягкими» и «твердыми» навыками соискателей-выпускников и теми навыками и компетенциями, которые они получают в процессе обучения;

- процесс обучения в организациях высшей школы в большей мере ориентирован на освоение студентами предметных знаний, а не на практические умения; на возможности преподавателей, а не на потребности работодателей; на достижение количественно измеряемых показателей, а не на развитие мягких навыков, таких как способность к постоянному самостоятельному обучению, критическому мышлению, работе в команде и др.;

- открывая новые специальности, вузы ориентируются главным образом на потребности сегодняшней, а не будущей экономики, при этом обновление содержания учебных курсов происходит слишком медленно, в т.ч. из-за недостаточно тесных связей между вузами и ведущими корпорациями;

- конкурируя за привлечение большего числа абитуриентов, вузы как общественного, так и частного секторов, зачастую открывают непрофильные специальности, прежде всего гуманитарного профиля, по которым не способны обеспечить квалифицированную подготовку студентов. Особенно это характерно для провинциальных университетов и вузов, преобразованных из ВПК. В результате выпускники оказываются невостребованными на рынке труда, что, в частности, отражают так называемые «красные карты» специальностей, составляемые выпускниками. Как минимум, это ведет к снижению эффективности общественных и семейных инвестиций в человеческий капитал.

В настоящее время выпускники вузов и ВПК сосредоточены в наиболее экономически развитых приморских провинциях, мегаполисах и новых городских кластерах, чему во многом способствует государственная инновационная политика. Однако рост производственных и регуляторных издержек делает эти центры менее привлекательными для развития бизнеса. Послужит ли это толчком к более равномерному распределе-

нию по стране квалифицированных кадров и экономическому росту в Центральном и особенно в Западном регионах страны – прогнозировать пока трудно.

Стремительный количественный рост системы высшего образования позволил КНР сделать высшее образование массовым, прежде всего, благодаря целенаправленным мерам правительства. Но пока организации высшей школы не в состоянии полностью удовлетворить запросы работодателей реального сектора. Так, по оценкам китайских экспертов, если заранее не озаботиться увеличением приема студентов, к 2025 г. дефицит высококвалифицированных кадров в индустрии информационных технологий нового поколения может достигнуть 9,5 млн чел., а в сфере электроники – 9,9 млн чел.⁷⁴

Для преодоления разрыва между полученными выпускниками навыками и умениями, востребованными на рынке труда страны, предстоит реформировать как систему образования в целом и профессиональной подготовки, в частности, так и систему квалификационной сертификации специалистов, а макроэкономическую политику настроить на лучшее размещение ресурсов рынка труда. Предполагается, что в развитых районах КНР и мегаполисах вырастут масштабы новых наукоемких отраслей, нуждающихся в «умах и талантах», а более трудоемкие отрасли будут постепенно перенесены в экономически менее развитые районы. Но будет ли это способствовать более равномерному распределению по территории страны квалифицированных кадров, что могло бы стимулировать экономический рост на местах, – сказать трудно. Тем не менее, определенные предпосылки для этого есть. Со второй половины 2010-х гг. происходило постепенное сокращение доли выпускников, находивших рабочие места в приморских районах, и все большее их перемещение во внутренние, в т.ч. экономически отсталые регионы (провинции Ганьсу,

⁷⁴ 中国制造2025 来了教育体系应如何培养制造业人才? (How should the education system train manufacturing talents in order for the times “Made in China 2025” to arrive?). Mode of access: <http://edu.people.com.cn/n1/2017/0227/c1053-29109674.html>

Шэньси и Нинся-Хуэйский АР). Во многом подобную динамику стимулировали меры государственной политики, включая увеличение наборов на программы целевого бюджетного обучения студентов с последующим их распределением на работу в бедные и отдаленные районы страны; предоставление социальных и материальных льгот выпускникам вузов, согласным переехать на работу в «глубинке». Как показывает практика последних лет, для выпускников вузов становится все более привлекательной программа «специальных должностей» педагогов в сельских школах⁷⁵.

В научном сообществе высказываются разные оценки того, насколько достигнутый страной уровень технологического развития способен стимулировать появление рабочих мест через рост внутреннего потребления и развитие инновационных отраслей. Первая из них отражает позицию основателя и исполнительного директора ведущей китайской венчурной кампании Sinovation Ventures Ли Кайфу. Он видит огромные перспективы инновационно-технологического развития в Китае и считает, что новые технологии взаимодействия человека и «умных» машин в сочетании с легкостью использования мобильных платежей, «вездесущими» видеокамерами быстро размывают в Китае границы между онлайн и офлайн-мирами. Новая реальность создает огромный потенциал для новых рабочих мест⁷⁶. Другая точка зрения, основанная на данных вышеприведенных опросов китайских работодателей, свидетельствует, что многие вакансии в инновационных отраслях остаются незаполненными из-за отсутствия достойных претендентов, особенно в таких

сферах, как ИТ, чистая энергия, здравоохранение и финансовые услуги. Работодатели считают, что «домашняя база талантов» в отдельных секторах ограничена и стремятся привлечь на работу профессионалов, получивших образование за рубежом. Оба взгляда, и пессимистичный, и оптимистичный, имеют объективные основания. Как метко обозначили современные тенденции развития страны журналисты: «В Китае изменения происходят так быстро, что будущее может наступить до того, как прошлое будет полностью отброшено»⁷⁷.

Литература:

Кузнецова В.В., Машкина О.А. Глобализация китайского высшего образования как фактор геополитического влияния Китая // Сравнительная политика. 2020. Том 11. № 2. С. 139-150.

Кузнецова В.В., Машкина О.А. Проект «шунань и лю». Глобализация китайского высшего образования // Образовательная Политика. 2019. № 4.

Кузнецова В.В., Машкина О.А. Сельский Китай: развитие школьного образования в XX-XXI вв. // Образовательная политика. 2020. № 4 (84). С. 14-22.

Машкина О.А. Жизненные стратегии и ценности выпускников китайских вузов // Отечественная и зарубежная педагогика. 2016. № 5. С. 140-152.

Отклики, цифры и лица // Китай. 2020. № 4 (174).

Чун Яту. Выпускники вузов и безработица // Китай. 2019. № 7 (165).

References:

Kuznetsova, V.V.; Mashkina, O.A. Globalizatsiya kitayskogo vysshego obrazovaniya kak faktor geopoliticheskogo vliyaniya Kitaya [Globalization of Chinese Higher Education as a Factor of China's Geopolitical Influence] // *Comparative Politics Russia*, 2020, Vol. 11, No. 2, pp. 139-150.

Kuznetsova, V.V.; Mashkina, O.A. Proyeckt «shuan i lyu». Globalizatsiya kitayskogo vysshego obrazovaniya [Shuang and Liu project. Globalization of Chinese Higher Education] // *Obrazovatel'naya Politika*, 2019, No. 4.

Kuznetsova, V.V., Mashkina, O.A. Sel'skiy Kitay: razvitiye shkol'nogo obrazovaniya v XX-XXI vv. [Rural China: the Development of School Education in the XX-XXI Centuries] // *Obrazovatel'naya politika*, 2020, No. 4 (84), pp. 14-22.

Mashkina, O.A. Zhiznennyye strategii i tsennosti vypusnikov kitayskikh vuzov [Life strategies and values of Chinese university graduates] // *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika*, 2016, No. 5. pp. 140-152.

Otkliki, tsifry i litsa [Responses, Numbers and Faces] // *Kitai*, 2020, No. 4 (174).

Yatu, Chong. Vypusniki vuzov i bezrabotitsa [Graduates and unemployment] // *Kitai*, 2019, No. 7 (165).

⁷⁵ Кузнецова В.В., Машкина О.А. Сельский Китай: развитие школьного образования в XX-XXI вв. // Образовательная политика. 2020. № 4 (84). С. 14-22. [Kuznetsova, V.V., Mashkina, O.A. Sel'skiy Kitay: razvitiye shkol'nogo obrazovaniya v XX-XXI vv. [Rural China: the Development of School Education in the XX-XXI Centuries] // *Obrazovatel'naya politika*, 2020, No. 4 (84), pp. 14-22.]

⁷⁶ Larson, C. From Imitation to Innovation: How China Became a Tech Superpower. Mode of access: <http://www.wired.co.uk/article/how-china-became-tech-superpower-took-over-the-west>

⁷⁷ Ibid.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10034

EMPLOYMENT OF UNIVERSITY GRADUATES IN MODERN CHINA: EXPECTATIONS AND REALITY

Valentina V. Kuznetsova

*Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

Olga A. Mashkina

*Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

Article history: <i>Received:</i> 14.04.2021 <i>Accepted:</i> 05.05.2021	Abstract: The employment of China's tertiary education system's graduates is considered, on the one hand, as a prerequisite for the implementation of the strategic goal set by the Chinese leadership – turning the country into a global center for the development of new knowledge and technologies by 2035, and on the other, as a factor of ensuring social stability. The analysis shows that an increasingly serious problem is the contradiction between the prevailing ideas in Chinese society about importance of “high scholarship” and the structure of vacancies for graduates of universities and higher professional colleges in the labor market; between the ideas of graduates about what kind of knowledge and skills are in demand by employers, and the requirements imposed by employers on applicants while searching for qualified personnel.
About the authors: <i>Valentina V. Kuznetsova</i>, Candidate of History, Associate Professor, Department of World Economy and Management of International Economic Activity, Faculty of Public Administration, Lomonosov Moscow State University e-mail: vkuz_55@mail.ru <i>Olga A. Mashkina</i>, Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Department of Chinese Philology, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University e-mail: oliya-m@yandex.ru	
Key words: employment; demand; innovation; qualified personnel; quality of training; salary; labor preferences	

Для цитирования: Кузнецова В.В., Машкина О.А. Трудоустройство выпускников вузов в современном Китае: ожидания и реальность // *Сравнительная политика*. 2021. № 3. С. 165-185.
DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10034

For citation: Kuznetsova, Valentina V.; Mashkina, Olga A. Trudoustroystvo vypusknikov vuzov v sovremennom Kitaye: ozhidaniya i real'nost' (Employment of University Graduates in Modern China: Expectations and Reality) // *Comparative Politics Russia*, 2021, No. 3, pp. 165-185.
DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10034

ЭВОЛЮЦИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНИИ КНР В СОВЕТЕ БЕЗОПАСНОСТИ ООН

Артур Маратович Галимуллин

Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России,
Москва, Россия

Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 15 апреля 2021 <i>Отправлено на редактирование:</i> 22 апреля 2021 <i>Принята к печати:</i> 31 мая 2021	Аннотация: В статье анализируется эволюция внешней политики КНР при двух председателях КПК – Ху Цзиньтао (2003–2013 гг.) и Си Цзиньпине (2013 г. – н.в.) на примере изменения практики применения права вето в Совете Безопасности ООН. Подсчёт количественных показателей случаев применения права вето в период с 1971 по 2020 гг. свидетельствует о существенной активизации участия страны в работе Совета Безопасности с начала XXI века. Рассмотрение резолюций и стенограмм заседаний по случаям КНДР, Ирана, Мьянмы, Зимбабве и Сирии даёт основание полагать, что к концу срока пребывания Ху Цзиньтао в должности руководителя КНР произошла качественная эволюция стратегии поведения страны в вышеупомянутом институте – к началу 2010-х гг. курс КНР стал более решительным по сравнению с таковым в начале 2000-х гг. Анализ случаев применения права вето после 2013 г. свидетельствует в пользу того, что Си Цзиньпин не только продолжил в Совете Безопасности ООН линию своего предшественника, но и укрепил её, сделав ещё более проактивной. Подобная смена стратегии поведения в рассматриваемом институте во многом стала возможной благодаря двум ключевым факторам: значительному увеличению возможностей КНР на международной арене и негативным последствиям принятия резолюции 1973 (2011) по Ливии. В настоящее время в своих действиях в Совете Безопасности ООН Китай руководствуется стратегией т.н. «мягкого балансирования», призванной соперничать с США в зонах их интересов путём создания коалиций в международных институтах; в будущем этот подход может эволюционировать в более жесткий.
Об авторе: выпускник магистратуры МГИМО МИД России по направлению «Международные отношения» e-mail: galimullin.a.m@my.mgimo.ru	
Ключевые слова: Китай; Совет Безопасности ООН; Ху Цзиньтао; Си Цзиньпин; Сирия; Ливия; Венесуэла	

Анализируя исследовательскую литературу, нередко можно встретить мнение о том, что срок нахождения у власти Ху Цзиньтао (2003–2013 гг.) является неким «переходным периодом», т.к. именно при этом руководителе страна стала постепенно отходить от «закрытости» в международных отношениях, характеризовавшей внешнюю политику с 1980-х гг.¹ Это стало возможным благодаря качественному пересмотру идеи «таогуан янхуэй» (скрывать возможности и оставаться в тени, выжидая подходящего момента), завета Дэн Сяопина, до этого мо-

мента лежавшего в основе взаимодействия Китая на международной арене.

Внешняя политика КНР стала наполняться новым содержанием, соответствующим возросшим возможностям и потребностям страны. Китай начинает активно позиционировать себя в качестве «ответственной мировой державы», занимающей высокое положение в международных институтах и готовой брать на себя соответствующее её статусу бремя поддержания существующего международного порядка. Из документов партийных съездов следовало, что КНР не собирается пытаться качественно перестраивать существующую систему международных отношений; в основе внеш-

¹ Zhang, Baohui. Chinese Foreign Policy in Transition: Trends and Implications // *Journal of Current Chinese Affairs*, 2010, pp. 39–44.

Таблица 1

Количество случаев применения права вето и неучастия в голосовании Китаем, СССР / Россией и США в период с 1971 по 1999 гг. по десятилетиям

Страна	1971-1979		1980-1989		1990-1999	
	Вето	Неучастие	Вето	Неучастие	Вето	Неучастие
Китай	1	63	0	13	2	42
СССР / Россия	6	22	4	15	2	20
США	20	28	42	27	5	2

Table 1. The number of cases of the use of the right of veto and non-participation in voting by China, the USSR / Russia and the United States in the period from 1971 to 1999 by decades

ней политики закреплялась приверженность принципам международного права и ведущая роль ООН².

Следует отметить, что изменение общей внешнеполитической линии отразилось и в стратегии поведения страны в Совете Безопасности ООН. Вплоть до начала XXI века позиция КНР в рассматриваемом институте была достаточно сдержанной – именно такой вывод можно сделать из количественного анализа использования страной права вето и неучастия в голосованиях (abstentions). С момента официального признания КНР в качестве представителя всего Китая в 1971 г. по 1999 г. страна использовала право вето в открытых заседаниях трижды – по вопросу приёма в ООН государства Бангладеш (1972), по ситуации в Центральной Америке (1997) и по положению в Бывшей югославской Республике Македония (1999). Что касается неучастия в голосованиях, то в период с 1971 по 1979 у Китая было 63 подобных случая (для сравнения, у США – 28, у СССР – 22), с 1980 по 1989 гг. – 13 случаев (у США – 27, у СССР – 15), и с 1990 по 1999 г. – 42 случая (у США – 2, у СССР – 20). Выходит, что в период с 1971 по 1999 г. КНР 118 раз отказалась от голосования, в то время как США и СССР сделали это по 57 раз. За тот же период времени КНР 3 раза применила право вето, в то время как США сделали это 67 раз, а СССР – 12³ (см. Таб. 1, 2).

² Ху Цзиньтао цзай Чжунго гунчаньдан ди шиба цы цюаньго дайбяо дахуэйшандэ баогао (Доклад Ху Цзиньтао на 18-м съезде КПК) (Hu Jintao's Report at 18th Party Congress) / Жэньминь жибао. Режим доступа: <http://cpc.people.com.cn/n/2012/1118/c64094-19612151.html>

³ Security Council – Vetoes List / Dag Hammarskjöld Library. Mode of access: <https://research.un.org/en/>

Таблица 2

Общее количество случаев применения права вето и неучастия в голосовании Китаем, СССР / Россией и США в период с 1971 по 1999 гг.⁴

1971-1999		
Страна	Вето	Неучастие
Китай	3	118
СССР / Россия	12	57
США	67	57

Table 2. The total number of cases of veto and non-voting by China, the USSR / Russia and the United States in the period from 1971 to 1999.

При Ху Цзиньтао Китай стал более активно прибегать к использованию права вето в Совете Безопасности. С 2003 по 2013 гг. Пекин применил право вето пять раз – по разу по случаям Мьянмы и Зимбабве и три раза по Сирийской проблематике⁵. При этом думается, что основания для применения вето в первых двух случаях существенно отличались от трёх остальных.

Случаи Мьянмы и Зимбабве схожи в своей сущности – в обеих этих странах в момент рассмотрения резолюций у власти стояли деятели хунты; режимы были недемократическими; уровень оттока населения в близлежащие страны находился на высокой отметке⁶. Соединённые Штаты и их союз-

docs/sc/quick; United Nations – Voting Data / United Nations Digital Library. Mode of access: https://digitallibrary.un.org/search?ln=en&cc=Voting+Data.

⁴ Ibid.

⁵ Вето в Совете Безопасности – Китай (UNSC Veto – China) / Организация Объединённых Наций. Режим доступа: <https://www.un.org/securitycouncil/ru/content/veto-china/>

⁶ Ren, Mu. China's Non-Intervention Policy in UNSC Sanctions in the 21st Century: The Cases of Libya, North Korea, and Zimbabwe / *Ritsumeikan International Affairs*, 2014, Vol. 12, pp. 101-134; Myanmar: New Threats to Humanitarian

ники в рамках Совета Безопасности (среди постоянных членов – Франция и Великобритания) ставили своей целью продвинуть резолюции, в перспективе открывавшие дорогу для смены режимов в этих странах, что шло бы в одной линии с идеей продвижения демократии Дж. Буша-мл. Резолюции включали бы осуждение режимов, экономические санкции, запрет на торговлю с этими странами, однако не прошли по причине использования права вето КНР и Россией⁷.

Очевидно, что для Соединённых Штатов вопросы демократии в таких странах, как Мьянма и Зимбабве, не могли играть чрезвычайно важной роли; исходя из этого, можно предположить, что одна лишь постановка резолюции на голосование уже была бы приемлема для Вашингтона. Создание пропагандистского и популистского эффекта и стремление доказать свой статус государства-защитника демократии во всем мире – вот какие цели преследовал Вашингтон, ставя дела этих государств на повестку дня в подобном высоком институте.

Рассмотрение ситуаций в Мьянме и Зимбабве приобретает особый интерес в контексте процессов, проходивших в тот же период времени в других государствах. В 2006 и 2009 гг. Северная Корея провела две серии успешных ядерных испытаний. Китай не применил право вето и позволил санкционным резолюциям (1718 и 1874), спонсированным Соединёнными Штатами, пройти. Учитывая объем торговли и уровень

взаимодействия между странами, подобное решение может показаться нелогичным, однако здесь особую роль играет важность ядерной проблематики как для США, так и для региональных акторов; последние – Япония и Южная Корея – также выступали за принятие резолюций⁸.

В этот же период времени имел место ядерный кризис в Иране – в 2006 г. страна отказалась допускать инспекторов МАГАТЭ на ядерные установки и в том же году запустила второй завод по обогащению урана. Ирану было предложено вернуться в переговорный процесс, на что последний ответил отказом, что привело к принятию нескольких резолюций, накладывающих серьезные экономические санкции⁹. Как и в случае с Северной Кореей, Пекин не использовал право вето потому, что этот вопрос имел особую важность для Вашингтона, равно как и региональных акторов (Саудовской Аравии, Израиля и др.).

Таким образом, ключевое отличие первых двух случаев от таковых КНДР и Ирана лежит именно в важности рассматриваемого вопроса для Вашингтона. Иными словами – *до определенного момента Китай применял право вето только по вопросам, не представлявшим особой важности для США*. Второстепенную роль также играли такие факторы, как согласие объектов резолюций идти на уступки, согласие региональных акторов и стейкхолдеров принять резолюцию, а также позиция России. Второстепенные факторы сохранили свою актуальность и по настоящее время (особенно фактор России – в условиях повышения уровня взаимо-

Aid, International Crisis Group // Asia Briefing, 2006, No. 58. Mode of access: http://www.crisisgroup.org/~media/Files/asia/south-east-asia/burmamyanmar/b58_myanmar_new_threats_to_humanitarian_aid.ashx; Lipton, Merle. Understanding South Africa's Foreign Policy: The Perplexing Case of Zimbabwe // *South African Journal of International Affairs*, 2009, pp. 331-346.

⁷ Проект резолюции Совета Безопасности ООН S/2008/447 от 11 июля 2008 г. (UNSC Draft Resolution S/2008/447 – July 11, 2008) / Организация Объединенных Наций. Режим доступа: <https://undocs.org/ru/S/2008/447>; Проект резолюции Совета Безопасности ООН S/2011/612 от 4 октября 2011 г. (UNSC Draft Resolution S/2011/612 – October 4, 2011) / Организация Объединенных Наций. Режим доступа: <https://undocs.org/ru/S/2011/612>.

⁸ Стенограмма 5551 заседания Совета Безопасности ООН от 14 октября 2006 г. (Transcript of the UNSC 5551 meeting – October 14, 2006) / Организация Объединенных Наций. Режим доступа: <https://undocs.org/ru/S/PV.5551>; Стенограмма 6141 заседания Совета Безопасности ООН от 12 июня 2009 г. (Transcript of the UNSC 6141 meeting – June 12, 2009) / Организация Объединенных Наций. Режим доступа: <https://undocs.org/ru/S/PV.6141>

⁹ Цун Чжунго шицзяо кань Илан хэвэньти (Взгляд на проблему Ирана со стороны Китая). Режим доступа: <https://www.crisisgroup.org/zh-hans/middle-east-north-africa/gulf-and-arabian-peninsula/iran/iran-nuclear-issue-view-beijing>

действия РФ и КНР его уже можно считать ключевым; также в XXI веке Китай не применял право вето без России), однако фактор важности вопроса для Вашингтона более не играет решающей роли для Пекина. Это в полной мере проявилось на примере Сирийской проблематики, однако переломным моментом является всё же кризис в Ливии.

Во время Всемирного саммита ООН 2005 года была принята норма «ответственность по защите», с тех пор нашедшая отражение во многих заявлениях и резолюциях Совета Безопасности ООН. Эта норма получила поддержку как развитых, так и развивающихся стран, вследствие чего Пекин был вынужден также начать выступать в поддержку более интервенционистской политики и создания миротворческих операций¹⁰. Кульминацией этого стала готовность КНР разрешить военную интервенцию в Ливию, осуществлявшуюся под руководством НАТО с целью положить конец убийствам мирного населения диктаторским режимом Каддафи. По мере развития событий стало ясно, что НАТО грубо превысила мандат ООН. Китайское внешнеполитическое ведомство резко раскритиковало действия альянса и вернулось к своей прежней позиции, заявив о своём несогласии с применением силы в международных отношениях¹¹.

Именно случай Ливии стал водоразделом, после которого позиция Китая по возможным вооруженным вмешательствам международного сообщества в другие страны изменилась. И Китай, и Россия воспользовались полученным опытом и стали блокировать даже введение санкций против режима Б. Асада, не говоря уже о полномасштабной военной интервенции под каким бы то ни было предлогом.

В период с 2014 по 2020 гг., т.е. при председательстве Си Цзиньпина, страна заблокировала восемь резолюций, семь из которых

были посвящены Ближневосточной проблематике, а одна – ситуации в Венесуэле¹². Анализ стенограмм заседаний, а также проектов резолюций позволяет проследить преемственность линии Ху Цзиньтао, наиболее отчетливо проявившейся в последние несколько лет его нахождения у власти¹³. Отношения Пекина и Вашингтона как в рамках Ближневосточного региона, так и в других частях света (что доказывается на примере Венесуэлы) претерпели серьезные изменения, что можно объяснить с точки зрения концепции т.н. «мягкого балансирования», появившейся в западных исследованиях международных отношениях в середине 2000-х гг.

Под термином «мягкое балансирование» понимаются усилия, направленные на воспрепятствование успешного проведения политической линии другим государством (как правило, более могущественным) в каком-либо регионе, причем эти усилия не должны быть связаны с военными действиями. В отличие от жесткого балансирования, его мягкий вариант не предполагает перестройку сложившейся системы в регионе; его главная цель – снизить влияние более сильной страны путём повышения издержек для неё. По словам Р.А. Пейпа, одного из основоположников концепции, логика применения стратегии мягкого балансирования заключается в «...координации коллективных действий рядом других более слабых держав, что может проявиться в идентичных дипломатических маневрах и общей позиции в международных органах»¹⁴. Т.В. Пол понимает мягкое ба-

¹² Вето в Совете Безопасности – Китай (UNSC Veto – China) / Организация Объединённых Наций. Режим доступа: <https://www.un.org/securitycouncil/ru/content/veto-china>

¹³ См., напр., проект резолюции и стенограмму заседания по Сирии: проект резолюции S/2014/348 от 22 мая 2014 г. (UNSC Draft Resolution S/2014/348 – May 22, 2014) / Организация Объединённых Наций. Режим доступа: <https://undocs.org/ru/S/2014/348>; Стенограмма 7180 заседания Совета Безопасности ООН от 22 мая 2014 г. (Transcript of the UNSC 7180 meeting – May 22, 2014) / Организация Объединённых Наций. Режим доступа: <https://undocs.org/ru/S/PV.7180>

¹⁴ Pape, Robert. Soft Balancing against the United States // *International Security*, 2005, Vol. 30, No. 1, pp. 7-13.

¹⁰ Garwood-Gowers, Andrew. China and the 'Responsibility to Protect': The Implications of the Libyan Intervention / *Asian Journal of International Law*, 2012. Vol. 2, No. 2, pp. 375-393.

¹¹ Sun, Yun. Syria: What China has Learned from its Libya Experience / *Asia Pacific Bulletin*, 2012, No. 152. Accessed at: http://www.eastwestcenter.org/sites/default/files/private/apb152_1.pdf

лансирование более широко и описывает его как построение дипломатических стратегий в международных институтах, направленное на сдерживание мощи крупного государства в регионах мира¹⁵.

Таким образом, мягкое балансирование предполагает формирование дипломатических коалиций в международных институтах. Как следует из анализа военного кризиса в Сирии и имевшей место позже политической нестабильности в Венесуэле, Китай в своём противостоянии с Соединёнными Штатами принял за основу именно эту стратегию. Она принесла видимый результат – благодаря значительному повышению активности в работе заседаний Совета Безопасности ООН и укреплению координации и дипломатического сотрудничества с Россией, Китай не позволил Соединённым Штатам и странам Запада вторгнуться в Сирию под предлогом защиты мирного населения, а также свергнуть законное правительство Н. Мадуро в Венесуэле¹⁶.

В процессе подготовки резолюций Вашингтон зачастую стремится продвинуть два ключевых пункта. Первый – осуждение правительства той или иной страны, второй – отсылка на главу VII Устава ООН. Первый является для США своеобразной «программой-минимум» – осуждение действий режима может потенциально привести к санкциям, которые, в свою очередь, открывают путь к вооруженной интервенции, как это было в случае с Ливией. «Программой-максимум» является отсылка на главу VII Устава ООН, имевшую в прошлом примеры расширительного толкования – например, в Югославии. Обе «программы» в настоящее время недопустимы ни для Китая, ни для России, занимающих фактически идентичные позиции по большинству проблем международного характера. В этой связи стоит отметить, что позиции США и

стран Запада после случая с Ливией стали не просто несовместимы с позицией Китая и России по подобным случаям – они стали взаимоисключающими. Ни по Сирии, ни по Венесуэле достигнуть консенсуса было невозможно, т.к. переговоры по проектам резолюций представляли собой игру с нулевой суммой.

Эти два случая является доказательством того, что стратегия Пекина в Совете Безопасности ООН качественно эволюционировала, став более решительной. Тот факт, что Китай использовал право вето по важному для Вашингтона вопросу, говорит о его растущей силе и подтверждает тезисы исследователей-синологов о том, что страна готова принимать более активное участие в международных делах и имеет все возможности – экономические, политические, дипломатические – защитить свои интересы. Конкретно в Совете Безопасности ООН Китай принял на вооружение стратегию «мягкого балансирования».

Подводя итог, следует подчеркнуть, что внешнеполитическая линия КНР в Совете Безопасности ООН при Си Цзиньпине не претерпела существенных изменений от таковой Ху Цзиньтао, что доказывается продолжением линии по Сирии после 2013 года и случаем Венесуэлы, по которому КНР и Россия вновь выступили вместе против попыток Вашингтона и стран Запада изменить режим в стране, продвинув порядок, основанный на правилах. Думается, что случай с Венесуэлой ещё более показателен, нежели случай с Сирией, т.к. борьба с режимом Мадуро – долгосрочная стратегия США, которой придерживается любое правительство вне зависимости от его принадлежности к демократической или республиканской партии, что лишь подчеркивает важность вопроса.

В настоящее время стратегия поведения Пекина как в Совете Безопасности ООН, так и во внешней политике всё меньше и меньше характеризуется принципом Дэн Сяопина «таогуан янхуэй». Проведённый анализ позволяет заявить о том, что с ростом внешнеполитических амбиций Пекина его стратегия «мягкого балансирования» в будущем, вероятно, эволюционирует в ещё более решительный подход.

¹⁵ Paul, T.V. Soft Balancing in the Age of U.S. Primacy // *International Security*, 2005, Vol. 30, No. 1, pp. 54-65.

¹⁶ Проект резолюции S/2019/186 от 28 февраля 2019 г. (UNSC Draft Resolution S/2019/186 – February 28, 2019) / Организация Объединённых Наций. Режим доступа: <https://undocs.org/ru/S/2019/186>.

Литература:

Garwood-Gowers, Andrew. China and the 'Responsibility to Protect': The Implications of the Libyan Intervention / *Asian Journal of International Law*, 2012. Vol. 2, No. 2, pp. 375-393.

Lipton, Merle. Understanding South Africa's Foreign Policy: The Perplexing Case of Zimbabwe // *South African Journal of International Affairs*, 2009, pp. 331-346.

Pape, Robert. Soft Balancing against the United States // *International Security*, 2005, Vol. 30, No. 1, pp. 7-13.

Paul, T.V. Soft Balancing in the Age of U.S. Primacy // *International Security*, 2005, Vol. 30, No. 1, pp. 54-65.

Ren, Mu. China's Non-Intervention Policy in UNSC Sanctions in the 21st Century: The Cases of Libya, North Korea, and Zimbabwe / *Ritsumeikan International Affairs*, 2014, Vol.12, pp. 101-134.

Sun, Yun. Syria: What China has Learned from its Libya Experience / *Asia Pacific Bulletin*, 2012, No. 152.

Zhang, Baohui. Chinese Foreign Policy in Transition: Trends and Implications // *Journal of Current Chinese Affairs*, 2010, pp. 39-44.

References:

Garwood-Gowers, Andrew. China and the 'Responsibility to Protect': The Implications of the Libyan Intervention / *Asian Journal of International Law*, 2012. Vol. 2, No. 2, pp. 375-393.

Lipton, Merle. Understanding South Africa's Foreign Policy: The Perplexing Case of Zimbabwe // *South African Journal of International Affairs*, 2009, pp. 331-346.

Pape, Robert. Soft Balancing against the United States // *International Security*, 2005, Vol. 30, No. 1, pp. 7-13.

Paul, T.V. Soft Balancing in the Age of U.S. Primacy // *International Security*, 2005, Vol. 30, No. 1, pp. 54-65.

Ren, Mu. China's Non-Intervention Policy in UNSC Sanctions in the 21st Century: The Cases of Libya, North Korea, and Zimbabwe / *Ritsumeikan International Affairs*, 2014, Vol. 12, pp. 101-134.

Sun, Yun. Syria: What China has Learned from its Libya Experience / *Asia Pacific Bulletin*, 2012, No. 152.

Zhang, Baohui. Chinese Foreign Policy in Transition: Trends and Implications // *Journal of Current Chinese Affairs*, 2010, pp. 39-44.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10035

THE PRC'S UNSC POLICY EVOLUTION

Arthur M. Galimullin

MGIMO University,
Moscow, Russia

Article history: <i>Received:</i> 13.04.2021 <i>Sent for editing:</i> 22.04.2021 <i>Accepted:</i> 31.05.2021	Abstract: The article analyzes the evolution of the PRC's policy in the UNSC under Hu Jintao (2003 – 2013) and Xi Jinping (2013 – present) based on the country's veto exercising pattern. A study of resolutions and meeting transcripts on the cases of the DPRK, Iran, Myanmar, Zimbabwe, and Syria proves that China's UNSC veto policy has drastically changed by the end of Hu Jintao's tenure as President – it has become bolder in comparison with that in the early 2000s. An analysis of the veto use after 2013 testifies to the fact that Xi Jinping not only continued the line of his predecessor in the UNSC, but also further developed into an even more proactive one. The cause of such a change lies within two key factors: a significant increase in the PRC's capabilities in the international arena, and the adverse effect of the adoption of Resolution 1973 (2011) on Libya. Operating in the UNSC, China is currently guided by the "soft balancing" strategy designed to compete with the United States in the zones of its interests without using military methods, but rather by creating coalitions within international institutions. In the near future, it is possible that this "soft" approach might evolve into a more rigid one.
About the author: Master Student, MGIMO University e-mail: galimullin.a.m@my.mgimo.ru Key words: China; United Nations Security Council; Hu Jintao; Xi Jinping; Syria; Libya; Venezuela	

Для цитирования: Галимуллин А.М. Эволюция внешнеполитической линии КНР в Совете безопасности ООН // *Сравнительная политика*. 2021. № 3. С. 186-191.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10035

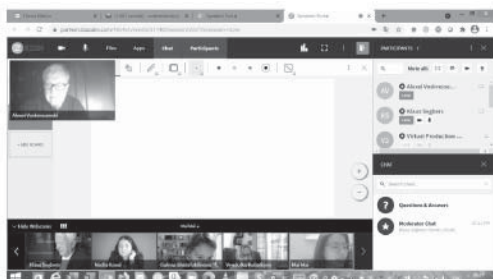
For citation: Galimullin, Arthur M.. Evolyutsiya vneshnepoliticheskoy linii KNR v Sovete bezopasnosti OON (The PRC's UNSC Policy Evolution) // *Comparative Politics Russia*, 2021, No. 3, pp. 186-191.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10035

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

КРУГЛЫЙ СТОЛ НА КОНВЕНТЕ-2021 АССОЦИАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ С УЧАСТИЕМ МГИМО

На Всемирном Конвенте Ассоциации международных исследований ISA-2021 прошел круглый стол «*Reconsidering “Westernness” in International Relations: Balancing Diversity*». Среди обсужденных вопросов определение и разделение понятий «вестернизации» и «западности» (“westernness”), вопросы преподавания и исследования международных отношений в разных странах, общих стандартов качества в разнотипных обществах и культурных макрорегионах. Обсуждались проблемы плюрализма, незападных теорий МО, методологической «нейтральности» / предвзятости, количества / качества исследований. В обсуждении участвовали профессора Королевского Колледжа (King’s College) Великобритании, Киевского Института экономики, Свободного Университета Берлина (Freie Universität Berlin), Университета Майями (University of Miami) / Пражского Института экономики, ISA / Вьетнамского Института экономики, Центр комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО Университета.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ ПО ПРОБЛЕМАМ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

23 марта 2021 г. прошел международный круглый стол по проблемам исследования и преподавания международных отношений. Среди обсужденных вопросов ситуация с преподаванием международных отношений в разных странах, общие стандарты качества исследований и преподавания, методология преподавания в разнотипных обществах и культурных макрорегионах, проблема плюрализма подходов, не западных теорий МО, методологической «нейтральности» / предвзятости, количества / качества исследований. В обсуждении приняли участия профессора из Королевского Колледжа (King’s College) Великобритании, Киевского Института экономики, Свободного Университета Берлина (Freie Universität Berlin), Университета Майями (University of Miami) и Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО Университета.

КРУГЛЫЙ СТОЛ «КИТАЙСКИЙ ТРАНЗИТ: ЭКОНОМИЧЕСКОЕ, ВОЕННОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЯ»

2 апреля 2021 г. состоялся круглый стол «Китайский транзит: экономическое, военное и политическое измерения», организованный совместно Центром комплексного китаеведения и региональных проектов (ЦККиРП) МГИМО и научно-образовательной секцией исследований Китая школы востоковедения факультета мировой экономики и мировой политики (ШВ ФМЭ и МП) НИУ ВШЭ.

Тематика обсуждения опиралась на фундаментальные работы, увидевшие свет в последние годы под редакцией профессора А.Д. Воскресенского: «Is Non-Western Democracy Possible? A Russian Perspective» и «Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы», а также вышедшее в свет в конце 2020 г. новейшее международное исследование «China’s Infinite Transition and its Limits: Economic, Military, and Political Dimension». Основными докладчиками выступили эксперты, принимавшие участие в написании последней монографии, – сотрудники Центра комплексного китаеведения и региональных проектов: директор ЦККиРП МГИМО А.Д. Воскресенский и главные научные сотруд-

ники М.В. Карпов и М.Б. Кашин. Экспертами – дискуссантами выступили известные отечественные китайеды, востоковеды, международники: профессор РАН, член международного научно-экспертного совета при Центре комплексного китайедения и региональных проектов А.В. Ломанов, член международного научно-экспертного совета при Центре комплексного китайедения и региональных проектов В.Г. Дацышен, профессор ШВ ФМЭ и МП НИУ ВШЭ, руководитель Школы востоковедения ФМЭ и МП НИУ ВШЭ А.Н. Карнеев. Модерировала работу круглого стола руководитель Научно-образовательной секции исследований Китая Школы востоковедения ФМЭ и МП НИУ ВШЭ А.А. Сизова.

Выступление профессора А.Д. Воскресенского было посвящено структурному системному анализу достижений и проблем КНР в контексте мирового развития, а также вызовам, связанным с продолжением и углублением преобразований. Затрагивалась проблематика сущности и эволюции «китайской модели» при переходе от «эпохи Дэн Сяопина» к «эпохе Си Цзиньпина», были даны прогнозы ее развития. Большое внимание было уделено аспектам внешней политики КНР, в частности, в контексте усложняющейся динамики американо-китайских отношений. Выступление М.В. Карпова сфокусировалось на объяснении термина «незаконченный транзит» и политико-экономическим причинам частичного отказа Си Цзиньпина от институционального и практического наследия Дэн Сяопина. Были затронуты вопросы политической экономики социально-экономических преобразований в КНР, был показан их общенсторический, системный контекст. В.Б. Кашин в своем выступлении подробно остановился на политико-институциональных преобразованиях в НОАК в период правления Си Цзиньпина. В ходе развернувшейся дискуссии обсуждались вопросы воздействия потенциальных санкций США на внутреннюю и внешнюю политику КНР, концептуальные установки партийно-государственного руководства КНР и их конкретное социально-экономическое и политическое содержание, демографические проблемы КНР, а также отношение КНР к социально-политическому кризису в Мьянме и ключевые институциональные аспекты военного строительства в современном Китае.

На круглом столе была также анонсирована новая книга ЦКК и РП «Логика новой мироустройственной архитектуры и стратегии держав» под редакцией профессора А.Д. Воскресенского.

В работе круглого стола приняли участие более 50 экспертов, аналитиков, журналистов, аспирантов и студентов МГИМО и НИУ ВШЭ.

КРУГЛЫЙ СТОЛ «СОБЫТИЯ В МЬЯНМЕ В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ КРУПНЫХ ДЕРЖАВ В РЕГИОНЕ»

15 марта 2021 г. Центр комплексного китайедения и региональных проектов и Центр АСЕАН МГИМО Университета провели совместный круглый стол «События в Мьянме в контексте взаимоотношений крупных держав в регионе».

В заседании круглого стола участвовали эксперты из различных учреждений и научно-исследовательских институтов: Чрезвычайный и Полномочный Посол, вице-президент Российского совета по международным делам Г.А. Ивашенцов; доцент кафедры истории стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова А.Е. Кириченко; руководитель Группы Южной Азии и региона Индийского океана ИМЭМО РАН А.В. Куприянов; заместитель директора по научной работе, руководитель Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН А.В. Ломанов; руководитель Центра изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН Д.В. Мосяков; исследователь международных отношений в АТР Н.Ю. Мурашкин (Токио, Япония); научный сотрудник Российского института стратегических исследований Г.А. Сизов; ведущий научный сотрудник Центра изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН А.А. Симония, представители МИДа.

Со стороны МГИМО в мероприятии участвовали директор Центра комплексного китайедения и региональных проектов, профессор кафедры востоковедения А.Д. Воскресенский; директор Центра АСЕАН В.В. Сумский; профессор кафедры востоковедения, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН С.И. Лунев; главный научный сотрудник Центра комплексного китайедения и региональных проектов М.В. Карпов; главный научный сотрудник Центра В.Б. Кашин; ведущий эксперт Центра АСЕАН, доцент кафедры востоковедения МГИМО Е.В. Колдунова; доцент кафедры востоковедения, научный сотрудник Центра комплексного китайедения и региональных проектов МГИМО К.А. Ефремова; доцент кафедры востоковедения, научный сотрудник Центра А.А. Киреева; старший преподаватель кафедры мировых политических процессов, сотрудник Центра Д.А. Кузнецов; аналитик Центра АСЕАН В.В. Вершинина. Модерировали дискуссию Е.В. Колдунова и А.А. Киреева.

Открыла обсуждение вступительная презентация К.А. Ефремовой «События в Мьянме и региональные последствия: что надо знать России». В ней, в частности, были затронуты вопро-

сы об истоках нынешнего политического кризиса в Мьянме и перспективах его урегулирования, рассмотрены позиции противоборствующих сторон и возможности достижения компромисса между ними, освещена роль внешних факторов (в частности, Milk Tea Alliance) в развитии внутривнутриполитической ситуации в Мьянме.

После выступления К.А. Ефремовой состоялась дискуссия по первому блоку вопросов, связанных с внутривнутриполитической и внутривнутриэкономической динамикой в Мьянме накануне и после переворота, а также с реакцией стран АСЕАН и самой Ассоциации на события в Мьянме. Были высказаны различные точки зрения по поводу степени управленческой политическими процессами в Мьянме на данном этапе, обсуждался вопрос о том, в какой степени военные и Национальная лига за демократию пользуются поддержкой населения и каких его сегментов, обсуждались экономические и внешнеполитические последствия событий 1 февраля и судьбы демократических трансформаций не только в Мьянме, но и в Юго-Восточной Азии в целом.

Во второй части мероприятия участники круглого стола обсудили вопросы, связанные с взаимодействием Мьянмы с крупнейшими региональными и внерегиональными державами – с Китаем, Индией, Японией, США, ЕС и Россией. По взаимоотношениям Мьянмы и КНР обсуждался широкий круг вопросов: какова реакция Китая на военный переворот в Мьянме, как можно охарактеризовать отношения КНР с Национальной лигой за демократию и Аун Сан Су Чжи с одной стороны и военными с другой стороны, какова роль Китая в сфере военных и нетрадиционных измерений безопасности в контексте ситуации в Мьянме, каково отношение различных групп элиты и населения в Мьянме к КНР и чем оно вызвано, насколько развиты экономические отношения Китая и Мьянмы, каковы цели реализации китайской Инициативы пояса и пути в Мьянме, в какой стадии реализации находятся проекты в рамках китайско-мьянманского экономического коридора, и в чем причины его только частичной реализации, какие вызовы стоят перед Мьянмой при экономическом взаимодействии с КНР, какие последствия нестабильность в Мьянме может иметь для Китая, как оценивать события в Мьянме с точки зрения китайско-американского стратегического противостояния и конкуренции за страны АСЕАН.

Собравшиеся проанализировали вопросы позиций западных стран (США и ЕС) в отношении Мьянмы и перспективы введения санкций или других мер поддержки протестующих против военного правления с точки зрения повестки продвижения демократии. Участники круглого стола рассмотрели также тему политики Индии в отношении Мьянмы, ее целей и приори-

тетов, характера отношений Индии с разными фракциями, роли Мьянмы в индийской политике в отношении региона Индийского океана и Индо-Тихоокеанской стратегии и в системе взаимоотношений в Восточной и Южной Азии, фактора рохинджа в индийско-мьянманских отношениях, взаимодействии Индии и Мьянмы в контексте индийско-японского сотрудничества и индийско-китайской стратегической конкуренции. Оценили исследователи и реакцию Японии на события в Мьянме, роль Японии как одного из ключевых экономических партнеров Мьянмы, характер и качественные характеристики проектов и экономических коридоров (экономического коридора Восток – Запад и Южного экономического коридора), в реализации которых участвует Япония, интересы Японии в Мьянме и ее роль в контексте японской Индо-Тихоокеанской стратегии и взаимодействия с Таиландом, а также обратили внимание на различия в реализации китайского Пояса и пути и японских экономических проектов в Мьянме (как географическую, так и содержательную). Участники круглого стола также затронули вопросы значения данной проблематики для России.

Итоги круглого стола подвели директор Центра АСЕАН В.В. Сумский и директор Центра комплексного китаеведения и региональных проектов А.Д. Воскресенский.

КОНФЕРЕНЦИЯ «MEGATRENDS IN ASIA»

6–7 мая 2021 г. прошла международная конференция «Megatrends in Asia» Восточного центра бизнеса и инноваций (OBIC), на которой в качестве одного из главных докладчиков (key-note speaker) выступил директор Центра комплексного китаеведения и региональных проектов, профессор кафедры востоковедения, главный редактор журнала «Сравнительная политика» А.Д. Воскресенский.

Международная конференция «Megatrends in ASIA» – главный совместный международный проект Будапештской бизнес-школы (the Budapest Business School), Университета прикладных исследований (University of Applied Sciences) и Национального Банка Венгрии (Hungarian National Bank), собирающий поли-

тиков, аналитиков и исследователей со всего мира для анализа мегатрендов Азии на международной платформе, исследований в области международных отношений, международного бизнес-менеджмента, финансовых и политико-экономических процессов.

В докладе «China Megatrends: How to Consider?» профессор А.Д. Воскресенский показал, как связаны глобальные и азиатские мегатренды, обосновал концепцию макрорегиональных трансформаций потенциально глобального характера, проанализировал китайские мегатренды, показал возможные глокальные последствия этого процесса. Доклад собрал более 60 участников и вызвал оживленную сессию вопросов и ответов

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «КИТАЙ И СОПРЕДЕЛЬНЫЙ МИР: ПОСТ-КОВИДНАЯ ЭПОХА И ЛОГИКА НОВОЙ МИРОУСТРОИТЕЛЬНОЙ АРХИТЕКТониКИ»

30 ноября 2020 г. в Центре комплексного китаеведения и региональных проектов и при информационной поддержке журнала «Сравнительная политика» состоялась международная конференция и круглый стол на тему «Китай и сопредельный мир: пост-ковидная эпоха и логика новой мироустроительной архитектуры».

Круглый стол был посвящен обсуждению только что вышедшей из печати престижного международного издательства Palgrave Macmillan книги «China's Infinite Transition and its Limits» (Alexei D. Voskressenski, Mikhail Karpov, and Vasily Kashin).

Авторы книги директор ЦКК и РП А.Д. Воскресенский (ответственный редактор) и главные научные сотрудники М.В. Карпови В.Б. Кашин рассказали о задачах, структуре и основной проблематике исследования. В обсуждении приняли

участие начальник департамента стратегических исследований Национального университета государственной службы и президент Венгерской академии военных наук Золтан Сенеш, профессор Принстонского университета Гилберт Розман, профессор Королевского колледжа Великобритании Керри Браун, профессор Уитон-Колледжа и старший научный сотрудник Центра им. Дэвиса Гарвардского университета Джин Уилсон, профессор Университета Луисвилла Чарльз Зиглер.

Далее выступающие сконцентрировались вокруг проблематики специализированных номеров журнала «Сравнительная политика»: «Китай как глобальный фактор: сравнительный анализ вариантов ответов» (2020, Т.11, №2) и «Логика новой мироустроительной архитектуры и поиск Китаем своего места (I, II)» (2020, Т. 11, №4; 2021, Т. 12, №1). От МГИМО выступили доцент кафедры востоковедения, ведущий эксперт Центра АСЕАН и заместитель главного редактора журнала «Сравнительная политика» Е.В. Колдунова, директор Центра Северо-Восточной Азии и ШОС ИМИ МГИМО А.В. Лукин.

В работе конференции приняли участие 45 человек, среди которых профессор Токійского университета Акио Такахара, заведующий Отделом ИМЭМО И.В. Данилин, директор Центра ИДВ РАН, профессор РУДН А.В. Виноградов, ведущие научные сотрудники ИМИ МГИМО И.Е. Денисов и А.Д. Дикарев, старший научный сотрудник ИВ РАН В.В. Макаренко, старший научный сотрудник РИСИ Е.Н. Румянцев, директор Центра многостороннего сотрудничества и евразийской интеграции РСПП С.В. Михневич, аспиранты Национального университета госслужбы Венгрии Мадина Игибаева и Моранд Ким, Института Китая Королевского Колледжа Великобритании, сотрудник Педагогического университета Гонконга Фрэнк Вонг, аспиранты и студенты МГИМО и другие участники.

НА КНИЖНОЙ ПОЛКЕ

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЦЕНТРА КОМПЛЕКСНОГО КИТАЕВЕДЕНИЯ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ МГИМО УНИВЕРСИТЕТА

Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы / под ред. А.Д. Воскресенского; Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации». М.: Стратегические изыскания, 2019. 736 с.

The Development Model of Contemporary China: Appraisals, Discussions, Prognostications. Ed. by Alexei D. Voskressenski. Moscow: MGIMO University / Strategic Research / Strategicheskkiye Izyskaniya, 2019. 733 p.

The book makes a comprehensive analysis of modern China's model of development. The team of authors analyzing the main dimensions of the modern development model of the PRC encompasses practically all the leading Sinology departments of Moscow and St. Petersburg; it consists of four generations of Russian researchers, as well as well-known Chinese researchers.

**Alexei D. Voskressenski,
Mikhail Karpov, Vassily Kashin.
China's Infinite Transition and its
Limits: Economic, Military and
Political Dimensions / Ed. by
Alexei D. Voskressenski.
Springer Global (Singapore):
Palgrave MacMillan, 2020. 120 p.**

The book examines the main aspects of Chinese modernization in key areas – economy, politics, and military affairs offer a new conceptual understanding of China's modernization. It shows the main features, strengths, and weaknesses of this modernization. The original research material is brand new: it has not been presented to the Russian and international scientific-analytical community before.

CONTENTS:

Introduction

China's Economic Reform Pattern: Fundamentals of "Infinite" Transition

"Incremental Transition" Chinese Style: Origins, Theoretical Principles, and Expectations

Devil in Details. "Incremental Transition" That Never Happened

*Dynamics of "Multiple-Track" Regulatory Design
Macroeconomic Management with "Chinese Characteristics"*

Fundamentals of "Infinite Transition" and Xi Jinping's "New Normal"

Resources, Trends, and Goals of Chinese Military Modernization

The Military Reform and the Internal Politics of China

New Structure of Central Military Commission

Centralizing the Internal Security

*New Capabilities to Operate During the Crises
New Chinese Military: Extreme Centralization
Under Personal Control of the Top Leader*

Limits for Continuity and Change in Political Transformations

Xi Jinping's Rising to the Top of Chinese Political Hierarchy

Evolution of China's Political System in the Course and After 19 Congress of the CPC

New Policy of Improving Young Cadres

Xi Jinping as "the Core of China's Leadership"

How to Assess an Evolution of Chinese Political Systems?

Conclusion

References

Index

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

При направлении материалов в журнал просим Вас соблюдать следующие требования.

Редакционный совет и редакция журнала рассматривают *авторские рукописи оригинального характера, содержащие результаты исследований, не публиковавшиеся ранее и не принятые к публикации другими журналами, основанные на методах сравнительно-политического и сравнительно-исторического анализа*. К публикации принимаются статьи (20000–75000 печатных знаков со всеми сносками и пробелами), рецензии на недавно вышедшие научные издания (до 25000 знаков), а также заметки о важнейших событиях в мире политической науки (до 15000 знаков). Рукописи должны быть отредактированы и соответствовать научному стилю речи.

Материалы необходимо присылать на сайт www.comparativepolitics.org с обязательной регистрацией на сайте и копией на электронную почту [sravitpolit@mail.ru](mailto:sravnitpolit@mail.ru), или представить в редакцию на электронном носителе (119454, Москва, пр-т Вернадского 76, МГИМО МИД России).

Внимание! В редакторский цикл включаются рукописи, соответствующие всем требованиям к содержанию и комплектности:

Правила оформления статьи:

- формат doc, docx; A4, интервал – 1,5;
- размер шрифта – 14;
- ссылки постраничные: шрифт – 12, интервал – 1;
- в конце статьи – полный список литературы в алфавитном порядке на русском и английском языке (с транслитерацией и переводом);
- поля: слева – 3 см, сверху, справа и снизу – 2 см;
- все таблицы, графики, схемы, рисунки должны редактироваться в Microsoft Word, быть пронумерованы, озаглавлены, иметь перевод названия на английский язык и ссылки в тексте;

Комплектность статьи:

- заглавие статьи на русском языке прописными (заглавными) буквами (должно быть коротким, отражать суть исследовательской проблемы);
- фамилия, имя, отчество автора(ов);
- резюме статьи на русском языке (200-250 слов);
- ключевые слова (7-12 слов на русском языке);
- основной текст статьи;
- информация об авторе (ФИО полностью, научные звания, должность, место работы (с указанием почтового адреса), научная специализация, e-mail);
- заглавие статьи на английском языке прописными (заглавными) буквами;
- имя фамилия (английская транскрипция);

- abstract (резюме на английском языке, 200-250 слов);
- key words (7-12 слов на английском языке);
- about the author (на английском языке: ФИО, научные звания, должность, место работы и почтовый адрес, научная специализация, e-mail);
- иные материалы – по согласованию с редакцией.

В редакцию необходимо направлять два файла статьи – один, содержащий всю информацию об авторе (см. выше), один – без идентификации автора для анонимного рецензирования экспертами в данной области.

Принятие статьи к рассмотрению не означает гарантии ее публикации, поскольку она проходит этап рецензирования и редактирования. Редакция оставляет за собой право на редактирование и сокращение материалов.

Правила оформления ссылок:

Библиографические данные литературы в сносках оформляются в соответствии с ГОСТ 7.1 и ГОСТ 7.82.

Русскоязычная литература обязательно должна быть транслитерирована латиницей с переводом названия на английский язык. Примеры и требования оформления литературы смотрите на сайте журнала: <https://www.comparativepolitics.org/jour/about/submissions#authorGuidelines>

Транслитерировать можно автоматически с помощью сайта translit.ru; режим транслитерации следует выбрать LC (Library of Congress).

При несоблюдении перечисленных требований присланные материалы не рассматриваются.

GUIDE FOR THE AUTHORS

Submissions should comply with the following requirements.

Editorial Board and Editorial Council consider *original research works from all subfields of Political Science based on a method of political or historical comparison on the strict condition that they have not been published yet or accepted for publication in other journals*. The journal publishes different types of manuscripts: a) articles (20000–75000 typographical units including footnotes and whitespaces); b) book reviews (up to 25000 typographical units); c) notes on significant events in Political Science (up to 15000 typographical units). Manuscripts must be properly edited and written in an academic style.

Works must be submitted to the journal's website www.comparativepolitics.org with e-mail copy ([sravitpolit@mail.ru](mailto:sravnitpolit@mail.ru)), or delivered to the Editorial office in hard and

electronic copies (76, Prospect Vernadskogo, MGIMO-University, Moscow, 119454, Russia).

Working with your texts, please, proceed from the following format parameters:

- doc, .docx; A-4 format, interval – 1,5;
- font size – 14;
- footnotes: font size – 12, interval – 1;
- Literature List / References in alphabet order;
- margins: left – 3 cm, upper, lower and right – 2 cm;
- tables, charts, diagrams, pictures should be edited in Microsoft Word, have numbers, titles and references in the text.

Please, verify the compliance of materials with the following structure of an article:

- Title in English in capital letters (should be short and reflect the research problem);
- Surname and author(s) initials;
- Abstract (in English, 200-250 words);
- Key words (in English, 7-12 words);
- Main body of the text;
- About the author (in English) (name, surname, academic ranks, position, institution/affiliation and its address, research field, e-mail);
- Title in Russian in capital letters;
- Surname and author(s) initials (Russian transcription);
- Abstract (in Russian, 200-250 words);

- Key words (in Russian, 7-12 words);
- About the author (in Russian) (name, surname, academic ranks, position, institution/affiliation and its address, research field, e-mail);
- Other materials – by agreement with the Editorial office.

Please, send two files of an article – one containing an article and information about the authors, another – without information about the authors for anonymous peer reviewing by experts in a respective field.

Accepting an article the Editorial Board and Council reserve the right to edit and to reduce a text as well as to reject publishing after peer reviewing and editing.

Footnotes requirements:

Footnotes in Russian should follow Russian national standards ГОСТ (GOST) 7.1 and ГОСТ (GOST) 7.82, in English – “Scopus” journals requirements. Russian titles of articles and books are transliterated in Latin letters and translated into English. Literature guide is available at journal web-site:

<https://www.comparativepolitics.org/jour/about/submissions#authorGuidelines>

One can transliterate automatically using www.translit.ru website and choosing “LC” (Library of Congress) transliteration regime.

Submissions which violate these requirements will be rejected.

ПОДПИСКА

Сравнительная политика

Индекс по каталогу:

«Роспечать» – 37237

Периодичность в год – 4, 150 стр.

Стоимость одного номера при подписке
через редакцию – 450 руб.

Журнал посвящен актуальным проблемам политической жизни России. Рассматриваются вопросы взаимодействия между законодательной, судебной и исполнительной властью, политическими элитами другими субъектами российской политики, а также такие проблемы, как становление правового государства и гражданского общества, демократизация и демократический транзит, модернизация и политические режимы, структурные реформы политической, партийной и избирательной систем.

Извещение Кассир	Форма № ПД-1 ООО "Юридическая периодика" наименование получателя платежа 7705790921 40702810500000010326 ИНН получателя платежа (номер счета получателя платежа) в ПАО Банк ЗЕНИТ г. Москва БИК 044525272 (наименование банка получателя платежа) Номер кор./сч. банка получателя платежа: 30101810000000000272 Подписка на журнал «Сравнительная политика», 2022 (наименование платежа) (номер лицевого счета (код)плательщика) Ф.И.О. плательщика _____ Адрес плательщика: _____ Сумма платежа _____ руб. 00 коп. Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп. Итого _____ руб. _____ коп. " " 20 ____ г. С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен Подпись плательщика: _____
Квитанция Кассир	Форма № ПД-1 ООО "Юридическая периодика" наименование получателя платежа 7705790921 40702810500000010326 ИНН получателя платежа (номер счета получателя платежа) в ПАО Банк ЗЕНИТ г. Москва БИК 044525272 (наименование банка получателя платежа) Номер кор./сч. банка получателя платежа: 30101810000000000272 Подписка на журнал «Сравнительная политика», 2022 (наименование платежа) (номер лицевого счета (код)плательщика) Ф.И.О. плательщика _____ Адрес плательщика: _____ Сумма платежа _____ руб. 00 коп. Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп. Итого _____ руб. _____ коп. " " 20 ____ г. С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен Подпись плательщика: _____

Центр редакционной подписки:
тел. (495) 617-18-88 (многоканальный)
8-800-333-28-04 (по России бесплатно)